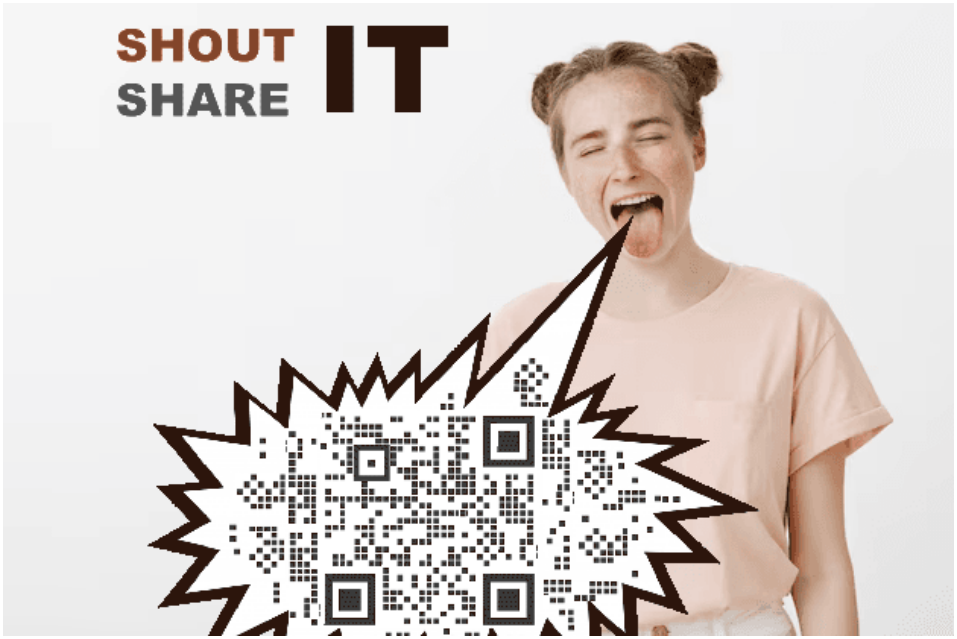
НАЦ БЕСТ

НАЦИОНАЛЬНЫЙ БЕСТСЕЛЛЕР

МИХАИЛ АНТОНОВ

ДОГОВОРИТЬСЯ С НАРОДОМ


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Литературное творчество Михаила Федоровича Антонова, видного экономиста, публициста, философа, многогранно. Одним из первых много лет назад он забил тревогу о том духовно-нравственном тупике, в который будет ввергнута Россия. Но даже сейчас, когда, кажется, нашу страну ждет незавидная участь, крах по всем направлениям, о чем говорят и пишут открыто все кому ни лень, Михаил Федорович не впадает в пессимизм, предвидит спасительное будущее России и ее народа. Для этого, считает он, всего-то и надо использовать новые подходы в экономике, включающие духовную составляющую, что позволит нашему государству стать мировым лидером в XXI веке.

В новую книгу М.Ф. Антонова вошли его работы по философии и истории, статьи о Пушкине и Гоголе, актуальная публицистика о временах правления В.Путина.

- Антонов М.Ф.
  - Литературоведение
    - Николай Гоголь – гениальный украинский русскоязычный писатель
      -
      - Гость с Украины наставляет хозяев
      - «Личность Гоголя
      - Антирусская направленность «Вечеров» и «Петербургских повестей»
      - За какую Русь и за какую веру боролись и умирали казаки
      - Украинцы покоряют Москву и Петербург
      - «Портрет» как автопортрет Гоголя
      - Осмеяние пороков или основ государства?
      - В мире мертвых душ
      - Чичиков – типичный русский человек?
      - Выбраненные «Выбранные места»
      - Блистательные образцы полемики
      - Кого дальше повезет «Птица-тройка»?
      - Политическая экономия Константина Костанжогло
      - А величавых героев по-прежнему нет
      - Крушение надежд на второй том
      - Судьба второго тома и смерть Гоголя
      - Гоголь, Чичиков и христианский идеал
      - Важнейший пробел в русской литературе

        - Кто и за что ценит Гоголя?
    - Уроки Пушкина, или Каким надо стать русскому человеку
        - Пушкин и наши дни
        - Сколько веков ждать русским расцвета?
        - Русский кодекс чести
        - Люди русского характера
        - Бог и бессознательные богоборцы
        - «Германны» наших дней
        - Быть ответственными!
        - Убивать «германнов» смехом!
        - Изучать Пушкина по его творениям, а не по спектаклям
        - Дорогу – самоотверженным!
- Религия, философия
    - Философия краха, или Крах философии
    - Обновленчество в Русской Православной Церкви
        - Огневые двадцатые
        - Ультиматум
        - Чего же добивались обновленцы?
        - Решение о созыве Поместного Собора
        - Провинция отвечает столице
        - Новое епархиальное управление
        - Между двух огней
        - Чуть-чуть об итогах
    - 2000 лет христианской революции
- История
    - Руси – 1150 лет, а России – 850!
        - К вопросу о юбилее российской государственности
        - История России – это история русских
        - Кто такие варяги?
        - Послеримская Европа – продукт германских завоеваний
        - Особенности завоевания Руси германцами
        - Появление русского народа
        - Андрей Боголюбский – основатель Русского государства
        - Русь Северо-Восточная – антипод Руси Южной
        - Так сколько же лет российской государственности?
        - Россия – без исторической науки
        - Не норманнская теория, а русская

историософия
- Актуальная публицистика
  - Новый Путин: многие вздрогнут…
    -
    - Невидимая война
    - Становление буржуазной России
    - Путин, «новый нэп», двоевластие
    - Новый «Год великого перелома», и снова «раскулачивание»?
    - Вашингтонский обком отдал приказ
    - Либералы приняли приказ к исполнению
    - Нэпманы мобилизуют силы
    - Новый «Манифест 17 октября»
    - Есть ли перспективы у либеральной контрреволюции в России?
    - Обуздание нэпманов или перевоспитание нации?
    - И в заключение – немного о мелочах
- Вместо автобиографии
  - Михаил Антонов – современный русский почвенник
  - Заметки недовольного
    -
    - Чем же я недоволен?
    - Немного предыстории
    - Недолгая карьера публициста
    - Я на страницах «ЛР»
    - В других газетах и журналах
    - Есть ли почва для сотрудничества с «ЛР»?
    - Сотрудничество с «Литературной»
    - О советской цивилизации
    - О Брежневе и брежневизме
    - О последнем бое Советов
    - На руинах ельцинизма
    - О Владимире Путине
    - Пять моих последних книг
    - Мечты, мечты…

Антонов М.Ф.
Договориться с народом. Избранное

Литературоведение

Николай Гоголь – гениальный украинский русскоязычный писатель

Юбилеи великих людей, тем более – гениальных писателей (особенно «круглые»), проходят, как правило, в атмосфере некоторой экзальтации. Произносятся волнующие речи, в которых восхваляются достижения гения, ораторы соревнуются в том, кто скажет слово поцветистее, покруглее и позабористее. Если же у гения были и неудачные творения, провалы, то о них в такие дни говорить не принято, а если и упомянут, то так, мимоходом. Сказать в эти дни прямо нечто противоположное тому, что общепринято, что уже устоялось в общественном мнении, так же неприлично, как откровенно, вызывающе «испортить воздух» в благородном собрании. Или, как говаривал один непопулярный ныне классик, это все равно, что крикнуть «Таскать вам не перетаскать!» при виде похоронной процессии.

Знал я, разумеется, все это, как и правило: упаси боже маленькому человеку говорить, а тем более писать что-либо критическое о великих людях в их юбилейную страду. Никто слушать не будет и уж, конечно, не напечатает. Зато заклюют, даже, процитировав вырванные фразы из только что поданной в редакцию, но неопубликованной, с негодованием отвергнутой рукописи, выставят в глазах общества, как невежу и невежду и обвинят в покушении на устои и святыню, если не в чем-либо еще более злодейском. И все-таки в 2009 году, когда мир широко отмечал 200-летие со дня рождения Николая Васильевича Гоголя, сунулся я было в одно почтенное издательство с проспектом книги о юбиляре, а в одну не менее почтенную литературную газету со статьей «Любящий недоброжелатель России» (о нем же). Слава богу, легко тогда отделался, получил только отказ, но ребра остались целы. Я даже гневной отповеди со стороны «современных напостовцев» не удостоился. Видно, очень уж они были заняты торжественными мероприятиями, и им было не до такой мелкой сошки, как я. Как и положено, во время торжеств было сказано и напечатано немало слов о гении мировой литературы, великом русском писателе.

Чего только не наговорили о произведениях Гоголя за время, прошедшее со дня его смерти, и каких только нелепостей не повторили в дни юбилея! Толкуют об эпопее, широкой картине русской жизни, о размышлениях над судьбами России, о тончайшем знании писателем глубин души русского человека и пр., и пр., и пр.! Но ведь это совершеннейшая несуразица! Это

хорошо понимал Владимир Набоков:

«Когда я читаю «Мертвые души», то мне никакого дела нет до того, брали ли чиновники взятки и были ли действительно такие жмоты, прохвосты и дураки среди русских помещиков. Ибо жизнь служила Гоголю, а не Гоголь жизни, или, еще яснее, Гоголь творил гоголевскую жизнь. И я подхожу к его «Мертвым душам», как подхожу к прекрасной картине – не рассуждая о том, как звалась флорентийская цветочница, послужившая для художника моделью мадонны». То есть «Мертвые души» – это игра фантазии Гоголя, для которой рассказанный ему анекдот лишь послужил толчком, «спусковым крючком».

Ведь и **сам** Гоголь всю творческую жизнь сетовал на то, что российская публика **совершенно превратно понимала и** пьесу «Ревизор», и поэму «Мертвые души», и «Выбранные места», и другие его произведения. Никогда Гоголь не был сатириком и юмористом, обличителем крепостного права и иных пороков России времен Николая I. Как не был и исследователем души русского человека, автором грандиозной панорамы России, пророком ее грядущего величия. У него просто не было субъективных данных для этого. Увы, дурная традиция живет и процветает, именно она отравила всю атмосферу прошедших торжеств.

России Гоголь не знал (почему – об этом чуть позже) и много раз публично в том признавался. И русского человека не понимал (и об этом – ниже). Никакой картины России не рисовал, он, наверное, рассмеялся бы, услышав такое толкование поэмы.

Я не собирался писать статью или книгу о жизни и творчестве Гоголя вообще, зная, что литература об этом гении необозрима. Да ведь я полностью согласен со всеми оценками величия этого гения художественного слова (и прошу иметь это в виду при чтении всего ниже помещенного текста), за одним единственным исключением: **Гоголь никогда не был русским писателем. Он – русскоязычный писатель из Малороссии.** Сердце его всегда принадлежало Украине, которую он любил беззаветно, причем Украине тогда уже иллюзорной, преимущественно времен расцвета казачества, буйной, хмельной и полной опасностей жизни Запорожской Сечи. А России и русских людей он не понимал и был способен представлять их лишь в карикатурном, просто смешном или жалком виде.

Любовь – высочайшее и благороднейшее из человеческих чувств, если она не укрепляется за счет принижения кого-то постороннего. К сожалению, **Гоголь часто (практически даже всегда) воспевал Украину (будь она в прошлом, XV—XVI веков, или в настоящем) за счет принижения русской**

(евразийской) культуры и русского (евразийского) человека. Вот почему многие мысли Гоголя вредили становлению русского национального самосознания и способны в еще большей степени усилить неадекватное восприятие России впредь (повторяю: говорю это при всем уважении к художественному гению Гоголя и восхищении многими страницами его творений).

При всей своей любви к Украине Гоголь понимал провинциализм тогдашней украинской жизни и культуры, а потому для карьеры в любом смысле этого слова надо ехать в Петербург. Именно так он и поступил, и в дальнейшем его творчество разворачивалось преимущественно в русской среде. (Примерно как Фазиль Искандер в XX веке.)

Да, **писал Гоголь больше всего о России, точнее говоря, на русскую тему, а это «две очень большие разницы». О России Гоголь писать не мог, потому что он ее не знал и не понимал** именно потому, что смотрел на нее прежде всего глазами восторженного почитателя казацкого «рыцарства».

И он невольно сравнивал ту героическую (в его понимании) и разгульную Украину с будничной, прозаической Россией, управляемой разными глупыми и самовлюбленными (с его точки зрения) «значительными» лицами («шайкой воров», как он напишет позднее), а главное – руководствовавшимися указаниями из Петербурга и тем самым подсознательно превращавшимися для него в представителей колониальной администрации. А указания этих вельмож выполняли безмозглые и вороватые чиновники. Неудивительно, что его симпатии неизменно оказывались на стороне родной Малороссии. Таким он явился на арене российской литературы, таким и ушел из жизни, окруженный русскими, не понимающий их и не понимаемый ими, хотя и почитаемый (часто сверх меры) многими из них. Гоголь не понимал Россию и русского человека, русская интеллигенция в массе своей не смогла понять глубинную суть творчества Гоголя.

Говорят, человек – единственное существо, которое может видеть то, чего нет, и не видеть того, что есть. Справедливость этой истины нашла очередное подтверждение как раз в отношении русской интеллигенции к творчеству Гоголя – как при его жизни, так и в дни недавних юбилейных торжеств. И сам характер этих торжеств многое говорит о нынешнем состоянии нашей страны и ее интеллектуальной и духовной жизни.

Жизнь и творчество Гоголя – это ни на минуту не прекращавшаяся трагедия. То, что было ему особенно дорого, проповедь, в которой он видел свою миссию и свое призвание, ему не удавалось и внимание широких кругов читателей не

привлекало. А те его гениальные творения, которыми восхищалась читающая Россия, а впоследствии и весь мир, он почитал за мелочи, недостойные его таланта, и намеревался отречься от них. Увы, многие литературные критики возводят на пьедестал слабые стороны наследия гения и обходят стороной его подлинные заслуги. Это, в общем-то, не удивительно, ибо такова судьба художника, если он творит в чуждом и отторгающем его мире.

Гоголь, как известно, собирался перевернуть мир, устроенный не так, как (по его мнению) нужно. И первым объектом такого переустройства (гоголевской «перестройки») он избрал Россию. Или, как лучше сказал Николай Скатов, «и в «Мертвых душах», и в «Ревизоре» он (Гоголь) прежде всего хотел обрести точку опоры, чтобы перевернуть целый мир, во всяком случае русский мир, в который он так верил и на который до конца надеялся» («ЛГ», № 14, 2009).

Строго говоря, все творчество Гоголя было попыткой «украинизации» (или, лучше сказать, «оказачивания») России. Он призывал ее свернуть с давно выбранного ею державного, евразийского пути на «истинный» казацко-анархический. Отсюда и многочисленные протесты русских читателей против изображения Гоголем России как клеветнического.

Я, в общем-то, ничего особенно нового не скажу, ибо неадекватность понимания Гоголем России и ее изображения в его творчестве давно уже была показана многими выдающимися деятелями русской культуры, что не мешало им восторгаться его творениями, в особенности их формой. Назову только Василия Розанова, Константина Леонтьева, Андрея Белого, Владимира Набокова. Даже Лев Толстой выставлял оценки некоторым творениям Гоголя, причем по большей части в диапазоне от единицы до тройки. (О современных авторах, более или менее критически относящихся к творчеству Гоголя, будет кратко сказано ниже.) Но и они, критикуя Гоголя как художника, как гения формы и вымысла при пустоте содержания, не понимали мировоззренческой основы этих вопиюще антирусских тенденций в его творчестве. Однако даже эти трезвые голоса, пусть и не раскрывающие глубинных причин его упорного принижения русского человека, во-первых, и тогда не были услышаны, а в наши дни, по сути, забыты. Во-вторых, инерция «общественного мнения», формируемого русской творческой интеллигенцией (которую, как известно, почти всегда отличали оппозиционность к власти – порой открытая, чаще потаенная, и нежелание сотрудничать с государством, сочетающееся с желанием получать от государства разные блага и иные знаки внимания), мешала

выработке у массы читателей трезвого взгляда на вещи. Ну, и, в-третьих, критическое состояние современной России требует особой бдительности в отношении идей, которые и по сей день мешают становлению адекватного русского самосознания и которых немало в творениях великого русскоязычного украинского писателя.

Вот и возникает вопрос: «Так ли мы читаем, понимаем и почитаем Гоголя, и не пора ли нам перестать издеваться и над писателем, и над Россией?».

Попытаюсь подтвердить свой взгляд на Гоголя кратким анализом важнейших его произведений, тем более что как раз в связи с юбилеем появилось несколько работ, подающих робкую надежду на то, что время реалистической оценки творчества этого гения близится (о них немного будет сказано ниже).

Гость с Украины наставляет хозяев

Гоголь совсем молодым человеком триумфально вошел в русскую литературу как писатель совершенно оригинальный, ибо у него не было предшественников, как не явилось и последователей. Его «Вечера на хуторе близ Диканьки» развеселили и восхитили самых разных читателей – от наборщиков типографии до Александра Пушкина, который обрадовался «этому живому описанию племени поющего и пляшущего, этим свежим картинам малороссийской природы, этой веселости, простодушной и вместе лукавой». Ни Пушкин, ни позднейшие критики **не увидели в «Вечерах» программного произведения Гоголя.** Пушкин, правда, довольно скоро освободился от чар нагловатого гостя, но русская пишущая и читающая публика не вняла предупреждению поэта: «Берегитесь этого малоросса!»

Раз «Вечера» не исследованы именно как программное творение Гоголя, то надо хотя бы кратко остановиться на отдельных составляющих ее вещицах (повестях, рассказах, былях, главах – назовите, как вам удобнее, сам Гоголь употреблял все их определения), тем более, что вряд ли многие читатели перечитывали это творение после окончания школы.

Уже первая строка «Сорочинской ярмарки» показывала читателям Украину как райский уголок: «Как упоителен, как роскошен летний день в Малороссии!». И украинская майская ночь не менее прекрасна: «Божественная ночь! Очаровательная ночь!»

А зима? «…месяц плавно поднялся по небу. Все осветилось… Снег загорелся широким серебряным полем и весь обсыпался

хрустальными звездами… Толпы парубков и девушек показались с мешками. Песни зазвенели, и под редкою хатою не толпились колядующие. Чудно блещет месяц!.. как хорошо потолкаться, в такую ночь, между кучею хохочущих и поющих девушек и между парубками, готовыми на все шутки и выдумки, какие может внушить весело смеющаяся ночь… И ночь, как нарочно, так роскошно теплилась! И еще белее казался свет месяца от блеска снега». Наконец, памятный со школьной скамьи (не знаю, как сейчас, а в 30-годы этот отрывок учили наизусть) гимн великой украинской реке: «Чуден Днепр при тихой погоде…», как и при любой другой. «Редкая птица долетит до середины Днепра…», хотя на деле жарким летом Днепр мелеет и сильно сужается.

Прекрасна и украинская осень:

«Стаи уток еще толпились на болотах наших: но крапивянок уже и в помине не было. Скирды хлеба то сям, то там, словно казацкие шапки, пестрели по полю. Попадались по дороге и возы, наваленные хворостом и дровами. Земля сделалась крепче и местами стала прохватываться морозом. Уже и снег стал сеяться с неба, и ветви дерев убрались инеем, будто заячьим мехом. Вот уже в ясный морозный день красногрудый снегирь, словно щеголеватый польский шляхтич, прогуливался по снеговым кучам, вытаскивая зерно, и дети огромными киями гоняли по льду деревянные кубари, между тем как отцы их спокойно вылеживались на печке, выходя по временам, с зажженною люлькою в зубах, ругнуть добрым порядком православный морозец, или проветриться и промолотить в сенях залежалый хлеб».

И вообще, в любое время года как же прекрасна была украинская земля!

И какие удалые хлопцы и гарные дивчины, простоватые мужья и лукавые жинки населяют этот земной рай!

Хороши современные парубки и дивчины, но еще краше были запорожские казаки:

«Красные как жар шаровары, синий жупан, яркой цветной пояс, при боку сабля и люлька с медною цепочкою по самые пяты… Эх, народец! Станет, вытянется, поведет рукою молодецкие усы, брякнет подковами и – пустится! Да ведь как пустится; ноги отплясывают словно веретено в бабьих руках; что вихорь, дернет рукою по всем струнам бандуры, и тут же, подпершися в боки, несется вприсядку; зальется песней – душа гуляет!» Да, «в старину любили хорошенько поесть, еще лучше любили попить, а еще лучше любили повеселиться».

А вот и воздаяние казакам за их храбрость. Герой повести «Страшная месть» казак Данило Бурульбаш рассказывает своей

жене:

«Эх, если б ты знала, Катерина, как резались мы тогда с турками!.. Сколько мы тогда набрали золота! Дорогие каменья шапками черпали казаки… Каких коней мы тогда угнали!»

Даже «отставной запорожец» Пацюк «жил, как настоящий запорожец: ничего не работал, спал три четверти дня, ел за шестерых косарей и выпивал за одним разом почти по целому ведру..».

И вот эти неустрашимые казаки, – рассказывается в повести «Ночь перед Рождеством», – прибыв в Петербург, в Зимнем дворце падают ниц перед Екатериной II и говорят верноподданнические (если не сказать: холуйские) речи, тогда как они должны были бы ненавидеть ее, уничтожившую Запорожскую Сечь и закрепостившую украинских крестьян. А кузнец Вакула, случайно оказавшийся вместе с депутацией казаков, восхитился туфельками императрицы:

«Ваше царское величество, не прикажите казнить, прикажите миловать. Из чего, не во гнев будет сказано вашей царской милости, сделаны черевички, что на ногах ваших? Я думаю, ни один швець, ни в одном государстве на свете не сумеет так сделать. Боже Ты мой, что, если бы моя жинка надела такие черевички!»

Императрица, которой понравилось это простодушие, приказала:

«Принесите ему сей же час башмаки самые дорогие, с золотом!»

Кузнец уже хотел было «расспросить хорошенько царицу о всем: правда ли, что цари едят только мед и сало…», но надо было скорее, снова оседлав попавшегося ему черта, везти чудесные черевички любимой девушке.

Историк и публицист Михаил Саяпин заметил, что в этой повести действуют (помимо прочих): «Солоха, ведьма, постоянно принимающая у себя в гостях черта; Пацюк, силой колдовства отправляющий себе галушки прямо в рот. Зрелый Гоголь, как известно, всем уши прожужжал своим христианством. Так вот, со строгой христианской точки зрения все это называется бесовщиной. И что-то не видно, чтобы Гоголь эпохи «Выбранных мест» каялся в написанном в молодости, как Пушкин – в «Гавриилиаде». Почему? Да потому что это «ридна Украйина», где все мило!»

Но далее в повести следует описание такой страстной любви Вакулы и понявшей красоту его характера, силу и верность Оксаны, что, кажется, это искупило в глазах русских читателей все увлечения Гоголя «черной», едва ли не сатанинской мистикой.

Замечу, что образ Вакулы – это до некоторой степени творческий портрет самого Гоголя. «Кузнец был богобоязливый человек и писал часто образа святых, и теперь еще можно найти в Т… церкви его евангелиста Луки. Но торжеством его искусства была одна его картина, намалеванная на церковной стене в правом притворе, в которой изобразил он святого Петра в день Страшного суда, с ключами в руках, изгонявшего из ада злого духа; испуганный черт метался во все стороны, предчувствуя свою погибель, а заключенные прежде грешники били и гоняли его кнутами, поленами и всем, чем ни попало». Счастливо женившись, Вакула разукрасил новую хату: окна все были обведены кругом красною краскою; на дверях же везде были казаки на лошадях с трубками в зубах». Это, видимо, все же не было шедевром живописи. Зато «на стене сбоку, как войдешь в церковь, намалевал Вакула черта в аду, такого гадкого, что все плевали, когда проходили мимо; а бабы, как только расплакивалось у них на руках дитя, подносили его к картине и говорили: он бачь, яка кака намалевана! И дитя, удерживая слезенки, косилось на картину и жалось к груди матери своей». Вот и Гоголь восхитительно описывал всякую нечисть, неплохо рисовал и бытовые сценки, а светлые образы ему никак не удавались.

Конечно, Грицько Голопупенко и Солопий Черевик, как и другие персонажи «Вечеров», не блещут умом и нравственными добродетелями. Не поражают умом и доблестями и милые, но ничем не примечательные старосветские помещики из «Миргорода». Но ведь это «ридна Украина!». Куда там до них скучным москалям, охочим до пошлых сплетен, особенно бездушным петербуржцам! Конечно, и на Украине есть склочники и сутяги вроде Перерепенко и Довгочхуна, но это «омоскаленные хохлы», втянутые в западню москальской бюрократии. Почему-то никто из исследователей гоголевского творчества не заметил, что **именно эта противоположность Малороссии и Великороссии станет его лейтмотивом. И** хотя в самих «Вечерах», где выработанная антитеза Петербургу присутствует, но не выступает слишком явно, в сознании Гоголя она с самого начала и до самого конца была доминантой.

Но и самое первое произведение Гоголя – «Вечера», доставившее ему славу, очаровало вовсе не всю русскую читающую публику. Некоторые критики называли первые творения Гоголя «сальными», «грязными» не только из-за их простонародного колорита. А благочестивая часть читательского сообщества была шокирована обилием в «Вечерах» чертей, ведьм, колдунов, русалок, выходцев с того света и прочей бесовщины.

Дмитрий Мережковский даже написал работу «Гоголь и черт», в которой доказывал, что, в сущности, тема черта была у Гоголя единственной на протяжении всего его творчества как явление «бессмертной пошлости людской». И действительно, начиная с «Вечеров на хуторе близ Диканьки» перед писателем постоянно стоит проблема проникновения зла в наш мир, причем это зло персонифицированное. Сам Гоголь формулировал свою проблематику так: «Уж с давних пор я только и хлопочу о том, чтобы после моего сочинения насмеялся вволю человек над чертом». «Как черта выставить дураком» – это, по собственному признанию Гоголя, было главною мыслью всей его жизни и творчества. Смех Гоголя – борьба человека с чертом.

И смех такой, что вызывал страх. Рассказчику небывальщины из «Вечеров» не жаль поделиться своими историями с любопытными девушками, «да загляните-ка, что делается с ними в постели. Ведь я знаю, что каждая дрожит под одеялом, как будто бьет ее лихорадка, и рада бы с головою влезть в тулуп свой». Да и парубок боится, послушав рассказ «про какое-нибудь чудное дело, от которых дрожь проходила по телу и волосы шевелились на голове… Случится, ночью выйдешь за чем-нибудь из хаты, так и думаешь, что на постели твоей уклался спать выходец с того света». Так что же, целью «Вечеров» было нагнать на читателей мистического страха? Чем же тогда восхитилась самая «продвинутая» часть русской читающей публики? А восхищалась не тем, ЧТО написано, а тем, КАК написано. Написано же ТАК, что начнешь читать – и не оторвешься.

Теперь несколько мелких заметок по поводу бесовщины в отдельных повестях «Вечеров» и их продолжения – «Миргорода». Уже в первой же вещи «Вечеров» – в «Сорочинской ярмарке» – едва ли не главным героем оказывается некая «красная свитка», за которой гонится черт с свиною личиною, и эти свиные рыла наводят ужас на персонажей. И уже тут Гоголь рисует одно из главных достоинств казака:

«…что там за парубок!.. А как сивуху *важно* дует… Черт меня возьми… если я видел на веку своем, чтобы парубок духом вытянул полкварты, не поморщившись».

А следующая быль «Вечеров» – «Вечер накануне Ивана Купала» – вообще картина полного торжества бесовщины: Басаврюк – это воплощение дьявола – губит и несчастного Петра, и красавицу Пидорку, и ее малолетнего брата Ивася. Напрасно ходил священник по селу с святою водою и гонял черта кропилом по всем улицам, ничего он не добился.

Уже название повести «Майская ночь, или утопленница» говорит само за себя, но этого мало, в эпиграфе черт

упоминается, и много действует там ведьм и разной прочей нечисти. Ну, естественно, и счастье героя повести казака Левко и его любимой девушки Гали (Ганны) устраивает… утопленница. Эта устроительница судеб «была бледна, как полотно, как блеск месяца; но как чудна, как прекрасна!» Так открывается ряд прекрасных покойниц, с великой любовью описанных Гоголем.

На это обратил внимание, пожалуй, самый ярый критик Гоголя Василий Розанов. (Его я часто цитирую потому, что он четко изложил то, что другие авторы либо избегали затрагивать, либо старались высказать деликатнее.)

«Поразительна яркость кисти везде, где он говорит о покойниках… Везде покойник у него живет удвоенною жизнью, покойник – нигде не «мертв», тогда как живые люди удивительно мертвы. Это – куклы, схемы, аллегории пороков. Напротив, покойники… прекрасны, и индивидуально интересны…

Поразительно, что ведь ни одного мужского покойника он не описал, точно мужчины не умирают. Но они, конечно, умирают, а только Гоголь нисколько ими не интересовался. Он вывел целый пансион покойниц, – и не старух (ни одной), а все молоденьких и хорошеньких».

В «Пропавшей грамоте» дед рассказчика, посланный гетманом с посланием к царице, попадает в такой переплет, что ему приходится играть с ведьмами в дурни (в подкидного дурачка), и не выбраться бы ему из этого шабаша, если бы не догадался он тайно перекрестить свои карты.

Сначала эти странности произведений Гоголя объяснили влиянием украинского фольклора. В действительности тут проявился «черный» мистицизм Гоголя, характерный для польско-украинской традиции. Этот мистицизм был воспринят им с молоком матери, но оказался чуждым и складу русского ума, и традициям русской классической литературы. Гоголь же еще более усилил его в «Вие», хотя Ю. Н. Арабов в своем учебном пособии «Кинематограф и теория восприятия» (М.: ВГИК, 2003) нашел в этой повести и богословские, и эротические моменты, якобы не замеченные другими исследователями. А в «Страшной мести» Гоголь даже попытался подняться до изображения чуть ли не картины вселенской борьбы добра и зла. Ведь, по свидетельствам многих его современников, Гоголь считал себя не просто писателем. Он понимал свои творения как нечто лежащее вне его, где должны быть раскрыты тайны, ему заповеданные, ибо писатель – это пророк, видящий то, чего не видят другие.

Андрей Белый, восхищавшийся Гоголем, объясняет эти (и некоторые другие) черты его творчества особенностями его личности и происхождением. Вот несколько цитат из его книги

«Мастерство Гоголя» (1934):

«Личность Гоголя

Гоголи – мелкопоместные дворяне недавнего происхождения. Дед Гоголя, Афанасий Демьянович, – семинарист, отказавшийся от духовной карьеры ради службы в войсковой канцелярии; он стал войсковым писарем; отец Гоголя «пробовал служить… при Малороссийском почтамте по делам сверх комплекта»; болезненный мечтатель, он писал стихи и устраивал, подобно Манилову, разные «долины спокойствия», был «большим мастером на малые дела»; «мать…Марья Ивановна, была дочь почтового чиновника Косяровского»… Родственник Гоголя, Трощинский, вышел в «министры» из казачков; какой-то протопоп, родственник Гоголей, тягался с Гоголями за доли наследства; была и польская кровь: Гоголь-Яновский.

Гоголь одел незнатность Гоголей в фикцию выдвигаемой родовитости; он с детства был уязвлен тем, что был «ниже» многих из сверстников; «ребенок был… странный… У него течет из ушей, тело… покрыто нарывами… Его отпаивают декоктами»; в Нежинской гимназии его встречает развал; сверстники, Редькин, Базили, Кукольник (будущие – ученый, дипломат, драматург), блещут в кружке для самообразования; Гоголь сперва держался вдали от кружка, как мало успевающий, мало подготовленный и как отталкивающий от себя «золотушными явлениями». «Таинственный карла» – прозвали его школьные товарищи в Нежине. «В старших классах он отдается театру и литературе».

Но страстный защитник гения Сергей Гупало, автор статьи «Высокая болезнь Николая Гоголя», объясняет отрыв будущего писателя от своих сверстников тем, что тот рано вступил на путь христианского самоусовершенствования и потому, как это нередко бывает, казался им несколько чудаковатым.

Никому не дано определять степень, правильность и искренность веры другого человека. Но по поведению Гоголя можно предположить, что как грамоте его учил семинарист, так основы веры были заложены в нем мелкопоместной семейной средой, у которой вера в Бога был неразрывно связана с множеством суеверий. Поэтому он очень хорошо видел разного рода нечистую силу, с одной стороны, и ангелов – с другой, а обычная теплая, спокойная, радостная вера, отличающая настоящих христиан в повседневной жизни, была ему не свойственна.

К этому можно добавить описание некоторых странностей

Гоголя у Владимира Набокова (который вообще-то считал: Гоголь – циник, лицемер, льстец, изворотливый лгун – и вместе с тем гениальный писатель):

«Гоголь… не был до конца реален. Школьником он с болезненным упорством ходил не по той стороне улицы, по которой шли все; надевал правый башмак на левую ногу, посреди ночи кричал петухом и расставлял мебель своей комнаты в беспорядке, словно заимствованном из «Алисы в Зазеркалье»…

Гоголь был странен во всем; но странность и есть основная черта гения. Только здоровую посредственность принимает благодарный читатель за мудрого старого друга, так славно излагающего и развивающего собственные, читательские, мысли о жизни. Великая литература всегда на краю иррационального…

У Гоголя иррациональное в самой основе искусства, и как только он пытается ограничить себя литературными правилами, обуздать логикой вдохновенье, самые истоки этого вдохновенья неизбежно мутятся. Когда же, как в «Шинели», он дает волю бредовой сущности своего гения, он становится одним из трех-четырех величайших русских беллетристов…

Любимицей Гоголя была муза абсурда, муза нелепости. Смешное – лишь один завиток нелепости, ибо в абсурдном столько же оттенков, сколько в трагическом: в него-то, на последнем пределе спектра, и переходит гоголевская призматическая нелепица».

Сергей Гупало объясняет негативную оценку личности Гоголя Набоковым тем, что биограф пользовался лишь доступными ему источниками, прежде всего книгою Викентия Вересаева «Гоголь в жизни», явно тенденциозной. Дескать, книга В.Вересаева издана в 1933 году. Разрешила бы советская цензура показать Николая Гоголя как человека глубоко верующего, защищающего крепостное право?! (Естественно, и как сторонника самодержавия. – *МЛ.)*.

Андрей Белый показывает, что Гоголь не знал настоящего русского языка и **сотворил некий им самим созданный русский:** «Выезды к Трощинскому – окно в свет (со стороны), чтобы пережить грань, отделяющую его от общества; учил его в детстве семинарист; западная литература и позднее – предмет, не изученный Гоголем; позднее ему указывают на Мольера, Гете, Шиллера, Шекспира, романтиков; семинарская вычурность выражений, мещанские словечки и канцелярская высокопарица, – **элементы, из которых позднее вылепливает он свой русский язык».** (Неправильность русского языка в произведениях Гоголя бьет в глаза, ее отмечал и его друг Михаил Погодин, но добавлял при этом: «Писать ты сам никогда не будешь правильно. Тебе

нужен стилист, который бы исправил безделицы, а язык твой и без правильности имеет такие достоинства высшие, которые заменяют ее с лихвою. Греч и Булгарин правильны, да что же толку!».) Действительно, стоит сравнить прозу Пушкина, Лермонтова или Тургенева с прозой Гоголя, чтобы понять, что он – писатель русскоязычный. Да Гоголь и сам признавал уже на склоне лет несопоставимость своих творений с прозой Пушкина (что в немалой степени, видимо, объяснялось и блестящим владением русским языком у Пушкина):

«…Сравнительно с «Капитанской дочкою» все наши романы и повести кажутся приторною размазнею. Чистота и безыскусственность взошли в ней на такую высокую степень, что сама действительность кажется перед нею искусственной и карикатурною. В первый раз выступили истинно-русские характеры: простой комендант крепости, капитанша, поручик; сама крепость с единственною пушкою, бестолковщина времени и простое величие простых людей, все – не только самая правда, но еще как бы лучше ее. Так оно и быть должно: на то и призвание поэта, чтобы из нас же взять нас и нас же возвратить нам в очищенном и лучшем виде».

Но, сказав о не вполне русском языке Гоголя, Андрей Белый восхищается: «Что за слог!… Такова одна сторона гоголевской стилистики, перебиваемая подчас грубым (даже не грамматическим) оборотом речи или совершенно грубым, нелепым и даже пошлым приемом. Такие ничего не говорящие эпитеты, как «чудные», «роскошный», «очаровательный», пестрят слог Гоголя и сами по себе ничего не выражают; но в соединении с утонченнейшими сравнениями и метафорами придают особое обаяние слогу Гоголя. Как не помнить поразительной повести о капитане Копейкине; но потрудитесь вглядеться, в чем технический фокус этого приема: совершенно банальное изложение злоключений несчастного капитана перебивается буквально через два слова вставкой выражений «изволите ли видеть», «так сказать» и т. д.

Именно этим грубым приемом достигает Гоголь ослепительной выразительности. Слог Гоголя одновременно и до-культурный, и вместе с тем превосходит в своей утонченности не только Уайльда, Рембо, Сологуба и других «декадентов», но и Ницше подчас».

«Мелкий помещик и не взлетал в «свет», – продолжает Андрей Белый, – разве – трудом и упорством, не брезгающим средствами, достигал он служебных успехов; не делался и предпринимателем; чаще всего оседая все ниже….

Гоголи, выйдя из низших сословий, были, так сказать, «мещанами во дворянстве» (не по быту, а по происхождению) среди помещичьей знати… да и сам «Никоша» Гоголь, притянувшийся к писарям и дьячкам в силу уз крови, как позднее притягивался к землякам в силу национального родства; великороссийский аристократ, «боярин» по крови, был наиболее чужд Гоголю; в кругу дьячков чувствовалась непринужденность; здесь можно было и «назиднуть», и блеснуть «светом»… в пику тем, кто утирает носы полою, изумить всех тем, что вынуть «опрятно сложенный белый платок…и, исправивши, что следует, складывать его снова… в двенадцатую долю и прятать».

Паныч поздней разругался с кружком, дернув в Питер, где град неудач заставил почувствовать бессилие своего выдвиженчества в «высшем свете», где, не владея образованием, языками, средствами, манерами, умением танцевать и свободно болтать с золотой молодежью, надо было скромно усесться в угол… «незадачник» читал свои первые опыты в кругу приживалок.

Личная обида сидела невынутою занозой; отсюда позднее самозащита при помощи оригинальничанья, потом докторальности, выросшей в гидру самомнения, в каприз «гения», с которым возились взапых представители того сословия, среди которого Гоголь некогда появился «гадким утенком»… «На балы… едете… позевать в руку», коли не умеешь пройтись мазуркою, остается… «зевать в руку»; вспомните, с каким благодушием описывает Толстой танцы: мазурки Денисова, Николая Ростова, вальс князя Андрея с Наташей, Анну Каренину на балу; воздух бала был свойственен его сословию.

Гоголь же отзывается – на гопак… Гоголь обсмеивает салоны с «Индиями и Персиями» позолоченными; но и простые его отношения с родными «делаются все менее… искренними».

Особенно трудно складываются отношения с матерью. Владимир Набоков нашел этому такое объяснение:

«Он так ясно сознавал, какой у нее дурной литературный вкус, и так негодовал на то, что она преувеличивает его творческие возможности, что, став писателем, никогда не посвящал ее в свои литературные замыслы, хотя в прошлом и просил у нее сведений об украинских обычаях и именах. Он редко с ней виделся в те годы, когда мужал его гений. В его письмах неприятно сквозило холодное презрение к ее умственным способностям, доверчивости, неумению вести хозяйство в имении, хотя в угоду самодовольному, полурелигиозному укладу он постоянно подчеркивал свою сыновнюю преданность и покорность – во всяком случае, пока был молод, – облекая это в

на редкость сентиментальные и высокопарные выражения». Вообще «читать переписку Гоголя – унылое занятие».

«Так – с одной стороны; а с другой – стоит вспомнить, как в самые страшные минуты жизни обращается он к матери с просьбой помолиться за него и верить в чудо молитвы, как в свою последнюю святыню и спасение, – чтобы почувствовать, чем для него была мать…»

Это добавление совсем не отменяет сказанного выше. Ведь не Гоголь молится о матери, а он просит мать в трудную минуту для него помолиться за него. Обычная ситуация для эгоистической личности, занятой исключительно собой и своим творчеством. Возможно, именно поэтому Виктор Ерофеев на основании переписки с матерью и высказал мнение, что Гоголь – идиот.

Еще несколько строк из книги Андрея Белого, касающихся личности Гоголя:

«Расщеп в Гоголе – во-первых: смешение кровей, впитанное с молоком матери; во-вторых: признаки подымающейся борьбы классов; сквозь усилия «оморалить» мелкопоместную жизнь чувствуется тяга к мещанскому сословию и снюханность с бытом писцов и поповичей.

Позднее «великороссиянин» Гоголь с великоруссами и мудрил, и хитрил: едва отвечал на вопросы, засыпал или открыто зевал в восхищенно раскрытые на него рты Аксаковых; встретив же украинца, часами отдавался с ним «хохлацки-бурсацким» замашкам; позднее, став знаменитостью, европейцем, шокирует он манерами дурного тона представителя света, сетующего на Смирнову за то, что она покидает свой круг для выскочки Гоголя. Подчеркивают безвкусицу пестрых жилетов его, ярких галстуков, бледно-голубой фрак с золотыми пуговицами; и подстриженными висками, и хохолком, и претенциозностью производит он неприятное впечатление на С. Т. Аксакова: при первом знакомстве.

А чего стоит тон писем молодого Гоголя! Из письма к Жуковскому 1831 года: «О, с каким бы… восторгом стряхнул власами головы моей прах сапогов Ваших… возлег бы у ног Вашего превосходительства и ловил бы жадным ухом сладчайший нектар из уст Ваших». Из письма к Дмитриеву (1832 г.): «Я вижу в Вас нашего патриарха поэзии… упрашивая не переменять драгоценного Вашего расположения ко мне»; в более своем кругу выражается он иначе; о Пушкине (про которого пишет Жуковскому: «Пушкин, как ангел святой»): «он протранжирит всю жизнь свою» (Данилевскому); о Крылове (Погодину): «этот

блюдолиз… летает, как муха, по обедам». Чувства его изменны: «что значит не встретить отзыва» – пишет отзывчиво Погодину он; а бежит через несколько лет из его особняка: отвязаться от дружбы; заискивая у Белинского, конфузится общения с ним…

Между гопаком и «позой» искала равновесия измученная личность; но неравновесие было предопределено: неравновесием социальных условий, породивших Гоголя; гопакующий писарь себя защищал величием дворянина; а «дворянчик» лез в генералы наставлять «их высокопревосходительств»: «огромно, велико мое творение…»

Исследователи мало обращали внимания на удивительное сочетание в Гоголе неуклонного стремления к одной единственной цели – служению человечеству – и в то же время раздвоенности. Это подметил Дмитрий Мережковский:

«Жизнь и смерть Гоголя свидетельствуют о том, какая страшная искренность была в этой детской мечте его. И вот, однако, в это же самое время, среди глубокого обдумывания «нового бытия», уже стремясь в Петербург на великое служение, он пишет туда же о другой столь же пламенной и заветной мечте своей – о модном фраке и панталонах». Творец, всецело преданный своему писательскому поприщу, и прагматик (хотя и не вполне удачливый) странным образом сочетались в Гоголе.

Антирусская направленность «Вечеров» и «Петербургских повестей»

И практически в то же время, когда он работал над «Вечерами», Гоголь в письме передает свои впечатления от Петербурга. Сразу по приезде в столицу она поразила его: всюду, кроме центра, грязь и нищета, а также бездуховность. (Вспоминается ехидное ерофеевское про Ленина: «Европа после Шушенского, само собой, дерьмо собачье».) По словам Владимира Набокова, «двадцатилетний художник попал как раз в тот город, который был нужен для развития его ни на что не похожего дарования; безработный молодой человек, дрожавший в туманном Петербурге, таком отчаянно холодном и сыром по сравнению с Украиной (с этим рогом изобилия, сыплющим плоды на фоне безоблачной синевы), вряд ли мог чувствовать себя счастливым… Пропущенный сквозь восприятие Гоголя, Петербург приобрел ту странность, которую приписывали ему почти столетие; он утратил ее, перестав быть столицей империи. Главный город России был выстроен гениальным деспотом на болоте и на костях рабов, гниющих в этом болоте: тут-то и корень его странности – и его изначальный порок… болотные духи

постоянно пытаются вернуть то, что им принадлежит… Но странность этого города была по-настоящему понята и передана, когда по Невскому проспекту прошел такой человек, как Гоголь».

Петербург – это город, где «никакой дух не блестит в народе, все служащие да должностные, все толкуют о своих департаментах да коллегиях, все подавлено, все погрязло в бездельных, ничтожных трудах, в которых бесплодно издерживается жизнь их». В том, что «в северной столице нашего обширного государства случается «необыкновенно странное происшествие», «виноват петербургский климат». В этом городе «охватывает одиночество», там «с площадей огонек «будки кажется на краю света», а ветер дует сразу с четырех сторон, и чиновнику вмиг надувает «жабу», так что он «весь распух и слег в постель». «Холодный, пахнущий ветер»; «лунное сияние на крышах»; «все… тихо»; лишь долетает «дребезжанье дрожек извозчика»; «деревянные домы, заборы; нигде ни души»; в пустыре стоит «будочник и, опершись на… алебарду», глядит на… мертвеца. Неудивительно, что такой город породил и ужас, и бред: гоголевских героев; потом – Гоголя-«Никоши».

Средоточие бреда – Санкт-Петербург, изображенный мороком. «Петербург разбил Гоголя; и он уцепился за иронию, как за средство самозащиты; доминирует же не смех, а страх: «Не верьте Невскому»; самый смех здесь – выражение ужаса», напоминающего ужас колдуна из «Страшной мести».

В самом начале творческого пути Гоголя заявлена эта тема, противопоставление прекрасной Украины, где кипит настоящая жизнь, и мрачной, холодной России, где прозябают чиновники, пьет горько мастеровой люд и творят бестолковые дела крестьяне – дяди Митяи и дяди Миняи.

Казаки называли себя дворянами, на иногородних и прочую мелюзгу смотрели свысока. Еще ниже стояли жид-шинкарь и жидовка-шинкарка. Уже упоминавшийся Данило Бурульбаш сетует: «Жидовство угнетает бедный народ». Впрочем, подобных высказываний у героев Гоголя немало. Кинорежиссер Владимир Бортко объясняет это так:

«Так исторически сложилось. Антисемитизм был не только у казаков. Он был и в Польше, он был и у нас – он был везде. Дело в том, что евреи были вообще лишены возможности заниматься чем-либо, кроме ростовщичества – со всеми вытекающими отсюда последствиями. Это было бедой народа, а не какой-то национальной особенностью. Казачество же было, мягко говоря, не склонно заниматься экономической деятельностью. Все это не замедлило сказаться на отношениях казаков с евреями».

Но еще ниже еврея стояли москали, то есть русские,

великороссы: Веселые украинские хуторяне-балагуры не врали, а «москаля везли», а если и подчас и ругались, то только выкрикивая «сучый москаль!». «Когда черт да москаль украдут что-нибудь – то поминай, как и звали». Москалей еще называли и кацапами (похожими на козла: «как цап»). И украинский помещик Григорий Сторченко уверял Ивана Шпоньку: «Проклятые кацапы… едят даже щи с тараканами». Долго потом ездил Гоголь с Чичиковым по Руси, но так и не нашел столь же восхитительных картин природы, как на Украине, а тем более – симпатичных русских людей. Грязь в деревнях, грязь на помещичьем дворе, по которой щеголяет вся дворня Плюшкина в единственной на всех паре сапог, непролазная грязь на дорогах… Тогда как в Миргороде и лужа на центральной площади – это не грязь, а что-то вроде местной достопримечательности, своего рода визитная карточка, приглашение: «Милости просим в наш славный город!»

Та же тема получила развитие и в «Петербургских повестях» Гоголя.

В «Невском проспекте» эта улица рисуется как «единственное место, где показываются люди не по необходимости, куда не загнала их надобность и меркантильный интерес, объемлющий весь Петербург… Это единственное развлечение бедного на гулянье Петербурга», не то, что в Диканьке. Между тем в других произведениях Гоголя говорится, что жизнь в Петербурге приятна тем, что там можно пойти в театр, его регулярно посещают и Хлестаков, и Поприщин. И даже слуга Хлестакова Осип понимает, что жизнь в Питере «тонкая и политичная». Он тоже имеет представление о «кеатре», как и о заведениях, где «собаки тебе танцуют». Даже на Невском проспекте в известные часы «неприлично ходить дамам, потому что русский народ любит изъясняться такими резкими выражениями…». Вероятно, разговоры обитателей Диканьки по сравнению с этим – верх политеса, образцы которого – едва ли не на каждой странице «Вечеров»:

«Чтоб ты подавился, негодный бурлак! Чтоб твоего отца горшком в голову стукнуло! Чтоб он подскользнулся на льду, антихрист проклятый! Чтоб ему на том свете черт бороду обжег!»

«Что за черт! Куда вы мечетесь как угорелые?»

И это не считая непечатных выражений, о которых можно судить хотя бы по легендарному письму запорожцев турецкому султану.

Петербург настолько мрачен, что даже само существование в нем художников кажется каким-то парадоксом: «Художник петербургский! Художник в земле снегов, художник в стране финнов, где все мокро, гладко, бледно, серо, туманно». А ведь в

Петербурге не только живут художники, но и работает Академия художеств, награждающая лучших своих выпускников продолжительными поездками в Италию (как хотя бы будущего приятеля Гоголя Александра Иванова). И многие соотечественники Гоголя учились в этой Академии, преподавали в ней и, как правило, оставались жить в мрачном Петербурге, а отчего-то не спешили возвращаться на свою солнечную, цветущую родину. Объективности ради замечу, что на большинстве территории Украины зимой бывают и снежные бури, и морозы стоят приличные. Недаром казак Чуб, войдя в хату к Солохе, просит: «дай теперь выпить водки. Я думаю, у меня горло замерзло от проклятого мороза…»

Мрачен Петербург и потому, что там квартальный запросто «увещевает по зубам глупого мужика, наехавшего со своею телегою как раз на бульвар». А ни в чем не повинный в приключении с носом майора Ковалева «мошенник цирюльник на Вознесенской улице сидит теперь на съезжей», ибо квартальный «давно подозревал его в пьянстве и воровстве…». Зато превосходно чувствует себя в столице поручик Пирогов. (Этот Хлестаков, уже выпоротый немецкими ремесленниками, но еще не выехавший в имение отца в Саратовской губернии и потому не попавший в славный город, где владычествует Антон Сквозник-Дмухановский.)

Предоставляю читателям оценить всю глубину оценки творчества Гоголя Юрием Кирпичевым («ЛР», № 29. 24.07.2009):

«Увы, пик Гоголя не достиг ожидаемой высоты, оборвал свой рост и перешел в плато морализаторства, ставшее, впрочем, фундаментом золотого века больших писателей – и имперской идеологии. Разумеется, не он заразил россиян их болезненным чувством величия: великий народ, великая страна, великая литература. Но, **кажется, именно он первым и громко заговорил об особом величии русского народа, о необыкновенной широте его души, о превосходстве над всеми иными народами, что не только дает ему право, но и возлагает на него прямую обязанность править миром Божьим предначертанием.** Через сто лет подобную идею доведет до логического конца Гитлер и всем крепко перепадет, но он был плохим писателем и его юбилей мало кто отмечает…

Величие – это хорошо! Pax Romana, Третий Рим, Deutschland über alles, American dream, Москва для москвичей. Но если только и говорят, что о величии, стоит принюхаться – запахнет казармой и портянками! Человек – да, он может быть велик, как бы ни смеялся Лукулл над Помпеем Магном, но великие люди обычно обходятся дорого своему народу. И все же нынешняя ситуация,

когда их нет и даже нет в них необходимости, когда народ прекрасно без них обходится, но только и думает, что о своем величии, симптоматична». (Выделено мной. – *МЛ.)*

Нужно обладать весьма специфическим мировосприятием, чтобы Гоголя, всегда принижавшего русского человека и русское государство, представить основоположником российской имперской идеологии (и даже, с другой стороны, предшественником Гитлера!). Впрочем, это не удивительно, если для Ю.Кирпичева великая русская литература обозначена тремя вершинами: «Словом о полку Игореве» (подлинность которого, несмотря на сотни доказательств, для многих остается сомнительной), Михаилом Булгаковым (все величие которого – в показе ничтожества советского человека) и Веничкой Ерофеевым (вряд ли нуждающимся в характеристике). И очень удачно выбрал он время, чтобы насмехаться над идеалами величия: именно сейчас, когда душа русского народа, как никогда, жаждет образа героя – настолько, что за неимением такового в жизни готова принять за него какого-нибудь ловкого криминального авторитета типа Япончика (Иванькова).

Русские писатели потеснились и сразу же отвели новичку почетное место в первом своем ряду. А Пушкин даже подарил ему сюжеты двух главных произведений. Белинский же еще при жизни Пушкина назвал Гоголя главой русской литературы. Думаю, это один из частых в жизни великого критика перехлестов: Гоголь стал не столько главой, сколько поприщинским королем, «Фердинандом VIII русской литературы».

«Гоголь в 1828 году понесся из Нежина, как в некую «Индию раззолоченную», – в Петербург; и так же в 1836 году, из Петербурга, едва живой, – вынесся: «я устал и душою, и телом… Никто не знает моих страданий… Я хотел бы убежать… Пароход, море и другие, далекие небеса – могут одни освежить меня»; «забросило русскую столицу на край света»; «воздух подернут туманом; на… серо-зеленой земле обгорелые пни…»; «хорошо… что… поющие и звенящие тройки духом пронесут мимо»; так написавши, едва живой, выносится… за границу.

Игорь Золотусский заметил, что Гоголь превратил «Мертвые души» (о них ниже будет сказано подробнее) в своеобразный суд над всемирной историей. Впрочем, и сам автор поэмы не скрывал этой своей задушевной мысли уже и от читателей первого тома: «Какие искривленные, глухие, узкие, непроходимые, заносящие далеко в сторону дороги избирало человечество, стремясь достигнуть вечной истины, тогда как перед ним весь был открыт прямой путь к великолепной храмине, назначенной царю в чертоги». Но смеялись предыдущие поколения над этим прямым,

зато «узким» путем и валили по «широкой» дороге к погибели (здесь слова «узкий» и «широкий» берутся в том значении, в каком они употреблены в Евангелии – Мф 7:13—14). Так и не извлекло человечество надлежащих уроков из этого трагического заблуждения, и «смеется текущее поколение и самонадеянно, гордо начинает ряд новых заблуждений, над которыми также потом посмеются потомки».

Гоголь полагал, что он и был призван поучать Россию и человечество, как, еще будучи гимназистом, поучал в письмах родную мать. И в Петербург он явился максималистом, с уже сложившимися убеждениями и с явным намерением **изменить жизнь мира,** где так много «в человеке бесчеловечья!».

России Гоголь не знал, что станет ему ясно позднее и о чем он сам с горечью писал на склоне дней, русского человека не понимал и все время пытался навязать ему свои, вывезенные с Украины и чуждые русским, духовно-нравственные и общественно-политические идеалы. Идеал (к сожалению, в прошлом) – это жизнь казаков Запорожской Сечи. Отражение того идеала в настоящем – это вечера близ Диканьки. Идеал будущего – может, через двести лет и появится русский человек в полном его развитии (примером которого он считал Пушкина), а пока… (Выработал он и еще один идеал – христианина, отшельника в миру, но об этом чуть позже.) Современная Гоголю русская жизнь казалась ему пошлой и унылой, ибо «дрянь и тряпка стал теперь всяк человек». Между тем Россия была страной, переживавшей «золотой век» свой культуры, быстро наращивавшей экономическую мощь. Вдобавок, она еще была «жандармом Европы» или, лучше сказать, гарантом стабильности на континенте. Бывало, иные европейские государи ездили в Петербург едва ли не так же, как русские князья ездили в Орду за ярлыком на княжение. «Россия – государство военное, и ее назначение – быть грозою свету», – говаривал Николай I (тут он, правда, несколько промахнулся).

Составить панораму жизни такой пошлой России не смог бы, видимо, ни один русский писатель. Тут требовался именно русскоязычный «инородец».

«…Гоголю предстояло высмеять Русь, то есть выполнить задачу, непосильную человеку исконно русскому. Наверное, по той же причине, и величальную песню, когда для этого наступит час, предстоит сложить поэту-«инородцу». Это – райская задача. А Гоголь был обречен нести адскую ношу – смеяться над родиной», – пишет Камиль Тангалычев в статье «Кто-то незримый пишет передо мною» («ЛР», № 12, 2009)…

И далее (прошу извинения за обширную цитату):

«Жуковскому Гоголь писал из Парижа: «Вся Русь явится в нем (в тексте «Мертвых душ». – *К. Т.)*. Это будет первая моя порядочная вещь, которая вынесет мое имя. Каждое утро в прибавление к завтраку вписывал я по три страницы в мою поэму, и смеху от этих страниц было для меня достаточно, чтобы усладить мой одинокий день…» Но в том же письме написано: «И мне сделалось страшно скучно. Меня не веселили мои «Мертвые души»…

Без смеха Гоголя не могла обходиться история России… Гоголь намеревался поехать в солнечную Италию, где, наверное, было бы удобнее взахлеб смеяться над Россией, но «в Италии бушевала холера…».

Кто же его, столь угрюмого от природы, так настойчиво смешил, кто щекотал до полусмерти? Не вселенский ли леший заигрывал с ним? Заигрывал – заставляя смеяться над великой родиной? Не от лукавого ли получал Гоголь вдохновение? Ведь когда заканчивалось наваждение смеха, когда наступало озарение, когда ничьи длинные игривые пальцы не касались его души, Гоголю становилось плохо, обострялись все его болезни, перед его взором возникала беспросветность, и он вновь и вновь начинал искать спасения в Боге, цепляться за незримую соломинку молитвы, скрываться от лукавого преследования в церкви, искать общения со старцами. Однако ничто не могло его спасти. И молитвой противореча своей сущности и призванию, Гоголь мог достигнуть только юродства.

Сущность брала свое. И Гоголь, тщательно скрываясь от посторонних глаз, будто бы возвращался к мучительному списыванию текстов с незримых демонических свитков. «Мертвых душ» не быть не могло, как не могло не быть заготовленного в тайниках стихий урагана, горного обвала, извержения горящей лавы.

В то же время Гоголь признавался: «Прямо скажу: все мои последние сочинения – история моей собственной души. Я стал наделять своих героев, сверх их собственных гадостей, моей собственною дрянью. Вот как это делалось: взявши дурное свойство мое, я преследовал его в другом звании и на другом поприще, старался изобразить его себе в виде смертельного врага, нанесшего мне самое чувствительное оскорбление, преследовал его злобою, насмешкою и всем, чем ни попало. Если бы кто видел те чудовища, которые выходили из-под пера моего вначале для меня самого, он бы точно содрогнулся».

Уж не падшего ли ангела, превратившегося в птицу и питавшегося мертвыми душами, преследовал в себе Гоголь?

Пушкин четко улавливал все движения в стихии, которая

обрела смысл бытия в метафоре, предчувствовал неизбежность горного обвала, вызванного неизбежным громким смехом. Видимо, счел нужным упреждать и контролировать. Именно Пушкин, осознав, что из себя представляет Гоголь, отдал ему собственный сюжет, «из которого он хотел сделать сам что-то вроде поэмы и которого, по словам его, он бы не отдал другому никому».

Пушкин, должно быть, говорил правду. Он понимал, чего от него самого требовала история, но чего он не в силах был осуществить столь хладнокровно, оставаясь тем единственным Пушкиным. Да и Гоголь понимал, на что он идет перед лицом вечности: «Огромно велико мое творение, и не скоро конец его. Еще восстанут против меня новые сословия и много разных господ. Кто-то незримый пишет передо мною могущественным жезлом…» Пушкин хотел написать поэму, ничего другого не оставалось сделать и Гоголю.

Видел и Пушкин это вещее письмо перед собою, видел завершенность «Мертвых душ» в истории, видел вознесение этого пласта в горнюю мастерскую. Но эта огромная глыба отечественных пороков, которой суждено сорваться с небесной горы и вызвать вековечный обвал, могла задавить самого Пушкина, изуродовать его памятник. И только Гоголь – единственная птица, прилетевшая в русскую литературу, – мог добраться до этой глыбы, скатить ее по склону, оставшись при этом невредимым.

Пушкин, давая простор Гоголю, изгонял из своей души тень, чтобы навеки остаться прозрачным поэтом. И об этом ему было необходимо самому позаботиться на земле.

Каторжный труд сулила Гоголю судьба – насмехаться над людьми, над Россией. Гоголь был обречен на это. Откровенно одно из писем, написанное в июле 1845 года: «Вы коснулись «Мертвых душ» и говорите, что исполнились сожалением к тому, над чем прежде смеялись. Друг мой, я не люблю моих сочинений, доселе бывших и напечатанных, и особенно «Мертвых душ». Но вы будете несправедливы, когда будете осуждать за них автора, принимая за карикатуру насмешку над губерниями так же, как были прежде несправедливы, хваливши. Вовсе не губерния и не несколько уродливых помещиков, и не то, что им приписывают, есть предмет «Мертвых душ». Это пока еще тайна, которая должна была вдруг, к изумлению всех… раскрыться в последующих томах, если бы Богу угодно было продлить жизнь мою… Была у меня, точно, гордость, но не моим настоящим, не теми свойствами, которыми владел я, гордость будущим шевелилась в груди, – тем, что представлялось мне впереди, – счастливым

открытием, что можно быть далеко лучше того, чем есть человек»…

Лучше того, «чем есть человек», может быть только птица, о чем Гоголь не мог не помнить с перворождения. Потому и мучительно пытался свить своей душе на земле то единственно достойное гнездо, которое помнилось ему с незапамятных времен. И «он так писал, – вспоминает граф Сологуб, – и был всегда недоволен, потому что ожидал от себя чего-то необыкновенного. Я видел, как этот бойкий, светлый ум постепенно туманился в порывах к недостижимой цели».

Далее у Тангалычева идут рассуждения о демоническом и райском текстах «Мертвых душ», что, на мой взгляд, ближе не к литературоведению, а к богословию, причем не христианскому, а потому остальную часть его статьи я опущу, приведу лишь ее окончание:

«Мертвые души» – можно сказать, самый адский труд Гоголя. За оставшийся первый том поэмы он на земле же испытал муки ада; а там, в вечном мире, он за сожжение второго тома, возможно, получил освобождение…

Гоголь появился на Руси, чтобы смеяться над ней, высмеять ее перед всем миром. И, наверное, заботясь о покое для своей души, Гоголь в завещании просит Россию не ставить памятника над его могилой, заверяет, что он сжег все свои бумаги. «Мне страшно вспомнить обо всех моих мараньях. Они вроде грозных обвинителей являются глазам моим. Забвенья, долгого забвенья просит душа…»

Просьба Гоголя вряд ли достигла вышины. Вышина внимала его уже незабвенной поэзии…» (Выделено мною. – *М.А.)*

Естественно, при таком состоянии общества поэт-пророк и мог только воскликнуть: «Скучно на этом свете, господа!» Он обязан был вооружить заблудшее человечество идеалом героя.

Любил ли Гоголь Россию? Безусловно, он об этом говорил и писал многократно (хотя и приврать, и польстить он был мастер). Но в основном Гоголь с Россией мирился лишь «из прекрасного далека»; его приезды в Россию кончались недоумением: «Россия, Петербург, снега, подлецы, департамент, кафедра, театр, все это снилось». (Из письма 1837 года.) В 1840 году он пишет из Москвы: «Какой тяжелый сон… О, мой Рим!»; «как тягостно мое существование в моем отечестве» – пишет он Максимовичу в 1842 году и – к Балабиной (того же года): «с того времени, как… ступила моя нога в родную землю… как будто очутился я на чужбине»; «Исповедь» полна недоумений: в России Россию нельзя понять: у каждого в голове своя Россия; в России не говорят о России, не знают России, не хотят России». Словом, Гоголь любил

выдуманную им Россию, «исправленную» в соответствии с его казачьим идеалом, а не подлинную Россию, которой он не знал, а по мере того, как узнавал ее, ужасался.

Как писал Василий Розанов в своей книге «Легенда о великом инквизиторе», «Гоголь был великий платоник, бравший все в идее, в грани, в пределе (художественном); и, разумеется, судить о России по изображениям его было бы так же странно, как об Афинах времен Платона судить по отзывам Платона… **в портретах своих, конечно, он не изображает действительность,** но схемы породы человеческой он изваял вековечно; грани, к которым вечно приближается или от которых удаляется человек… **Мертвым взглядом посмотрел Гоголь на жизнь, и мертвые души только увидал он в ней. Вовсе не отразил действительность он в своих произведениях,** но только с изумительным мастерством нарисовал ряд карикатур на нее: от этого-то и запоминаются они так, как не могут запомниться никакие живые образы. Рассмотрите ряд лучших портретов с людей, действительных в жизни, одетых плотью и кровью, – и вы редкий из них запомните; взгляните на очень хорошую карикатуру, – и еще много времени спустя, даже проснувшись ночью, вы вспомните ее и рассмеетесь. В первых есть смешение черт различных, и добрых и злых наклонностей, и, пересекаясь друг с другом, они взаимно смягчают одна другую, – ничего яркого и резкого не поражает вас в них; в карикатуре взята одна черта характера, и вся фигура отражает только ее – и гримасой лица, и неестественными конвульсиями тела. Она ложна и навеки запоминается. Таков и Гоголь. И здесь лежит объяснение всей его личности и судьбы. Признавая его гений, мы с изумлением останавливаемся над ним, и когда спрашиваем себя: почему он так не похож на всех.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» можно, в сущности, найти все данные для определения внутреннего процесса его творчества… «Я уже от многих своих недостатков избавился тем, что передал их своим героям, их осмеял в них и заставил других также над ними посмеяться… Тебе объяснится также и то, почему я не выставлял до сих пор читателю явлений утешительных и не избирал в мои герои добродетельных людей. Их в голове не выдумаешь.

Пока не станешь сам сколько-нибудь на них походить, пока не добудешь постоянством и не завоюешь силою в душу несколько добрых качеств, – мертвечина будет все, что ни напишет перо твое». Здесь довольно ясно выражен субъективный способ создания всех образов его произведений: они суть выдавленные наружу качества своей души, о срисовке их с чего-

либо внешнего даже и не упоминается. Так же определяется и самый процесс создания: берется единичный недостаток, сущность которого хорошо известна из субъективной жизни, и на него пишется иллюстрация или иллюстрация «с моралью». Ясно, что уже каждая черта этого образа отражает в себе по-своему этот только недостаток, ибо иной цели рисуемый образ и не имеет. Это и есть сущность карикатуры…

Он (Гоголь) был до такой степени уединен в своей душе, что не мог коснуться ею никакой иной души: и вот отчего так почувствовал всю скульптурность наружных форм, движений, обликов, положений. О нем, друге Пушкина, современнике Грановского и Белинского, о члене славянофильского кружка в лучшую, самую чистую пору его существования, рассказывают, что «он не мог найти положительного образа для своих созданий»; и мы сами слышим у него жгучие, слишком «зримые» слезы по чем-то неосуществимом, по каком-то будто бы «идеале». Не ошибка ли тут в слове и, подставив нужное, не разгадаем ли мы всей его тайны? Не идеала не мог он найти и выразить; он, великий художник форм, сгорел от бессильного желания вложить хоть в одну из них какую-нибудь живую душу. И когда не мог все-таки преодолеть неудержимой потребности, – чудовищные фантасмагории показались в его произведениях, противоестественная Улинька и какой-то грек Костанжогло, не похожие ни на сон, ни на действительность. И он сгорел в бессильной жажде прикоснуться к человеческой душе…

Гениальный художник всю свою жизнь изображал человека и не мог изобразить его души. И он сказал нам, что этой души нет, и, рисуя мертвые фигуры, делал это с таким искусством, что мы в самом деле на несколько десятилетий поверили, что было целое поколение ходячих мертвецов, – и мы возненавидели это поколение, мы не пожалели о них всяких слов, которые в силах сказать человек только о бездушных существах. Но он, виновник этого обмана, понес кару, которая для нас еще в будущем. Он умер жертвою недостатка своей природы, – и образ аскета, жгущего свои сочинения, есть последний, который оставил он от всей странной, столь необыкновенной своей жизни. «Мне отмщение и Аз воздам» – как будто слышатся эти слова из-за треска камина, в который гениальный безумец бросает свою гениальную и преступную клевету на человеческую природу». (Выделено мной. – *МЛ.)*

По мысли Розанова, все последующее развитие русской литературы второй половины XIX – начала XX века было отталкиванием от мертвечины Гоголя, преодолением его мертвящего взгляда на жизнь.

«Что не сознается людьми, то иногда чувствуется ими с тем большею силою. Вся литература наша после Гоголя обратилась к проникновению в человеческое существо; и не отсюда ли, из этой силы противодействия, вытекло то, что ни в какое время и ни у какого народа все тайники человеческой души не были так глубоко вскрыты, как это совершилось в последние десятилетия у всех нас на глазах? Нет ничего поразительнее той перемены, которую испытываешь, переходя от Гоголя к какому-нибудь из новых писателей: как будто от кладбища мертвецов переходишь в цветущий сад, где все полно звуков и красок, сияния солнца и жизни природы. Мы впервые слышим человеческие голоса, видим гнев и радость на человеческих лицах, знаем, как смешны иногда они бывают: и все-таки любим их, потому что чувствуем, что они люди и, следовательно, братья нам».

Но, страшась увиденной им России, Гоголь при этом призывал и себя, и читателей не пугаться, не унывать по поводу «страхов и ужасов России», а верить в ее славное будущее, едва ли не предсказанное ему свыше. Пока он был здоров, он умел тонко польстить нужному ему человеку. Возможно, льстил он подчас и целой России. Но вот почувствовал он приближение смерти… Уж не попытался ли Гоголь представить неопровержимое доказательство его любви к России, совершив мужественный акт, когда он сжег второй том «Мертвых душ»? (Может быть, он не желал, чтобы Россию отождествляли с выведенными им уродами, и тем самым он давал бы поводы русофобам всех мастей порочить нашу страну.) А еще раньше призывал публику не читать и первый том, от которого сам отрекся.

Сам Гоголь не раз говорил, что не знает, какая у него душа – русская или хохлацкая. Но это и не казалось ему важным, ибо русские и украинцы – два народа, которые дополняют друг друга и созданы, чтобы жить вместе. Только вместе они могут явить «нечто совершеннейшее в человечестве». При этом **Гоголь никогда не отрекался от того, что он украинец.** (А Пыпин в «Истории русской литературы» добавил: «Гоголь был малороссом до мозга костей…».)

Но не следует думать, что Гоголь был украинским националистом. Живи он в наши дни, он гневно осудил бы политиков вроде Ющенко или Тимошенко, а тем более националистов-западенцев. Гоголь не мыслил «незалэжной» Украины, оторванной от России. Провинция, отделенная от столицы, показалась бы ему совершеннейшей глухоманью. Нет, он мечтал о присоединении «оказаченной» России к матери-Украине, то есть он был, скорее, украинским экспансионистом. Когда-то Сталин высмеивал западных политиков, предлагавших

присоединить Советскую Украину к Закарпатской Украине (тогда еще не входившей в состав СССР). По его словам, эти «геополитики» мечтают о присоединении слона (обширной Советской Украины) к букашке (крохотной Закарпатской Украине). Гоголь тоже мечтал о воссоединении Великороссии – ядра величайшего государства того времени – Российской империи – не просто с гораздо меньшим территориальным образованием, а с давно уже не существующим, вымершим, оставшимся только в истории да в казацких песнях. Вот и получилась бы Новая Запорожская Сечь размером в одну шестую часть земной суши. Неприятие украинского сепаратизма определило и отношение Гоголя к Тарасу Шевченко: «Дегтю много, и даже прибавлю, дегтю больше, чем самой поэзии. Нам-то с вами, как малороссам, это, пожалуй, и приятно, но не у всех носы, как наши. Нам надо писать по-русски, надо стремиться к поддержке и упрочению одного, владычного языка для всех родных нам племен. Я знаю и люблю Шевченко, как земляка и даровитого художника. Но его погубили наши умники, натолкнув его на произведения, чуждые истинному таланту».

«В начале своей литературной деятельности, – заступается за гения Сергей Гупало, – Николай Гоголь очень увлекался Украиной, но вскоре охладел к ней как художник. В 1833 году о своих «Вечерах на хуторе близ Диканьки» он говорил: «Черт с ними! Я не издаю их вторым изданием; и хотя денежные приобретения были бы нелишние для меня, но писать для этого, прибавлять сказки не могу. Никак не имею таланта заняться спекулятивными оборотами». В то же время он жил надеждой написать многотомную историю Малороссии. Это свело его с профессором Михаилом Максимовичем, который готовил к печати «Украинские народные песни». Их дружба была очень крепкой, вдвоем они собирались ехать в Киев, где открылся университет. «В Киев, в древний, прекрасный Киев! Он **наш,** но не их (то есть не русских. – *М.А.),* – не правда? Там или вокруг него деялись дела страны нашей. Да, это славно будет, если мы займем с тобою киевские кафедры: много можно будет наделать добра», – писал Николай Гоголь своему земляку. Но Николаю Васильевичу предложили в Киевском университете лишь должность адъюнкта, и он отказался от поездки.

В 1834 году писатель еще мечтал купить в Киеве, где-то на возвышенности, домик с видом на Днепр. Летом 1835 года он побывал в Киеве, когда ехал в Москву из Крыма, остановился у Михаила Максимовича. Это была фатальная поездка на родную землю. Уже через два года писатель начнет отождествлять Украину с Россией, а родиной души, «где его душа жила, пока он

не родился на свет», назовет Рим. (Ясно, что не Москву или Петербург. – *М.А.)*. Вернувшись из Италии, Николай Гоголь поедет в Москву, а не на Полтавщину. В 1844 году писатель скажет: «…Сам не знаю, какая у меня душа, хохлацкая или русская…»

Во время работы над вторым томом «Мертвых душ» у Гоголя исчезло былое восхищение казацкой Малороссией, а понятие родины приобрело иной смысл. Только незадолго до смерти писатель начнет посещать родную Васильевку (Кстати сказать, родных своих он сторонился, чем немало их огорчал. – *М.А.)* Осенью 1851 года писатель навсегда покидает Сорочинцы и Васильевку и снова приезжает в Москву… Свои повести, в которых описана Украина, Николай Гоголь называл слабенькими, это были для него лишь упражнения, он их не ценил и даже отказывался от них».

Да, это тоже трагедия: любовь к Украине стала менее пламенной, ибо провинциализм ее бил в глаза писателю, пожившему и в Петербурге, и в Москве, и в десятке стран Западной Европы. Но и Россия так и не стала для него второй Родиной, в Москву он ехал, чтобы или завершить второй и третий тома «Мертвых душ», или окончить свою жизнь. А благословенная Италия, в особенности «вечный Рим», оставались уже недоступными. В России он так и остался русскоязычным писателем.

Поэтому я не во всем согласен с теми, кто утверждает, что Гоголь осмысленно принижал русского человека, противопоставляя ему героя – запорожского казака. Восприятие Гоголем русских было естественным для человека его происхождения и воспитания, особенной религиозной экзальтации и пр. Какой Гоголь видел Россию и русских через призму своего застопорившегося на казачестве сознания, таким он их и описывал. Поэтому следует проанализировать, что такое казачество – в представлении Гоголя и на самом деле. А пока краткий вывод о взаимоотношениях Украины и России (которые для нас важнее, чем отношения с любой другой страной мира).

То, что всестороннее сотрудничество русских и украинцев крайне желательно, у меня не вызывает сомнений. Но то, что это два народа-брата «не разлей вода», как раз крайне сомнительно вследствие громадной разницы в их менталитетах и геополитических устремлениях. Россия сдвигается к Азиатско-Тихоокеанскому региону – будущему центру мировой деловой активности, Украина, в соответствии с ее давними стремлениями, рвется в умирающую Европу. И не так уж невероятна мысль о

возможном серьезном конфликте между Украиной и Россией. Будущее покажет, какой из этих народов устремлен в будущее, а какой – в прошлое.

За какую Русь и за какую веру боролись и умирали казаки

Доказательством русского патриотизма Гоголя принято считать повесть «Тарас Бульба» (по мнению Александра Привалова, самое устаревшее из произведений писателя). В ней, принятой с восторгом едва ли не всеми как произведение героическое и патриотическое, Гоголь выразил свой идеал: это – запорожские казаки (сам Гоголь писал: «козаки»). Повесть многократно экранизировалась на Западе, а недавно по ней был снят фильм и у нас, получивший немало как восторженных, так и отрицательных отзывов.

Горячий прием повести именно русскими основан на полнейшем недоразумении. Да, сердцевиной будущей украинской нации стало казачество. Сердцевиной духовной, а не этнической. Ведь казачество – это сборище лиц разных этносов, в Запорожской Сечи встречались не только малороссы, но и великороссы, и поляки, и татары-разбойники, и армяне, и лица совсем уж экзотических для этих мест этносов – венгры, потомки черных клобуков и даже турки. Часто это были разоренные беглецы, преступники, авантюристы. Значительная часть сечевиков в этническом отношении не имела ничего общего с малороссами, тогда преимущественно крестьянами.

Итак, кто же такой казак в первоначальном значении этого слова? Слово «казах» «означает в тюркских языках вольного наездника…» *(Мавродин В.В.* Происхождение русского народа. Л., 1978. С. 149). Конкретнее, это – человек (чаще конный), добывающий свое пропитание оружием. О том, как казак даже в XIX веке относился к людям других этносов, в том числе и к русским, можно прочитать в повести Льва Толстого, которая так и называется «Казаки». А ведь в ней речь шла уже о совсем других казаках, служивых людях. Но Запорожская Сечь была принципиально антигосударственным образованием. Эта единственная в своем роде казацкая республика, находясь между Россией, Польшей, Крымским ханством и Турцией, воевала то с одним, то с другим своим соседом и жила тем, что добывала во время набегов на соседей (регулярной хозяйственной деятельности она не вела и в принципе не могла вести).

Вот как сам Гоголь описывал возникновение казачества и обусловленный этим характер казаков:

«Бульба был упрям страшно. Это был один из тех характеров, которые могли только возникнуть в тяжелый XV век на полукочующем углу Европы, когда вся южная первобытная Россия, оставленная своими князьями, была опустошена, выжжена до тла неукротимыми набегами монгольских хищников; когда лишившись дома и кровли, стал здесь отважен человек; когда на пожарищах, в виду грозных соседей и вечной опасности, селился он и привыкал глядеть им прямо в очи, разучившись знать, существует ли какая боязнь на свете; когда бранным пламенем объявился древле-мирный славянский дух, и завелось казачество – широкая, разгульная замашка русской природы… Это было, точно, необыкновенное явленье русской силы: его вышибло из народной груди огниво бед. Вместо прежних уделов, мелких городков, наполненных псарями и ловчими, вместо враждующих и торгующих городами мелких князей, возникли грозные селения, курени и околицы, связанные общей опасностью и ненавистью против нехристианских хищников. Уже известно всем из истории, как их вечная борьба и беспокойная жизнь спасли Европу от сих неукротимых стремлений, грозивших ее опрокинуть… Кончился поход, – воин уходил в луга и пашни, на днепровские перевозы, ловил рыбу, торговал, варил пиво и был вольный казак… Не было ремесла, которого бы не знал казак: накурить вина, снарядить телегу, намолоть пороху, справить кузнецкую, слесарную работу и, в прибавку к тому, **гулять напропало, пить и бражничать, как только может один русский,** – все это было ему по плечу». А кроме рейстровых казаков, «считавших обязанностью являться во время войны», можно было набрать добровольцев, кликнув по рынкам и площадям сел клич: «Ступайте славы и чести рыцарской добиваться!.. Пора доставать казацкой славы!» (Выделено мной. – *МЛ.)*

Гоголь, восхищавшийся казачеством, все же вынужден был описать крайнюю жестокость, даже зверства казаков, которые не просто убивали свои жертвы, а и вырезали младенцев из чрева матерей. Жестокость в людях часто соединяется с сентиментальностью, которой окрашены, например, многие казацкие песни.

Еще один важный штрих к характеристике Тараса Бульбы: «Тогда влияние Польши начинало уже сказываться на русском дворянстве. Многие перенимали уже польские обычаи, заводили роскошь, великолепные прислуги, соколов, ловчих, обеды, дворы. Тарасу было это не по сердцу. Он любил простую жизнь казаков и перессорился с теми из своих товарищей, которые были наклонны к варшавской стороне, называя их холопьями польских панов.

Неугомонный вечно, он считал себя законным защитником православия» Его «враги были бусурманы и турки, против которых он считал во всяком случае поднять оружие во славу христианства». Он желал посмотреть на первые подвиги своих сыновей «в ратной науке и бражничестве, которое почитал тоже одним из главных достоинств рыцаря». Сам он говорил о «чести лыцарской».

И вот общая картина Сечи:

«Сечь не любила затруднять себя военными упражнениями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось в ней одним опытом, в самом пылу битв, которые оттого были почти беспрерывны… все прочее время отдавалось гульбе – признаку широкого размета душевной воли. Вся Сечь представляла необыкновенное явление. **Это было какое-то беспрерывное пиршество…»**

Но пиршествовать можно было только до тех пор, пока были деньги. Значит, за пиршеством должен был наступать военный поход за добычей. И те, кто возвращались из похода живыми, могли снова пировать. А на место тех, кто погиб, из похода не вернулся, приходили новые любители такой разгульной жизни, не обремененной производительным трудом и житейскими заботами. Казачество было особым образом жизни, совершенно не схожим с оседлым хлеборобским бытием малороссов. Вот таким был «жизненный цикл» казачества: пир, грабеж, снова пир и т. д. Редко кто из сечевиков доживал до старости. Но, как отмечал один критик, «как это ни парадоксально в контексте грабительско-паразитическо-го образа жизни, однако до официального присоединения к России, которому оно способствовало как никто, казачество не только считало себя, но и действительно являлось… мужественнейшими защитниками православной веры и культуры на Украине. Особенно во время польского владычества… А что уж говорить об отношении к крымскому ханству и туркам! Походы против них считались делом в прямом смысле святым».

Казак, столь романтично представленный Гоголем, а уж тем более – реальный, как идеал русским совсем не подходил. Гоголь, живописуя это сообщество анархистов, сам замечает, что оно умело «только гулять да палить из ружей». Для казаков «все равно, где бы ни воевать, только бы воевать, потому что неприлично благородному человеку быть без битвы». Если же ее нет, можно отвести душу в ссоре и драке куреней с куренями. В общем, казаки вели себя совершенно так же, как и западноевропейские благородные рыцари, искавшие себе чести и славы, или как викинги (варяги), промышлявшие разбоем и

предававшиеся потом гульбе. И Гоголь воспел «то поэтическое время, когда все добывалось саблею». Кинорежиссер Владимир Бортко, поставивший фильм «Тарас Бульба», видел аналогию казака в японском самурае:

«Важно понять психологию казаков того времени. Для них не было другого смысла жизни, кроме войны с врагом… «путь воина – это путь к смерти» – закон самураев. **И у казаков та же философия. Мечта любого из них – прославиться, умереть героем, чтобы потом о нем бандуристы пели на весь мир.** Тогда царило абсолютно другое мышление, непонятное в наше гуманистическое время». Это не была война за Родину, как Великая Отечественная война: «Нет, Великая Отечественная война предполагала защиту Родины, а потом мирную жизнь. А казаки, пока могли сидеть в седле, воевали. Вы пытаетесь найти в этом рациональное зерно, а оно в другом. Это не рационализм нашего современника, для которого мир лучше войны, а жизнь дома с женой лучше военных лишений. Тарас говорит сыну: «Не слухай жинку, бо вона баба». И это не шутка, а жизненная позиция. Ты самурай! И с ляхами та же история. Польский пан, который пропил все имение, деньги, челядь, перед сражением одалживал злотые. Почему? А потому, что если его убьют, то противник возьмет деньги как законную добычу. Чтобы потом не считал, что бился с холопом, быдлом» («Комсомольская правда», 26.03.2009).

Казаки, как принято считать и как были уверены сами, защищали православную веру и готовы были умереть за нее, но их «символ веры» был прост: «Веровать во Христа и в Святую Троицу, ходить в церковь».

Вот как сам Гоголь описывал порядок приема новичков в Сечь:

«Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил: «Здравствуй! Что, во Христа веруешь?» «Верую!» отвечал приходивший. «И в Троицу Святую веруешь?» «Верую!» «И в церковь ходишь?» «Хожу!» «А ну, перекрестись!» Пришедший крестился. «Ну, хорошо», отвечал кошевой: «ступай же, в который сам знаешь, курень». Этим заканчивалась вся церемония. И вся Сечь молилась в одной церкви и готова была защищать ее до последней капли крови, хотя и слышать не хотела о посте и воздержании».

Вот и все, остальное нужно было доказывать в боях. Можно ли ожидать иного от этих вечных воинов, если и православие украинцев вообще, например, священник и богослов Георгий Флоровский считал в значительной мере «окатоличенным». Во времена моего детства мальчишки нашего двора часто играли в

«казаков-разбойников». Видно, название этой игры укоренилось не случайно. Видеть в «казаках-разбойниках» из повести Гоголя, когда они разделились на два отряда, чтобы и не оставлять осады вражеского польского города, и вызволить «однополчан», попавших в плен к иноземцам, исполнителей евангельской заповеди «положить душу своя за друзей своих», можно только при пылком воображении.

Интересно, что Тарас, выражая общую волю казаков, призывал выпить за то, **чтобы по всему свету разошлась и была бы одна святая православная вера, «и все, сколько ни есть бусурманов, все бы сделались христианами!».** Вот такие были они крестоносцы или суперэкуменисты на основе их «казацкого православия»! Предчувствуя скорую свою гибель, казаки думали о том, что не пропадет казацкая слава, будет петь о них старик-бандурист, «и пойдет дыбом по всему свету о них слава, и все, что ни народится потом, заговорит о них».

«Бульбу» «проходят» в школе, поэтому повесть издается в усеченном виде, и редко кто перечитывал ее полный текст, будучи уже взрослым. Щадят издатели чувства читателей, опускают сцены чудовищной жестокости, проявляемой казаками.

Порой казаки устраивали погромы, швыряя еврейских торговцев в волны Днепра. А как расправлялись они с поляками (так сказать, на взаимной основе)! Сжигали деревни, угоняли или убивали скот, отрезали груди у женщин, кидали в пламя матерей вместе с младенцами. Не случайно, – говорит кинорежиссер Федор Бондарчук, – при попытках экранизации повести всякий раз «смягчают» жесткий гоголевский сюжет, экранизировать повесть «в чистом виде» никто не решается, и серьезное ее кинопрочтение еще впереди.

Но повесть написана так, что завораживает. Вряд ли был в России, на Украине и в Белоруссии хоть один юноша, который, читая «Тараса Бульбу», не переживал бы за таких казаков, как Кукубенко:

«Казаки, казаки! Не выдавайте лучшего цвета вашего войска! Уже обступили Кукубенка, уже семь человек только осталось из всего Незамайновского куреня; уже и те отбиваются через силу; уже окровавилась на нем одежда. Сам Тарас, видя беду его, поспешил на выручку. Но поздно подоспели казаки: уже успело ему углубиться под сердце копье прежде, чем были отогнаны обступившие его враги. Тихо склонился он на руки подхватившим его казакам. И хлынула ручьем молодая кровь, подобно дорогому вину, которое несли в склянном сосуде из погреба неосторожные слуги, подскользнулись тут же у входа и разбили дорогую сулею: все разлилось на землю вино, и схватил себя за голову

прибежавший хозяин, сберегавший его про лучший случай в жизни, чтобы, если приведет Бог на старости лет встретиться с товарищем юности, то чтобы помянуть бы вместе с ним прежнее, иное время, когда иначе и лучше веселился человек… Повел Кукубенко вокруг себя очами и проговорил: «Благодарю Бога, что довелось мне умереть на глазах ваших, товарищи! Пусть же после нас живут еще лучшие, чем мы, и красуется вечно любимая Христом Русская земля!» И вылетела молодая душа. Подняли ее ангелы под руки и понесли к небесам. Хорошо будет ему там. «Садись, Кукубенко, одесную меня!» скажет ему Христос: «ты не изменил товариществу, бесчестного дела не сделал, не выдал в беде человека, хранил и сберегал Мою Церковь»…

Описание Сечи у Гоголя слишком романтическое. Но есть и более трезвые исследования этого феномена. (Наверное, самое свежее из них – вышедшая в 2008 году в издательстве «Алгоритм» книга Александра Андреева, Максима Андреева и Антона Мастерова «Запорожская Сечь».) Сечь была передвижной (менявшей местоположение в зависимости от складывающейся обстановки) столицей некоей орды. Эта орда не была ни государством, ни рыцарским орденом, а сообществом любителей легкой, но и опасной жизни воинов-грабителей. При относительном демократизме среди казаков было имущественное неравенство. Например, кошевой атаман Сирко имел табун лошадей в 15 000 голов. Уже были выработаны формы неявного угнетения рядовых казаков верхушкой казачества. Многие авторы рисуют непривлекательный духовный облик казаков. Клятвопреступление, двоедушие, изворотливость, ложь, бегство с поля боя, дезертирство, стяжательство, жадность, поиски виновных среди безвинных, доносы и оговоры не были редкостью. И тут нечему удивляться: рядом жили, ели из одного котла часто люди, еще вчера не знавшие друг друга, и неизвестно, останется ли вчерашний пришелец в Сечи или завтра уедет искать другое место для житья и поиска наживы.

Гетманы (в том числе и возведенные впоследствии в герои) и казацкая верхушка постоянно метались к полякам, татарам, туркам… Даже после Переяславской рады гетман Выговский, сменивший скончавшегося Богдана Хмельницкого, дважды присягнувший на верность московскому царю, взял курс на поглощение украинских земель Польшей ради того, что лично ему были обещаны различные блага. Он зверски расправился с теми, кто был недоволен его новым курсом. Когда русские войска под командованием князя Трубецкого пошли на помощь тем украинцам, которые не хотели возврата под иго католической Польши, Выговский, вступив в союз с крымским ханом Мухаммед-

Гиреем, нанес русским поражение под Конотопом. Но всенародное восстание украинцев в сочетании с наступлением армии Трубецкого заставило Выговского бежать в Польшу, где он был вскоре расстрелян. По словам журналиста Сергея Макеева, «Гетманы всегда предавали Россию в самый трудный момент. При этом и речи не шло о «незалэжности» и «самостийности»: только о смене подданства и о временных выгодах для гетмана и его окружения, так обстояло дело и в случае с Мазепой. Никогда не было действительно народной республики, защищавшей «чернь» от наглой польской шляхты, турецко-татарских поработителей и русских бояр. Они были изредка и только в зародышах, хотя воевали казаки со всеми соседями постоянно. Зато у бедноты остались воспоминания о казаках как о «лихих людях». Так что Гоголь и тут вводил русских читателей в заблуждение. (А еще собирался написать многотомную «Историю Малороссии»!)

Оторвемся на время от милой сердцу Гоголя Запорожской Сечи и взглянем на северо-восточный край Русской земли. Владимиро-Суздальская (затем Московская) Русь, подвергшаяся ордынскому нашествию, еще в XIII—XIV веках сложилась в рамках улуса Джучи как часть великой империи Чингисхана. Русские князья, совершавшие поездки в столицу империи Каракорум, видели безбрежные просторы и в то же время прекрасно организованное государство с почтовыми трактами, армию, связанную строжайшей дисциплиной, демократию (выборы главы империи на курултае), законность, веротерпимость и пр. Города Орды повидали многие тысячи русских мастеров. И после этого загнать их мировоззрение в пределы крохотных уделов было уже невозможно. Русский народ уже в то время сложился как народ евразийский (не в том пошлом понимании этого слова, какое господствует в современной политологии). А области вокруг Киева (будущие украинские) вскоре вошли в состав Польско-Литовского государства и до XVII века жили мечтой о независимости и восстановлении Великой Руси (то есть Киевщины), не обращая особого внимания на своего северного соседа, как не имеющего отношения к проблеме «вильной Украины». Москва же крепла и возвышалась, присоединяя земли в Сибири, много большие, чем Украина, а в южных степях слепые кобзари пели бесконечные думы о казацкой славе.

Не упускали казаки возможности пограбить не только ляхов или басурман, но и северного соседа, когда для этого появлялись подходящие условия. Особенно буйствовали они на российской земле во время Смуты начала XVII века. В 1618 году гетман Сагайдачный возглавил поход 20-тысячного войска на Москву, помогая Польше посадить королевича Владислава на Московский

престол. Войско Сагайдачного сожгло и разграбило Елец, Ливны, Ярославль, Переславль, Романов, Каширу, Касимов, а также осадило Москву. Нередко их зверства не уступали по жестокости деяниям поляков. Не стеснялись они и грабить православные храмы, похищать оттуда золото и серебро – и священные сосуды, и оклады икон (есть немало свидетельств фактического безверия многих казаков). До того казаки Сагайдачного успешно захватили Варну, где взяли добра на 180 тысяч злотых, ограбили Кафу в Крыму и выиграли сражение с турками под Хотином.

Казаки составляли ударную силу самозванцев и предводителей крестьянских войн в России – Ивана Болотникова, Степана Разина и Емельяна Пугачева, войн, которые потрясали самые основы Российского государства.

Украинские историки любят напоминать о жестокости русских воинов. Так, Меншиков, взяв столицу гетмана Мазепы Батурин, расправился с ее защитниками, казнив несколько тысяч украинцев. Война редко ведется по законам благородства (если вообще когда-нибудь так ведется), и жестокими оказываются едва ли не все стороны конфликтов, и вряд ли можно кого-то оправдывать. Но данную ситуацию следует пояснить. В Батурине были сосредоточены запасы продовольствия и подкрепления для войск Мазепы, и потому к этому городу спешили Карл XII и Мазепа. Промедление с взятием города было для русских смерти подобно. На предложение Меншикова сдаться гарнизон крепости ответил отказом, пришлось брать ее штурмом. Держать пленных было негде, охранять их было некому. Пленные же были не простые, среди них были и сердюки – воины из личной охраны Мазепы. Как поется в известной песне, «печальная история…». Но ненависть безродной верхушки казачества к москалям, возникшая много раньше этого эпизода, отмечается многими историками.

Весьма популярный в XIX веке писатель Михаил Загоскин в своем романе «Юрий Милославский» так рисовал «доброго», положительного казака, который не раз спасал героя романа, русского боярина, от неминуемой гибели:

«Кирша был удалой наездник, любил подраться, попить, побуянить; но и в самом пылу сражения щадил безоружного врага, не забавлялся, подобно своим товарищам, над пленными, то есть не резал им ни ушей, ни носов, а только, обобрав с ног до головы и оставив в одной рубашке, отпускал их на все четыре стороны. Правда, это случалось иногда зимою, в трескучие морозы; но зато и летом он поступал с ними с тем же самым милосердием и терпеливо сносил насмешки товарищей, которые называли его отцом Киршею и говорили, что он не запорожский казак, а баба. Вечно мстить за нанесенную обиду и никогда не

забывать сделанного ему добра – вот правило, которому Кирша не изменял во всю жизнь свою».

На фоне такого доброго казака легко представить себе нравы его менее добрых товарищей.

Еще одна любопытная деталь: об одном из главных персонажей своей повести «Нос» Гоголь говорит: «Иван Яковлевич, как всякий порядочный русский мастеровой, был пьяница страшный». И его супруга ругает его, повторяя: «пьяница!» А между тем казаки дуют горилку (не водку, а почти чистый спирт!) чуть ли не ведрами, но это нисколько не омрачает их благородный облик рыцарей. «Что позволено Юпитеру, не позволено быку»… Ни в одном произведении Гоголя нет ни единого светлого образа русского человека, тогда как казаки предстают образцами благородства (в казацком же понимании).

Читателей подкупало то, что казаки погибали в боях со словами: «Пусть же стоит на вечные времена православная Русская земля и будет ей вечная честь!» Вот и Тарас, сжигаемый врагами на костре, кричит: «… подымется из русской земли свой царь, и не будет в мире силы, которая бы не покорилась ему!..»

Только не знали читатели, что в XV—XVI веках Русью в тех местах называли Киев и его окрестности, бывшие южнорусские княжества. Владимир Мавродин говорил «о наименовании Русью, Русской землей только области среднего Приднепровья… города Киев, Чернигов и Переяславль (Русский, Южный», в отличие от Переяславля-Залесского» (Цит. соч., с. 163). Жителей же Московского государства западноевропейцы называли московитами, а казаки – москалями. И, конечно же, говоря о русских, о русской земле и ее царе, Бульба вовсе не имел в виду москвичей или вологжан. И сам исполнитель роли Тараса Бульбы в фильме Бортко Богдан Ступка играл героя Украины. Многие украинские интеллектуалы считают: «Для нас Украина и Русь – тождественные понятия…. Петр I в начале XVIII века заменил «Государство Московское» на «Государство Российское». Это мы изначально были Русью, русичами, и жили на русской земле… При жизни Гоголя в нем видели только хитроватого хохла. Это потом он стал классиком русской литературы» («Комсомольская правда», 31.03.2009).

Русский человек – служивый человек, государственник, его идеалом никак не могли быть гульба, пальба и анархия (разве что в свободное от службы время). Но и казаку жизнь служивого русского человека (прозаическая на вид, но часто исполненная героизма и, во всяком случае, чувства долга) должна была казаться скучной и унылой. Гоголь с его идеалом казацкой вольницы, предназначавшимся для России, тут, что называется,

попал пальцем в небо.

Но написана повесть изумительным языком, это – самое живописное произведение Гоголя: ведь речь идет о казаках, прежних, славных украинцах. Как переживает читатель за Кукубенко и за других погибающих в битве с врагом храбрых запорожцев! Не удивительно, что и многие русские воспринимали автора повести как своего, русского писателя.

Были попытки и с социологической точки зрения обосновать выбор Гоголем казака в качестве идеала. Так критик Виктор Виноградов в книге «Гоголь и натуральная школа» утверждал:

«Тяготение Гоголя уйти от знакомых, мелкопоместных сюжетов и характеров в мир фантастических грез о малорусско-казацкой жизни вытекало из той психологии тоски и разочарования, которая рождалась в лучших людях поместного класса в эпоху распада поместно-патриархальных устоев под влиянием денежно-меновой культуры».

Но вернусь к XVII веку. Тогда гнет польских панов и опустошительные набеги крымских татар становились невыносимыми, и казачьи вожди не раз обращались к России с просьбой о присоединении к ней. Наконец, Земские соборы 1651 и 1653 годов дают добро на этот шаг, и Россия вступает в 14-летнюю войну с Польшей – в ущерб своим интересам. (У нее тогда наметился союз с Польшей против Швеции, что давало возможность решить давний «ливонский вопрос», и от него пришлось отказаться.) Сознавая невозможность сохранить независимость Украины в тех исторических условиях, гетман Богдан Хмельницкий выбрал как наименьшее из зол союз с Россией. По его инициативе Переяславская рада приняла решение о воссоединении Украины (это была тогда сравнительно узкая полоска земли на левом берегу Днепра) с Россией. Польша бросила все силы против России, и это позволило казакам очистить от панов всю Украину.

А дальше произошло то, что не раз случалось с народами, «облагодетельствованными» Россией. Новые гетманы призывают к «самостийности» и, вступив в союз то с крымским ханом, то с поляками, наносят русским войскам тяжелые поражения. Победа «самостийности» оборачивается новым подчинением Польше, которая признала привилегии казацкой старшины, чтобы вернуть под панский гнет рядовых казаков и крестьянство. А крымские татары уже безнаказанно грабили украинские города и села, уводя каждый раз тысячи пленников-рабов. (Украинские историки называют это время «руиной».)

И тогда украинские города просят русского царя принять их страну под свою высокую руку и править ею «по всей его

государевой воле». А в России как раз в это время складывается новый курс – на расширение государства преимущественно на юг, через славянские и греческие земли к Царьграду («тишайший» царь Алексей Михайлович был одержим идеей стать государем всех православных стран, ради чего пошел и на церковную реформу, породившую раскол). Так, поэтапно, пролив немало крови своих воинов, Россия присоединила к себе всю Украину. А Екатерина II решила избавиться от очага бунтовщиков в центре империи и ликвидировала Сечь, запорожских же казаков переселила на Кубань, наделила землей и поставила на охрану южных рубежей государства. Существовали планы перевести казаков в крепостное состояние, но казацкие атаманы убедили Николая I не делать этого. Так окончательно сформировалось сословие казаков – земледельцев и воинов. В итоге как бы частично осуществилась в новой форме идея Александра I, осуществление которой царь тогда поручил Аракчееву, о создании военных поселений, обитатели которых были бы солдатами, но кормили бы себя сами.

И Гоголь родился уже на этой Украине, ставшей частью Российской империи. Он был воспитан в традициях казацкой славы и, получив известность в России как писатель, возродил в своей повести уже исчезнувший с исторической арены идеал казака как совершенного человека, противостоящего «дряни и тряпке» – русскому (да и западноевропейскому, вообще современному Гоголю) человеку. Правда, выработал он и еще один идеал – христианского подвижника (как его понимали многие в православной, да отчасти и в католической церкви, особенно монахи), образец которого он вывел сначала в повести «Портрет» (о ней – чуть ниже).

Гоголя многие, несмотря на очевидную несостоятельность этого взгляда, продолжают считать не украинским, а русским писателем. Это в большой мере объясняется совершеннейшим незнанием большинством россиян истинной, а не придуманной «русскими патриотами» истории взаимоотношений Украины и России. Поэтому есть смысл остановиться на одной частной стороне этих отношений.

Украинцы покоряют Москву и Петербург

«Когда Русь была мононациональным (не путать с моноэтническим) государством, столицей был Киев. Это была типичная конструкция восточнославянского государства, входящего в сферу духовного влияния Византии… Потом последовало иго, раздробленность, и от татар Русь восприняла новый имперостроительъный импульс.

Московское царство стало радикально иным геополитическим образованием. Это было более не национальное государство, а Евразийская империя с православной идеологией византизма и ордынским хозяйственным, военно-стратегическим централизмом, – пишет Александр Дугин. – Геополитическая роль Киева существенно изменилась. Малороссия, колыбель государственности русских, стала Окраиной, Украиной. Причем по ряду обстоятельств часть малороссийских земель – особенно западных – попала под устойчивое геополитическое влияние Средней Европы… Начиная с определенного момента Киев становится проводником западнических тенденций».

Дугин, как и практически все современные исследователи, считает началом Русского государства Киевскую Русь, тогда как в действительности великорусская народность образовалась в XII веке в пределах Ростово-Суздальского княжества (с середины XII века – Владимиро-Суздальского великого княжества). «В представлении суздальцев киевский князь, возвращавшийся из похода в Ростово-Суздальскую землю к себе в Киев, едет «в Русь». Для суздальского летописца «Русь» – Юг, Приднепровье, Киев, а он сам – житель земли Суздальской» *(Мавродин В.В.* Происхождение русского народа». Л., 1978. С.163). И дело здесь не в каком-то областном патриотизме, а в понимании того, что возникло **государство нового типа,** созданное великим князем Андреем Боголюбским. В этом государстве на смену анархической вольнице удельных князей возникло единодержавие, позднее преобразившееся в православное самодержавие – эту идейную основу великоруской государственности. Андрей завоевал еще и титул великого князя киевского. После заговора бояр, приведшего к гибели Андрея, на престол вступил его брат Всеволод Большое Гнездо. Он подчинил себе Киев, Чернигов, Рязань, Новгород. При нем Владимиро-Суздальское княжество достигло наивысшего расцвета и стало самым могущественным из всех княжеств на территории прежней Киевской Руси. И уже письменные источники того времени отметили такое обособление Северо-Западной Руси как шаг к

образованию самостоятельного великорусского государства. А позднейшие исследователи прозевали становление как великорусской, так и самобытной украинской цивилизации. Но на этом пункте я здесь останавливаться не буду.

Возрождение Украины началось в XVII веке. Московское государство было к тому времени разорено польско-литовско-шведской интервенцией и внутренними неурядицами, а Киев стал вновь, как и при Ярославе Мудром, очагом восточноевропейской образованности, с церковной Академией, где преподавание было поставлено на хорошем европейском уровне. Студентов там учили не только богословию и греческому и латинскому языкам, но и стихосложению. И, едва избавившись от опасности опустошительных казацких набегов, Россия (Великороссия) при первых царях из династии Романовых надолго подпадает под духовную оккупацию поляков, малороссов и иных носителей западнославянской культуры. «Будучи европеизированы в большей степени, чем великороссы», они оказались «учителями русских» в научении именно западным, польско-латинским ценностям, ценой отказа от своих русских (великоросских и украинских), как, например, уже в XVII веке было заброшено (и к традициям которого обращался «не модный» в своем веке Артемий Ведель) дивное древнерусское церковное пение ради непонятно даже чем прельстившего (кроме разве что импортной наклейки) даже на Западе тогда не очень совершенного партесного», – пишет один публицист.. В украинских наставниках не видели иностранцев, и, например, «с иностранным засильем боролись, но с немецким, а не с украинским!»

При Алексее Михайловиче главным идеологом двора, основателем придворного театра, законодателем мод в литературе и воспитателем царских детей (рожденных от Милославской: Алексея, Софьи и Федора) становится монах Симеон Полоцкий (в миру – Самуил Гаврилович Петровский-Ситнянович). По мнению исследователя истории русской богословской мысли и культуры протоиерея Георгия Флоровского, «довольно заурядный западнорусский начетчик, или книжник, но очень ловкий, изворотливый, и спорый в делах житейских, сумевший высоко и твердо стать в озадаченном Московском обществе <…> как пиита и виршеслагатель, как ученый человек для всяких поручений». Родился он в Полоцке, который в то время входил в Великое княжество Литовское в составе Речи Посполитой. Учился в Киево-Могилянской коллегии. Возможно, во время обучения в Виленской иезуитской академии Симеон Полоцкий вступил в греко-католический орден святого Василия Великого. Вернувшись в Полоцк, принял православное

монашество. При посещении этого города Алексеем Михайловичем, Симеону удалось лично поднести царю приветственные «Метры» (стихи) своего сочинения, которые были благосклонно приняты. Затем он отправился в Москву. Царь поручил ему обучать молодых подьячих Приказа тайных дел. Симеон активно участвовал в подготовке, а затем и проведении Московского собора по низложению патриарха Никона.

По уполномочию Восточных Патриархов, приехавших в Москву по делу Никона, Симеон произнес перед царем орацию о необходимости «взыскати премудрости», то есть повысить уровень образования в Московском государстве. Он был назначен придворным поэтом. Благодаря тому, что Симеон был учителем у Федора Алексеевича, этот царь получил отличное образование, знал латынь и польский, писал стихи. Симеон Полоцкий составлял речи царя, писал торжественные объявления. (О нем и о его творчестве в 2011 году вышла в Минске книга Бориса Костина, которая так и называется: «Симеон Полоцкий».)

Но еще до Симеона Полоцкого в Москве появились украинские просветители русских. В XVII веке в Московском царстве не было высших учебных заведений, а, следовательно, и образованных людей – кроме украинцев, греков и западноевропейцев. «Немцы» оказались искуснее в военном деле, ремеслах и торговле, греки сведущи в делах веры, а малороссы взялись за развитие официального и книжного языка на основе церковнославянского языка, киевского и московского наречий. Москва широко открыла двери перед образованными выходцами с Украины, желавшими попробовать себя на поприще приобщения царских подданных к высотам мировой культуры.

Первые школы после окончания Смуты создавались украинцами, ими же были написаны учебники, по которым обучались и украинцы, и русские. «Словенска грамматика» Мелентия Смотрицкого вышла в 1619 году; «Лексикон» Памвы Берынды – в 1627-м и др. По этим и другим книгам, написанным украинцами, учился позднее поморский юноша Михайло Ломоносов. Даже название нашей страны поменялось благодаря ученым-малороссам. Сначала украинские ученые внесли идею преемства московского престола от киевского (что было исторической натяжкой), и московский царь стал именоваться «царем Великия, и Малыя, и Белыя Руси». Затем вместо «Русь» стали писать «Россия».

Как показал российский ученый Кирилл Фролов («НГ», 30.07.1998), в результате воссоединения 1654 года уроженцы Киева и Львова сделались хозяевами положения на научном, литературном и церковном поприще России. Идеология

национально-политического единства Южной и Северной России была выработана в большей мере в Киеве. Венцом ее стал знаменитый киевский «Синопсис», написанный предположительно Киево-Печерским архимандритом Иннокентием Гизелем (во второй половине XVII века). Эта книга переиздавалась около 30 раз и стала первым учебным пособием по русской истории. Согласно «Синопсису», «русский», «российский», «славянороссийский» народ – един. Он происходит от Иафетова сына Мосоха (имя последнего сохраняется в имени Москвы), и от «племени его» весь целиком… Россия – едина. Ее начальный центр – царственный град Киев, Москва – его законная и прямая наследница в значении общего «православно-российского» государственного центра.

Подыгрывая царю Алексею Михайловичу в его стремлении овладеть Константинополем (подзуживали его на это провокаторы-иезуиты, желавшие втравить Русь в войну с Турцией, чтобы тем самым уменьшить силу натиска турок на Священную Римскую империю германской нации), киевские монахи унифицировали духовную литературу на Руси. Это после изменения части церковной службы и обрядности патриархом Никоном привело к расколу в Русской Церкви, идеологическое и кадровое обеспечение которого обеспечивали выходцы с Украины. Оно также привело к маргинализации московской культуры. Все те духовные богатства, которые Русь накапливала в течение пяти веков, после такой «реформы» надолго оказались в забвении.

Приезжие просветители были поражены невежеством москалей, которые не проходили в школах ни тривиума, ни квадривиума (так именовались на Западе две ступени средневекового обучения «семи свободным искусствам») и не слыхивали о понятиях «тезис» и «антитезис». Самобытная русская культура, тогда процветавшая, была им чужда, и они ее попросту не заметили, как и высокий уровень грамотности (что было утрачено в имперский период и потому объявлено историками как бы не бывшим). Русские в свою очередь не вполне понимали своих просветителей, ибо уже привыкли к тому, что истина не рождается в диалектических диспутах с тезисами и антитезисами, а просто объявляется на Соборной площади царским указом. Но чужеродные правила стихосложения, например, усваивали. Только плоды их выглядели часто просто чудовищно, можно привести тому множество примеров.

«Все это дало повод, – продолжает Кирилл Фролов, – известному русскому философу Николаю Трубецкому утверждать, что **«та культура, которая со времен Петра живет и развивается в России, является органическим и**

непосредственным продолжением не московской, а киевской, украинской культуры», что русская культура XVIII—XIX веков – это русская культура в ее малороссийской редакции.

При Петре I, нуждавшемся в образованных на западный образец помощниках, главным идеологом становится украинец («дважды выкрест», как писали о нем недоброжелатели) Феофан Прокопович, архиепископ, создатель «Духовного регламента», насаждавший совместно с Петром протестантские воззрения и тенденции в Русской Церкви. В церковной иерархии перед и непосредственно после упразднения патриаршества в России ведущее положение занимают малороссы, преимущественно воспитанники Киево-Могилянской академии. Главный противник Прокоповича епископ Стефан Яворский, выступавший против протестантистского засилья в Церкви, зато сам находившийся под сильным влиянием католицизма, стал в 1700 году митрополитом Рязанским и Муромским; в 1701 году – экзархом (блюстителем патриаршего престола), а в 1721 году – Президентом Духовной коллегии (Святейшего Правительствующего Синода). Митрополит Димитрий Ростовский (в миру казак Даниил Туптало), составитель собрания излюбленного чтения грамотных россиян «Жития святых», поражался невежеству великороссов, в том числе и священнослужителей, и задавался вопросом: кого сначала просвещать – паству или пастырей. Епископ Иоанн (Максимович) был поставлен митрополитом Тобольским и всея Сибири. (Его епархия простиралась от Северного Ледовитого океана до Китая и от Урала до Камчатки). Его преемниками также были малороссы Филофей (Лещинский) и Павел (Конюскович). Словом, как пишет Андрей Окара, произошла «украинизация церковной жизни в России». Немало украинцев заняло места и в других сферах управления государством. «В определенном смысле, – пишет тот же Окара в другой своей работе, – **Российская империя образовалась путем синтеза московской системы власти и киевской образованности,** а имперообразующей мистерией для нее стала Полтавская битва, значительно пошатнувшая положение украинской государственности». Вообще украинцев отличали гораздо более тесные, чем у русских, земляческие связи. Специалисты отмечают, что близкие ко двору и ведающие просвещением русских украинцы того периода оказали большое и не всегда благотворное влияние на развитие русского языка и литературы, и понадобились немалые усилия Ломоносова, Державина, Пушкина, чтобы отчасти выправить этот крен.

Не всегда малороссы попадали в высшие сферы российской государственности в силу своей более высокой, чем у русских, образованности. Порой их возвышение объяснялось игрой случая.

Не могу отказать себе в удовольствии привести разительный пример этого.

Тайным мужем императрицы Елизаветы Петровны был малороссийский пастух Алексей Разумовский (Розум), попавший в Петербург в церковный хор и поразивший тогда еще царевну приятным голосом и красотой. Как говорится в его биографии, в день восшествия Елизаветы на престол он был пожалован «в действительные камергеры, поручики лейб-кампании с чином генерал-аншефа и вслед за тем получил звание обер-егермейстера, ордена Святой Анны и Святого Андрея Первозванного и несколько тысяч душ крестьян». Достигнув столь быстро и неожиданно высших государственных чинов и важного значения при особе государыни, Алексей Григорьевич Разумовский прежде всего вспомнил о своих родных, которые жили в небольшом хуторе Лемеши, где мать содержала шинок, а брат Кирилл пас скотину. Алексей Григорьевич поспешил вызвать их к себе. Мать Алексея была назначена статс-дамой, но она не захотела оставаться при дворе и вскоре уехала с дочерьми на родину. Алексей оставил при себе брата и занялся его воспитанием, приставив к нему лучших учителей. Когда тот был достаточно подготовлен, Алексей отправил его за границу на обучение. Кирилл Григорьевич пробыл за границей 2 года – учился в Кенигсберге, потом в Берлине и, наконец, во Франции. Возвратившись в Петербург, он, как учившийся в университетах и усвоивший светские манеры, вскоре был назначен президентом Академии наук. Позднее он получил также специально для него восстановленную должность Малороссийского гетмана.

Гетманство Разумовского ознаменовалось для Малороссии многими полезными событиями: избавлением украинцев от тягостных крепостных работ, внутренних пошлин и разных сборов, разорительных для народа; разрешением свободной торговли между Великой и Малой Россией и пр.

Любопытна такая подробность. УК. Г. Разумовского были шестеро сыновей и пять дочерей, отличавшихся редким, даже по тем временам, высокомерием и спесивостью. Попытки гетмана образумить свое потомство оказывались тщетными, а от одного из сыновей он получил широко повторявшийся современниками ответ: «Между нами громадная разница: вы – сын простого казака, а я – сын русского фельдмаршала». Этим высоким воинским званием К. Г. Разумовский был награжден пришедшей к власти (не без помощи заговорщиков, среди которых был и он) Екатериной II, испытывавшей к нему известную слабость. Отсюда характеристика из екатерининских записок: «Он был хорош собой, оригинального ума, очень приятен в обращении, и умом

несравненно превосходил своего брата, который также был красавец». Неплохую карьеру сделали и дети Кирилла Разумовского.

При Елизавете семилетним мальчиком, благодаря своему чудному голосу, был принят в Придворную певческую капеллу в Петербурге украинец Дмитрий Бортнянский, ставший одним из первых основателей классической российской музыкальной традиции. Ему, как особо одаренному музыканту, назначают художественную стипендию – «пансион» для учебы в Италии. После возвращения в Россию Бортнянский был назначен учителем и директором Придворной певческой капеллы. Звуками его произведений наполнялись храмы и аристократические салоны, его сочинения звучали и по случаю государственных праздников. До сих пор Бортнянский справедливо считается одним из самых славных украинских композиторов, гордостью и славой украинской культуры, которого знают не только на родине, но и во всем мире.

Менее удачно сложилась судьба другого украинца – композитора, сына казака, Максима Березовского. Он получил высшее образование в Киево-Могилянской академии. За исключительные вокальные данные был послан в Петербург, где стал солистом в Придворной певческой капелле князя Петра Федоровича. 9 лет жил в Италии, куда был направлен для совершенствования. Согласно легенде, в Италии был связан с княжной Таракановой. После ареста последней был возвращен в Россию и зачислен на скромную должность в Придворную капеллу. Постоянная нужда, невозможность найти применение своим творческим силам привели Березовского к душевному кризису. Оскорбленный, униженный, терпя бедность, нужду и всяческие неудачи, Березовский заболел горячкой и в возрасте 32 лет скончался. Есть версия, что композитор покончил с собой. Березовский – автор духовных концертов, являющихся выдающимися образцами мирового хорового искусства XVIII века. Особенно широко известен его концерт «Не отвержи мене во время старости».

Недолго блистал и Артемий Ведель – украинский композитор (автор многоголосной церковной музыки) и певец (тенор), умерший в 38 лет. Более всего прославился своими 29 пышными хоровыми концертами, которые исполняются и поныне.

Украинцы внесли и весомый вклад в становление светской русской живописи.

Сын священника Дмитрий Левицкий учился изобразительному искусству у отца и у живописца А. П. Антропова, затем переехал в Петербург. Учился, а позднее и

преподавал в Академии художеств. Показал себя первоклассным мастером парадного портрета. Вершиной творчества Левицкого – и всего русского портрета XVIII века – стала серия портретов воспитанниц Смольного института благородных девиц. Серия «Смолянок» – шедевр мирового искусства. А на портрете Екатерины II она представлена величественной, мудрой и просвещенной законодательницей. Художник также создал уникальную портретную галерею деятелей русской культуры.

Владимир Боровиковский, сын казака из Миргорода, писал образа для местных храмов. Расписал интерьер дома в Кременчуге, предназначавшийся для приема. Екатерины II. Она отметила работу художника и повелела ему переехать в Петербург, где он приобрел славу выдающегося портретиста.

И после Разумовских немало украинцев сделало головокружительную карьеру на русской государственной службе.

Сын украинского казака Александр Безбородко был одним из ближайших сподвижников Екатерины II, был возведен в графское достоинство, сохранил свое положение и при Павле I, стал канцлером и светлейшим князем.

«Украинцы чрезвычайно индивидуалистичны, – пишет украинский журналист Александр Кривенко. – Американские негры, китайцы, русские – мальчики, если сравнивать их с эгоизмом украинцев. Каждый украинец убежден, что является самодостаточной личностью, остальные на порядок ниже» («НГ», 26.01.2000). Это не мешает им держаться на чужбине, в том числе и в России, некими кланами. Украинцы – хорошие хозяева («АиФ», № 32, 1997). Точнее бы сказать: **украинцы – народ хозяйственный, русские – народ политический.**

Журналист Игорь Малашенко признает: «Даже такой близкий русским этнос, как украинцы, обладает совсем иной национальной психологией…. По своему этнопсихологическому складу украинцы более европейцы, чем русские, которым, в общем-то, чужд пафос собственного противопоставления другим этносам» («НГ», 21.11. 1991). Образованные украинцы в большинстве своем всегда были носителями прозападных воззрений. Они с момента вхождения Украины в состав России и до наших дней в большинстве своем сначала неосознанно, а затем и открыто стремились к отделению от империи и вхождении в ряды «цивилизованных стран», то есть государств Западной Европы. А Киев стал проводником западного влияния в России.

Гоголь к числу таких «цивилизованных малороссов» не принадлежал, Европу он повидал и уже предвидел ее скорую духовную смерть (за исключением, может быть, любимой Италии, – см. его отрывок «Рим»). Он хотел единства Украины с

Россией на украинской основе. В этом его отличие от своего современника Тараса Шевченко. Как отмечали критики, для Шевченко столица России Петербург – это этический полюс абсолютного зла, город-упырь, болотный Ад, противопоставляемый «городу на холмах» – Киеву-Иерусалиму Гностически-манихейское отношение Шевченко к Российской империи как к носительнице метафизического зла в значительной степени будет определять ценностные ориентиры послешевченковского украинского национализма. Однако именно в отношении к Петербургу как к городу-мороку, городу-призраку Гоголь с Шевченко сходны абсолютно.

Большинство украинских интеллигентов согласны с выводом Владимира Петрука, автора книги «Страна Великочудия» (так он называет Россию): «русские с украинцами только соседи, но ни в коем случае не родственники и тем более не братья». Так же оно убеждено в том, что «Гоголь – прежде всего украинский писатель (тогда как украинка Анна Ахматова – совершенно русская)» («АиФ», № 32, 1997).

Вернусь к статье Дугина, с цитаты из которой этот раздел начал:

«…Киев является символом национального государства, региональной державы, а Москва – символом Империи, евразийского интеграционного ансамбля.

Киев – это прошлое, Москва – настоящее и будущее.

Важно, что сами великороссы образовались именно как евразийский интеграционный этнос, не просто как самая восточная ветвь славян, а как уникальное культурно-религиозное, этногосударственное образование, вбирающее в себя на этническом уровне не только собственно славянский, но и татарский и финно-угорский элемент. Великоросская (московская) идея не просто идея какой-то национальности – как, например, украинская идея. Великоросская идея и миссия великороссов – то есть подлинных русских – в том, чтобы утвердить колоссальный планетарный идеал, великую Правду, осознанную как Евразийская Империя Солнца, Империя Справедливости.

Киевская идея – более ограниченная, более европейская, менее универсальная, менее глобальная. В мессианском идеале Москвы последовательные малороссы, малороссы не по этническим признакам, а по идеологии, видят лишь имперские амбиции и колониализм. Свой же идеал – малоросский идеал – они видят, напротив, в довольно усредненной форме. Как «мелкобуржуазный» идеал «благополучия», «достатка», рачительности» и т. д.»

Или, как писал Алексей Плотицын, Россия является отдельной цивилизацией, подобно исходно католической Европе, исламскому миру, Индии или Эфиопии. Этот мир (Россия) ощущал и определял сам себя через оппозицию и ненависть к «латинству», то есть к Европе. Даже отношение к «бесерменству» (исламскому миру) носило значительно более миролюбивый характер.

Эта цивилизация считала (да и продолжает считать), что несет в себе некий свет и надежду для всего человечества, некий палладий – будь то православие, крестьянская община или марксизм-ленинизм. Содержание не так важно – важно противопоставление Западу.

Осчастливливание, утверждение Истины – вот важнейший (хотя и не всегда четко осознаваемый) стимул к расширению империи. Впрочем, имперская идея обладает и завораживающей самоценностью. «Третий Рим» первоначально был претензией на наследство кесарей – законную власть над Ойкуменой. Как тут не вспомнить Тютчева, который в одном из стихотворений провозглашал естественными границами России Эльбу, Нил и Ганг» («НГ», «Особая папка», № 5, 29.09.2000). Украинцы же стремятся к Западу. Окара признает, что «малороссийская идентичность исходит из представления об украинской культуре как культуре «домашнього вжитку». Если же их ультранационалисты и говорят о придуманной ими древней Украине, господствовавшей почти над всем миром, то она мыслилась только как государство столь же мифических «укров» (из среды которых якобы вышли и Матерь Божия, и Иисус Христос), то есть опять-таки как государство одной национальности.

«Портрет» как автопортрет Гоголя

Этот раздел я хотел бы предварить цитатой из работы Александра Привалова «Иван Александрович Хлестаков и его Автор» («Эксперт online», №12, 2009):

«Теперь сюжеты. Сколько-нибудь сложных – у Гоголя (за вычетом «Тараса Бульбы») вроде и нет: во всех основных шедеврах сюжетами служат одноходовые анекдоты. Человек с заслуженно прославленной зоркостью на мелочи мог бы, кажется, разглядеть в Божьем мире что-нибудь и позатейливее, да, верно, не пожелал. То же и с героями. Развивающихся по ходу повествования персонажей опять-таки нет – ну, разве Поприщин, поскольку распад тоже есть развитие. По мне, эти наблюдения

подтверждают гипотезу о писании большей частью изнутри, исходящем от собственных неподвижных душевных черт, в достаточно косвенной связи с реальностью.

(Тут можно бы попытаться показать, что связь с реальностью, соотнесение себя с реальностью вообще шли у Гоголя почти исключительно через – или хотя бы с помощью – Пушкина; поэтому гибель последнего и стала для младшего коллеги таким страшным, в прямом смысле слова непереносимым ударом. Но это означало бы слишком далеко отойти от избранной темы. Сложнейшие отношения двух поэтов были никак не идиллическими: так, Гоголь написал Хлестакова в том числе и как пародию на Пушкина – и Пушкин это понимал…)

И здесь все-таки стоит добавить самоочевидное. Любого на свете автора бегло перечисленная выше дефектура: и того-то у него нет, и другого – вбила бы в землю по макушку, но сияющей славы Гоголя она даже не задевает. Как до подобных придирок, так и после них человек, открывший наугад «Нос» или «Ночь перед Рождеством», забудет, куда только что спешил, и будет читать дальше и дальше. Потому что Гоголю дана была власть, о которой мы, за неимением лучшего определения, говорим: «великий писатель». Секрета его величия не знает, кажется, никто, хотя блестящие умы писали о Гоголе, и много изумительно точных слов сказано о нем. Так, мы знаем, что он умел поразительно ясно выражать в своих текстах бескрайний простор – степь ли, пространство ли «Мертвых душ» – Россию. Но как он это делал – неизвестно. Мы знаем, что в его вещах «форма, то, как рассказано, – гениальна до степени, недоступной решительно ни одному нашему художнику, по яркости, силе впечатления, удару в память и воображение»… Вот только не очень знаем почему».

Так ведь не обязательно углубляться в далекую историю, чтобы столкнуться с подобным феноменом. Посмотрите на список книг, издаваемых ныне в России наибольшими тиражами. Любой мало-мальски образованный человек скажет, что в большинстве своем они бессодержательны, но форма как раз та, что нужна «массовому читателю». Другое дело, что через пару десятков лет никто эти книги и в руки брать не будет, а Гоголя читают более полутораста лет и, видимо, будут читать еще долго, причем не только в России.

Теперь несколько кратких замечаний по отдельным произведениям.

Повесть «Портрет» – самая автобиографическая, даже пророческая вещь Гоголя, хотя сам он вряд ли это осознавал. (В

этом разделе я использую материалы внимательного читателя – Михаила Саяпина.) Герой повести художник Чартков упорным трудом, терпя бедность и иные лишения, взращивает свое мастерство. Но временами его, видящего успехи модных художников, постигает мысль: надо скорее схватить счастье за хвост, заработать капитал. Он этого добивается благодаря одному странному случаю, но за временный, конъюнктурный успех расплачивается потерей таланта.

«В «Портрете»… Гоголь поставил перед собой идеологическую сверхзадачу: показать мелкость великорусского человека. Для достижения этой цели он выбрал определенный художественный метод: концентрация внимания на бытовых мелочах как на крупных явлениях, чем достигался необходимый комический эффект. Сходным образом, например, можно сфотографировать крупным планом морщины и поры на лице сколь угодно достойного человека, так что получится неожиданно и где-то даже смешно».

Но почему Гоголь прибегал к подобному приему, который ведь, очевидно же, не мог привести к созданию полнокровного художественного образа, а лишь карикатуры или маски? Он сам это объясняет так:

«Обо мне много толковали, разбирая кое-какие мои стороны, но главного существа моего не определили. Его слышал один только Пушкин. Он мне говорил всегда, что еще ни у одного писателя не было этого дара выставлять так ярко пошлость жизни, уметь очертить в такой силе пошлость пошлого человека, чтобы вся та мелочь, которая ускользает от глаз, мелькнула бы крупно в глаза всем. Вот мое главное свойство, одному мне принадлежащее и которого точно нет у других писателей».

Дмитрий Мережковский весьма сочувственно комментирует это признание Гоголя:

«Зло видимо всем в великих нарушениях нравственного закона, в редких и необычайных злодействах, в потрясающих развязках трагедий; Гоголь первый увидел невидимое и самое страшное, вечное зло не в трагедии, а в отсутствии всего трагического, не в силе, а в бессилии, не в безумных крайностях, а в слишком благоразумной середине, не в остроте и в глубине, а в тупости и плоскости, пошлости всех человеческих чувств и мыслей, не в самом великом, а в самом малом. **Гоголь сделал для нравственных измерений то же, что Лейбниц для математики, – открыл как бы дифференциальное исчисление, бесконечно великое значение бесконечно малых величин добра и зла. Первый он понял, что черт и есть самое малое, которое лишь вследствие нашей собственной малости**

кажется великим, самое слабое, которое лишь вследствие нашей собственной слабости, кажется сильным». (Выделено мной. – *М.А.)*.

Что ж, вполне допускаю, что Гоголь сделал великое открытие в «литературной математике». Но он, наверное, не знал, что дифференциальное исчисление в математике может успешно применяться во многих случаях лишь в сочетании с интегральным исчислением. Мало найти смешную сторону в человеке, надо взглянуть на него «объемно», чтобы получился его цельный образ. Но **Гоголь, видимо, о необходимости сочетать анализ с синтезом не слыхал и таковой способностью не обладал. Он просто делал (невольно) описываемых им персонажей – русских людей – смешными или жалкими.**

Но мало и создать цельный образ персонажа – надо еще вдохнуть в него душу. **Гоголь, так много говоривший о своей душе и так заботившийся об ее спасении, кажется, и не предполагал наличия души у других людей.** Русские люди в его произведениях не только однобоки, но и бездушны.

Вот и получалось, что Гоголь старательно (можно спорить – сознательно или невольно) «опускал» русское общество. Подобный метод изображения российской действительности многими современниками Гоголя был воспринят как клеветнический – и недаром.

Откуда происходило это бездушие образов его персонажей, можно судить по тому, как даже ближайшие друзья Гоголя характеризовали его личные качества, в особенности – самолюбие, честолюбие, гордость (сам Гоголь, знавший, что эти качества – греховны, старался их не показывать).

Погодин с дружеской откровенностью называет Гоголя «отвратительнейшим существом». «Вообще в нем было что-то отталкивающее», – замечает Сергей Аксаков. *«Я не знаю,* – заключает он по этому поводу, – *любил ли кто-нибудь Гоголя исключительно как человека. Я думаю – нет; да это и невозможно…* Я вижу в Гоголе добычу сатанинской гордости… Я признаю Гоголя святым; это – истинный мученик христианства». В сущности же для Аксакова так и осталось навсегда неразъясненным, что такое Гоголь – сумасшедший или мученик, плут или святой. Степан Шевырев, тоже старый друг и даже отчасти ученик его, видит в нем «неряшество душевное, происходящее от неограниченного самолюбия». Таких отзывов современников о Гоголе множество, а воспоминаний о нем как о душевном, внимательном, бескорыстном человеке практически нет. Отталкивало друзей от Гоголя то, что в мнительности своей он доходил до безумия. Будучи совершенно здоровым как на вид,

так и по объективным показателям, он вдруг ощущал себя больным, причем смертельно, менял место жительства, обращался к докторам (что обходилось в немалую копеечку), писал завещание. Во время одного такого приступа депрессии он обратился к знаменитому французскому кардиологу, но тот, обследовав пациента, нашел, что сердце пациента абсолютно здорово, и посоветовал лечить подрасшатавшиеся нервы. И после ободряющих заключений врачей Гоголь преображался. По рассказам очевидца, после долгих месяцев болезни, уныния, страха, именно в то время, когда этого, казалось, можно было всего менее ожидать, овладевали Гоголем *«порывы неудержимой веселости;* – в эти редкие минуты он болтал без умолку, острота следовала за остротой, и веселый смех его слушателей не умолкал ни на минуту». Он казался вдруг совсем здоровым; так же внезапно исцелялся, как внезапно заболевал: точно «припадки» здоровья, чрезмерной силы жизни – обратно-подобные припадкам.

Андрей Белый по-своему объясняет особенность видения мира Гоголем, его умение схватить мелочи и на них строить образы:

«Я не знаю, кто Гоголь: реалист, символист, романтик или классик. Да, он видел все пылинки на бекеше Ивана Ивановича столь отчетливо, что превратил самого Ивана Ивановича в пыльную бекешу: не увидел он только в Иване Ивановиче человеческого лица. Да, видел он подлинные стремленья, чувства людские, столь ясно глубокие разглядел несказанные корни этих чувств, что чувства стали уже чувствами не человеков, а каких-то еще не воплощенных существ; летающая ведьма и грязная баба; Шпонька, описанный как овощ, и Шпонька, испытывающий экстаз, – несоединимы; далекое прошлое человечества (зверье) и далекое будущее (ангельство) видел Гоголь в настоящем. Но настоящее разложилось в Гоголе. Он – еще не святой, уже не человек. Провидец будущего и прошлого зарисовал настоящее, но вложил в него какую-то нам неведомую душу. И настоящее стало прообразом чего-то… Но чего?»

Вопреки представлению о Гоголе-бессребренике, многих отталкивал его прагматизм. Гоголь, конечно, не гнался за деньгами или за славой, хотя денег просил и получал их. За «Ревизора» ему заплатили 2500 рублей. По ходатайству друзей, находясь за границей, Гоголь получил от императора 500 червонцев. Шли к нему деньги и от друзей. Последних он еще и нагружал своими делами – следить за изданием его сочинений и распоряжаться гонорарами за них по его указаниям. При этом он,

например, поручал друзьям передать часть гонорара в фонд помощи бедным студентам, но не спешил отдавать взятые у этих друзей в долг деньги. Хотя друзья были люди не бедные (если говорить о помещиках, а не о сыне крепостного крестьянина, хотя и академике, Михаиле Погодине), но и не миллионщики, и часто им недоставало тех денег, которые Гоголь не торопился им отдавать.

Как писал автор книги о Гоголе «Ярмарочный мальчик» Юрий Нечипоренко, Николай еще мальчиком любил посещать ярмарки, торговаться с продавцами, и это послужило основой его «невероятной изощренности в управлении людьми… Несмотря на то, что он не ставил перед собой узкокорыстных целей, все, чего он хотел, он через знакомых людей добивался. У него чуть ли не на посылках были Жуковский, Плетнев, и даже Пушкин ходил к министру Уварову, чтобы ему (юнцу Гоголю, не обремененному ни изданными трудами, ни специальными познаниями) дали профессора. Он заставил всех печься о себе, и это было сделано не без умения ярмарочного торговца управлять ситуацией» («Завтра», № 14, 2009).

Один из товарищей Гоголя отмечал, что тот умел проникнуть в сердце человеческое, чтобы играть им как мячиком. Надежда Горлова напомнила, что, Гоголь, «добиваясь желаемого, умел и польстить, и схитрить, и сжульничать. В первый раз Гоголь отправился в заграничное путешествие на деньги, полученные от матери для внесения в опекунский совет… В конце 1829-го или в начале 1830 года Гоголь пришел к Булгарину со стихами, в которых Булгарин восхвалялся и сравнивался с Вальтером Скоттом. Булгарин походатайствовал за Гоголя перед управляющим Третьим отделением, и Николай Васильевич получил место, не смущенный репутацией учреждения. Впрочем, на место службы Гоголь явился лишь однажды – за жалованьем» («ЛГ», № 14, 2009). О том, как лебезил молодой Гоголь перед нужными людьми в письмах к ним, говорилось выше. Правда, Горлова добавляет несколько сомнительную фразу: «Гоголь, как все гении, соединял в себе «небесное» и до крайности земное… Гоголь ревностно, даже до мелочности, интересовался помещичьим хозяйством в родной Васильевке». Конечно, и гении нуждаются в том, чтобы есть и пить, но вряд ли можно утверждать, что все они соединяли в себе стремление к небесному и усиленное попечение о земном. Многие из них были настоящими аскетами, иные испытывали нужду, даже голодали, но не оставляли своего дела ради того, чтобы заработать на хлеб насущный. Белинский, нуждавшийся всю жизнь, во время одной дискуссии считал даже невозможным ее участникам идти

обедать, пока не решен еще вопрос о существовании Бога. Гоголь, при всем своем идеализме, не был лишен прагматизма. Вот что писал по этому поводу Розанов:

«…главная забота, откуда бы получить денежек, через Жуковского исходатайствовать от Двора; и где бы позднее стать, в профессоры…

Очень хорош был как профессор. Подвязывал щеку и говорил, что зубы болят, не зная, **как** читать и **о чем читать.** Зачем ему надо-то было в профессоры».

Справедливости ради надо заметить, что умер Гоголь нищим, все оставшееся после него имущество было оценено в жалкие копейки.

«Да еще, – продолжает Розанов, – кому бы прочитать рацею. Даже мамаше еще учеником уездного училища писал поучительные письма.

За всю деятельность и во всем лице ни одной благородной черты.

Все действия без порыва («благородный порыв»), какие-то медленные и тягучие. Точно гад ползет. «Будешь ходить на чреве своем».

Хотя главные творческие муки Гоголя, пытавшегося измыслить положительного героя «Мертвых душ», были еще впереди, создается впечатление, что он их если не предвидел, то предчувствовал и отразил в «Портрете». В этой повести есть как бы внутренняя повесть, в которой выведен художник, который написал портрет страшного ростовщика, принесший потом несчастья множеству сменявшихся его обладателей. Художник решает искупить свою вину и уходит в монастырь. Ибо только «трудом и великими жертвами он должен прежде очистить свою душу», чтобы иметь право писать иконы. Он, «изыскивал, казалось, все возможные степени терпенья и того непостижимого самоотверженья, которому примеры можно разве найти в одних житиях святых». Этот его подвиг принес ожидавшиеся плоды. И «вся братия поверглась на колена пред новым образом, и умиленный настоятель произнес: «Нет, нельзя человеку с помощью одного человеческого искусства произвести такую картину: святая высшая сила водила твоею кистью, и благословение небес почило на труде твоем». Известно, что творческим кредо Гоголя и стало убеждение, что нельзя стать настоящим писателем и создавать образы положительных героев, если предварительно не добиться чистоты души и не выработать в себе сонм христианских добродетелей.

Специалисты по иконописи, вероятно, скажут, что художник из той повести был совершенно прав. Но Гоголь не был

иконописцем, он жаждал достичь вершин словесного мастерства, чтобы написать светское литературное произведение, которое перевернуло бы мир. Однако великие художники и писатели часто создавали свои шедевры, вовсе не подвергая себя столь суровым испытаниям, не обременяя себя чрезмерными постами и молитвами, и даже были не чужды мирских наслаждений, порой на грани греховных поступков. Не был постником Рафаэль, так высоко ценимый Гоголем. Не блистал религиозными подвигами и Пушкин, перед которым Гоголь преклонялся (хотя подчас и посмеивался над ним, пародируя его). Даже первая попытка Гоголя лично познакомиться со своим кумиром окончилась неудачей: слуга сообщил ему, что барин еще спит, потому что всю ночь играл в карты (и, уж конечно, не на щелчки). И в дальнейшей своей жизни Пушкин увлекался женщинами и вообще не всегда был воплощением добродетелей. Не случайно впоследствии священник Матвей Константиновский потребует, чтобы Гоголь отрекся от «безбожника Пушкина» (этот взгляд на поэта был довольно широко распространен в церковной среде). А главное, – видимо, вовсе не обязательно очищение себя постом и молитвой приводит художника к созданию гениальных творений. Дан человеку талант от Бога – он его реализует или нет, но обрести талант, которого нет, вряд ли и самая усердная и искренняя молитва поможет. Господь лучше знает, кого каким талантом одарить. Иначе получается, что не Бог – Господин для человека, а человек – господин для Бога и может вынудить у Него любой талант. Это уже не христианство, а некая «христианская йога». А Гоголь сделал ставку именно на то, что он вымолит более высокий талант, чем тот, что был ему дарован свыше, – и проиграл. Гениальные произведения он создал еще до того, как вступил на путь аскезы, и они получились совсем не в том духе, в каком он их замышлял. А величавые образы русских людей, о которых он мечтал, вступая на путь аскетических подвигов, у него так и не получились.

Гоголь поставил перед собой (вероятно, неосознанно) идеологическую сверхзадачу. А подчинение искусства заранее поставленной цели убивает прекрасное. И выбранный им метод изображения российской действительности впоследствии сыграет злую шутку со своим создателем.

Не обошлось в повести и без лести самодержцам: «Великодушная государыня… полная благородства души, украшающего венценосцев, произнесла слова… что не под монархическим правлением угнетаются высокие… движения души, что истинные гении возникают во время… могущества государей».

Но впечатление повесть производит сильнейшее. Когда я в отрочестве впервые прочитал «Портрет» поздно вечером, я не мог заснуть до самого утра. Да и как тут уснешь: герой «усталый дотащился к себе… в Пятнадцатую линию»; «взобрался… по лестнице, облитой помоями и украшенной следами кошек»; бросился на узкий, оборванный диванчик, «о котором нельзя было сказать, что он обтянут кожею»; «свет месяца озарил комнату»; «страшно сидеть одному в комнате»; «кто-то другой станет ходить позади»; портрет старика – «открыт… и глядит… к нему во внутрь»; он «вдруг уперся в рамку обеими руками, приподнялся на руках и, высунув обе ноги, выскочил из рамы».

В ряде других повестей Гоголь высмеивает страсть русского человека к подвигу. Герой **повести «Коляска»** (Александр Привалов и его относит к числу предшественников Хлестакова), выпив, приглашает всех на хлеб-соль, но, естественно, тут же забывает об этом, а протрезвев, при приходе званых гостей удирает в кусты, т. е. в коляску. (Вот так. А туда же! Тоже, наверное, в молодости мечтал о подвигах!)

Герой **«Записок сумасшедшего» Поприщин** тоже не может примириться со своим скромным существованием в канцелярии, мучается над вопросом, почему ему отказано в праве быть кем-то великим, наконец, объявляет себя испанским королем и… окончательно сходит с ума. Вот здесь весь Гоголь.

Чтобы подтвердить свою мысль, Михаил Саяпин проводит сравнение образов Гоголя с героями Есенина и Шукшина, с одной стороны, Достоевского и Булгакова – с другой, но в данной работе я этих параллелей практически не касаюсь.

Буквально два слова о гоголевской **«Шинели».** Дмитрий Храмцев так описал ее героя:

«У Акакия Акакиевича нет внутреннего мира, единственная его мысль: «Ну, эти французы! что и говорить, уж ежели захотят что-нибудь того, так уж точно того», он схема, модель литературного типа «маленького» человека (его составляющие: низкая должность, постоянные унижения, бедность, одиночество, отчужденность), а не живая личность, хотя бы потому, что он лишен рефлексии. И живет он в таком же абсурдном, схематичном мире».

А насчет того, будто все мы вышли из гоголевской «Шинели», вот что раскопал писатель Герман Смирнов (см. его книгу «Русский сфинкс». М., 2010. С. 401—402):

«Сколько раз за последние годы доводилось нам слышать фразу Ф.М.Достоевского, что, мол, все мы вышли из гоголевской «Шинели». А спроси оратора, кто же, по его мнению, эти «все мы» – и он, ничтоже сумняшеся, ответит: «Это все мы, русские люди.

Федор Михайлович имел в виду, что в каждом русском человеке сидит мелкий, трепещущий человечек. И каждый русский в какой-то тайной части своей души – Акакий Акакиевич».

А ведь совсем не это хотел сказать Достоевский. Его современник, писатель Д.В.Григорович, давным-давно все это разъяснил:

– Все тогдашнее молодое поколение, – писал он, – было увлечено Гоголем; почти все, что писалось в повествовательном роде, было отражением повестей Гоголя, преимущественно «Шинели».

Выходит, «все мы» – это не все русские люди, а небольшой кружок писателей 40-х годов!»

Повесть «Нос». История ее публикации и толкований подчас кажется не менее фантастичной, чем сам текст ее.

В 1835 году журнал «Московский наблюдатель» отказался напечатать эту повесть, назвав ее «грязной, пошлой и тривиальной». Но Пушкин уговорил Гоголя отдать ее в свой «Современник», ибо нашел там «так много неожиданного, фантастического, веселого и оригинального». О «Носе» существует множество исследований, но вот в наши дни Николай Кокухин, перечитав повесть, не понял ее. Тогда он обратился к гоголеведу профессору Владимиру Воропаеву с вопросом: «О чем эта повесть?» «Не знаю», – ответил профессор, всю жизнь занимавшийся изучением творчества Гоголя.

Тогда Кокухин решил заново перечитать всего Гоголя, и только тут открылся ему религиозный смысл как всего творчества великого писателя, так и повести «Нос».

Оказывается, нос у майора Ковалева пропал потому, что этот чиновник жил без Бога в душе. Но нос, ставший самостоятельной личностью, зашел в Казанский собор и молился там «с выражением величайшей набожности», причем произошло это в праздник Благовещения Пресвятой Богородицы. Кроме того, по мнению Кокухина, важно то, что оба слова – «нос» и «Бог» – состоят из трех букв. И утром нос оказался на месте, на лице майора: «Так бывает с человеком, который обрел в душе Бога…»

В чем же, по Кокухину, выразилось это преображение Ковалева? В том, что «с тех пор прогуливался как ни в чем не бывало и на Невском проспекте, и в театрах, и везде… И после того майора Ковалева видели вечно в хорошем юморе, улыбающегося, преследующего решительно всех хорошеньких дам» и т. д. Согласитесь, не самая лестная характеристика человека преобразившегося, вдруг обретшего Бога в душе!

Тем неожиданнее общий вывод Кокухина:

«Николай Гоголь – писатель православный, глубоко религиозный, укорененный в вере, со своим собственным духовным опытом. Все его творчество освещено Евангельским светом, сочинения наполнены глубинным религиозным смыслом. Читатели и критики, которые не знакомы с Евангелием, не знают Нагорной проповеди и Апостольских посланий, а самое главное, живут вне Церкви, читают Гоголя весьма и весьма поверхностно» («ЛГ», № 30, 2011). Это и гоголевская бесовщина освещена Евангельским светом, и те уроды, каких он только и сумел отыскать (точнее, измыслить из своей головы) на Руси?

А вообще-то вместо разбора повестей Гоголя «Нос» и «Шинель» я не мог отказать себе в удовольствии привести остроумнейшую пародию на них Александра Хорта «Нос. Приквел». Мне кажется, ей порадовался бы и сам Гоголь, если бы ему довелось прочитать ее в «ЛГ» (№ 17, 2009). А уж Пушкину, который напечатал «Нос» в своем «Современнике», и подавно.

Итак, «Нос. Приквел»:

«Читателям прекрасно памятно начало гоголевской истории про самостоятельные странствия носа майора Ковалева. Автор подробно описывает, как цирюльник Иван Яковлевич пытался избавиться от постороннего носа. Какое-то время он мыкался с ним по городу, покуда не наткнулся на квартального надзирателя. Тому, видите ли, не понравилось, что цирюльник долго стоял на мосту. Прицепился к нему как банный лист, мол, изволь-ка рассказать, бестия, что ты там делал?

Чем окончилась их перепалка, для читателей остается тайной. Автор так и пишет: «Но здесь происшествие совершенно закрывается туманом, и что далее произошло, решительно ничего не известно».

Действительно, раньше это не было известно. Зато сейчас, когда полицейские архивы доступны для всех желающих, туман над этой историей постепенно рассеивается. Известно, например, что надзиратель пристал к Ивану Яковлевичу с расспросами. Цирюльник держался как кремень, своей стойкостью довел надзирателя до белого каления, и тот решил отвести его в околоток. Иван Яковлевич сопротивлялся этому, во время потасовки ковалевский нос выпал из его кармана и убежал, после чего случились известные читателям события. Что действительно мало кто знает, так это почему нос оказался у цирюльника. А ведь было возбуждено дело, и хотя это оказался чистой воды «висяк», кой-какие подробности сохранились.

Все началось с того, что в один прекрасный день майору Ковалеву захотелось изменить форму собственного носа. Увидел,

как одна знакомая дама сделала себе две пластические операции, убрав второй подбородок и установив силиконовый бюст, и тоже вознамерился похорошеть.

Внимательно рассмотревши себя в зеркале, майор пришел к выводу, что нужно сделать новый нос. Старый порядком поизносился, был уже с фиолетовыми прожилками, да и форма оставляла желать лучшего. Как выразился один знакомец, его нос напоминал пробку от шампанского. А майору хотелось иметь классический точеный нос с едва заметной горбинкой посередине.

Первым делом Ковалев сунулся в институт красоты, однако там заломили такую цену, которая была ему не по карману. Бежал оттуда без оглядки. А менять надо – уже настроился.

Ковалев каждую неделю брился у некоего Ивана Яковлевича. И слышал от излишне болтливого цирюльника, что его сосед делает на дому пластические операции. Официально тот работает в клинике лазерной медицины, где операции стоят дороговато. Дома же, по старинке – скальпелем, даже без заморозки, делает по дешевке.

Иван Яковлевич поговорил с Григорием Петровичем, так звали хирурга, и тот назначил Ковалеву время для визита.

Григорий Петрович долго рассматривал ковалевский нос, крепко зажав его своими пальцами с изуродованными ногтями. Затем, покачав головой, сказал:

– Нет, нельзя поправить, плохой нос!

У Ковалева при этих словах екнуло сердце:

– Отчего же нельзя, Петрович? – произнес он почти умоляющим голосом ребенка. – Ведь только и всего, что убрать лишнее по бокам да укоротить.

– Нет, – сказал Петрович решительно, – ничего поправить нельзя. Менять надо. Новый ставить.

– Ну, если бы пришлось новый, сколько это будет стоить?

Григорий Петрович, как обычно, был несколько подшофе, поэтому цену назвал достаточно либеральную. Майор согласился. Протерев скальпель водкой и сделав пациенту обезболивающий укол, хирург тотчас срезал орган обоняния и пообещал, что завтра днем на его место будет прикреплен новый.

– Мне как раз обещали привезти хороший импортный нос.

– Не из Китая? – робко поинтересовался Ковалев.

– Нет, греческий. А денек походите без носа.

В те времена стукачество еще не расцвело пышным цветом, однако первые ростки уже пробились на свет Божий, и как раз в тот день кто-то из тайных недоброжелателей Петровича сообщил в компетентные органы, что хирург занимается на дому частной

практикой, старательно уклоняясь от уплаты налогов.

Когда в воскресенье утром к нему нагрянули из охранки с обыском, его супруга Алевтина Игнатьевна собиралась печь хлебцы, до которых муж был большой охотник. Тесто уже было готово и порциями покоилось на табуретке в нескольких кружках. Завидев незваных гостей, хирург-надомник быстро сунул в одну из них опасную улику – прежний Ковалевский нос.

Предъявив ордер на обыск, оперативники пригласили двух понятых, одним из которых оказался цирюльник Иван Яковлевич, и принялись было за дело.

В те времена стукачество, как уже говорилось, было развито слабо. А о борьбе с коррупцией вовсе не слышали. Поэтому хозяева предложили людям из органов обильное угощение, от чего те не нашли сил отказаться. Алевтина обещала приготовить пирожков с вязигой. Их оперативники дожидаться не стали. Похлебали борща с пампушками, отведали бараний бок с гречневой кашей, сдобрив это знатной порцией горилки с перцем, и отбыли восвояси.

Надобно сказать, что Петрович пил наравне с незваными силовиками, которые потом преспокойно удалились по своим правоохранительным делам. В отличие от них, не обладая столь тренированным организмом, Петрович едва дошел до дивана, рухнул на него и вырубился.

А Алевтина Игнатьевна продолжила кухарить, то есть печь хлебцы. Один из понятых, видя, что угощения не обломится, деликатно удалился, проклиная жлобских хозяев, а второй, цирюльник Иван Яковлевич, делал вид, что надобность в нем не отпала, продолжал торчать в коридоре, в глубине души надеясь на угощение, поскольку уж такой аромат шел от готовых хлебцов, что дух захватывало. Однако Алевтина Игнатьевна была женщина мудрая и смекнула, что замасливать соседа вовсе не обязательно.

Потоптавшись в коридоре, Иван Яковлевич понял, что ему ничего не обломится. Однако возвращаться с пустыми руками страсть как не хотелось. Поэтому, улучив момент, когда хозяйка отлучилась в гостиную, цирюльник схватил одну из стоявших на табуретке кружек с тестом и был таков. Придя же домой, вручил тесто своей супружнице Прасковье Осиповне, строго-настрого наказав, чтобы та утром испекла хлеб.

Надобно ли добавлять, что именно в этой кружке и был спрятан орган обоняния, который хирург отхватил намедни с Ковалевского лица.

Утром Иван Яковлевич с неодолимой жадностью принялся есть свежеиспеченный хлеб и наткнулся на инородное тело, то бишь нос.

Положение возникло из предурацких. Признаваться в том, как он попал в их дом, нельзя, поскольку обвинят в воровстве. А он подобных инсинуаций терпеть не мог. Такой уж у этого строптивца был характер. Еще могли подумать, что это он, неловко орудуя бритвой, по неосторожности отхватил нос клиента. Обвинение же в непрофессионализме еще хуже воровства. Поэтому Иван Яковлевич решил избавиться от носа, что сделал, правда, недостаточно ловко, что и привело к инциденту с квартальным надзирателем, во время которого нос благополучно сбежал.

Постепенно таинственное происшествие забылось, и только пластический хирург Петрович знал истину. Знал, да помалкивал, чтобы не позориться. Тем более подобный казус был далеко не первым в его практике. Что нос! Был случай, когда он отхватил клиенту целую голову, не уследил, и та, улучив момент, сбежала. Ее потом Пушкин описал. В «Руслане и Людмиле».

Выше уже приводилось суждение Владимира Набокова о том, что «абсурд был любимой музой Гоголя». Вследствие этого проза Пушкина трехмерна; проза Гоголя по меньшей мере четырехмерна… Его произведения, как и вся великая литература, – это феномен языка, а не идей». Добавлю: и уж тем более не критического осмысления реальной действительности, общественного строя и пр.

Осмеяние пороков или основ государства?

Жизнь и творчество Гоголя – это ни на минуту не прекращавшаяся трагедия. То, что было ему особенно дорого, проповедь, в которой он видел свою миссию и свое призвание, ему не удавалось и внимание широких кругов читателей не привлекало, а в конце жизни даже основательно его скомпрометировало в общественном мнении. А те его гениальные творения, которыми восхищалась читающая Россия, а впоследствии и многие ценители прекрасного во всем мире, он почитал за мелочи, недостойные его таланта, и намеревался отречься от них. Увы, многие литературные критики ныне возводят на пьедестал слабые стороны наследия гения и обходят стороной его подлинные заслуги. Это, в общем-то, не удивительно, ибо такова сегодняшняя Россия, таковы ее духовные, точнее, идеологические предпочтения, на что есть свои серьезные причины, но о них позже.

Все творчество Гоголя – это восхищение возможным совершенством и величием человека и скорбь о его нравственном несовершенстве и недостойном бытии. Но, – остроумно заметил

Розанов, – **Гоголь сначала приземлил человека, а затем скорбел о его несоответствии идеалу.** Гоголь стремился создать «идеал прекрасного человека… тот благостный образ, каким должен быть на земле человек…» Тут он, кажется, стал жертвой идеала обожения, имевшего хождение в кругах монашества (о том, что и в этих кругах он был ложным, писал выдающийся русский богослов конца XIX – начала XX века Михаил Тареев). Однако Господь призывал человека стать совершенным («как совершен Отец ваш Небесный»), но не превращаться в бесплотного ангела.

Кроме того, считал Гоголь, «нельзя устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости…». Если сначала вызвать у читателей чувство ужаса и омерзения от современного строя их жизни, то можно будет пробудить у общества в целом и в каждом отдельном индивиде желание стать лучше, приблизиться к идеалу. Но путь к идеалу должен проходить через осмеяние пороков современного Гоголю русского человека, прежде всего – чиновника. Этой цели послужила комедия «Ревизор», в которой Россия чиновников была представлена как царство их произвола и лихоимства.

Розанов писал:

«План «Мертвых душ» в сущности, анекдот; как и «Ревизора» – анекдот же. Как один барин хотел скупить умершие ревизские души и заложить их; и как другого барина-прощелыгу приняли в городе за ревизора. И все пьесы его, «Женитьба», «Игроки», и повести, «Шинель», – просто петербургские анекдоты, которые могли быть и которых могло не быть. Они ничего собою не характеризуют и ничего в себе не содержат.

Поразительна эта простота, элементарность замысла. Гоголь не имел сил – усложнить план романа или повести в смысле развития или хода страсти – чувствуется, что он **и не мог бы представить,** и самых попыток к этому – в черновиках его нет.

Что же это такое? Странная элементарность души. Поразительно, что Гоголь и **сам не развивался;** в нем не перестраивалась душа, не менялись убеждения. Перейдя от малороссийских повестей к петербургским, он только перенес глаз с юга на север, но глаз этот был тот же».

Гоголь сам признавал, что в смысле общей устремленности своего творчества он не изменялся от юности до смерти:

«Внутренно я не изменялся никогда, – писал он уже в зрелые годы. – С 12-летнего, может быть, возраста я иду тою же дорогою, как и ныне, не шатаясь и не колеблясь никогда во мнениях главных». «Вы в заблуждении, подозревая во мне какое-то новое

направление. От ранней юности моей у меня была одна дорога, по которой иду».

Можно спросить Розанова: но чем же объяснить необычайный успех комедии и вообще творчества Гоголя? Его ответ прост:

«Успех» Гоголя (такого *никто* у нас не имел, – Пушкин и *тени* подобного успеха не имел) весь и объясняется тем, что, кроме плоско-глупого *по содержанию,* он ничего и не говорил, и, во-вторых, что он *попал, совпал* с самым гадким и пошлым в национальном характере – *с цинизмом, с даром издевательства* у русских, с силою *гогочущей толпы*… В сущности, Гоголь понятен: никакого – *содержания,* и – гений (небывалый) формы».

Но ведь «вся борьба, которая идет (начнется, – я думаю) в Европе, будет *борьбой за благородное.* До сих пор царил фетиш гения… Ведь они писали про пошлость и пошлое. Мы поклонялись до сих пор форме. Все это – формальные гении, все это – гении формы. Нужно поклониться прекрасному не по форме, а прекрасному по содержанию. А прекрасное в сути и содержании – это *святое.*

Это – *человек,* а не обезьяна.

Это – не корыто, а – *подвиг.*

Это – холод, голод, нужда. Но – *с хорошей душой.*

Господа! Будем искать хорошую душу и поклонимся ей».

«Ревизор» можно назвать в известной степени и черновиком «Мертвых душ». Какая его главная идея (в трактовке самого Гоголя)? Жить надо по заповедям Христа. Если же ими пренебрегать, то, сколько ни хитри, ни воруй, ни обманывай, рано или поздно придет неумолимый Ревизор – Смерть, а далее последует Страшный суд, когда уже ничего в своей судьбе не изменить. (Потому-то в конце пьесы и следует немая сцена.)

А комедия получилась блистательная. Это, кажется, единственное произведение Гоголя, может быть, еще цикл петербургских повестей, которое живет и будет жить долго. Если даже в наши дни, когда «Ревизор» воспринимается как сцены из далекого прошлого, он пользуется неизменным успехом у зрителей, то что же сказать о реакции зала в те времена!

Люди состоятельные, в солидных чинах, присутствовавшие на премьере спектакля, кипели от возмущения. Но Николай I от души хохотал, а потом аплодировал артистам, поскольку сам давно говорил, что в России правит не император, а чиновник. По его словам, от писателя досталось всем, но больше всего ему, самодержцу всероссийскому. (Может быть, он хотел свалить на чиновников вину за то, что не проводятся реформы, в особенности отмена крепостного права?) Но с того времени произведения Гоголя одними воспринимались с восторгом,

другими – как клевета на Россию.

Несмотря на одобрение пьесы, царь остался невысокого мнения о творчестве Гоголя. «У Гоголя много таланта, – сказал однажды Николай I, – но я не прощаю ему выражения и обороты слишком грубые и низкие».

Сам Гоголь, хотя и получил большой гонорар за «Ревизора», был обескуражен реакцией зрителей. Он уверял, что изложенный выше смысл его пьесы (сколько ни хитри, ни воруй…) никем не был понят. Гоголь даже дополнительно написал (в двух редакциях) «Развязку к «Ревизору», где прямо говорилось:

«Что ни говори, но страшен тот ревизор, который ждет нас у дверей гроба. Будто не знаете, кто этот ревизор? Что прикидываться? Ревизор этот наша проснувшаяся совесть, которая заставит нас вдруг и разом взглянуть во все глаза, взглянуть на себя. Перед этим ревизором ничто не укроется, потому что по именному высшему повеленью он послан, и возвестится о нем тогда, когда уже и шагу нельзя будет сделать назад. Вдруг откроется перед тобою, в тебе же, такое страшилище, что от ужаса подымется волос. Лучше ж сделать ревизовку всему, что ни есть в нас, в начале жизни, а не в конце ее». И т. д. Но этого объяснения Гоголя никто, по сути, всерьез не принял. Щепкин умолял Гоголя оставить «Ревизор» в той трактовке, в какой его восприняли и актеры, и зрители. К тому же автор был настолько увлечен живописными мелочами и подробностями, благодаря которым достигался необыкновенный комический эффект, что главная его мысль, если она была такой, какой он ее представлял в замысле и повторил в «Развязке», просто потерялась. Гоголь продолжал высмеивать страсть русского человека к подвигу. И его подвыпивший Хлестаков, из которого вырвалось на свободу чувство, что он достоин большего, чем унылая судьба коллежского регистратора, – это еще довольно безобидная насмешка по сравнению с другими ситуациями в творениях Гоголя. Возможно, тут был просчет в самом замысле. Увы, у Гоголя такое происходило не раз.

Что ж, Пушкин и рассказал Гоголю сюжет «Ревизора» как анекдот. Гоголь и не собирался сочинять роман или повесть, а задумал комедию, чтобы собрать все мерзкое на Руси и посмеяться над всем сразу. Если говорить конкретнее, то чтобы посмеяться над русским человеком. Он сам писал после постановки пьесы об образе Хлестакова:

«Это лицо должно быть так много разбросанного в разных русских характерах, но которое здесь соединилось случайно в одном лице, как весьма часто попадается и в натуре».

Но почему же в русском характере? Тартарен из Тараскона был русским? А барон Мюнхгаузен? А украинцы меньше самозабвенно врали? Александр Привалов утверждает, что и сам Гоголь бывал Хлестаковым:

«…в некотором смысле Хлестаков – сочинитель, однотипный со своим создателем. Для обоих внешние обстоятельства суть только повод или личина, все же настоящее содержание своих творений они черпают из самих себя. Гоголь подчеркивал это свое свойство не раз и не два…

Ведь куда бы то ни было вовне Гоголь, судя по его писаниям, вообще смотрел не часто – или, лучше сказать, не настойчиво. Перечтите любой его портрет (кроме карикатур) – поэтические восклицания, сверх которых: глаза такие-то, губы такие-то, шея, лоб… А то даже и так: Взглянувши на грудь и бюст ее, уже становилось очевидно, чего недостает в груди и бюстах прочих красавиц. Не увидено – сочинено. Ладно, спишем это, скрепя сердце, на эпоху. Теперь сюжеты. Сколько-нибудь сложных – у Гоголя (за вычетом «Тараса Бульбы») вроде и нет: во всех основных шедеврах сюжетами служат одноходовые анекдоты…»

Мало того, что Гоголь собрал в Хлестакове (он сам подчеркивал, что этот персонаж – не просто враль, а человек вполне «комильфо», светский) разные пороки русских людей. Он еще подобрал в уездном городке целый сонм чиновников-уродов. По отдельности в разных городках можно было встретить и лихоимца-городничего, и судью, откровенно признающегося, что берет взятки, и сверхлюбопытного почтмейстера, читающего чужие письма вместо художественной литературы, и попечителя богоугодных заведений, у которого в больнице пациенты «выздоравливают, как мухи». Но собрать такой букет уродов и поднести его зрителю, – на такое, видимо, тогда был способен только Гоголь. Мне как-то довелось читать об одном адмирале, который (дело было еще перед Октябрьской революцией) комплектовал личный состав кораблей однофамильцами. И командир миноносца взорвался, когда к нему поступил на корабли лейтенант Иванов – 17-й… В России от гоголевского «букета» никто не взорвался, хотя недовольных было много.

Гоголь, работая над «Ревизором», видимо, не думал о том, что смех – страшное орудие разрушения, ибо то, что осмеяно, уже не страшно.

Вряд ли Гоголь понимал, что одно дело – борьба со злоупотреблениями чиновников, а другое – полная дискредитация чиновничества, этой опоры государства Российского во все времена. А для Гоголя чиновничество было абсолютным злом, и борьба с ним выливалась в борьбу с

«империей зла». Поэтому вклад Гоголя (неосознаваемый, невольный) в становление сил, работавших на разрушение империи, весьма значителен. В итоге, как писал Николай Бердяев, в восприятии многих в «Ревизоре» получилась «Россия харь и морд», с ее «ограниченным русским свинством». И, видимо, не так уж был далек от истины Розанов, когда писал: «Нигилизм – немыслим без Гоголя и до Гоголя».

«Ревизор» еще тем выделяется из других творений Гоголя, что изображенные в нем ситуации вызывают у зрителей действительно смех, веселый смех. А вообще о смехе в произведениях Гоголя Андрей Белый писал:

«Самая родная, нам близкая, очаровывающая душу и все же далекая, все еще не ясная для нас песня – песня Гоголя.

И самый страшный, за сердце хватающий смех, звучащий, будто смех с погоста, и все же тревожащий нас, будто и мы мертвецы, – смех мертвеца, смех Гоголя!»

Непонимание гения обывателем – явление частое. Не понимала публика самые глубокие произведения Пушкина, позднее Чехова… Но эти гении не стремились проявить себя в социальной или религиозной области. Гоголь же и в литературе выступал как социальный писатель, а позднее становился религиозным проповедником. Поэтому его неадекватность была более заметной.

Коренную причину всех неудач Гоголя Мережковский видел в его раздвоенности, в том числе и религиозной (о чем будет сказано ниже). С одной стороны, Гоголь с юности мечтал служить благу отечества и человечества. Сначала ему казалось, что он сделает карьеру чиновника, но и самый первый опыт этой службы показал ему, что это не его путь. Тогда он решил стать просветителем народа, для чего добивался звания профессора. Но и труд ученого и учителя юношества оказался ему не по плечу. И тогда он связал все свои надежды с трудом на поприще литературном. Здесь он добился огромных успехов, которые его не только не радовали, но и причиняли ему невероятные страдания: у него все время получалось не то, что он хотел бы написать и передать людям, обществу.

С другой стороны, – пишет Мережковский, – отправляясь в Петербург, чтобы служить, Гоголь расспрашивает знающих людей, какая одежда сейчас самая модная. Одевался он, правда, безвкусно, но старался приобрести вещи модные, что стоило недешево. «У Гоголя даже в этой мелочи, в неумении одеваться, обнаруживается основная черта всей его личности – дисгармония, противоречие. Щегольство дурного вкуса».

К чему привела его эта раздвоенность, по Мережковскому,

будет сказано ниже.

И вот Гоголь, как позднее и Розанов, возжаждал найти «хорошую душу». Сначала он заглянул на другой полюс чиновничества и разработал в «Шинели» (из которой якобы «все мы вышли») тему униженности «маленького человека» (добавив еще элемент сентиментальности), что стало началом «натуральной школы» в русской литературе. Затем вместе с Чичиковым Гоголь поехал по Руси.

В мире мертвых душ

Гениальнейшим творением Гоголя принято считать первый том поэмы «Мертвые души». Принято считать, что в нем нарисована широкая картина русской жизни середины XIX века, что, разумеется, ничуть не соответствует действительности. Гоголь сам писал: **«занятием моим стал не русский человек и Россия,** но человек и душа человека». К тому же он понимал, что Россия его времени представляла собой вовсе не собрание уродов, которых он изобразил, не «Россию харь и морд» (Бердяев), а страну, переживавшую «золотой век» своей культуры, быстро наращивавшую экономическую мощь.

Повторю, что сюжет «Мертвых душ», как и «Ревизора» был подсказан Гоголю Пушкиным, но рассказан как анекдот. Хотя анекдот и был тогда широко известен, реальной основы под ним не имелось. Ни одного реального случая покупки «мертвых душ» в России не было, но Гоголь намеревался растянуть этот анекдот на целых три тома (на 33 главы)! История с носом майора Ковалева была невероятной, но о ней все же, вслед за автором, можно сказать: «Кто что ни говори, а подобные происшествия бывают на свете; «редко, но бывают». А тут – ни единого случая, но «прогрессивная» часть читающей России смаковала первый том «Мертвых душ» и восхищалась. Чем? Небывальщиной! (Ведь есть такой разряд литературных произведений – не научной фантастики, а именно небывальщины.)

Сравните в этом отношении «Мертвые души» Гоголя и «Капитанскую дочку» Пушкина. Допустим, Петра Гринева не было в действительности. Он не участвовал в описываемых событиях. Но такое могло бы быть. Пушкин объездил места, связанные с восстанием Пугачева, беседовал с теми, кто помнил события того времени. Наставление, какое дает Гринев-отец сыну, оправляя его на службу, почти дословно совпадают с наставлением, какое давал своему сыну известный государственный деятель петровских времен Василий Татищев. То есть отношения в семье Гриневых, их понимание долга вполне соответствовали духу

эпохи. Да и устройство и быт Белогорской крепости описаны вполне достоверно. По сравнению с таким пушкинским реализмом гоголевские «Похождения Чичикова» – это растянутый на сотни страниц анекдот, сдобренный забавными сценами встреч главного героя с другими персонажами да лирическими отступлениями автора, льстящими русскому читателю, но по сути бессмысленными.

И откуда было взяться образам помещиков? «Гоголь не знал помещика и русской провинции (до окончания I тома «Мертвых душ»); он 8 часов просидел в Подольске на постоялом дворе и 7 дней в Курске (без интереса к Курску); все остальное в России увидел – мимолетом, из почтовой кареты… у Гоголя гипербола сидит на гиперболе; не может быть речи о натурализме «русских» красок у Гоголя; он знал Миргород, Нежин, Полтаву; «натура» Гоголя – украинский провинциальный быт; сквозь него – формирующийся быт мирового мещанства; украинская натура плюс узренный мещанский «интернационал», деленные на два, породили – гомункула, «ни то, ни се», влепленного в центр провинциальной России…» «Ворона в павлиньих перьях закаркала с «Собрания сочинений Гоголя».

Никакого описания России, как и картин русской жизни и типов русских людей, в поэме Гоголя нет. Владимир Набоков лучше других понял, что для Гоголя это была игра (хотя писать он собирался нравоучительный трактат):

«Гоголь в этой первой части своей поэмы наслаждается, играет, то отдается великолепному полету фантазии (при этом, разумеется, раз тридцать перечеркивая каждую строку, но ведь в этом и есть игра), то искусным, незаметным движением направляет ее туда, куда требует стройность целого, – наслаждается, играет, летит, совершенно не заботясь о том, что именно найдет в его поэме пошлая мораль и недалекая общественная мысль. Ни тени публицистики, рассудочности, сарказма, желанья что-то доказать, обличить, выявить – ничего такого, конечно, в этой первой части нет и быть не могло. Единственное, что можно назвать рассудочным, это постоянно повторяющиеся намеки на вторую часть «Мертвых душ»: туманные, почти мистические обещания, связывающие будущее России с будущим гоголевской книги».

Конечно, сочиняя, Гоголь отталкивался от чего-то увиденного или услышанного (хотя запас реальных впечатлений от России был у него крайне скуден), но в целом «город Н.», в который въехал Чичиков, был только созданием воображения писателя, как, впрочем, и сам Чичиков, и его афера с покупкой мертвых душ».

Розанов свидетельствовал, что и спустя более полувека после выхода первого тома «Мертвых душ» шли споры о том, «был ли реалист Гоголь?». «Такой натуральный писатель», – твердили со времен Чернышевского. А на гоголевском празднике в Москве вдруг выступил яростный тезис, поддержанный почти школою (множеством голосов): «Гоголь был фантаст, не знавший действительности, даже ею не интересовавшийся»… Спорили «до зубов».

Розанов сравнивал сцены из произведений Гоголя, с одной стороны, и Тургенева, Гончарова, Льва Толстого и Достоевского – с другой: «те же деревни, поля и дороги, по которым, может быть, проезжал и герой «Мертвых душ», и те же мелкие уездные города, где он заключал свои купчие крепости. Но как живет все это у него (Тургенева), дышит и шевелится, наслаждается и любит. Те же мужики перед нами, но это уже не несколько идиотов, которые, чтобы разнять запутавшихся лошадей, неизвестно для чего влезают на них и колотят их дубинами по спинам. Мы видим дворовых и крепостных, но это не вечно пахнущий Петрушка и не Селифан, о котором мы знаем только, что он всегда бывал пьян. Какое разнообразие характеров, угрюмых и светлых, исполненных практической заботы или тонкой поэзии.

Всматриваясь в черты их, живые и индивидуальные, мы начинаем понимать свою историю, самих себя, всю окружающую жизнь, – что так широко разрослась из недр этого народа. Какой чудный детский мир развертывается перед нами в грезах Обломова, в воспоминаниях Неточки Незвановой, в «Детстве и отрочестве», в сценах «Войны и мира», у заботливой Долли в «Анне Карениной»: и неужели все это менее действительность, чем Алкид и Фемистоклюс, эти жалкие куклы, злая издевка над теми, над кем никто не издевался? А мысли Болконского на Аустерлицком поле, молитвы сестры его, тревоги Раскольникова и весь этот сложный, разнообразный, уходящий в безграничную даль мир идей, характеров, положений, который раскрылся перед нами в последние десятилетия, – что скажем мы о нем в отношении к Гоголю?

Каким словом определим его историческое значение? Не скажем ли, что это есть раскрытие жизни, которая умерла в нем, восстановление достоинства в человеке, которое он у него отнял?»

Но и этот надуманный первый том поэмы, хотя и вызвал ажиотаж в обществе, был понят публикой еще менее, чем «Ревизор». Даже и критики, понимавшие, что у Гоголя – не картина Руси, а творения его фантазии на эту тему, спорили,

почему он разместил главы об отдельных помещиках в таком, а не в ином порядке. Андрей Белый усмотрел в этом идею: «Посещение помещиков – стадии падения в грязь; поместья – круги дантова ада; владетель каждого – более мертв, чем предыдущий; последний, Плюшкин, – мертвец мертвецов». (Ну, нет, мертвецы мертвецов – это у Гоголя в «Страшной мести»!) Вокруг этого вывода критика завязалась нешуточная дискуссия.

Вот и в наше время, скажем, герой рассказа В. Шукшина «Забуксовал» совхозный механик Роман Звягин в недоумении говорит школьному учителю: «… летит тройка, все удивляются, любуются, можно сказать, дорогу дают – Русь-тройка!.. А кто в тройке-то? Кто едет-то? Кому дорогу-то? Так это Русь-то – Чичикова мчит? Это перед Чичиковым все шапки снимают?» Ведь в тройке-то шулер, мошенник, прохиндей, хмырь, который мертвые души скупал – какая же тут гордость?

Михаил Булгаков изобразил похождения воскресшего Чичикова в условиях свободного предпринимательства, открывшихся в начале нэпа, и тоже не нашел иного определения для Чичикова, кроме как «мошенник». Ну, а в эпоху «развитого социализма» и позднее Чичикова клеймили как типичного героя первоначального накопления капитала. Ныне же в нем подчас видят либо героя нашего времени, времени приобретателей, либо чуть ли не предтечу Антихриста.

Все эти трактовки в корне расходятся с замыслом самого Гоголя. Видимо, главная причина этого прочного непонимания поэмы – в том, что первый том «Мертвых душ» рассматривался (да часто и до сих пор рассматривается) как законченное произведение, тогда как Гоголь считал его лишь введением к главному действию.

Поэма должна была состоять из трех томов. В первом томе явился бы мир воистину «мертвых душ» – чичиковы, собакевичей и пр. Во втором томе – под действием высоких облагораживающих идей и встречи с идеальной личностью происходило бы пробуждение главного героя к новой, достойной жизни. А в третьем томе были бы показаны образы вполне совершенных людей, причем возрожденными к новой жизни появились бы и персонажи первого тома. Многие исследователи проводили аналогию между замыслом «Мертвых душ» Гоголя и «Божественной комедией» Данте. Но тогда получается, что современная Гоголю Россия (как она им изображена), Россия Ноздревых и Собакевичей – это ад. Россия, где преобразится Чичиков – это чистилище. А Святая Русь, где преобразятся все россияне, в том числе и герои первого и второго томов поэмы – это рай. Но вот Белинский-то знал о плане Гоголя и все же видел

в Чичикове «человека гениального в смысле плута-приобретателя, но совершенно пустого и ничтожного во всех других отношениях».

Такой задачи – показа полнейшего преображения человека, – какую поставил перед собой Гоголь, не ставил ни один великий писатель за всю историю мировой литературы. Удивляться тут нечему, писатели понимали, что это не их сфера. А Владимир Набоков, убежденный в то, что Гоголь не мог справиться с такой задачей, прямо писал, что Чичиков – плут и лгун, дьявольский «фантом», который **совершенно не способен к исправлению.** Несколько раз ему представлялась возможность обогатиться и, казалось бы, начать новую, честную жизнь, но он неизменно соскальзывал на прежнюю дорогу мошенничества. В советском кинематографе тоже была предпринята сходная попытка: герой фильма «У семи нянек» Афанасий Полосухин был взят бригадой рабочих из детдома на воспитание. Но он на каждом шагу обманывал своих наставников, воровал, лгал, пойманный на лжи – изворачивался; и хотя по законам соцреализма он должен был бы стать честным и достойным гражданином, вопрос о возможности такого его преображения в фильме оставался открытым. Мошенников, для которых их занятие – либо проявление неискоренимого сребролюбия, либо вид художественного творчества, исправить невозможно. Я не уверен, что Остап Бендер, решивший после краха своих начинаний «переквалифицироваться в управдомы», смог бы стать рядовым, умеренным в своих желаниях советским служащим. А Гоголь целых десять лет трудился над «исправлением неисправимого». Насколько же он достиг своей цели и как оценили его творение читатели?

Он не только не достиг цели, ибо это было принципиально невозможно, но и надорвался сам. «Гоголь, обещав воплотить в себе невоплотимое, стал синицею, поджигающей море…» Читатели в массе своей опять его не поняли.

Гоголь призывал читателя «найти в себе» и убить в душе зародыши Чичикова и Собакевича, а публика поняла это как обличение не имеющих к ней отношения чичиковы и собакевичей (грубо говоря, «бей собакевичей!»). Впрочем, Гоголь сам предсказал, что читатель не захочет спросить самого себя наедине: «А нет ли во мне какой-нибудь части Чичикова?» Нет, он увидит своего знакомого, «имеющего чин не слишком большой, ни слишком малый, и скажет своему соседу, чуть не фыркнув от смеха: «Смотри, смотри, вот Чичиков, Чичиков пошел». Не захочет читатель принять на свой счет обличение пустоты, мертвенности души человека, подменившего высокие идеалы пошлыми

идейками и предавшегося низменным страстям. Но в этом повинен и сам Гоголь. Ну, хорошо, допустим, человек обнаружил в себе зародыш Собакевича. Но ведь с таким же успехом он может найти в глубине своей души также зародыши и Ноздрева, и Коробочки. Опять-таки нужно художнику рисовать цельный характер, личность, пусть и не блещущую достоинствами, но не абстрактное воплощение какого-нибудь одного порока! А читатель, столкнувшись с таким пороком на двух ногах, постарается истолковать его как обличение системы, общественного строя, эпохи, забывая, что система и эпоха – в значительной мере такие, каковы сами люди, их созидавшие и в них живущие. Да ведь природа человека мало изменилась за известный нам исторический период, и люди наших дней не так уж, в сущности, отличаются от людей далеких эпох. Те пороки, которые бичевала Библия, и ныне не только не исчезли из жизни людей, но, как подчас кажется, как раз достигли своего «расцвета». Именно этим и объясняется злободневность произведений классиков прошлого.

Скажу больше: природа человека оказалась гораздо сложнее, чем это представлялось писателям, психологам, богословам и религиозным проповедникам. Люди живут громадными стаями-государствами, между которыми время от времени возникают конфликты и даже кровопролитные войны.

Известный историк профессор Наталия Басовская говорит: наша цивилизация – это цивилизация войны. Мир – это миф.

В пору наступающего периодически ожесточения людей (как отдельных индивидов, так и громадных людских масс, армий, государств) оказывается, что тонкий покров их культурности и цивилизованности прорывается. И тогда открыто проявляется их обычно скрываемая или сдерживаемая нормами морали звериная сущность, и они прибегают к таким зверствам, пыткам и истязаниям, до каких ни один зверь не в состоянии додуматься. Благородные порывы, самоотверженные поступки случаются, но не они определяют общий облик эпох. Плоды научно-технического прогресса используются в первую очередь в военных целях, для создания все более совершенных орудий истребления «живой силы и техники противника». Во время Второй мировой войны люди нанесли самим себе, человеческому роду, природной среде неизмеримо больший урон, чем все стихийные бедствия и катастрофы за всю известную нам историю. А наши мирные деяния? Катастрофа на Чернобыльской АЭС была страшным ударом по всему живому на Земле, а теперь оказывается, что авария на АЭС в Фукусиме в десять раз опаснее, и еще неизвестно, перенесет ли человечество и эти «мирные» удары.

Похоже, сбывается пророчество знаменитого ученого Ламарка: человечество, видимо, идет к своей цели – самоуничтожению, предварительно сделав непригодной для жизни среду собственного обитания. Стихия потребительства, этого всесветного и универсального обжорства, опасного не просто для здоровья, но и для самой жизни рода человечества, охватила мир, и, кажется, встань сегодня из могилы Александр Радищев, он повторил бы свою гневную филиппику. Обратив ее уже не против помещиков, а против всего рода людского: «Звери алчные, пьявицы ненасытные!» И, видимо, человек в эйфории от своих успехов, хотя они подчас и оборачиваются для него впоследствии бедами, слишком рано присвоил себе звание «человека разумного». Исторический процесс, творцами которого считают себя люди, идет стихийно, причем итог его будто бы уже предопределен, будущее уже существует, почему и позволено его видеть избранным ясновидящим, прозорливцам и пророкам. Глуповатые существа люди, если говорить не об индивидуумах, а о том, во что превращаются они, собранные в массу. И эти существа перевоспитать силой примера свято живущей личности? Не перевоспитали их ни Иоанн Креститель, ни Сам Христос, указавший путь к спасению, кажется, до сих пор людьми не понятый. Гоголю ли было справиться с такой задачей?

Гоголь сам предупреждал о живучести своих персонажей: «Ноздрев долго еще не выведется из мира. Он везде между нами и, может быть, только ходит в другом кафтане; но легкомысленно-непроницательны люди, и человек в другом кафтане кажется им другим человеком».

Но ведь речь должна идти не только о Чичикове или Ноздреве. Мчится тройка с Чичиковым, но летит и Тройка-Русь, которой Гоголь пропел столь возвышенный гимн. А кто же едет в этой-то сказочной Тройке? А весь паноптикум уродов, которых Гоголь вывел в первом томе. Почему же должны сторониться другие народы и государства, чтобы дать дорогу этой Тройке? От страха или от отвращения? Ибо уважения такая Тройка с такими седоками никак не заслуживает.

«Царство трупов – вся русская действительность… Гоголь оправдывался: «Пушкин заставил меня взглянуть на дело серьезно». Но если бы Пушкин предвидел последствия своего совета, воскликнул бы он: «Голубчик, Николай Васильевич, делайте, что хотите! Пойте, пляшите, смейтесь, осмеивайте, – только: не придавайте такого значения моим словам!»

Одни критики восторгались первым томом «Мертвых душ», другие злобно порицали книгу. Константин Аксаков сравнил

Гоголя с Гомером. Чернышевский впоследствии даже написал «Очерки гоголевского периода русской литературы», где громогласно объявил, что Гоголь открыл нам самих себя: дескать, мы до того и не знали, что такое хлестаковщина или маниловщина. (Вот уж, пожалуй, хрестоматийный пример того, как и гениальные критики столь грубо ошибаются.) Как писал Владимир Набоков, «по невероятному стечению обстоятельств, один из величайших мировых ирреалистов был произведен в какого-то столоначальника русского реализма». А Владимир Панаев утверждал, что «Гоголю надо запретить писать, потому что от всех его сочинений пахнет тем же запахом, как от лакея Лаврушки». Возмущало недовольных то, что писатель в целом губернском городе (точнее – во всей России) не увидел ни одного благородного человека, ни одного светлого явления. Но изобразил этот город в такой высокохудожественной форме, что читатели воспринимали эту выдуманную им Россию более реальной, чем действительно существовавшую. Задачу показа «пошлости пошлого человека» он решил блестяще, но что дальше, во имя чего эта картина? Некоторые критики говорят, что именно с этого момента русская литература все больше отделялась от действительности и все больше отходила от реальности, и более всех преуспела в этом, как это ни странно, именно «натуральная школа», принципом которой, казалось бы, должна была стать именно верность «натуре».

Думается, неправы были и те, и другие. Вклад Гоголя в русскую литературу огромен. И прежде блистали в ней молдаванин Кантемир, немец Фонвизин, но малоросс Гоголь превзошел всех «пришельцев». Однако в образах, созданных воображением Гоголя, нелепо видеть воплощение человеческих типов, в особенности типов русского человека, и реальных общественных отношений в тогдашней России. Ни Собакевича, ни Манилова даже нельзя было назвать персонажами. Это нечто вроде экспонатов музея восковых фигур. Они очень похожи на персон, которых представляют. В принципе, наверное, можно сделать их даже движущимися. Но жизни в них не было и нет. Лучше всех это понял Розанов:

«Гоголь копошится в атомах… «Элементы», «первые стихии» души человеческой: грубость (Собакевич), слащавость (Манилов), бестолковость (Коробочка), пролазничество (Чичиков). И прочее. Все элементарно, плоско… Нет жизни. «Мертвые души». Отсюда сразу такая его понятность. Кто же не поймет азбуки?.. Отсюда-то его могущество. Сели его «элементы» на голову русскую и как шапкой закрыли все. Закрыли глаза всем. Ибо Гоголь ее (сила таланта) «нахлобучил на нас». «Темно на Руси». Но это,

собственно, темно под гоголевской шапкой». Таким, как у Гоголя, может быть русский человек, когда у него «души нет»… «Мертвые души» и «Ревизор» – лубок. Лубочная живопись гораздо ярче настоящей… Сразу всем понятно… Сразу никакое художество не может стать всем понятно: оно слишком полно, содержательно и внутренно для этого. Ведь Гоголь – он весь внешний. Внутреннего – ничего… Ничего праведного, любящего, трогательного не пошло от Гоголя».

И еще: «…весь Гоголь, весь – кроме «Тараса» и вообще малороссийских вещиц, – есть пошлость в смысле постижения, в смысле содержания. **И – гений** – по форме, по тому, **«как»** сказано и рассказано.

Он хотел выставить «пошлость пошлого человека». Положим. Хотя очень странная тема. Как не заняться чем-нибудь интересным. Но его заняла, и на долго лет заняла, во всю зрелую жизнь, одна пошлость. Удивительное призвание». Продолжение я цитировать не рискую, желающие могут посмотреть его сами. *(Розанов В.В.* Т. 2. Уединенное. М., 1990. С.315.) Но последнюю фразу все же приведу: «Никогда более страшного человека… **подобия** человеческого… не приходило на нашу землю». Это «демон, хватающийся боязливо за крест» (перед смертью). Ибо Гоголь не был «религиозным лицом», и его «страх перед религией – страх перед темным, неведомым, чужим».

Ну, Русская земля видела людей или подобия людей и пострашнее. А вот при суждениях о влиянии Гоголя на последующее развитие русской литературы к мнению Розанова стоит прислушаться. Розанов, говоря о Гоголе, задавался вопросом: «Откуда эта беспредельная злоба?» И иллюстрировал свой вопрос строками из Пушкина:

> И ничего во всей природе
> Благословить он не хотел.

Во всяком случае – в России. В дорогой его сердцу Италии он найдет немало прекрасного, заслуживающего уважения и почитания (сошлюсь опять-таки на его «Рим»).

Андрей Белый сходным образом характеризует творческую манеру Гоголя:

«Такого величия в изображении мелочей не знала мировая литература; его неуловимо тонкий прием охарактеризую при помощи грубой модели: соедините «все» с «ничего»; получится «что-то», «в некотором роде…» и т. д.; в итоге таких приблизительностей, дающих и перелет, и недолет (мимо цели), предмет излучает специфический колорит: «ни то, ни се»;

предмет не «неверно изображен»; вместе с тем: он не показан; он – в полутенях атмосферы, а кажется выпуклым в своем тусклом ничтожестве…»

И все же, пусть только и чтобы создать волшебную форму, нужно иметь огромный талант. Розанов признавался:

«Перестаешь верить действительности, читая Гоголя. Свет искусства, льющийся из него, заливает **все.** Теряешь осязание, зрение и веришь только ему». А Розанову было с кем сравнивать Гоголя, уже владел умами русской интеллигенции Салтыков-Щедрин. Однако с точки зрения Розанова, «Щедрин около Гоголя – как конюх около Александра Македонского. Да Гоголь и есть Алекс. Мак. Так же обширны и велики завоевания. И «вновь открытые страны». Даже «Индия» есть». Поэтому «ни один политик и ни один политический писатель **в мире** не произвел в «политике» так много, как Гоголь». С Гоголя в литературе все больше крепнет та линия, которая увлекается игрой слов и все в меньшей степени становится орудием познания действительности и самопознания человека и народа.

Не просто невысоко оценил, а прямо пригвоздил наиболее известные творения Гоголя такой выдающийся русский критик и эстет, как Константин Леонтьев. В статье «Два графа» он отметил «…мрачный призрак… Гоголя «Мертвых душ» и «Ревизора»; призрак некрасивый, злобно-насмешливый, уродливый. Выхолощенный какой-то, но страшный по своей принижающей силе».

Из этого серого мрака едва-едва «высвобождаются» потом последующие русские писатели. «Больше всех от гоголевского одностороннего принижения жизни освободился… Лев Толстой… Только у Толстого действительность русская во всей полноте своей возвращает свои права со времен серых «Мертвых душ» и серого «Ревизора»… Да, литература часто отрывается от действительной жизни, но именно начиная с Гоголя, этот отрыв становится всеобъемлющим.

«Было время, когда о мужике, например, у нас никто не писал; писали о военных героях; потом явился Гоголь, – и запретил писать о героях (разве о древних, вроде Бульбы), а о мужиках позволил. И все стали писать даже не о мужиках, а о «мужичках». Гоголь разрешил также писать о жалких чиновниках, о смешных помещиках и о чиновниках вредных… И множество молодых русских… стали рвать на себе волосы, звать себя прямо из Гоголя «дрянь и тряпка» (болваны!) и находить себя ни на что не годными…. Впрочем, что и говорить о людях бездарных, когда даже и у таких умных писателей, как Глеб Успенский, Немирович-

Данченко… Помяловский и т. д., – Гоголь так и дышит из каждой строки! Все не грубое, не толстое, не шероховатое, не суковатое им и не дается… Сами в жизни они, вероятно, слишком опытны и умны, чтобы не видеть иногда и нечто другое, но как писатели – как же могут они высвободиться из тисков той сильной, но в своей силе неопрятной и жесткой руки Гоголя… когда ни Достоевский, ни Писемский, ни Гончаров не могли не подчиниться ей, один так, другой иначе?.. И у Льва Толстого можно найти… следы этой гоголевщины…»

Принижающая сила, разрушительный характер творчества Гоголя – вот в чем, по Леонтьеву, заключается крайне вредное его влияние на литературу и общество.

Обидно почитателям Гоголя? Да. Но ведь никто не сможет отрицать, что названные герои Гоголя – маски. Потому-то они и стали нарицательными. И Гоголь пополнил мировую коллекцию таких масок, служащих для обозначения определенных страстей и пороков человеческих. Сложнейшее существо – человек – сведен им к одной черте характера. А иного у Гоголя и не могло получиться, он сам признавал, что создавал эти образы, выискивая отрицательные черты самого себя (то есть каждую черту в отдельности) и доводя их до логического конца. Даже если он списывал своих героев с конкретных людей, он не в состоянии был нарисовать их портреты в силу удивительной однобокости своего таланта. Гоголь был комик, он обладал редким талантом комического актера, что доказывал блестящим исполнением различных (в том числе и женских) ролей в пьесах, которые ставились учащимися Нежинского лицея, где он учился. Когда ему потребовалось отдохнуть от зубрежки и получить некоторое свободное время, он симулировал психическое заболевание, да так, что и врачи признали его заболевшим и поместили в больницу (возможно, этот опыт пригодился ему впоследствии при работе над «Записками сумасшедшего»). Не зря преподаватели лицея характеризовали Гоголя кратко: «туп, слаб, но резов». Таким комиком он и оставался: «Ведь ты, братец, сам делаешься комическим лицом!» – говорит ему Погодин. «Я именно комик, – соглашается Гоголь, – и вся моя фигура карикатурна». (Давно замечено, что комики – писатели и актеры, умеющие рассмешить читателей или зрителей, в повседневной жизни нередко бывали угрюмыми и нелюдимыми.)

Гоголь просто не умел видеть человека целиком, или, как деликатно высказывается Александр Привалов: «Ведь куда бы то ни было вовне Гоголь, судя по его писаниям, вообще смотрел не часто – или, лучше сказать, не настойчиво. Перечтите любой его портрет (кроме карикатур) – поэтические восклицания, сверх

которых: глаза такие-то, губы такие-то, шея, лоб…» Гоголь схватывал какую-нибудь одну смешную или забавную черту в человеке – и этого ему было достаточно, чтобы нарисовать комический (а иногда и восхитительный) образ. Попробую показать это на примере, когда Гоголь описывал самую красивую девушку, поразившую его, как ни одна другая женщина, – и тут он вынужден был ограничиться двумя-тремя чертами, после чего переходил на восклицания, выражающие восхищение. Речь идет о героине не написанного Гоголем романа «Рим», называемого просто «отрывком». Началом романа отрывок можно считать потому, что он начинается восторженным гимном красоте альбанки Аннунциаты, затем идет жизнеописание молодого князя (безымянного), далее рассказывается, как князь был ошеломлен красотой Аннунциаты, мельком увидев ее проезжающей во время карнавала. Князь призвал человечка для разных поручений, чтобы тот помог ему найти Аннунциату Видимо, дальше должен был развернуться роман Аннунциаты с князем. Но князь, зачарованный красотой Рима и его окрестностей, кажется, забыл, зачем вызвал порученца, и на этом отрывок (менее 50 страниц) кончался.

Кстати сказать, почему-то все, пишущие о «Риме», называют Аннунциату албанкой. Розанов, пораженный красотой увиденной им однажды албанки, даже пустился в изыскания и в конце концов удовлетворился утверждением, что албанцы – это чистые греки, избежавшие смешения с другими этносами и потому сохранившие красоту и изящество классических форм. Но в действительности Аннунциата была чистокровной итальянкой, видимо, родом из городка Альбано близ Рима. Гоголь сам упоминает об альбанских горах, о других альбанских горожанках (которые, разумеется, не смеют сравниться красотой с Аннунциатой), а также о дороге, ведущей из Альбано в Кастель-Гандольфо (это все места в окрестностях Рима, в Кастель-Гандольфо располагается также летняя резиденция папы римского).

Итак, вот «самый лучший портрет женщины», вышедший из-под пера (кисти) Гоголя:

«Попробуй взглянуть на молнию, когда, раскроивши черные как уголь тучи, нестерпимо затрепещет она целым потоком блеска. Таковы очи у альбанки Аннунциаты. Все напоминает в ней те античные времена, когда оживлялся мрамор и блистали скульптурные резцы. Густая смола волос тяжеловесной косою вознеслась в два кольца над головой и четырьмя длинными кудрями рассыпалась по шее. Как ни поворотит она сияющий снег своего лица – образ ее весь отпечатлелся в сердце. Станет ли

профилем – благородством дивным дышит профиль, и мечется красота линий, каких не создавала кисть. Обратится ли затылком с подобранными кверху чудесными волосами, показав сверкающую позади шею и красоту невиданных землею плеч – и там она чудо. Но чудеснее всего, когда глянет она прямо очами в очи, водрузивши хлад и замиранье в сердце. Полный голос ее звенит, как медь. Никакой гибкой пантере не сравниться с ней в быстроте, силе и гордости движений. Все в ней венец созданья, от плеч до античной дышущей ноги и до последнего пальчика на ее ноге. Куда ни пойдет она – уже несет с собой картину: спешит ли ввечеру к фонтану с кованой медной вазой на голове – вся проникается чудным согласием обнимающая ее окрестность…» И так еще полторы страницы.

Впечатление достигнуто, образ ангела во плоти читатель воспринял, но нарисован ли портрет этой красавицы? Полна или худощава, каков овал ее лица, какие у нее губы и т. д. Даже о цвете ее глаз приходится догадываться, хотя их взгляд и сравнивается с молнией. Над тем, как описана грудь Аннунциаты, иронизировал уже Александр Привалов, напомню эту фразу: «Взглянувши на грудь и бюст ее, уже становилось очевидно, чего недостает в груди и бюстах прочих красавиц». А Розанов по поводу фразы «Аннунциата была высока ростом и бела, как мрамор», заметил: «такие слова мог сказать только человек, не взглянувший ни на какую женщину, хоть «с каким-нибудь интересом».

Вот почему Гоголь, не умевший создать реалистические цельные образы, вынужден был их упрощать и сводить к носителю определенного порока или комического свойства. Но и этого мало. Найдя в человеке что-либо достойное осмеяния, он еще (как сам признавался) нагружал его образ собственными гадостями, недостойными качествами. Ясно, что вышли из-под его пера только персонажи-маски, уже не имевшие с прежним прототипом почти ничего общего. Мы не замечаем этой «непортретности» Гоголя, скажем, в «Мертвых душах», наверное, благодаря замечательным графикам Агину и Вернадскому, создавшим классические иллюстрации к его поэме и давшим нам цельные портреты персонажей, которых в самом произведении нет.

По этой причине я не любитель разбирать достоинства и недостатки гоголевских персонажей, но иногда это делать приходится. Михаил Саяпин обличает Гоголя в преднамеренном принижении своих героев. Вот цитата из его анализа гоголевского творчества:

«Вот Манилов – образцовый офицер, прекрасный семьянин.

Собакевич – крепкий хозяйственник, заботящийся о крестьянах. И как они все называются? Правильно, «мертвые души»! Нет у них, видите ли, стремления к чему-то высокому! Да, Плюшкин, конечно, настоящая «прореха на человечестве», но все же с точки зрения безобидности для человечества он, небось, получше будет Пацюка или Солохи?

Итак, вне зависимости от желания автора все подряд хохлы для него – свои; в России же сплошь мертвые души.

Справедливости ради надо отметить, что мертвые души наблюдаются и в Малороссии. Но это омоскаленные хохлы: Иван Иванович с Иваном Никифоровичем, втянутые в ужасную трясину москальской бюрократической судебной машины; Шпонька, начавший свою жизнь со служения далекому Белому Царю, выпавший из жизни, боящийся даже мысли о будущей жене и т. д… в 1-й части «Мертвых душ» действуют уроды-русские, а во 2-й части положительный образец – то ли грек, то ли турок.

А Гоголь подло (как и Достоевский – так, чтобы нельзя было схватить за руку) высмеивает страсть русского человека к подвигу. И его подвыпивший Хлестаков, из которого вырвалось на свободу чувство, что он достоин большего, чем унылая судьба коллежского регистратора, – это еще довольно безобидная насмешка. Куда хуже «Коляска»: выпив, герой приглашает всех на хлеб-соль, но, естественно, тут же забывает об этом, а протрезвев, тут же удирает в кусты, т. е. в коляску. (Вот так. А туда же! Тоже, наверное, в молодости мечтал о подвигах!)…

Поприщин тоже не может примириться со своим скромным существованием в канцелярии, мучается над вопросом, почему ему отказано в праве быть кем-то великим, наконец объявляет себя испанским королем и… сходит с ума.

Вот здесь весь Гоголь».

Действительно, у Гоголя Манилов, «когда еще служил в армии, где считался скромнейшим, деликатнейшим и образованнейшим офицером», обзавелся привычкой курить трубку. Ну, насчет образованности тогдашних русских чиновников и помещиков у Гоголя была своя мерка. Помните, в губернском городе чиновники были, «более или менее, люди просвещенные: кто читал Карамзина, кто «Московские Ведомости», кто даже и совсем ничего не читал». Манилов после выхода в отставку зажил в своем имении, стал добрым семьянином, гуманным помещиком, – и как же он мог вдруг стать воплощением «маниловщины»? Или взять Собакевича. Ну, ладно, в разговоре с Чичиковым он мог называть все губернское общество мошенниками. Но как представить себе его в обществе? Только как съевшим в один присест громадного осетра да

обзывающим Плюшкина в собрании чиновников «собакой, мошенником», который всех людей (своих крепостных, конечно, а не весь род человеческий) переморил голодом?

Александр Курилов в статье «Мертвые ли души у героев «Мертвых душ»?» призывает «посмотреть на гоголевских героев непредвзято», и тогда мы «увидим следующее»:

Манилов человек «обходительный», он «мягок и либерален по отношению к своим крестьянам» и т. д. При характеристике Коробочки Гоголь берет сторону Чичикова, но в чем же ее «дубинноголовость»? Это не «дубинноголовость», а естественная реакция продавца, которому предлагают продать то, что до того он не только не считал «товаром», но даже не подозревал о самой возможности существования такового. Однако в человечности ей не откажешь. Она хорошая, заботливая хозяйка. Крестьянские избы в ее деревушке показывали довольство обитателей…

На Собакевича Гоголь также глядит глазами Чичикова. А вот заботой о своих крестьянах Собакевич ничуть не уступает, если не превосходит Коробочку, прекрасно сознавая, что его благополучие во многом зависит от их благополучия.

Мобилен, подвижен, душа нараспашку – Ноздрев…

Даже у Плюшкина душа не столько «омертвевшая», сколько «очерствевшая». Что же касается самого Чичикова, то со своей неунывающей натурой, неустанной деятельностью, предпринимательской изобретательностью он в поэме вообще «живее всех живых». И т. д., идет разбор персонажей первого тома, будто те не маски, а действительно портреты реальных помещиков и чиновников.

«И все-таки была одна сторона жизни, – продолжал Александр Курилов, – одна ее составляющая, относительно которой души гоголевских персонажей были действительно «мертвы» – это общественные интересы. Где у гоголевских героев «интересы общие, живые?», – вопрошал Герцен (которому Курилов и приписывает авторство термина «мертвые души» применительно к персонажам поэмы)… Но вправе ли упрекать писателя, что в его произведении нет того, чего еще нельзя встретить в жизни?» Это критики-то крепостного права, обсуждения внешнеполитических вопросов и пр. Нет, и Герцен, и Плетнев вправе были критиковать Гоголя за отсутствие в поэме того, чем жило русское общество, кроме того, что воровало, жуировало, интриговало, объедалось и опивалось.

Но Гоголь же знал, что он не просто прославленный, но и подлинно великий писатель, а значит, должен был быть готовым к самым суровым оценкам своего творчества. Завиден, но и непомерно тяжел удел великого писателя. Монументы, цветы к

ним, юбилейные речи – все это приходит потом, чаще всего после смерти. А при жизни ему приходится испытывать непонимание (или, что подчас еще хуже – неправильное понимание) со стороны окружающих, зависть и клевету процветающих бездарностей, житейскую неустроенность, гонения, да и заканчивается она чаще всего преждевременной, а то и трагической смертью. Все это испытал и Гоголь. Он пророчески писал о судьбе писателя, подобного ему самому (кстати сказать, в тех же «Мертвых душах»): «Сурово его поприще, и горько почувствует он свое одиночество».

Чичиков – типичный русский человек?

Естественно, что критиками не был понят и образ главного героя поэмы – Чичикова. Гоголю не могло быть присуще понимание Чичикова как носителя космополитического начала и «наполеонизма», преклоняющегося перед «земным кесарем» и презирающего идеальность и духовность и пр. (трактовка Михаила Лобанова). Кто-кто, а уж Гоголь-то хорошо понимал заветную мысль Пушкина: «…нет убедительности в поношениях, и нет истины, где нет любви». Он и сам писал, что только в соединении с любовью к добру, к светлому в человеке страсть к искусству «может просветлить… и творящего, и тех, для кого он творит. Иначе и сами ангелы на его картинах будут смотреть дьявольскими глазами». Гоголь и пытался посмотреть на Чичикова глазами, полными любви, сострадания и сочувствия, думая при этом о судьбах всей Руси, всего человечества. И каким же он его увидел?

Читатель «Мертвых душ» не может не заметить, что Гоголь, хотя и видит в Чичикове «приобретателя» (а этот общественный тип был ему отвратителен, хотя принимать подношения писатель любил), все же относится к нему как к человеку с неизменной симпатией, совсем не так, как к другим персонажам, действительно мертвым душам. Писатель старается показать, как, в силу каких причин этот неглупый и по-своему порядочный человек встал на путь темных махинаций. А главное – он никогда не терял веры в возможность его духовного возрождения. Кто знает? Разве мало в истории примеров, когда неисправимый злодей по милости Господней едва ли не в свой смертный час получал прощение и спасение?

В поэме подчеркивается: Чичиков – «русский человек, да еще в сердцах»; он «задумался так, само собою, как задумывается всякий русский… когда замыслит о разгуле русской жизни». О купленных им умерших и беглых крепостных он думает совсем не

так, как думал бы холодный приобретатель: «сердечные мои», «мои голубчики»; «эх, русский народец, не любит умирать своей смертью». Разговор Чичикова с хозяйкой трактира – это именно разговор двух русских людей, какой никогда не мог бы состояться, скажем, между двумя англичанами через пять минут после их первой встречи. Не только двух англичан немыслимо представить в такой ситуации – не мог бы так говорить с трактирщицей или тем более с трактирным слугой ни Манилов, ни Собакевич. На службе в таможне Чичиков показал «прямо русскую» изобретательность, к исполнению замысла с покупкой мертвых душ он приступает, «перекрестясь по русскому обычаю»; он любит быструю езду – как и всякий русский человек. Он возмущается тем, что светское общество слепо перенимает западные обычаи (завело привычку устраивать балы и пр.), пренебрегая нашими национальными традициями. И т. д., и т. п.

Чичиков – приобретатель, но это, по Гоголю, не Гобсек и не папаша Гранде, тем более не пушкинский Скупой Рыцарь, для которого деньги – цель жизни, демоническое орудие для достижения мирового господства. Нет, в Чичикове «не было привязанности собственно к деньгам для денег: им не владели скряжничество и скупость. Нет, не они двигали им, ему мерещилась впереди жизнь при всех довольствах», он при первой же возможности завел себе и хорошего повара, и тонкие голландские рубашки, и фрак с искрой: «оказалось, что он всегда не был чужд разных наслаждений».

Накопление для него не цель, а лишь средство стать помещиком-хлебосолом, отцом семейства, пожить всласть, воспитать и обеспечить будущих и желанных детей. По своей русской доверчивости Чичиков открывает тайну своего способа приобретательства Ноздреву, хотя и знает его как болтуна и любителя бескорыстно, из одного удовольствия, подгадить ближнему, и эта оплошность приводит приобретателя к краху всей его эпопеи. Он увлекается, полагается на русское авось: заработав на таможне контрабандой чуть не полмиллиона, все теряет из-за ссоры с компаньоном, завязавшейся между ними по пустяковому поводу. Увидев на балу губернаторскую дочку, почувствовал себя «чуть-чуть не гусаром», наивно пытался угадать сочинительницу полученного им анонимного любовного письма, в подпитии почувствовал себя и взаправду херсонским помещиком и даже читал Собакевичу послание в стихах Вертера к Шарлотте. Он по-своему честен и возмущается, если кто-то сомневается в его благородстве. Он оправдывает себя, уличенный в махинациях на таможне: «Я не ограбил вдову, я не пустил никого по миру… брал там, где всякий брал бы; не воспользуйся

я, другие воспользовались бы». В какой-то мере ему не чуждо и сострадание, и он не мог пройти мимо нищего, не подав ему медный грош.

Чичикову присущи многие хорошие качества: предприимчивость, терпение, готовность снова подниматься после полного краха и начать опять свое дело, – и все это с соблюдением благопристойности, ибо даже и находясь в грязном обществе, он «в душе всегда сохранял чистоту», хотел, чтобы все было «благородно». Никогда не позволял он себе в речи «неблагопристойного слова», был чистоплотен по своей натуре.

Чичиков у Гоголя – не просто русский, а, как это ни странно прозвучит с непривычки, «средний, типичный» русский человек. Он – «господин средней руки» – и по чину, и по наружности, и по возрасту, и по манерам, а это очень важно. Ведь Гоголь считал отличительной особенностью именно русского ума «разумную середину, примиряющий третейский суд», «тот верный такт… который, умея выразить истинное существо всякого дела, умеет выразить его так, что никого не оскорбит…». Однако при всем обилии «русских черт» у Чичикова он никак не может считаться типичным русским человеком. Русский человек – служивый, а именно это Гоголь и считал недостатком великороссов. Как ни плохи изображаемые Гоголем чиновники, они, при всей их вороватости и при прочих недостатках, все же в глубине души ощущали себя государевыми слугами и плохо ли, бедно ли, но исполняли свои обязанности, благодаря чему и держалась Русская Держава, совсем не склонная к «пальбе, гульбе и анархии». Чичиков – единственный более или менее живой человек во всей поэме. Мы знаем кое-что из его детства, эпизоды его службы, видим зарождение его замысла покупки мертвых душ. Да поэма только на нем и держится. Переезды Чичикова от одного персонажа-маски к другому такому же и составляют сюжет поэмы, а заодно и дают Гоголю возможность разразиться очередными лирическими отступлениями, которыми он особенно покорял доверчивых читателей.

Но Чичиков – русский человек недюжинных дарований, в котором «все оказалось… что нужно для этого мира» – в отличие от «того света», «идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание…». Он – человек этого мира, забывший о другом мире, о котором непозволительно забывать никому, и потому избравший ложный идеал, в принципе чуждый, по Гоголю, природе русского человека, – в этом писатель убедился и по опыту жизни за границей, где, в отличие от России, приобретательство стало уже второй натурой человека, чертой национального характера. У нас же, говорит Гоголь на основе

опыта многих родов, после смерти разбогатевшего основателя наследники «спускают, по русскому обычаю, на курьерских все отцовское добро». Но, опять-таки, не в этом главное отличие русского человека от западноевропейца, в особенности от англосакса.

Надо полагать, одной из величайших своих заслуг Гоголь считал то, что он показал, как подчас мельчайшая уступка пороку приводит к гибели всего человеческого в человеке, заставляя его «позабывать великие и святые обязанности и в ничтожных побрякушках видеть великое и святое».

Но почему же тогда Гоголь, отказавшись от показа «добродетельного человека», сам называет Чичикова «подлецом» и рисует его школьные годы и первые шаги на службе в довольно неприглядном свете? Для Гоголя Чичиков, употребляя более современное выражение, «сукин сын, но все же свой сукин сын». Писатель хотел показать, как исковеркала жизнь неглупого мальчика отцовская заповедь: «больше всего береги и копи копейку… Все сделаешь и все прошибешь на свете копейкой». Но Чичиков-младший, по Гоголю, намеревался, достигнув известного положения в обществе, отказаться от того образа жизни, какой был навязан ему беспросветной бедностью.

Именно средний человек частенько идет на сделки с совестью, успокаивая себя тем, что это он сегодня, в силу необходимости, отступает от нравственных норм, а уж завтра-то будет во всем поступать, как должно. Но приходит это завтра, и оно ничем не отличается от вчера, сама логика жизни заставляет продолжать ее, как она сложилась. И новая, чистая жизнь так и не наступает. Вот и Чичикова увлекла эта стихия приобретательства, и он не смог остановиться тогда, когда, казалось бы, фундамент для новой жизни был уже заложен и вроде бы настало время жить достойно.

Чичиков избрал ложный идеал и стал «приобретать» то, что плохо лежит, зная, что иначе это украдут другие, а он, по господствующим представлениям, останется в дураках. Он, следовательно, пошел в жизни не «узким путем» христианского подвига, а «широким путем», по которому идет толпа и который ведет к погибели (Мф 7:13,14), и в этом – истоки его трагедии, причина гибели его дарований. Так Гоголь, даже не упомянув имени Христа, хотел показать сущность Его учения гораздо яснее, чем проповеди штатных проповедников, да и его собственная проповедь в написанной несколько позднее книге «Выбранные места из переписки с друзьями». Это не частый в литературе случай, когда художественное произведение, правильно осмысленное, призвано было стать проповедью самого светлого и

благодатного нравственного учения, способной помочь читателю выбрать достойный путь в жизни. Иначе говоря, **«Мертвые души» для Гоголя были нравственным трактатом,** облеченным в форму подобия плутовского романа. Но и эта проповедь художественными средствами Гоголю не удалась. Чтобы понять, почему не удалась, надо оставить на некоторое время Чичикова и обратиться к упомянутой новой книге Гоголя.

Выбраненные «Выбранные места»

Гоголя удручало положение современной ему России, произвол, взяточничество и казнокрадство чиновников, забвение дворянством своих обязанностей перед родной страной и народом, в первую очередь перед крестьянством, низкопоклонство светского общества и интеллигенции перед Западом. Глубоко огорченный тем, что читающая публика не понимает сокровенного смысла его художественных творений, Гоголь решается выступить перед ней с открытым публицистическим произведением. Так появились на свет его печально знаменитые «Выбранные места из переписки с друзьями».

Кажется, еще не выходило до того в России другой книги, которая произвела бы такой шум и вызвала такую бурю возмущения, как «Выбранные места». В далекие времена, когда я учился в школе, учителя нам объясняли, что Гоголь был умным человеком и выдающимся писателем, когда создавал «Ревизор» и «Мертвые души», но потом сошел с ума и написал эту книгу. В действительности «Переписка» – по-своему замечательное произведение, раскрывшее талант Гоголя с новой, до того неведомой миру стороны. Просто надо было подойти к оценке этой книги именно как к литературному, публицистическому произведению, но эта мысль тогда, кажется, никому не приходила в голову (возможно, потому, что все ожидали обещанного второго тома поэмы).

Прежде всего, здесь Гоголь опубликовал несколько писем, в которых изложил свой взгляд на развитие русской литературы и на творчество наших выдающихся писателей, и многие из этих оценок не утратили значения до сих пор. Но эта сторона книги почти никого не заинтересовала. Бурю возмущения вызвали письма, где Гоголь высказывался по животрепещущим вопросам общественной жизни – от положения женщины в обществе, роли Церкви, значения театра и до отношений помещиков и крестьян и места России в мире.

В стране господствовал официальный взгляд на Россию как на страну всеобщего благоденствия. В противовес ему Гоголь заявлял о всеобщем недовольстве, когда в «криках на бесчинства, неправды и взятки» послышалось «не просто негодованье благородных на бесчестных, но вопль всей земли…». (Замечу, что книга вышла в России с большими купюрами, и цензурная правка значительно снизила пафос гоголевских обличений.) А причины этих неустройств – в господстве эгоистических настроений, когда

«всякий думает только о себе и о том, как бы себе запасти потеплей квартирку…», в продажности правительства – этой огромной «шайки воров», в происках зарубежных недоброжелателей, которым «хотелось заварить в России кашу, среди которой можно было бы и самим сыграть какую-нибудь роль». Но он, хорошо знавший опыт Запада, не верил в благотворность революции для России своего времени, но не верил и в успех вынашивавшихся правительством планов постепенной европеизации страны. Ведь он хорошо знал, что на Западе «все друг друга готовы съесть». Не принимал он всерьез и стремления консерваторов повернуть Россию вспять, к допетровским порядкам.

Гоголь не принадлежал ни к одному из двух лагерей, на которые в его время раскололось просвещенное русское общество, – ни к западникам, сторонникам европеизации России, ни к славянофилам, ратовавшим за самобытный путь развития родной страны. Он признавал, что славянофилы были ближе к истине, но считал, что они чаще смотрели назад, чем вперед. Гоголь был убежден в том, что России предстоит выработать собственный путь развития, который в конце концов окажется магистралью дальнейшего движения всего человечества. (Думал ли он «оказачить» не только Россию, но и всю планету, неизвестно.) Поэтому России нужно как никогда мудрое слово (в том числе и его, Гоголя), которое могло бы примирить спорящие между собой лагери, каждый из которых видит лишь одну сторону истины, не замечая другой:

«Всякий из них уверен, что он окончательно и положительно прав и что другой окончательно и положительно врет». Гоголь обличает извечную человеческую слабость – односторонность воззрений: «Односторонние люди и притом фанатики – язва для общества, беда той земле и государству, где в руках таких людей очутится какая-либо власть. У них нет никакого смирения христианского и сомненья в себе; они уверены, что весь свет врет и одни они только говорят правду… Друг мой, храни вас Бог от односторонности! Глядите разумно на всякую вещь и помните, что в ней могут быть две совершенно противоположные стороны, из которых одна до времени вам не открыта». Самой необходимой для России того времени фигурой Гоголь считал примирителя:

«Знаете ли, как это важно, как это теперь нужно России, и какой в этом высокий подвиг! А миротворцу у нас поприще повсюду. Все перессорились…» – дворяне, крестьяне, честные и добрые люди. А примирителю его высокая миссия непременно должна удаться, ибо в природе человека, и особенно русского, есть чудное свойство: как только заметит он, что другой сколько-

нибудь к нему наклоняется или показывает снисхождение, он сам готов чуть не просить прощения… если только станет среди тяжущихся истинно благородный, уважаемый всеми и притом еще знаток человеческого сердца».

Выход писатель видел во всенародном порыве к правде, как это бывало, по его мнению, в 1612 и 1812 годах, в подвиге всенародного нравственного очищения, когда «брат повиснет на груди у брата, и вся Россия – один человек». Вот на это и должен быть направлен труд настоящего писателя: пробудить в душе русского человека самые благородные чувства, показать нам нашу русскую Россию так, чтобы мы все сказали: «Это наша Россия; нам в ней приятно и тепло, и мы теперь действительно у себя дома, под своей родной крышей, а не на чужбине».

Но для этого, как полагал Гоголь, нужно, чтобы преобразился каждый, ибо общество слагается из единиц. «Надобно, чтобы каждая единица исполнила должность свою… Нужно вспомнить человеку, что он вовсе не материальная скотина, но высокий гражданин высокого небесного гражданства. Покуда он хоть сколько-нибудь не будет жить жизнью небесного гражданина, до тех пор не придет в порядок и земное гражданство». Быть нравственным в безнравственной среде, не брать взяток там, где все их берут, – это своего рода богатырство, и вот к такому богатырскому подвигу звал Гоголь и всю Россию, и каждого русского человека: «Здесь ли не быть богатырю, когда есть место, где развернуться и пройтись ему?» В России теперь на всяком шагу можно сделаться богатырем. «Всякое званье и место требует богатырства. Каждый из нас опозорил до того святыню своего званья и места (все места святы), что нужно богатырских сил на то, чтобы вознести их на законную высоту».

Богатыри-одиночки, светочи, примеры того, что по правде жить можно, никогда не переводились на Руси, но они оставались редкими маяками в море неправды и одни не в силах были изменить строй народной жизни. Гоголь же звал к подвижничеству целый народ, то есть каждого, и в первую очередь – среднего человека, ибо масса, которая пойдет за светочем, – это и есть совокупность средних людей. И Гоголь видел свою задачу в том, чтобы показать путь к духовно-нравственному возрождению именно среднего, типичного русского человека, в силу устремленности к ложному идеалу оказавшегося во власти многих низменных страстей и пороков. Чичиков и был таким средним русским человеком, на примере которого Гоголь хотел показать путь к спасению и духовному возрождению России.

Здесь важно подчеркнуть разницу в постановке проблемы у

Гоголя и некоторых последующих русских писателей, задумывавшихся над судьбами русского человека и России. Так, покойный В.А.Солоухин комментировал известные заповеди Христа следующим образом. Да, – писал он, – я всецело поддерживаю эти нормы жизни, но при условии, что действительно все люди станут с сегодняшнего дня их придерживаться. Но ведь достаточно того, чтобы их нарушил хоть один мерзавец, и все: либо нам надо будет давать ему отпор, либо всем ему подчиниться. Гоголь тоже как будто говорит о том, что стать богатырем, борцом за правду должен каждый русский человек, но в то же время поясняет: богатырство в том и заключается, чтобы не отступать от правды там, где все вокруг живут неправедно. Иными словами, он ставил вопрос о воспитании русской духовной элиты, которой неоткуда было взяться, кроме как из среды обыкновенных русских людей, осознавших серьезность положения Родины и свой долг перед ней. И те новые русские богатыри, которые образовали бы эту элиту, не ставили бы вопрос так: я согласен на подвиг, если все поступят так же. Нет, богатырь пойдет богатырствовать независимо от того, все ли последуют за ним или лишь авангард народа (или даже если никто за ним не пойдет). Строго говоря, весь народ и никогда не поднимается на борьбу за лучшее будущее, наше выражение «всенародный подвиг» – в известной мере дань традиции. На деле даже, скажем, в Великую Отечественную войну, справедливо считающуюся высшим взлетом нашего народа в XX веке, наряду с массовым героизмом были и проявления шкурничества, дезертирства, мародерства и пр. Живут в каждую эпоху все ее обитатели, но войдут в историю, придадут эпохе свой неповторимый отпечаток лишь те, кто окажется героями своего времени, пусть даже и рядовыми.

Гоголь думал о путях решения задачи воспитания элиты. В его представлении рядовой боец этой новой элиты России должен был пройти через множество испытаний в обычной жизни, чтобы постигнуть тщету всякого рода «приобретательства», и под влиянием встречи со светочем для окружающих переродиться, стать богатырем. Эти мысли стали основой и книги Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями», и второго тома «Мертвых душ».

В социальном плане «Выбранные места» были полнейшей утопией. Противоречия между правящей элитой России и основной массой народа уже давно стали культурно-цивилизационными. Необычайно обострились социальные противоречия. Крестьянство не хотело мириться с крепостным своим положением, участились крестьянские бунты, случаи

убийства помещиков. А Гоголь занял неверную общественную позицию. Он считал, что нужно лишь, чтобы появился в России миротворец, потому что «все перессорились…» – дворяне и крестьяне, славянофилы и западники, честные и добрые люди. На самом деле в стране сосуществовали «малый народ» «верхов» и «большой народ» «низов», привести которые к согласию не смог бы никакой примиритель. Сама роль примирителя была бы уместна, скажем, в попытках положить конец судебной распре Ивана Ивановича и Ивана Никифоровича, но и та, как мы знаем, не удалась. Но в серьезном социальном конфликте, к тому же исторически усиливавшемся, примиритель становился смешным, да к тому же подвергался бы ударам и с той, и с другой стороны, что отчасти показала и полемика вокруг «Выбранных мест»… К тому же придать публичности частную переписку (на основе которой он и построил свое новое творение) Гоголя с известными людьми (с легко раскрываемыми именами) тогда еще считалось делом не вполне приличным. Много было в книге и иных огрехов, раздражавших публику.

И еще одна необычная идея содержалась в злополучной книге:

«В «Переписке» нам слышится именно конец, совершенство, «неповторяемость» Пушкина, то есть конец всей русской литературы и начало того, что за Пушкиным, за русской литературой, – конец поэзии – начало религии». Дескать, хватит, господа литераторы, заниматься пустяками, игрой в слова и образы, становитесь-ка в ряды религиозных просветителей народа (хотя они к этой роли совершенно не были готовы).

Незавидна судьба писателя-сатирика: «Стоит передо мною человек, который смеется над всем, что ни есть у нас… Нет, это не осмеяние пороков: это отвратительная насмешка над Россиею», может быть, не только над Россией, но и над всем человечеством, над всем созданием Божиим, – вот в чем оправдывался, а, следовательно, вот чего и боялся Гоголь. Он видел, что «со смехом шутить нельзя». – «То, над чем я смеялся, становилось печальным». Можно бы прибавить: становилось страшным. Он чувствовал, что самый смех его страшен, что сила этого смеха приподымает какие-то последние покровы, обнажает какую-то последнюю тайну зла. Заглянув слишком прямо в лицо «черта без маски», увидел он то, что не добро видеть глазам человеческим: «дряхлое страшилище с печальным лицом уставилось ему в очи», – и он испугался и, не помня себя от страха, закричал на всю Россию: «Соотечественники! страшно!.. Замирает от ужаса душа при одном только предслышании загробного величия… Стонет весь умирающий состав мой, чуя исполинские возрастания

и плоды, которых семена мы сеяли в жизни, не прозревая и не слыша, какие страшилища от них подымутся»…

Почти вся читающая Россия подвергла книгу жестокой критике (наверное, «Выбранные места» поэтому можно было бы назвать «Выбраненными местами»). Ругали нещадно того самого Гоголя, в котором еще недавно, после первого тома «Мертвых душ», видели пророка, которому открыто то, что сокрыто от других. Но никто даже не попытался разобрать злополучную книгу, показать, что в ней удалось автору, а что нет. Лишь немногие (например, В.А. Жуковский, П.А. Вяземский, С.П. Шевырев, А.О. Смирнова-Россет) оценили ее положительно, но они не высказывали своей оценки публично, в печати). Немногие критики пошли дальше этого. Так, если Чернышевский после прочтения первого тома «Мертвых душ» выделил особый, гоголевский период в развитии русской литературы, то литературный критик и поэт, в то время ректор Петербургского университета Петр Плетнев не просто достойно оценил ее как гениальную книгу. Как он выразился, «она, по моему убеждению, есть начало собственной русской литературы. Все, до сих пор бывшее, мне представляется как ученический опыт на темы, избранные из хрестоматии». (И это тот самый Плетнев, которому Пушкин посвятил первую главу «Евгения Онегина»? Уму непостижимо!) За это старика Плетнева критики назвали «старым колпаком». Мережковский, который дал свою трактовку мировоззрения Гоголя, обратился даже к авторитету брата женщины, которую он (Гоголь? Пушкин?) любил, – А.О. Россет, так что и здесь опять, как в отзыве Плетнева, звучит как бы загробный голос самого *Пушкина:* «Какой господствующий тон книги? Тон болезненной слабости телесной, напуганного воображения, какого-то уныния… *Мне кажется, что, представляя христианство в его настоящем духе, в духе света, крепости и силы, ныне скорее обратишь человека ко Христу. Когда церковь просветлит или высветлит всего насквозь человека, – человек этот выразится в противоположной вам форме…* Он покажет примером, что человек может жить в мире Христом и для Христа – без уныния и без страха, ибо «любовь изгоняет страх». В одном только ошибался Россет, именно в том, что видел причины «этой слабости, уныния и страха» в личных свойствах Гоголя, а не в общих свойствах всего исторического христианства, всего «католичества восточного», так же как и западного.

А хулители заполонили все журналы. Даже такой преданный друг Гоголя, как С.Т.Аксаков, и тот написал ему горькое и обидное письмо (в чем потом раскаивался), но вершиной всего

стало знаменитое письмо Белинского, ходившее по всей России в списках, хотя за одно только чтение его, как известно, грозили суровые кары – вплоть до смертной казни.

Один из самых известных современных исследователей творчества Гоголя, Юрий Манн, так ответил на вопрос, как он относится к «Выбранным местам из переписки с друзьями»:

– Это удивительная книга. Она очень наивна – и в то же время очень глубока. Главное ее достоинство (если быть схематичным): Гоголь понимает – а это ведь не все понимают! – что переустройство общества необходимо начинать с себя. Что оно невозможно без соответствующего воспитания (по Гоголю – христианского) каждого человека.

Я не без страха смотрю на расцвет тенденции… не хочу называть конкретных имен… махровой, якобы патриотической (хотя, по-моему, от патриотизма тут и тени нет), псевдо-российской. Тем более: на попытки сделать Гоголя союзником. Посмертно.

…А у него и монархизм был особого рода: Гоголь строго спрашивал с людей, облеченных властью. В том числе, между прочим, и с императора.

Гоголь хорошо относился к Николаю I. Но требовал, чтобы и император неукоснительно исполнял свою должность. Проходил свое поприще, как он любил говорить. «Должность», «поприще», «долг» – ключевые слова Гоголя 1840-х. И «Выбранных мест из переписки с друзьями». Министр —поприще, прокурор – поприще, и дворянин, и крестьянин… И путь замужней женщины, и роль красавицы – все поприща.

Некорректно видеть в «Выбранных местах…» типичную утопию: Гоголь ведь не переносит действие в некое идеальное царство, где происходят поучительные события аллегорического толка. Его волнует эта страна, эти люди 1840-х – но преображенные.

Как ни серьезно он относился к своему поприщу, но был способен и к самоиронии. Он говорил: «Я размахнулся таким Хлестаковым» – именно по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями».

Гоголь хорошо понимал: мало показать «образцы людей» (хотя и это ему не удалось), надо наметить и пути к ним из реальности. Одна из причин сожжения первого варианта второго тома «Мертвых душ» в 1845 году – в этом. Найденные им самим пути казались автору схематичными… А указать другие он не смог. И судил себя, карал себя строго».

Да нет, не судил он себя и не карал, а приходил в ужас от

того, что ничего из задуманного у него не получается, и вместо обещанных величавых образов русских людей из-под пера его выходят либо уроды, либо безжизненные схемы.

Блистательные образцы полемики

В своем страстном письме, которое мы «проходили» еще в школе, и потому его можно считать всем известным, Белинский с возмущением отвергал этот новый взгляд Гоголя на проблемы российской жизни.

Гораздо меньше известно ответное письмо Гоголя. И об этом нельзя не пожалеть, потому что эти два письма принадлежат к числу лучших полемических произведений в истории русской литературы.

С незапамятных времен ведут между собой спор два направления. Одно, к которому принадлежал Белинский, утверждает: «Жизнь общества ненормальна, и потому большинство его членов порочны; надо изменить к лучшему общественный строй – и люди станут совершенными». Второе, которого придерживался Гоголь, резонно возражает: «Но если люди скверны, как же смогут они установить новый, более совершенный строй?» Вот лишь несколько примеров того, как по-разному наши полемисты смотрели на одни и те же явления.

Белинский утверждал, будто русский народ настроен атеистически и вообще – Христос первым провозгласил учение о свободе, равенстве и братстве, а церковь исказила это учение. «Что тут говорить, – отвечал ему Гоголь, – когда так красноречиво говорят тысячи церквей и монастырей, покрывающих русскую землю. Они строятся не дарами богатых, но бедными лептами неимущих…»

Белинский утверждал, что выступает от имени народа. Гоголь в этом усомнился. Но не сомневался в том, что у него у самого на то больше прав. К тому же, полагал Гоголь, его оппонент недостаточно образован, не знает «истории человечества в источниках», воспитан не на трудах глубочайших знатоков человеческой души, а на поверхностных переводных брошюрах социалистов-утопистов. Он советовал Белинскому оставить занятия журналистикой, иссушающей ум и сердце, посвятить оставшуюся жизнь служению прекрасному, заняться самообразованием, а тогда они смогут обмениваться мнениями уже на равных.

Когда письмо было уже написано, Гоголь, видимо, подумал, как убийственно оно должно будет подействовать на больного, по сути уже умирающего Белинского. Поэтому он свое письмо

порвал (но не выбросил), а Белинскому послал коротенькую примирительную записку. Дескать, я погрешил в одну сторону, а вы – в другую… Получив эту записку, Белинский сказал, что Гоголь – очень несчастный человек, и его ярость по поводу злосчастной книги улеглась. Обе споривше стороны как бы примирились, хотя каждый остался при своих убеждениях.

Между тем уже в наши дни была предпринята попытка взглянуть на «Выбранные места» по-другому, чем в то время, когда книга вышла, а именно, как на чисто литературное произведение, лишенное религиозно-поучительного значения. Смысл этого нового прочтения приблизительно таков. Отчаявшись создать художественный образ совершенного русского человека, Гоголь решил написать ряд писем в духе когда-то существовавшей в «ЛГ» рубрики «Если бы директором был я…». Вот он, поставив себя на место «директора Российского государства», стал давать советы губернатору, как управлять губернией. Или жене губернатора, как вести себя в губернском свете и распоряжаться семейным бюджетом и т. п. Советы были, естественно, утопическими, ибо Гоголь никогда не управлял даже маленьким подразделением государственной машины, его личный (слово «семейный» тут вряд ли подходит) бюджет без пополнения извне вряд ли можно было свести без дефицита, да и в свете он, по сути, не бывал. Но в литературном отношении письма представляют собой образцы эпистолярного жанра и содержат много ценных замечаний, оценок творчества русских поэтов и прозаиков и здравых мыслей. В этом смысле можно сказать, что гоголеведы проглядели действительно выдающееся творение Гоголя.

Кого дальше повезет «Птица-тройка»?

Осознав (правильно или неправильно – другой вопрос) свою новую роль в духовной жизни России – роль всеобщего примирителя, Гоголь продолжил работу над своим главным произведением.

Именно качествами примирителя и наделил Гоголь Чичикова во втором томе «Мертвых душ». У Чичикова из первого тома есть только задатки благородных качеств, их развитие, – предупреждал писатель, – в двух последующих томах («две большие части впереди» – обещал он читателю), где «почуют в священном трепете величавый гром других речей». И в конце поэмы должны были предстать образы совершенных русских людей, «предстанет несметное богатство русского духа, пройдет муж, одаренный божескими доблестями, или чудная русская

девица, какой не сыскать в мире, со всей дивной красотой русской души, вся из великодушного стремления и самоотвержения. И мертвыми покажутся перед ними все добродетельные люди других племен, как мертва книга перед живым словом! Подымутся русские движения… и увидят, как глубоко заронилось в славянскую природу то, что скользнуло только по природе других народов…»

Но и Владимир Набоков, влюбленный в первый том «Мертвых душ», задается труднейшим вопросом:

«Кто виноват, что вторая часть «Мертвых душ» так ужасно бледна и нестройна? Критика ли, принявшая художника за публициста, или новое теченье духовной жизни автора, или просто упадок творческих сил, простительная усталость гения? Трудно сказать. Одно совершенно ясно. Гоголь стал рассуждать, ему захотелось показать что-то такое, что, по мнению общества, было бы, как говорится, светлым явлением, – и если непонятно, как художник гоголевского размаха мог захотеть этого, то зато совершенно понятно, почему этот самый художник сжег свой труд. Не живут, пресно добродетельны и нехудожественно прекрасны эти новые «хорошие» помещики, благополучные резонеры Костанжогло и Муразов».

Почему же не удалось Гоголю создать образы положительных героев? Потому что он много раз признавался (соответствующие цитаты приводились выше), что отрицательные персонажи он сочинял, показывая и доводя до предела собственные недостатки. Следовательно, чтобы нарисовать положительного героя, надо в себе найти высокие добродетели и их также довести до состояния перла творения. А этих добродетелей-то в писателе и не оказалось, их в нем не было изначально, а зачатки тех, что были, вследствие постоянного высмеивания русского человека были окончательно заглушены. Тогда он решил, что надо их воспитать в себе, перевоспитать самого себя. Это человеку-то, приближающемуся к сорокалетнему возрасту! Возможно, такие примеры и есть в истории, но они крайне редки, и часто причиной преображения становился какой-нибудь несчастный случай, потрясение или иное неординарное событие. Может быть, это не лучший пример, но вот что пришло мне на память. Рыболов, ловивший осетра, в повести Виктора Астафьева «Царь-рыба», попав на собственные крючки и много часов лежавший в холодной воде рядом с заарканенным им гигантским осетром, уже мысленно попрощался с жизнью и перед ее концом вспомнил все свои грехи. Особенно виноватым почувствовал он себя перед девушкой, которую он опозорил. И тут неожиданно пришло спасение. И спасенный пошел к той девушке, теперь уже

женщине, над которой когда-то надругался, попросил у нее прощения, и вообще с того времени переменил жизнь, будто стал другим человеком.

А Гоголь истязал себя, пытаясь воспитать из себя «ангела во плоти», чтобы потом перенести образ этого земного ангела на бумагу. Но ангела из него никак не получалось. Пожалуй даже, чем больше он усердствовал, тем дальше оказывался от идеала. Но ведь вроде бы известно: что невозможно для человека, то возможно Богу. Отсюда усиленные молитвы к Богу, посты и всякое иное воздержание. Увы, ничто ему не помогало. Видимо, Господь знал, что Гоголю нужен не тот талант, какого тот себе выпрашивает.

Эта неудача Гоголя не помешала ему считать, что настало время пробуждения человечества от своих вековечных заблуждений, и первым народом, который осознает эту необходимость, будет русский народ. Одолеет он два величайших порока века, более всего отравляющие жизнь, – гордость своим умом и гордость своей чистотой, одолеет растущую в мире злобу, ибо уже «все глухо, могила повсюду. Боже! пусто и страшно становится в Твоем мире!». Но перемены близко, и «праздник Светлого воскресенья воспразднуется, как следует, прежде у нас, чем у других народов!». Поруками в том выступают историческая молодость нашего народа и готовность русских людей, несмотря на наличие у них больших недостатков, к великодушным общенародным порывам в критические моменты истории: «Мы еще растопленный металл, не отлившийся в свою национальную форму: еще нам возможно выбросить, оттолкнуть от себя нам неприличное и внести в себя все, что уже невозможно другим народам, получившим форму и закалившимся в ней». Залог тому – начала святого братства «в самой нашей славянской природе», почему «побратанье людей было у нас родней даже и кровного братства». А также не присущая другим народам способность «сбросить с себя вдруг и разом все недостатки наши, все позорящее высокую природу человека», не пожалев имущества, оставив всякие раздоры, стать одной семьей, все отдать для счастья Отчизны. Вот на этот-то великий подвиг примирения других и одновременно облагораживания себя, несмотря на всевозможные искушения и падения, и направляет Гоголь своего главного героя Чичикова (во втором и – в замысле – в третьем томах поэмы). Потому-то и нет ничего страшного в том, что в конце первого тома звучит гимн Руси-тройке, тогда как в тройке сидит приобретатель Чичиков (что, напомню, смутило Романа Звягина). Да, сегодня Чичиков – приобретатель, и вся Русь больна приобретательством и прочими нравственными недугами. Но

мчится она в неизведанное грядущее, а завтра потребуется все отдать для счастья родной земли – и не узнать тогда Павла Ивановича! Этот русский человек, хотя и запятнал себя в прошлом делами не вполне благовидными, но он способен к такому духовному возрождению и высокому подвигу, на какой давно уже не способны закосневшие в своекорыстии западноевропейцы и американцы! (Напомню, Н.А.Бердяев считал, что в России легче найти святого, чем честного в западном смысле этого слова.)

На протяжении всего второго тома (насколько можно судить об этом по сохранившимся черновикам и по воспоминаниям слышавших чтение законченных глав) Гоголь усиливал в Чичикове черты «русскости» и заставлял героя самому их осознавать: «И сам Чичиков чувствовал, что он русской». Все отчетливее звучит тема русского характера вообще. Так, «генерал Бетрищев, как и многие из нас, заключал в себе при куче достоинств и кучу недостатков. То и другое, как водится, было набросано у него в каком-то картинном беспорядке. В решительные минуты – великодушие, храбрость, безграничная щедрость, ум во всем и, в примесь к этому, капризы, честолюбие, самолюбие и те мелкие личности, без которых не обходится ни один русской, когда он сидит без дела». Но и портрета Бетрищева Гоголь не сумел нарисовать, схватив лишь одну черту, которая должна была свидетельствовать о генеральском чине персонажа: «Генерал рассмеялся… И туловище генерала стало колебаться от смеха. Плечи, носившие некогда густые эполеты, тряслись, точно как бы и поныне носили густые эполеты».

Все острее становится у Гоголя сатира на тех, кто, как полковник Кошкарев, хотел бы завести на Руси западноевропейские порядки. Этот отставной полковник, теперь помещик, изложил Чичикову свою «программу возрождения России». Он стал «рассказывать о том, скольких трудов ему стоило возвесть имение до нынешнего благосостояния; с соболезнованием жаловался, как трудно дать понять мужику, что есть высшие побуждения, которые доставляет человеку просвещенная роскошь, искусство и художество; что баб он до сих пор не мог заставить ходить в корсете, тогда как в Германии, где он стоял с полком в 14-м году, дочь мельника умела играть даже на фортепиано; что, однако же, несмотря на все упорство со стороны невежества, он непременно достигнет того, что мужик его деревни, идя за плугом, будет в то же время читать книгу о громовых отводах Франклина, или Виргилиевы Георгики, или Химическое исследование почв». А прежде всего «необходимо для хозяйства устроенье письменной конторы, контор комиссии…

комитетов».

Образ этот явно карикатурный, а о том, для чего он нужен, сказал гений хозяйственной практики помещик Костанжогло, которого Чичиков избрал себе в наставники. Поскольку именно в этом дельце Чичиков увидел образец хозяина имения, следует несколько отступить от последовательности изложения и ознакомиться с «философией хозяйства», преподанной ему новым наставником. Это, по-видимому, уместно сделать, поскольку, как мне довелось не раз убеждаться, редко кто из читателей добирался до второго тома поэмы, от которого да нас дошли лишь несколько глав, да и те не всегда полностью и, возможно, не в последней редакции. Поэтому я счел возможным воспроизвести содержание беседы Чичикова и Костанжогло.

Политическая экономия Константина Костанжогло

Кошкарев, – говорит Костанжогло, – «нужен затем, что в нем отражаются карикатурно и видней глупости всех наших умников, – вот этих всех умников, которые, не узнавши прежде своего, набираются дури в чужи. Вон каковы помещики теперь наступили; завели и конторы, и мануфактуры, и школы, и комиссию, и чорт знает, чего не завели… Было поправились, после француза двенадцатого года, так вот теперь все давай расстроивать сызнова. Ведь хуже француза расстроили… Вон шляпный, свечной заводы, из Лондона мастеров выписали свечных, торгашами поделались. Помещик – этакое званье почтенное – в мануфактуристы, фабриканты. Прядильные машины… кисеи шлюхам городским, девкам».

На эту филиппику приехавший вместе с Чичиковым Платонов заметил:

«Да ведь и у тебя же есть фабрики».

«А кто их заводил? Сами завелись: накопилось шерсти, сбыть некуда – я и начал ткать сукна, да и сукна толстые, простые; по дешевой цене их тут же на рынках у меня и разбирают, – мужику надобные, моему мужику. Рыбью шелуху сбрасывали на мой берег в продолжение шести лет сряду промышленники, – ну, куды ее девать – я начал из нее варить клей, да сорок тысяч и взял. Ведь у меня все так… Да и то потому занялся, что набрело много работников, которые умерли бы с голоду. Голодный год, и все по милости этих фабрикантов, упустивших посевы. Этаких фабрик у меня, брат, наберется много. Всякой год другая фабрика, смотря по тому, от чего накопилось остатков и выбросков. Рассмотри только попристальнее свое хозяйство, всякая дрянь даст доход, так что отталкиваешь, говоришь: не нужно. Ведь я не строю для

этого дворцов с колоннами да с фронтонами».

Вот кто вызвал у Чичикова настоящее восхищение: «Экой чорт», думал Чичиков, глядя на него в оба глаза: «загребистая какая лапа». А вслух сказал:

«Это изумительно. Изумительнее же всего то, что всякая дрянь дает доход!»

Высказался Костанжогло и по поводу того, как российские помещики, посещая европейские страны, учатся там вести хозяйство:

«Если бы только брать дело попросту, как оно есть; а то ведь всякой механик, всякой хочет открыть ларчик с инструментом, а не просто. Он для этого съездит нарочно в Англию, вот в чем дело. Дурачье… И ведь глупей всотеро станет после того, как возвратится из-за границы».

Жена напоминает Костанжогло, что он опять рассердился, а для него вредно.

«Да ведь как не сердиться? Добро бы это было чужое, а то ведь это близко собственному сердцу. Ведь досадно то, что русской характер портится. Ведь теперь явилось в русском характере донкишотство, которого никогда не было.

Просвещенье придет ему в ум – сделается Дон-Кишотом просвещенья, заведет такие школы, что дураку в ум не войдет. Выйдет из школы такой человек, что никуда не годится; ни в деревню, ни в город, только что пьяница, да чувствует свое достоинство. В человеколюбье пойдет – сделается Дон-Кишотом человеколюбья: настроит на миллион рублей бестолковейших больниц да заведений с колоннами, разорится да и пустит всех по миру: вот тебе и человеколюбье».

Чичикову не до просвещенья было дело. Ему хотелось обстоятельно расспросить о том, как всякая дрянь дает доход. А Костанжогло продолжал свои желчные речи:

«Думают, как просветить мужика. Да ты сделай его прежде богатым да хорошим хозяином, а там он сам выучится. Ведь как теперь, в это время, весь свет поглупел, так вы не можете себе представить. Что пишут теперь эти щелкоперы! Пустит какой-нибудь молокосос книжку, и так вот все и бросятся на нее. Вот что стали говорить: «Крестьянин ведет уж очень простую жизнь; нужно познакомить его с предметами роскоши, внушить ему потребности свыше состоянья». Что сами, благодаря этой роскоши, стали тряпки, а не люди, и болезней чорт знает каких понабрались, и уж нет осьмнадцатилетнего мальчишки, который бы не испробовал всего: и зубов у него нет, и плешив как пузырь – так хотят теперь и этих заразить. Да слава богу, что у нас осталось хотя одно еще здоровое сословие, которое не

познакомилось с этими прихотями. За это мы просто должны благодарить бога. Да, хлебопашец у нас всех почтеннее; что вы его трогаете? Дай бог, чтобы все были хлебопашцы».

«Так вы полагаете, что хлебопашеством доходливей заниматься?» – спросил Чичиков.

«Законнее, а не то, что доходнее. Возделывай землю в поте лица своего, сказано. Тут нечего мудрить. Это уж опытом веков доказано, что в земледельческом звании человек нравственней, чище, благородней, выше. Не говорю не заниматься другим, но чтобы в основание легло хлебопашество, вот что. Фабрики заведутся сами собой, да заведутся законные фабрики, – того, что нужно здесь, под рукой человеку на месте, а не эти всякие потребности, расслабившие теперешних людей. Не эти фабрики, что потом, для поддержки и для сбыту, употребляют все гнусные меры, развращают, растлевают несчастный народ. Да вот же не заведу у себя, как ты там ни говори в их пользу, никаких этих внушающих высшие потребности производств, ни табака, ни сахара, хоть бы потерял миллион. Пусть же, если входит разврат в мир, так не через мои руки. Пусть я буду перед Богом прав… Я двадцать лет живу с народом; я знаю, какие от этого следствия».

«Для меня изумительнее всего, – вставил реплику Чичиков, – как при благоразумном управлении, из останков, из обрезков получается, что и всякая дрянь дает доход».

«Гм! политические экономы!», – говорил Костанжогло, не слушая его… «Хороши политические экономы. Дурак на дураке сидит и дураком погоняет. Дальше своего глупого носа не видит. Осел, а еще взлезет на кафедру, наденет очки… Дурачье!»

Чичиков вновь пытается вернуть разговор на тему быстрого и притом законного, праведного обогащения:

«Слушая вас, почтеннейший Константин Федорович, вникаешь, так сказать, в смысл жизни, щупаешь самое ядро дела. Но, оставив общечеловеческое, позвольте обратить внимание на приватное. Если бы, положим, сделавшись помещиком, возымел я мысль в непродолжительное время разбогатеть так, чтобы тем, так сказать, исполнить существенную обязанность гражданина, то каким образом, как поступить?»

«Как поступить, чтобы разбогатеть?» подхватил Костанжогло. «А вот как…»

Тут у Гоголя небольшой пропуск, где, видимо, речь шла об имении, которое Хлобуев намеревался продать Чичикову.

«Именье, за которое если бы он запросил и 40 тысяч, я бы ему тут же отсчитал».

Но Чичиков спросил: «А отчего же вы сами не покупаете его?»

«Да нужно знать, наконец, пределы. У меня и без того много

хлопот около своих имений. Притом у нас дворяне и без того уже кричат на меня, будто я, пользуясь крайностями и разоренными их положеньями, скупаю земли за бесценок. Это мне уж, наконец, надоело… Не можете себе представить! Меня иначе и не называют, как сквалыгой и скупцом первой степени. Себя они во всем извиняют. «Я», говорит, «конечно промотался, но потому, что жил высшими потребностями жизни, поощрял промышленников, мошенников то есть, которые 1 нрзб, а этак, пожалуй, можно прожить свиньей, как Костанжогло».

«Желал бы я быть этакой свиньей!» – сказал Чичиков.

«И все это ложь и вздор. Какие высшие потребности? Кого они надувают? Книги хоть он и заведет, но ведь их не читает. Дело окончится картами да пьянством. И все оттого, что не задаю обедов да не занимаю им денег. Обедов я потому не даю, что это меня бы тяготило, я к этому не привык. А приезжай ко мне есть то, что я ем, – милости просим. Не даю денег взаймы – это вздор. Приезжай ко мне в самом деле нуждающийся, да расскажи мне обстоятельно, как ты распорядишься с моими деньгами. Если я увижу из твоих слов, что ты употребишь их умно и деньги принесут тебе явную прибыль, я тебе не откажу и не возьму даже процентов… Но бросать денег на ветер я не стану. Уж пусть меня в этом извинят!.. Он затевает там какой-нибудь обед любовнице, или на сумасшедшую ногу убирает мебелями дом, или с распутницей в маскарад, – юбилей там какой-нибудь в память того, что он даром прожил на свете, – а ему давай деньги взаймы…»

«Позвольте мне, досточтимый мною, обратить вас вновь к предмету прекращенного разговора», – сказал Чичиков «Если бы, положим, я приобрел то самое имение, о котором вы изволили упомянуть, то во сколько времени и как скоро можно разбогатеть в такой степени…»

«Если вы хотите разбогатеть скоро, так вы никогда не разбогатеете; если же хотите разбогатеть, не спрашиваясь о времени, то разбогатеете скоро… Надобно иметь любовь к труду. Без этого ничего нельзя сделать. Надобно полюбить хозяйство, да. И, поверьте, это вовсе не скучно. Выдумали, что в деревне тоска – да я бы умер, повесился от тоски, если бы хотя один день провел в городе так, как проводят они в этих глупых своих клубах, трактирах да театрах. Дураки, дурачье, ослиное поколенье! Хозяину нельзя, нет времени скучать. В жизни его и на полвершка нет пустоты, все полнота. Одно это разнообразье занятий, и притом каких занятий! – занятий, истинно возвышающих дух. Как бы то ни было, но ведь тут человек идет рядом с природой, с временами года, соучастник и собеседник всего, что совершается

в творении. Рассмотрите-ка круговой год работ: как, еще прежде, чем наступит весна, все уж настороже и ждет ее: подготовка семян, переборка, перемерка по амбарам хлеба и пересушка; установленье новых тягол. Весь год обсматривается вперед и все рассчитывается в начале. А как взломает лед, да пройдут реки, да просохнет все и пойдет взрываться земля, – по огородам и садам работает заступ, по полям соха и бороны; садка, севы и посевы. Понимаете ли, что это? Безделица! грядущий урожай сеют. Блаженство всей земли сеют. Пропитанье миллионов сеют. Наступило лето… А тут покосы, покосы. И вот закипела вдруг жатва: пошла рожь, а там пшеница, а там и ячмень, и овес. Закипело все, кипит; нельзя пропустить минуты; хоть двадцать глаз имей, всем им работа. А как отпразднуется все, да пойдет свозиться на гумны, складываться в клади, да зимние запашки, да чинки к зиме амбаров, риг, скотных дворов, и в то же время все бабьи работы, да подведешь всему итог и увидишь, что сделано, – да ведь это… А зима! Молотьба по всем гумнам, перевозка перемолотого хлеба из риг в амбары. Идешь и на мельницу, идешь и на фабрики, идешь взглянуть и на рабочий двор, идешь и к мужику, как он там на себя колышется. Да для меня, просто, если плотник хорошо владеет топором, я два часа готов пред ним простоять: так веселит меня работа. А если видишь еще, что все это с какой целью творится, как вокруг тебя все множится да множится, принося плод да доход. Да и я рассказать не могу, что тогда в тебе делается. И не потому, что растут деньги. Деньги деньгами. Но потому, что все это дело рук твоих; потому, что видишь, как ты всему причина, ты творец всего, и от тебя, как от какого-нибудь мага, сыплется изобилье и добро на все. Да где вы найдете мне равное наслажденье?» – сказал Костанжогло, и лицо его поднялось кверху, морщины исчезнули. Как царь в день торжественного венчания своего, сиял он весь, и казалось, как бы лучи исходили из его лица. «Да в целом мире не отыщете вы подобного наслажденья. Здесь именно подражает Богу человек. Бог предоставил себе дело творенья, как высшее всех наслажденье, и требует от человека также, чтобы он был подобным творцом благоденствия вокруг себя. И это называют скучным делом!»

Как пенья райской птички, заслушался Чичиков сладкозвучных хозяйских речей.

Костанжогло и Чичиков остались довольны друг другом: «Гость не глупый человек, – думал хозяин, – степенен в словах и не щелкопер». И Чичикову сделалось так приютно, как не бывало давно. Точно как бы после долгих странствований приняла уже его родная крыша и, по совершеньи всего, он уже получил все

желаемое и бросил скитальческий посох, сказавши: «довольно!».

«Сладки мне ваши речи, досточтимый мною Константин Федорович, – произнес Чичиков. – Могу сказать, что не встречал во всей России человека, подобного вам по уму».

Но нет предела совершенству. И Костанжогло сказал Чичикову:

«Нет, уж если хотите знать умного человека, так у нас действительно есть один, о котором, точно, можно сказать: умный человек, которого я и подметки не стою».

«Кто ж бы это такой мог быть?» – с изумленьем спросил Чичиков.

«Это наш откупщик Муразов… Это человек, который не то, что именьем помещика, целым государством управит. Будь у меня государство, я бы его сей же час сделал министром финансов».

«И, говорят, человек, превосходящий меру всякого вероятия: десять миллионов, говорят, нажил».

«Какое десять! перевалило за сорок! Скоро половина России будет в его руках».

«Что вы говорите!» – вскрикнул Чичиков, вытаращив глаза и разинув рот.

«Всенепременно. Это ясно. Медленно богатеет тот, у кого какие-нибудь сотни тысяч, а у кого миллионы, у того радиус велик: что ни захватит, так вдвое и втрое противу самого себя. Поле-то, поприще слишком просторно. Тут уж и соперников нет. С ним некому тягаться. Какую цену чему ни назначит, такая и останется: некому перебить».

«Господи боже ты мой», – проговорил Чичиков, перекрестившись. Смотрел Чичиков в глаза Костанжогло, – захватило дух в груди ему.

«Уму непостижимо! Каменеет мысль от страха. Изумляются мудрости промысла в рассматриваньи букашки; для меня более изумительно то, что в руках смертного могут обращаться такие громадные суммы. Позвольте спросить насчет одного обстоятельства: скажите, ведь это, разумеется, вначале приобретено не без греха?..»

«Самым безукоризненным путем и самыми справедливыми средствами».

«Невероятно. Если бы тысячи, но миллионы…»

«Напротив, тысячи трудно без греха, а миллионы наживаются легко. Миллионщику нечего прибегать к кривым путям. Прямой дорогой так и ступай, все бери, что ни лежит перед тобой. Другой не подымет: всякому не по силам, нет соперников. Радиус велик, говорю: что ни захватит – вдвое или втрое противу самого себя. А с тысячи что? Десятый, двадцатый процент».

«И что всего непостижимей, что дело ведь началось из копейки».

«Да иначе и не бывает. Это законный порядок вещей, – сказал Костанжогло. – Кто родился с тысячами и воспитался на тысячах, тот уже не приобретет, у того уже завелись и прихоти, и мало ли чего нет. Начинать нужно с начала, а не с середины, с копейки, а не с рубля, снизу, а не сверху. Тут только узнаешь хорошо люд и быт, среди которых придется потом изворачиваться. Как вытерпишь на собственной коже то да другое, да как узнаешь, что всякая копейка алтынным гвоздем прибита, да как перейдешь все мытарства, тогда тебя умудрит и вышколит так, что уж не дашь промаха ни в каком предприятьи и не оборвешься. Поверьте, это правда. С начала нужно начинать, а не с середины. Кто говорит мне: «Дайте мне 100 тысяч, я сейчас разбогатею», я тому не поверю: он бьет наудачу, а не наверняка. С копейки нужно начинать… И непременно разбогатеете. К вам потекут реки, реки золота. Не будете знать, куды девать доходы».

К сожаленью, о политической экономии Муразова Гоголь ничего нам не рассказал.

И даже, отходя ко сну, Чичиков обдумывал, как сделаться помещиком не фантастического, но существенного имения. После разговора с хозяином все становилось так ясно. Возможность разбогатеть казалась так очевидной. Трудное дело хозяйства становилось теперь так легко и понятно и так казалось свойственно самой его натуре! Только бы сбыть в ломбард этих мертвецов, да завести не фантастическое поместье. Уже он видел себя действующим и правящим именно так, как поучал Костанжогло – расторопно, осмотрительно, ничего не заводя нового, не узнавши насквозь всего старого, все высмотревши собственными глазами, всех мужиков узнавши, все излишества от себя оттолкнувши, отдавши себя только труду да хозяйству. Уже заранее предвкушал он то удовольствие, которое будет он чувствовать, когда заведется стройный порядок и бойким ходом двигнутся все пружины хозяйственной машины, деятельно толкая друг друга. Труд закипит, и подобно тому, как в ходкой мельнице шибко вымалывается из зерна мука, пойдет вымалываться из всякого дрязгу и хламу чистоган да чистоган. Чудный хозяин так и стоял пред ним ежеминутно. Это был первый человек во всей России, к которому почувствовал он уважение личное. Доселе уважал он человека или за хороший чин, или за большие достатки. Собственно за ум он не уважал еще ни одного человека. Костанжогло был первый.

А величавых героев по-прежнему нет

Кажется, во втором томе Гоголь в последний раз попытался то ли нарисовать свой автопортрет, то ли посмеяться над своими планами переустройства Руси. Вот его герой Тентетников: «За два часа до обеда уходил он к себе в кабинет затем, чтобы заняться сурьезным сочинением, долженствовавшим обнять всю Россию со всех точек – с гражданской, религиозной, философической, разрешить затруднительные задачи и вопросы, заданные ей временем, и определить ясно ее великую будущность, словом – все так и в том виде, как любит задавать себе современный человек. Впрочем, колоссальное предприятие больше ограничивалось одним обдумыванием».

И вот что примечательно: чем больше стремился Гоголь наделить Чичикова русскими чертами характера, тем менее этот герой становился похожим на русского. Тут Гоголя подвело тогда, по сути, всеобщее убеждение (особенно распространенное среди близких Гоголю славянофилов и панславистов), что русские – это славянский народ, старший брат в семье славянских народов. Между тем, русские давно уже выделились из океана славянства и стали единственным в мире евразийским народом, сохранившим от своего славянского прошлого в основном язык, да и тот приобрел имперское звучание, приблизившись в этом смысле к латинскому. Русские неуклонно шли на Север и на Восток, как бы предчувствуя, где будет в грядущем центр мира. А остальные славянские народы в большей или меньшей степени стремились к Западной Европе. Это подметил еще Константин Леонтьев, который хорошо изучил южных и западных славян, когда служил русским консулом в Константинополе (точнее, в Стамбуле, а земли южных славян в значительной степени входили в состав Османской империи). А в наши дни приходится сплошь и рядом просто краснеть от стыда за славянские страны, готовые ради вхождения в Европу идти на самые немыслимые уступки, вплоть до выдачи своих национальных героев суду Гаагского трибунала.

Я бы даже сказал, что Чичиков из второго тома даже менее русский, чем был Чичиков в первом томе, зато его хищнически-паразитическая сущность проявляется еще более ярко – даже в мелочах. Вот он в поисках возможных продавцов «мертвых душ» знакомится с Тентетниковым, который великодушно предлагает ему погостить в его усадьбе.

«Чичиков, с своей стороны, был очень рад, что поселился на время у такого мирного и смирного хозяина. Цыганская жизнь ему надоела. Приотдохнуть, хотя на месяц, в прекрасной деревне, в виду полей и начинавшейся весны, полезно было даже и в гемороидальном отношении». А на дворе весна! «Рай, радость и ликованье всего! Деревня звучала и пела, как бы на свадьбе.

Чичиков ходил много. Прогулкам и гуляньям был раздол повсюду». Но о своем деле он не забывал ни на минуту, заводил знакомства со всеми лицами, которые могли бы помочь ему уяснить состояние хозяйства Тентетникова и выяснить, сколько могло бы быть у него «мертвых душ». При этом он питал к приютившему его хозяину отнюдь не дружественные чувства: «Какая, однако же, скотина Тентетников! Такое имение и этак запустить. Можно бы иметь пятьдесят тысяч годового доходу!»

В имении Петуха Чичиков знакомится с соседним помещиком Платоновым, которого уговаривает отправиться с ним в путешествие. ««Право, было бы хорошо. Можно даже и все издержки на его счет; даже и отправиться на его лошадях, а мои бы покормились у него в деревне».

И так во всем, в мелочах, не говоря уж о подлинно преступных деяниях и аферах. Тут и подделка завещания, и много всяких иных преступлений. Не выбраться бы ему из тюрьмы, если бы дело не взял в свои руки адвокат – чуть ли не само воплощение дьявола.

И вот этому «становящемуся все более русским» (по представлениям Гоголя) Чичикову якобы все чаще приходит мысль бросить свои авантюры и заделаться заправским помещиком, отцом своим крепостным крестьянам, душой хозяйственного созидания, в котором должно проявиться богоподобие и истинное призвание человека. И от этих мыслей «самое лицо Чичикова как бы стало становиться лучше». Но этот потенциальный поворот ко благу в его личной судьбе выглядит нелогично. Ведь Чичиков видел, что Тентетникову, желавшему облагодетельствовать своих крестьян, облегчить их жизнь и рассчитывавшему на их благодарность в виде добросовестного труда на барина, ничего этого добиться не удалось. Уроки Костанжогло вряд ли могли пойти ему на пользу: ведь тот экономический гений прошел среди народа жизненный путь, насыщенный общением с разными слоями населения, в том числе и с крестьянами. А с чего это Чичиков, никогда ранее не сталкивавшийся с сельским хозяйством, решил, что из него получится и добрый барин, и «эффективный менеджер»?

Во втором томе Чичиков – свершитель многих добрых дел (опять-таки, как это представлялось Гоголю), примиритель Тентетникова с Бетрищевым, Платонова с Леницыным. Но в своем стремлении к праведной жизни он еще не устоял и влипает в такие авантюры, по сравнению с которыми скупка мертвых душ кажется мелкой шалостью, вследствие чего и попадает в тюрьму.

Еще раз напомню: Гоголь сам говорил, что часто лепил образы персонажей, персонифицируя собственные душевные

качества. Но если в первом томе он воплощал в персонажах свои недостатки, то во втором щедро наделяет героев качествами, которые сам считает достоинствами, вкладывает в их уста собственные, часто заветные мысли. Он сам мечтал стать примирителем раскалывавшейся на враждебные лагери России – и делает в поэме примирителем Чичикова. Он сам мечтал призвать всех русских людей к всенародному единению ради спасения страны, как в давние грозные для нее годы (Гоголь сам воспитывался в среде, где хорошо помнили 1612 год), – и вкладывает эти страстные призывы в уста Тентетникова и генерал-губернатора. Но призывы типа «Брат повиснет на груди у брата…» звучали не очень убедительно: повиснуть на миг можно, но нельзя же висеть на груди у другого всю жизнь.

Но чем больше старался Гоголь облагородить Чичикова и найти новых героев, менее уродливых, чем персонажи первого тома, тем очевиднее становились его неспособность создавать полнокровные литературные образы, непонимание главной доминанты в характере русского человека, отрыв от реальной жизни России, а рисуемые образы получались совсем уж безжизненными. Словно подтверждая слова Розанова о том, что Гоголю из женских образов удаются только покойницы, он в качестве идеала рисует образ Улиньки. Рисует он его по той же схеме, что и образ Аннунциаты, о котором шла речь выше. Ввиду важности темы приведу все, что можно прочесть об этой девушке у Гоголя. Вот как явилась она Чичикову:

«В кабинете послышался шорох… дверь отворилась… и… явилась живая фигурка. Если бы в темной комнате вдруг вспыхнула прозрачная картина, освещенная сильно сзади лампами, одна она бы так не поразила внезапностью своего явления, как фигурка эта, представшая как бы затем, чтобы осветить комнату. С нею вместе, казалось, влетел солнечный луч; как будто рассмеялся нахмурившийся кабинет генерала.

Трудно было сказать, какой земли она была уроженка. Такого чистого, благородного очертания лица нельзя было отыскать нигде, кроме разве только на одних древних камейках. Прямая и легкая, как стрелка, она как бы возвышалась над всеми своим ростом. Но это было обольщение. Она была вовсе не высокого роста. Происходило это от необыкновенно согласного соотношения между собою всех частей тела. Платье сидело на ней так, что, казалось, лучшие швеи совещались между собой, как бы получше убрать ее. Но это было также обольщение. Оделась как сама собой; в двух-трех местах схватила игла кое-как неизрезанный кусок одноцветной ткани, и он уже собрался и

расположился вокруг нее в таких сборах и складках, что если бы перенести их вместе с нею на картину, все барышни, одетые по моде, казались бы перед ней какими-то пеструшками, изделием лоскутного ряда. И если бы перенести ее со всеми этими складками ее обольнувшего платья на мрамор, назвали бы его копиею гениальных».

Гоголю, видно, очень хотелось наделить этот единственный у него (насколько можно судить по дошедшим до нас рукописям) светлый женский образ всеми мыслимыми добродетелями. И вот что у него получилось: Улинька – «существо дотоле невиданное, странное… Если бы кто увидал, как внезапный гнев собирал вдруг строгие морщины на прекрасном челе ее и как она спорила пылко с отцом своим, он бы подумал, что это было капризнейшее создание. Но гнев ее вспыхивал только тогда, когда она слышала о какой бы то ни было несправедливости или дурном поступке с кем бы то ни было. Но никогда не гневалась и никогда не споривала она за себя самое и не оправдывала себя. Гнев этот исчезнул бы в минуту, если бы она увидела в несчастии того самого, на кого гневалась. При первой просьбе о подаянии кого бы то ни было она готова была бросить ему весь свой кошелек, со всем, что в нем ни было, не вдаваясь ни в какие рассуждения и расчеты. Было в ней что-то стремительное. Когда она говорила, у ней, казалось, все стремилось за мыслью – выраженье лица, выраженье разговора, движенье рук; самые складки платья как бы стремились в ту же сторону и, казалось, как бы она сама вот улетит вслед за собственными словами. Ничего не было в нее утаенного. Ни перед кем не побоялась бы обнаружить своих мыслей, и никакая сила не могла бы ее заставить молчать, когда ей хотелось говорить. Ее очаровательная, особенная, принадлежащая ей одной походка была до того бестрепетно-свободна, что все ей уступало бы невольно дорогу. При ней как-то смущался недобрый человек и немел; самый развязный и бойкий на слова не находил с нею слова и терялся, а застенчивый мог разговориться с нею, как никогда в жизни своей ни с кем, и с первых минут разговора ему уже казалось, что где-то и когда-то он знал ее и как бы эти самые черты ее ему уже где-то виделись, что случилось это во дни какого-то незапамятного младенчества, в каком-то одном доме, веселым вечером, при радостных играх детской толпы, и надолго после того становился ему скучным разумный возраст человека».

Вот она вступила в разговор о неприятном и кажущемся ей непорядочном человеке:

«Болезненное чувство выразилось на благородном, милом лице девушки: «Ах, папа, я не понимаю, как ты можешь смеяться.

На меня эти бесчестные поступки наводят уныние и ничего более. Когда я вижу, что в глазах совершается обман в виду всех и не наказываются эти люди всеобщим презреньем, я не знаю, что со мной делается, я на ту пору становлюсь зла, даже дурна: я думаю, думаю…» И чуть сама не заплакала.

И что же? Явилась ли русская девица, каких не сыскать нигде более на земле? Просто удивительно, что этот перл творения и воплощение всех мыслимых добродетелей, несмотря на стремительную походку, так же безжизненна, как и прочие герои «Мертвых душ». Розанов не без ехидства пишет:

«Замечательно, что нравственный идеал – Уленька – похожа на покойницу. Бледна, прозрачна, почти не говорит, а только плачет. «Точно ее вытащили из воды», а она взяла да (для удовольствия Гоголя) и ожила, но самая жизнь проявилась в прелести капающих слез, напоминающих, как каплет вода с утопленницы, вытащенной и поставленной на ноги».

Особенно остро некоторые читатели рукописи второго тома критиковали сцену, в которой некий князь, посланный правительством в губернию с полномочиями генерал-губернатора для наведения там порядка, сталкивается там с бесчисленными проявлениями воровства и прочими безобразиями, но особенно возмутило его дело Чичикова. Однако князю противостоит адвокат – гений зла. Его принцип – все запутать так, чтобы никаких концов нельзя было найти. Князь потому и оказался бессилен, что, во-первых, столкнулся с круговой порукой чиновников. А во-вторых, с таким ходом следствия, «когда горят шкафы с бумагами и, наконец, излишеством лживых посторонних показаний и ложными доносами стараются затемнить и без того довольно темное дело…»

Убедившись в невозможности искоренить взяточничество и другие преступления, он обращается к чиновникам, взывая к их совести, чуть ли не со словами «братья и сестры!»:

«Теперь тот самый, у которого в руках участь многих и которого никакие просьбы не в силах были умолить, тот самый бросается к ногам вашим, вас всех просит. Все будет позабыто, изглажено, прощено; я буду сам ходатаем за всех, если исполните мою просьбу. Вот моя просьба. Знаю, что никакими средствами, никакими страхами, никакими наказаньями нельзя искоренить неправды, она слишком уж глубоко вкоренилась. Бесчестное дело брать взятки сделалось необходимостью и потребностью даже и для таких людей, которые и не рождены быть бесчестными. Знаю, что уже почти невозможно многим идти противу всеобщего теченья. Но я теперь должен, как в решительную и священную минуту, когда приходится спасать свое отечество, когда всякий

гражданин несет все и жертвует всем, я должен сделать клич хотя к тем, у которых еще есть в груди русское сердце и которым понятно сколько-нибудь слово **благородство…** Дело в том, что пришло (время) нам спасать нашу землю, что гибнет уже земля наша не от нашествия двадцати иноплеменных языков, а от нас самих; что уже, мимо законного управленья, образовалось другое правленье, гораздо сильнейшее всякого законного. Установились свои условия, все оценено, и цены даже приведены во всеобщую известность. И никакой правитель, хотя бы он был мудрее всех законодателей и правителей, не в силах поправить зла, как ни ограничивай он в действиях дурных чиновников приставленьем в надзиратели других чиновников. Все будет безуспешно, покуда не почувствовал из нас всяк, что он так же, как в эпоху восстанья народ вооружался против врагов, так должен восстать против неправды. Как русской, как связанный с вами единокровным родством, одной и тою же кровью, я теперь обращаюсь к вам… Я приглашаю вспомнить долг, который на всяком месте предстоит человеку. Я приглашаю рассмотреть ближе свой долг и обязанность земной своей должности…»

Действительно, весьма странный пассаж. Думается, если бы Гоголю удалось опубликовать это свое творение, не миновать бы ему равелина Петропавловской крепости. Император узнал бы из этой страстной речи, кроме того, что в России правит не он, а чиновник (это он и сам говорил), еще и то, что кроме его, императора, правительства возникло тайное параллельное правительство, гораздо более сильное. И получается, что он, император, вовсе не «хозяин земли русской» (как называл себя один его потомок), а некая пешка в руках могущественных сил, о которых он не имеет даже понятия.

Хуже того, «князь был в это время озабочен множеством других дел, одно другого неприятнейших. В одной части губернии оказался голод. Чиновники, посланные раздать хлеб, как-то не так распорядились, как следовало. В другой части губернии расшевелились раскольники. Кто-то пропустил между ними, что народился антихрист, который и мертвым не дает покоя, скупая какие-то мертвые души. Каялись и грешили и, под видом изловить антихриста, укокошили неантихристов. В другом месте мужики взбунтовались против помещиков и капитан-исправников. Какие-то бродяги пропустили между ними **слухи, что наступает такое время, что мужики должны быть помещики и нарядиться во фраки, а помещики нарядятся в армяки и будут мужики, и целая волость,** не размысля того, что слишком много выйдет тогда помещиков и капитан-исправников, отказалась платить всякую подать. Нужно было

прибегнуть к насильственным мерам». Ну, если бы царь услышал от князя, что в каком-то месте империи мужики хотят стать помещиками, а помещиков сделать мужиками, то, думается, не поздоровилось бы и князю. Отсюда, кажется, уже недалеко и до прокламации «Барским крестьянам от их доброжелателей поклон!» (так она называлась, если мне не изменяет память?).

И еще одна нестыковка. Князь обращается к чиновникам перед своим отъездом в Петербург, где он надеется получить полномочия решать дела о взяточничестве в губернии не обычным порядком гражданского судопроизводства, «не формальным следованьем по бумагам, а военным быстрым судом, как в военное время……

Ну, и чем же грозит бесчестным чиновникам этот скорый военный суд, и насколько эффективна будет эта мера, как будет расчищена почва от взяточничества? «Само по себе, что главным зачинщикам должно последовать лишенье чинов и имущества, прочим отрешение от мест. Само собой разумеется, что в числе их пострадает и множество невинных. Что ж делать? Дело слишком бесчестное и вопиет о правосудии. Хотя я знаю, что это будет даже и не в урок другим, потому что на место выгнанных придут другие, и те самые, которые дотоле были честны, сделаются бесчестными, и те самые, которые удостоены будут доверенности, обманут и продадут, несмотря на все это, я должен поступить жестоко, потому что вопиет правосудие».

Но с чего вдруг этот герой Гоголя ударяет в набат и призывает к всенародному подвигу? Разве случилось новое нашествие на Русь двунадесяти языков? (Это случится лишь через год после смерти Гоголя.) Или тайное незаконное правительство, более сильное, чем законное, подготовило (или даже уже совершило) государственный переворот, и надо поднимать народ на защиту богоданной власти?

Нет, ничего подобного в стране не происходило. После подавления восстания декабристов и разгрома кружка петрашевцев в России до конца царствования Николая I не было никаких серьезных проявлений революционного движения. Император Николай Павлович ходил и разъезжал по Петербургу открыто и без какой-либо охраны, не опасаясь покушений на свою жизнь.

Гоголь хотел поразить читающую Россию тем, что в стране процветают взятки, казнокрадство, равнодушие чиновников к судьбам страны? Так ведь то же было и прежде. С этим самой властью велась борьба традиционными методами.

Да, чиновники воровали. Когда Николай посетил выстроенную Брестскую крепость и узнал, во что это

удовольствие обошлось казне, он подумал, что если бы цитадель была сооружена из чистого золота, и то, верно, стоила бы дешевле. И он в сердцах сказал наследнику престола Александру Николаевичу: «кажется, в России не воруют только два человека – я и ты». О том, как воровали военные инженеры-строители (и что случалось с теми из них, кто отказывался участвовать в воровстве), можно прочитать в повести Николая Лескова «Инженеры-бессребреники». А о том, как Николай наказывал проворовавшихся, так рассказано в повести Льва Толстого «Хаджи-Мурат»:

«Николай был уверен, что воруют все. Он знал, что надо будет наказать теперь интендантских чиновников, и решил отдать их всех в солдаты, но знал тоже, что это не помешает тем, которые займут место уволенных, делать то же самое. Свойство чиновников состояло в том, чтобы красть, его же обязанность состояла в том, чтобы наказывать их, и, как ни надоело это ему, он добросовестно исполнял эту обязанность.

– Видно, у нас в России только один честный человек, – сказал он.

Чернышев (военный министр) тотчас же понял, что этот единственный честный человек в России был сам Николай, и одобрительно улыбнулся.

– Должно быть, так, ваше величество, – сказал он».

Как видим, император смотрел на перспективы борьбы со взяточничеством чиновников почти так же пессимистически, как и князь в описанной выше сцене, и говорил об этом почти в тех же выражениях. Николай боролся с мелкими взяточниками, наказывал интендантов, но знал (или хотя бы догадывался), что главные воры – вокруг его трона, и имел основания полагать, что лишь сам он – честный человек. (Упомянутого министра Чернышева, если верить Толстому, император считал подлецом и терпел только потому, что пока его некем было заменить.) Никакой чрезвычайной ситуации в воровстве и казнокрадстве Николай не видел, а гоголевский князь, человек, очевидно близкий к императору, вдруг увидел в этих пороках угрозу самому существованию государства, равнозначную нападению могущественного внешнего врага. Гоголь и тут оказался неадекватен реальности. А монолог князя сегодня можно было направить в комитеты по борьбе с коррупцией или прямо в Администрацию президента как образец риторики, которому надлежит следовать при составлении очередной декларации о борьбе с этим злом.

Но вернемся к Чичикову. Его возрождение, по замыслу Гоголя, не могло быть прямолинейным движением от пороков к

совершенству. Он проходит через соблазны, искушения и падения, и лишь в критических обстоятельствах осознает правоту обращенных к нему слов Муразова: «…какой бы из вас был человек, если бы так же, и сильно и терпеньем, да подвизались бы на добрый труд, имея лучшую цель! Боже мой, сколько бы вы наделали добра!.. Не то жаль, что виноваты вы стали перед другими, а то жаль, что пред собою стали виноваты – перед богатыми силами и дарами, которые достались в удел вам. Назначенье ваше – быть великим человеком, а вы себя запропастили и погубили».

Напомню: Гоголь считал Чичикова не великим, а средним русским человеком. А мысль его такова: всякий, даже самый средний наш человек – велик, если не забывает о своем высоком человеческом призвании (мысль эта потом станет достоянием русской литературы – вспомним хотя бы думы Гурова в чеховской «Даме с собачкой»; но как тонко она преподнесена у Чехова!). В этом – существенная сторона гоголевского замысла. Ведь, по мысли писателя, сбилось с прямого пути все человечество. И какой же будет толк в том, что несколько из ряда вон выходящих гениев отыщут правильный путь, а все остальные люди, идя по «широкой дороге», попадут в погибель (наш современник, философ В.Н.Тростников, напоминает: спасутся, обретут вечную жизнь только святые, все остальные пойдут, так сказать, в отходы). Нет, спасение не только России, но и всего человечества – в пробуждении благородного, подлинно человеческого именно в среднем человеке – в таком, каков, например, Чичиков. Это, строго говоря, аксиома для деятелей русской культуры за все века нашей писаной истории. От «Слова о законе и благодати» Илариона, «Повести временных лет» преподобного Нестора, «Поучения» Владимира Мономаха и до лучших писателей и художников наших дней идет из России вопль к Богу: «Да, Господи, мы знаем, что спасутся только праведные, что в рай не войдет ничто нечистое, но мы постараемся стать лучше, чем есть ныне, и молим Тебя о спасении всей Русской земли!»

И вот в конце второго тома Чичиков уже осознал бесплодность прежней своей жизни, но в его руках снова заветная шкатулка с немалыми деньгами, рождающими новые соблазны. Можно догадаться, что тюрьмы Чичикову удалось избежать, и, скорее всего, он должен, наконец, встать на путь честной жизни и службы. Но после всего пережитого у него вряд ли остались на это силы…. Ибо «это был не прежний Чичиков. Это была какая-то развалина прежнего Чичикова. Можно было бы сравнить его внутреннее состояние души с разобранным строением, которое разобрано с тем, чтобы строить из него же новое: а новое еще не

начиналось, потому что не пришел от архитектора определительный план, и работники остались в недоуменьи».

Игорь Золотусский писал: «Как нетрудно заметить, архитектор этот – Гоголь. И план возведения нового зданья на месте старого и из материалов старого отложен им на следующую часть. Идея второй части (или второго тома) и состоит в том, чтобы поколебать нерушимые, кажется, основы строения Чичикова и разрушить его – разрушить во имя иного строительства. (Но, может быть, критик ошибается, и Архитектором служит Сам Господь? – *МЛ.)* Процесс разрушения и составляет сюжетную канву второго тома, соответствующую его идейной канве…»

Да, на то, чтобы описать процесс разрушения Чичикова, таланта Гоголю хватило, а насчет возрождения своего героя и сам автор, видимо, «остался в недоуменьи».

И тут Гоголь прибегает к помощи «святых отцов». Не случайно, под влиянием сочинений преподобного Исаака Сирина, которые он читал во время пребывания в скиту Оптиной пустыни, Гоголь во втором томе отказался от изложенного в первом томе понимания некоторых человеческих страстей как врожденных. Нет, все порочные страсти одолимы человеком, когда он осознает необходимость их искоренения. Тогда-то Чичиков и стал тем средним человеком, воплощением заблудшего человечества, на примере которого и предполагалось показать путь подъема от «человека падшего» к «тому благостному образу, каким должен быть на земле человек».

Чичиков – не «избранный для спасения» («много званых, а мало избранных» – Мф 20:16). Кальвинисты, например, считают, что Бог изначально предопределил одних людей к спасению, а других к погибели. При этом признаком избранности для них служит успех, независимо от того, какими средствами он достигнут, а конкретнее – величина банковского счета. Путь возрождения, полагают русские православные люди, не закрыт никому, даже и Плюшкину – этой «прорехе на человечестве». И все-таки Чичикову в показе этого универсального, всемирного процесса, каким его видел Гоголь, отводится первостепенная роль. «Полюби нас черниньками, а белиньками нас всякий полюбит» – эти слова Чичикова, выражающие заветное убеждение Гоголя, не были новшеством в русской литературе. У нас всегда знали, что и в самом презренном, падшем человеке сохранились какие-то начала человечности, и никогда не следует отчаиваться ни в каком человеке, ибо он может возродиться буквально «из ничего» и даже в последние мгновения жизни. «Все требует к себе любви…», – говорит якобы пробуждающийся для добра Чичиков.

Таких фраз, которые должны были передать этот процесс преображения Чичикова, во втором томе много, но они оставались только фразами. Никакого «механизма» этого преображения, процесса изменения души этого своего героя Гоголь показать не смог. Интересно, что, пока Чичиков обращался в среде «мертвых душ», его образ выписан необыкновенно живо. Стоило Гоголю навязать своему герою надуманную задачу, как образ этот становится бледным и нежизненным.

Как писал тонкий критик Юрий Лебедев, «Гоголь признавался, что в процессе творчества он прислушивался к высшему зову, требующему от него безусловного повиновения. Вслед за Пушкиным он видел в писательском призвании Божественный дар. В изображении человеческих грехов, человеческой пошлости Гоголь более всего опасался авторской гордыни. Ведь писатель – человек, он подвержен тем же грехам, что и люди, им изображаемые. Но в минуты творческого вдохновения он теряет свое «я», свою человеческую «самость». Его устами говорит уже не человеческая, а Божественная мудрость: голос писателя превращается в пророческий глас» («Советская Россия», 12.08.1999). Увы, не всякий писательский голос претерпевает подобное превращение, и Гоголь в число счастливых избранников не попал.

И можно себе представить всю глубину разочарования, даже отчаяния, когда Гоголь, повинуясь, как ему казалось, Божественному гласу, лихорадочно набрасывал все новые и новые повороты в судьбе Чичикова и других персонажей поэмы, а потом, перечитывая написанное, убеждался в том, что все им только что сочиненное ни на что не годится. Не помогали ни жаркие молитвы, ни посты, ни душеполезное чтение. Десятилетие изматывающего труда ни к чему не приводило, и все новые варианты произведения бросались в пылающий камин или в горящую печь. Тут впору было усомниться и в своем призвании, и в своей способности услышать глас свыше.

Неслучайно Розанов замечает:

«Гоголь все-таки пугался своего демонизма. Гоголь между язычеством и христианством, не попав ни в одно».

Гоголь был убежден в том, продолжает Лебедев, что «внешняя организация жизни – отражение внутреннего мира человека. И если в человеке помрачен его Божественный первообраз, никакие изменения внешних форм жизни не в состоянии уничтожить зло.

Гоголь бичевал социальное зло в той мере, в какой видел коренной его источник. Он дал этому источнику имя – «пошлость современного человека». Такого понятия не существует в

европейских языках. Какой смысл оно несет? «Пошлым» является человек, утративший духовное измерение жизни, являющееся стимулом его роста и совершенствования. Когда помрачается образ Божий в душе, человек превращается в плоское существо, замкнутое в себе самом, в своем эгоизме. Человек становится пленником своих земных несовершенств и погружается в болото бездуховного «ничто», вязнет в трясине мелочей.

Смысл существования сводится для него к потреблению материальных благ, которые тянут душу вниз – к расчетливости, хитрости, лжи.

Гоголь пришел к мысли, что всякое изменение жизни к лучшему надо начинать с преображения человека. «Мысль об «общем деле» у Гоголя была мыслью о решительном повороте жизни в сторону Христовой правды – не на путях внешней революции, а на путях крутого, но подлинного религиозного перелома в каждой отдельной человеческой душе» – писал русский мыслитель Василий Зеньковский».

Вот тут не знаешь, чему удивляться: некритичности ли критика, формализму ли мыслителя (и священника) Зеньковского, поведению ли друзей Гоголя. Неужели в окружении писателя не нашлось человека, который сказал бы ему: не может быть в нашем мире такого состояния, когда каждая человеческая душа вдруг обратится к Христу. «Не бойся, малое стадо!» – говорил Христос Своим ученикам. Он знал, что Его стадо будет малым, и вопрошал, найдет ли Он веру на земле во Второе Свое пришествие. Евангелие – это не свод правил поведения святых в среде святых, а путь к правильному поведению стремящихся к праведной жизни в мире неправедности. Неужели никто так и не объяснил Гоголю (притом, что все его окружение было основательно начитано в части богословия), что эта его надежда на всеобщее обращение русских людей к Христу противоречит учению Христа? Как же, стоя на такой ложной позиции, можно было изображать процесс преображения Чичикова и рисовать образ идеального русского человека?

И еще одна цитата из статьи Лебедева:

«Чичиков у Гоголя – русский человек, а потому в его действиях сохраняется тот же самый «перехлест», в который никак не укладывается буржуазная, предпринимательская энергия. То тут, то там проскальзывает игра случая, обнаруживается «прореха» в самом неподходящем месте – и все, задуманное Чичиковым, рушится… Есть во всех предприятиях Чичикова выход за нормы буржуазной добропорядочности, рядового мещанского стяжательства. Не от русского ли задора идет его нетерпение, неуемное желание рискнуть, но уж взять

разом весь капитал?.. Крах авантюры Чичикова с «мертвыми душами»… это событие большого масштаба и исторической значимости, это свидетельство отторжения русской жизнью того пути, буржуазный дух которого пытался утвердить гоголевский герой».

Чичиков должен был преобразиться к лучшему не сам по себе, а под влиянием встречи с прекрасным человеком, носителем высшей духовности. Осознав в конце жизни, что без светлого начала его поэма превращается в картину сплошного мрака, Гоголь пытается создать образы положительных героев, но с ужасом убеждается, что он на это не способен. Никакие попытки «воспитания самого себя в христианском духе» не помогли (потому что самый этот дух он понимал ложно). Отсюда его трагедия, сожжение второго тома и странная смерть. В ранее опубликованных статьях я сделал некоторые открытия, которые позволили полнее осветить эти повороты его творческой и жизненной судьбы.

Русский мыслитель Николай Федоров, создатель «Философии общего дела», считал таким общим для всего человечества делом воскрешение умерших предков. Он знал, что в день Страшного суда Бог воскресит всех умерших, чтобы воздать каждому по делам его. Но Федоров предлагал человечеству, так сказать, принять «встречный план», – пойти навстречу Божьему замыслу и еще раньше воскресить умерших на основе достижений науки. А Гоголь, как полагала самобытный пушкиновед и гоголевед Кира Викторова, захотел воскресить «мертвые души» силой лишь своего писательского таланта, и его крах стал наказанием за такую дерзкую и смехотворную идею.

«А те, которым в дружной встрече он главы первые читал» (главы второго тома), были убеждены: «Нет, не погиб талант писателя, писавшего второй том своей поэмы, как утверждали многие, а обернулся новой, непривычной для читателя тех лет стороной». Так, Сергей Аксаков 29 августа 1849 года сообщал своему сыну Ивану: «Не могу больше скрывать от тебя нашу общую радость: Гоголь читал нам первую главу 2-го тома «Мертвых душ». Слава Богу! Талант его стал выше и глубже». 19 января следующего года Сергей Тимофеевич напишет сыну о последующем чтении второго тома: «Такого высокого искусства показать в человеке пошлом высокую человеческую сторону нигде нельзя найти. Теперь только я убедился вполне, что Гоголь может выполнить свою задачу…»

Крушение надежд на второй том

По мысли Гоголя, главной задачей второго тома «Мертвых душ» было показать путь к Христу, чтобы этот путь был ясен каждому читающему. К сожалению, многое во втором томе не понравилось отцу Матвею Константиновскому, который в последние годы был духовным наставником писателя. Отец Матвей просил сжечь только отдельные главы второго тома, а Гоголь сжег все. И этот акт не был приступом сумасшествия, как трактуют многие. Ведь писатель сжигал все, что ему не нравилось, а потом писал сызнова. Гоголь считал, что в этом плане был чист перед Богом: «Хозяин, заказывающий это, видел. Он допустил, что она сгорела. Это Его воля. Он лучше меня знает, что для Него нужно».

По мнению современников и поклонников Гоголя, второй том был гораздо более светлым, чем первый, он был весь устремлен к будущему и проникнут убеждением в том, что оно у России станет счастливым. Он затрагивал вопрос о судьбах всего человечества. А впереди еще был третий том, где должны были воскреснуть к достойной жизни герои первого и второго томов, даже Плюшкин, – можно ли было бы тогда сомневаться в способности Чичикова к возрождению?

Увы, то, что дошло до нас от второго тома, не подтверждает лестных его оценок слушателями. Выведенные им персонажи не обладают яркостью образов отрицательных типов вроде Плюшкина или Собакевича, но не несут в себе и живых черт реальных людей, тем более – положительных героев. Если в первом томе выступали герои – воплощение определенных отрицательных качеств и пороков, то во втором предстали только безжизненные схемы. **И величавые образы новых героев, обещанные в первом томе, так у Гоголя и не появились. Они и не могли появиться, им неоткуда было взяться. У Гоголя не было понимания русского человека, как не было и таланта для создания его образа.**

Не тот талант, не по Сеньке была шапка. И возрождение Чичикова не состоялось. Оно было Гоголем отложено на третий том. Однако провал второго тома похоронил и надежду Гоголя на третий том.

А как же Белинский, назвавший Гоголя великим русским писателем, первым взглянувшим смело и прямо на русскую действительность, а первый том «Мертвых душ» – великим произведением? Он прав. И Гоголь – гений, и первый том «Мертвых душ» – великое художественное произведение. С

присущим ему юмором, через мелочи, Гоголь так показал Русь, что читатели смогли через комическое увидеть ужасы крепостничества, и это сделало Гоголя в глазах Белинского не только первым в стране поэтом, но и вождем на пути прогресса. И вообще там, где речь идет о творчестве, игре фантазии, создании иллюзии, Гоголь велик. Но к познанию Руси и русского человека это не имеет никакого отношения. К тому же Белинский, как известно, изменил свое мнение о Гоголе, прочитав его «Выбранные места».

Конечно, Гоголь создавал утопию, но ведь нотки утопии встречались у Пушкина и Лермонтова, Льва Толстого и Чехова, Достоевского и Чернышевского и у многих других «властителей дум» русского народа. Есть ведь такие утопии, которые двигают человечество вперед лучше самых реалистических проектов и творений! Повторяю: русские писатели с незапамятных времен знали апокалипсические представления о конце «мира сего»: «земля и все дела на ней сгорят!», каждый получит воздаяние по делам своим. И все же они не переставали не только обращаться к Господу с мольбой о спасении родной страны, но и убеждать людей: живите по-человечески, праведно, и да минует нашу землю предсказанная ужасная участь! Как тут не вспомнить слова гениального русского педагога К.Д.Ушинского: «Утописты, мечтающие о быстрой реформе рода человеческого, не знают истории человеческой души; но сами утописты необходимы: только их пламенным рвением движется этот медленный процесс, и новая идея, хотя медленно и трудно, но все же входит в характер человека и человечества. Без этих утопистов мир только бы скрипел на своих старых, заржавленных основах и, сживаясь все более и более со своими закоренелыми предрассудками, уходил бы в них все глубже и глубже, как в топкое болото». И Гоголь хотел нарисовать утопическую картину воскрешения мертвых душ еще в середине XIX века!

Гоголь призывал читателей к чистой жизни, к шествию в ней по единственно правильному прямому (хотя и «узкому») пути, а не по бесчисленным ложным дорогам, ведущим к погибели. Его наставления сохранить благородство порывов юности, не отдать в жертву беспощадной старости ни одного достойного человека движения сердца были искренними. Его предупреждения о страшной тине мелочей, опутывающей жизнь человеческую, заставляли читателей задуматься. Наконец, он мог надеяться оказать на них воздействие и своим личным примером бескорыстного служения литературе, которой он пожертвовал буквально всем. Но это были, так сказать, декларации о намерениях, никак не вытекавшие из созданных им

художественных образов и не подкрепленные личным духовным опытом, как и образом жизни писателя. Нельзя было считать Гоголя и образцом кристально чистых отношений с ближними. При всей своей устремленности к идеалу Гоголь показал себя прагматиком, который неплохо устроился в жизни и, как признает И.Золотусский, заставлял работать на себя весь круг своих знакомых, оберегая себя от грубой прозы жизни, поскольку он – Поэт.

Трудно сказать, выполнима ли вообще была чисто художественными средствами та воистину великая сверхзадача, какую поставил перед собой в своей поэме Гоголь. Во всяком случае, ему она не удалась. Вот тут и наступил финал трагедии: писать Гоголь уже не мог, а жить без этого не хотел.

Судьба второго тома и смерть Гоголя

О тайне второго тома «Мертвых душ» я в 1990 году написал статью «Гоголь и Оптина Пустынь», напечатанную тогда в «Учительской газете» (№ 22). Перескажу кратко ее содержание.

До нас не дошла глава, в которой появляется главный положительный персонаж второго тома, и под влиянием этой благодатной личности начинается преображение Чичикова. Мне удалось установить, что прообразом этого положительного героя послужил знаменитый старец Оптиной пустыни схииеромонах Макарий (в миру дворянин Михаил Николаевич Иванов), с которым писатель не раз встречался во время двух своих поездок в прославленный монастырь и переписывался, когда напряженно работал над вторым томом. Но сначала несколько слов о том, что привело Гоголя в Оптину.

Полемика (с Белинским) полемикой, а надо дело делать. У Гоголя же второй том не подвигался. Он писал – и жег, снова писал – и снова сжигал. Не выходило у него задуманное, как он все больше убеждался, из-за того, что неясен был образ положительного героя.

Многие убеждены в том, что положительный герой – это крепкий хозяин и удачливый коммерсант Костанжогло, у которого «всякая дрянь дает доход». Но это, конечно, неверно, торгаш или предприниматель, идеал для Чичикова, не мог быть положительным героем у Гоголя.

Может показаться странным, что Гоголь не смог создать нужный образ, используя впечатления от замечательнейших людей своего времени, с которыми он был дружен или близко знаком. Среди них были (как их нам часто представляют) солнечный Пушкин и ангельски добрый Жуковский, глубокий

мыслитель Чаадаев и кроткий Плетнев, эрудит Шевырев и остроумный Вяземский. Гоголю нужен был герой, сочетающий мудрость и человеколюбие, воплощающий гармонию ума и сердца… Вот почему он внял совету одного из знакомых – съездить в Оптину Пустынь – монастырь, славившийся своими монахами-наставниками, именовавшимися старцами.

Те, кого заинтересует, как практика старчества попала в Россию, могут прочитать это в моей упомянутой статье. Старцы развивали науку о самоусовершенствовании человека, которую они почитали как науку наук и художество художеств, то есть как высшее из всех знаний, доступных людям. У теоретиков старчества все человеческие пороки и слабости (а соответственно – и пути их преодоления) были расположены в соответствии с законами духовной жизни в определенной последовательности, образовав как бы ступени некоей «лестницы», ведущей к совершенству. Недаром монах Иоанн, написавший книгу «Лествица», вошел в историю под именем Иоанна Лествичника.

В книгах типа «Лествицы» можно встретить такие глубины постижения тайн человеческой души, каких не достигали и величайшие писатели мира.

Но иметь хорошие книги, учебники по самоусовершенствованию, мало. Ведь люди очень разные, различны их физические и духовные силы, способности к восприятию учения… Вот почему в дополнение к книгам-учебникам практика монашества выработала еще систему духовного руководства начинающими со стороны опытных воспитателей – старцев. Наиболее известными старцами в России были духовные наставники монахов в Оптиной Пустыни.

Впервые Гоголь посетил Оптину летом 1850 года, когда ехал на Украину. Писателя встретили с почетом, поселили не в монастырской гостинице, как иных гостей, а в скиту, в большом доме, сохранившемся до сих пор и именуемом «домом Гоголя» (мне дважды довелось останавливаться в этом особняке).

Гоголь, по-видимому, еще не вполне оправился от того потрясения, какое испытал, получая одно за другим ругательные письма по поводу его «Переписки». Обескураживало прежде всего то, что его просто ругали, но никто не пытался разобрать книгу объективно, отметить ее сильные и слабые стороны.. Ну, а уж в Оптиной-то, среди ушедших от мира иноков, думал он, вряд ли кто о ней и слышал.

К его удивлению, старец о. Макарий не только оказался в курсе дела, но достал из ящика стола переписанную его рукой рецензию на нее (написанную, как позднее выяснилось, будущим святителем Игнатием Брянчаниновым), в которой отмечались как

положительные стороны книги, так и ее недостатки, связанные с особенностями духовного склада писателя. Оценка книги была строгой, но тон рецензии – сочувственный. Рецензент соглашался с одними положениями книги и не соглашался с другими и при этом проявлял интерес к внутреннему миру автора.

Но дальше Гоголя ждал еще больший сюрприз.

Много лет назад я, читая пьесу К.Паустовского «Наш современник (Пушкин)», обнаружил там такую сцену. Поэт, заблудившись в лесу, нечаянно вышел в расположение артиллерийской части. А офицер, командовавший батареей, приказал дать салют в честь великого русского поэта. Помню, тогда мне эта сцена показалась надуманной. Но, оказывается, такой случай действительно был. Офицер, устроивший салют в честь Пушкина, впоследствии стал монахом и жил в оптинском скиту. Он, монах Порфирий, сохранил пламенную любовь к русской литературе и, естественно, с восторгом принял Гоголя, часто с ним беседовал и горячо уговаривал его продолжить служение Родине художественным словом.

Гоголь был поражен всем увиденным и услышанным в обители. Он как бы попал в совершенно новый для него мир, который воспринял как мир святости, чистоты и самоотверженной любви к людям. Прежде он мог предполагать, что такой мир существует, но теперь, казалось ему, увидел его воочию. Но более всего его поразил сам старец, который десятилетиями нес добровольный крест, совершая незримый для общества подвиг бескорыстного служения людям. Вот тогда-то писатель и обрел давно и до того безуспешно отыскиваемый идеал человека. Он решил, что это – как раз то, чего ему не хватало для завершения второго тома.

По возвращении в Москву Гоголь очень быстро написал второй том поэмы, состоявший, как и первый, из одиннадцати глав. И героем, оказавшим решающее благотворное влияние на Чичикова, стал священнослужитель. Но у этой редакции второго тома оказалась трудная судьба.

В числе писем, полученных Гоголем после выхода в свет «Переписки», было сердитое письмо священника из Ржева Матвея Константиновского, не соглашавшегося с его суждениями о роли театра в духовной жизни народа. Завязавшаяся переписка привела к личному знакомству.

Отец Матвей произвел на Гоголя сильнейшее впечатление своей несокрушимой верой и изумительным – не интеллигентским, а народным – красноречием. О его проповеди один из современников говорил: «Так в старину гремели златоусты!» Гоголя восхищали в нем преданность своему делу,

бескорыстие, аскетизм, изумительный дар проповедника и такое великолепное знание народного русского языка, какое почти не встречалось в среде литераторов. А Гоголь задумывал второй и особенно третий тома как пророческие книги, пророческому их характеру должен был отвечать и пророческий язык, в овладении которым, думал Гоголь, ему и поможет общение с о. Матвеем. Вот почему он и выбрал о. Матвея своим духовным отцом.

Тут надо заметить, что среди прочих принципов отношений между старцем и учеником были два существенных для дальнейшего изложения. Во-первых, старец не навязывался ученику в наставники, тот сам его выбрал. Поэтому совет старца ученику равнозначен приказанию. Во-вторых, если совет старца ученику не по душе, нельзя обращаться к другому старцу в надежде на рекомендации более приемлемые.

Трагедией для Гоголя стало то, что идеал человека он увидел в старце Макарии, а своим духовным отцом он сам еще раньше избрал о. Матвея, который, как и многие православные священнослужители того времени, не понимал и не принимал старчества. Закончив второй том «Мертвых душ», Гоголь принес рукопись о. Матвею с просьбой прочитать и дать совет. О. Матвей сначала отказывался от этой чести, но вняв просьбам писателя, прочитал – и остался рукописью недоволен. Более того, в образе монаха, не замкнувшегося в стенах монастыря, а постоянно находящегося среди людей, облегчая их душевные страдания и давая благие советы на все случаи жизни, о. Матвей увидел «нечто католическое». Вдобавок он, зная, насколько Гоголь к нему привязан, подумал, что положительный герой второго тома списан с него самого, но с искажением образа. И получалось, что сам о. Матвей «не вполне православный священник», а это его весьма обидело. Отсюда недалеко было до мысли, что этот образ навеян Гоголю воспоминаниями о католических патерах. А писателя и без того упрекали в том, что он за годы заграничной жизни подпал под влияние католицизма. Все это о. Матвей прямо высказал Гоголю и по совокупности этих и многих других причин посоветовал сжечь рукопись, во всяком случае те главы, где действует непривычный для тогдашнего русского читателя священнослужитель. Как православный священник, о. Матвей будет требовать, чтобы Гоголь отрекся от Пушкина: «Он был грешник и язычник». Гоголь молчал, но знал, что Пушкин хоть и «язычник», послан России Богом и от него отречься невозможно.

Гоголь последовал совету о. Матвея и рукопись уничтожил. Однако в глубине души он считал (может быть, впервые за последние годы), что создал произведение, достойное его гения. И, будь на месте о. Матвея старец Макарий, второй том, вероятно,

получил бы одобрение и благословение.

Вдумаемся в трагедию, которая разыгралась в душе Гоголя. Он сам избрал для себя старцем о. Матвея, а тот едва терпит его литературные труды. Знает он также, что оптинские монахи Макарий и Порфирий глубоко интересовались его творчеством, как делом благородным и богоугодным. И вот, увидев, что О.Матвей не тот, кто мог бы быть его понимающим наставником, зная, что всего в двухстах с пятьюдесятью с небольшим верст от Москвы есть подлинный старец – Макарий, и сознавая, что менять духовного руководителя он не имеет права, Гоголь не в состоянии разрешить трагическое противоречие.

Потребность вновь побывать в Оптиной и посоветоваться со старцем Макарием (в такой форме, чтобы не нарушить обязательства перед о. Матвеем) все более становилась для Гоголя насущной. Как поступить?

И тут писатель получает от сестры письмо, в котором она сообщает, что скоро выходит замуж и приглашает его на свадьбу. Против такой поездки о. Матвей не мог возражать.

И вот, отправившись в сентябре 1851 года будто бы на свадьбу сестры, Гоголь, не испрашивая благословения о. Матвея, поехал не прямой дорогой, а окольной, через Оптину Во время этой, второй, встречи Гоголя с о. Макарием произошел эпизод, немало потешивший еще современников писателя, а в 1980 году смешно изложенный в очерке Владимира Солоухина «Время собирать камни».

Гоголь несколько раз спрашивает совета у старца по, казалось бы, пустяковому вопросу: продолжать ли ему путь на свадьбу сестры или вернуться в Москву?

Потешаясь над Гоголем, В.Солоухин восклицает: «Нашел о чем спрашивать! Ну, был бы вопрос о том – жить или не жить на свете дальше? Жечь или не жечь «Мертвые души»?»

Но эта насмешка лишь свидетельствует о том, насколько мало мы, люди иного века, понимаем проблемы духовной жизни и как плохо знаем то, что волновало Гоголя, но о чем он не мог спросить прямо.

Писатель, видимо, действительно приехал к Макарию, чтобы по ответам старца на не прямо высказанные суждения решить для себя те самые роковые вопросы: жить или не жить дальше на свете? Жечь или не жечь «Мертвые души»?

Не мог же Гоголь сказать Макарию: «Отец Матвей посоветовал мне сжечь второй том, а я хочу знать ваше мнение на сей предмет». Старец просто отказался бы с ним разговаривать, его никто не ставил судить о. Матвея. Просто по тону беседы Гоголь, видимо, понял, что Макарий по-прежнему сочувственно

относится к его творчеству. А у Гоголя уже снова созрел замысел новой редакции второго тома. Поэтому его на первый взгляд странный вопрос на деле был вполне оправданным. Если старец одобряет его творчество, надо поскорее возвращаться в Москву и воплощать новый замысел, а не тащиться на Украину, не сидеть за праздничным столом, не кричать: «Горько!»

Конечно, есть обязанности по отношению к сестрам и матери. И с этой стороны колебания Гоголя понятны. За смешным для постороннего глаза эпизодом скрывалась глубокая душевная драма Гоголя, а второй приезд в Оптину призван был разрешить самые жгучие его сомнения относительно своего творчества.

Так или иначе, но в целом беседы и обмен письмами с о. Макарием были для Гоголя приятными и полезными. И на этот раз он вернулся в Москву успокоенным и умиротворенным, каким его и увидели по возвращении близкие люди.

Новая поездка в Оптину ускорила работу Гоголя над поэмой. Буквально за три месяца он не только переделал главы, не понравившиеся о. Матвею, но и переписал полностью законченный второй том (и это параллельно с созданием другого крупного произведения – «Размышления о Божественной литургии»).

Современники, вопреки позднейшим суждениям, свидетельствовали о полноте творческих сил Гоголя незадолго до его смерти. А Александра Смирнова-Россет, слышавшая в авторском чтении весь второй том, писала, что первый том поблек перед ним, ибо здесь «юмор возведен был в высшую степень художественности и соединялся с пафосом, от которого захватывало дух». Не могу спорить с почитательницей творчества Гоголя, так как не был на ее месте при чтении Гоголем его рукописи, но смею выразить сомнение в правильности ее оценки.

Возможно, талант Гоголя действительно был в полном расцвете: пейзажи, нарисованные во втором томе, были более красочные, чем в первом, призывы вроде «Русские, вперед!» зажигательны. Но это был тот же самый талант, какой проявился и в первом томе, и юмор того же рода, но ничего похожего на «величавые образы» в сохранившихся материалах не обнаруживается. Главную задачу, которую Гоголь ставил перед собой, он, видимо, не решил – и не мог решить.

Последние дни Гоголя были омрачены новыми размолвками с О.Матвеем, требовавшим от своего ученика, чтобы тот отрекся от безбожника Пушкина. А Гоголь хорошо знал, какой переворот произошел в мировоззрении великого русского поэта незадолго до его гибели. В глазах Гоголя Пушкин был не просто воплощением русского человека в полном его развитии, а

посланцем из вечного мира красоты и гармонии на грешную землю.

Гоголь знал, что в Оптиной почитают и любят Пушкина, а монах Порфирий с восторгом передает свои воспоминания о встрече с поэтом.

И мысли писателя вновь и вновь обращаются к Оптиной, которую ему больше не суждено было увидеть.

После нескольких очень тяжелых разговоров с о. Матвеем Гоголь сжег и последнюю рукопись второго тома, после чего вскоре умер.

Россия преждевременно потеряла великого русскоязычного писателя, а его последнее творение в целостном виде так и не дошло до нас.

Во многом иную, псевдорелигиозную трактовку трагедии Гоголя предложил Мережковский. Однако надо иметь в виду, что этот поэт, прозаик, ученый и критик был основоположником (вместе со своей женой Зинаидой Гиппиус) учения о «Новом христианстве Третьего Завета». Согласно этому учению, Первый (названный впоследствии Ветхим) Завет дал Бог Отец, и он основан на Законе. Второй (Новый) Завет дал Бог Сын, и главное в нем – Любовь. Но христианский мир воспринял Новый Завет формально, учение Христа не стало основой образа жизни так называемых христиан, которые вне храма, в повседневной жизни оставались, по сути, язычниками. И вот настало время появиться Третьему Завету, в котором главным станет Свобода. (Насколько я могу судить, это учение «третьезаветников» было признано Церковью еретическим.) С этих позиций Мережковский и рассматривает взаимоотношения Гоголя и о. Матвея. Это и надо иметь в виду при чтении его трактовки последнего этапа трагедии Гоголя.

По концепции Мережковского, беда Гоголя «была в том, что он первый заболел новой, никому на Руси до тех пор неизвестной, страшной болезнью, слишком нам теперь, после Л. Толстого и Достоевского, знакомой, – болезнью нашего религиозного *раздвоения*… Он почувствовал до смертной боли и до смертного ужаса, что христианство для современного человечества все еще остается чем-то сказанным, но не сделанным, обещанным, но не исполненным. «Церковь, – говорит он, – созданную для жизни, мы до сих пор не ввели в нашу жизнь». – «Христиане!.. Выгнали на улицу Христа, в лазареты и больницы, на место того, чтобы призвать его в домы, под родную крышу свою, и думают, что они христиане». (Это – цитата из «Выбранных мест». – *М.А.)* Гоголь «действительно, хотя и в очень редких, но самых светлых точках религиозного сознания своего противополагал свой собственный

взгляд на Христа всему историческому христианству, *как западному, так и восточному…»* Гоголь «не противопоставляет ни христианства просвещению, как славянофилы, ни просвещения – христианству, как западники, – он соединяет эти «два начала» в одно. Гоголь с такой силой, как никто из людей современной Европы, почувствовал, что первая и последняя сущность христианства – не мрак, а свет, не отрицание, а утверждение мира, не распятие, а воскресение плоти, не бесплотная святость, а святая плоть»…

Не умерщвление для воскресения, а умерщвление без воскресения. Не страх к веселию сердца, а только страх к страху, один бесконечно-растущий страх: *«страшусь всего»,* – определяет сам Гоголь источник всего христианства.

Если бы у Гоголя не было вовсе прозрений в новое христианство, он мог бы остановиться и успокоиться на старом. Но слишком стремительно рванулся он вперед. Слишком многое увидел для того, чтобы это прошло для него безнаказанно. Движение назад равно было движению вперед. Не достигнув сверхисторического, он упал ниже, чем историческое христианство. Не найдя будущего в будущем, стал искать его в настоящем и в прошлом.

Отсюда – оправдание крепостного права, как учреждения глубоко народного и христианского.

И вот тут выяснилась трагическая несовместимость духовного отца и его духовного сына:

«О. Матфей для Гоголя не человек, а священник – только, но зато и во всей полноте – священник… О. Матфей весь един; Гоголь весь раздвоен.

В чем же, собственно, главная мысль о. Матфея, его исходная точка?

Это – главная мысль всего уединяющего, монашеского, «черного» христианства. Мысль самого Гоголя: *«жить в Боге значит жить вне самого тела»;* святость значит бестелесность; плоть значит грех; дух противополагается плоти, как одна абсолютная сущность другой, столь же абсолютной, как начало божеское началу бесовскому, как вечное добро вечному злу – в неразрешимом противоречии. Отсюда вывод: «Не любите мира, ни того, что в мире: кто любит мир, в том нет любви Отчей; ибо все, что в мире – похоть плоти, похоть очей и гордость житейская, не есть от Отца, но от мира сего. Весь мир лежит во зле». Можно подумать, «будто бы, христианство внушено ему не духом, а плотью, не Богом, а дьяволом?»

И вот началась смертельная борьба между духовным отцом и его духовным сыном:

«Чем уступчивей Гоголь, тем требовательней о. Матфей. Когда же он высказал, наконец, свое последнее, ужасающее, но, в сущности, для него логически-неизбежное требование, чтобы Гоголь «бросил имя литератора и пошел в монастырь», тот возразил ему так, что это возражение, несмотря на свою внешнюю почтительность, было для о. Матфея опять, как острый нож в сердце: «Признаюсь вам, я до сих пор уверен, что закон Христов можно внести с собой повсюду», даже и занимаясь литературным творчеством.

«Ежели сущность христианства – умерщвление плоти, бесплотная духовность (а ведь именно так и была понята эта сущность всеми веками односторонне-аскетического христианства от Исаака Сирина до о. Матфея), то искусство не может быть святым в христианском смысле, потому что всякий художественный образ есть все-таки не бесплотная духовность, а одухотворенная плоть или воплощенный дух. Гоголь не сознавал с ясностью (и в этом недостатке сознания заключается главная причина его гибели), только смутно прозревал в искусстве начало религии, начало святой плоти.

Но этого-то и не мог понять о. Матфей, который так же, как и все стоявшие за ним века, подменил святую плоть бесплотной святостью…

Надо понять всю глубину вопроса, который поднят был здесь между мирянином и священником, между миром и церковью.

Нельзя в мире уйти от мира, утверждает Гоголь. Если это так, то одно из двух: или христианство невозможно; или оно вовсе не требует, чтобы мы ушли от мира в том смысле, как этого требовал о. Матфей…

Гоголь отрекался от «вселенского учительства»; но одно мгновение, одна точка религиозного пути его имеет действительно вселенское значение; действительно стоял он, по выражению Аксакова, перед «исполинскою задачей, которой не разрешили 1847 лет христианства». Он предчувствовал, что христианство остается доныне словесным, отвлеченным, что оно уходит от мира и не возвращается в мир. Он утверждает, что праздник Светлого Христова Воскресения нигде еще не празднуется как следует – почему это так, он не мог бы сказать, он только смутно прозревал, что тайна воскресения плоти не открывается в «черном» христианстве и что окончательное откровение тайны этой предстоит лишь будущему «белому», воистину вселенскому христианству.

Здесь, может быть нечаянно, коснулся Гоголь той оси, на которой держится и от колебания которой зависит мировой поворот христианства от первого ко второму пришествию;

сдвигал тот камень, на котором зиждется вся крепость церкви неподвижной».

И еще: «Одно лишь ясное сознание правоты могло спасти Гоголя. *Чувство* правоты у него было, но *сознания* не было. То положение, в которое он поставил себя «Перепиской», требовало силы героя, «богатыря», как он сам выражался. А по природе своей он был мученик, но не герой».

«Они сошлись: вода и камень…» – можно было бы сказать словами Пушкина об этих двух личностях.

«О. Матфей и Гоголь (не совсем в сознании, а только в своем пророческом ясновидении) – это неподвижность и движение, предание и пророчество, прошлое и будущее всего христианства – в их неразрешимом противоречии. О. Матфей преступил завет апостольский: *духа не угашайте,* когда требовал, чтобы Гоголь отрекся от искусства; он «угашал дух», умерщвлял духовную плоть во имя бесплотной духовности. В анафеме над Гоголем и Пушкиным устами о. Матфея историческое христианство произносило анафему над всею русской литературой, над всем «просвещением», «светом», «миром», анафему над всей плотью, анафему над всей тварью, еще не избавленной, но «совокупно стенающей об избавлении».

Спор о. Матфея с Гоголем был таков, что между обеими сторонами не могло быть никакой середины, никакого примирения: ежели один был в абсолютной истине, то другой – в абсолютной лжи; ежели за одним была «воля Божия», то за другим воля, ведущая против Бога.

С Богом ли он, или против Бога в этом споре, – Гоголь не имел силы решить окончательно: не только вся история, но и собственное сознание Гоголя были слишком на стороне о. Матфея. И потому, что Гоголь не имел силы этого решить, он погиб.

«Не писать для меня совершенно, значило бы то же, что не жить». Отречение от литературы для Гоголя было не только самоумерщвление, но и самоубийство.

О. Матфей потребовал от него этого самоубийства… все – тлен, все – прах, все – грех. Беги же от мира, брось имя литератора и будь монах»…

Гоголь предвидел, что если бы он не согласился, то о. Матфей сказал бы ему то, что святой схимник говорит колдуну в «Страшной мести»: «Иди, окаянный грешник! не могу о тебе молиться – нет тебе помилования! Еще никогда в мире не было такого грешника!» Этой анафемы, которая носилась над Гоголем всю жизнь и преследовала его в вещих снах, он так боялся, что готов был на все.

Голос о. Матфея был для него голосом Церкви, всего христианства, самого Христа. Ему предстояло одно из двух – или жить вне Церкви отступником, или совсем не жить. Он выбрал последнее.

Таково душевное настроение Гоголя до приезда о. Матфея; через две недели после его отъезда Гоголь умер. Конечно, то, что произошло между ними, было причиной смерти».

Возможно, Мережковский был здесь тенденциозен, о. Матфей отрицал, будто он запрещал Гоголю заниматься литературным трудом. Но то, что произошло на самом деле между духовным отцом и его духовным сыном, останется тайной уже навсегда.

И последнее замечание Мережковского, имеющее отношение к образу Чичикова. Как уже отмечалось выше, по мнению Мережковского, **вся** жизнь и **все** творчество Гоголя были борьбой **с** чертом. Гоголь хотел посмеяться над чертом и сделать так, чтобы и читатели видели в черте лишь осмеянного им карлика. И он полагал, что преуспел в этом занятии. Но все оказалось иным.

«Гоголь… не увидел или только не хотел, не посмел увидеть в Чичикове своего черта, может быть, именно потому, что Чичиков еще меньше «отделился от него самого и получил самостоятельность», чем Хлестаков. Тут правда и сила смеха вдруг изменили Гоголю – он пожалел себя в Чичикове: что-то было в «земном реализме» Чичикова, чего Гоголь не одолел в себе самом. Чувствуя, что это во всяком случае необыкновенный человек, захотел он его сделать человеком великим: «Назначение ваше, Павел Иванович, быть великим человеком», – говорит он ему устами нового христианина Муразова. Спасти Чичикова Гоголю нужно было во что бы то ни стало: ему казалось, что он спасает себя в нем.

Но он его не спас, а только себя погубил вместе с ним. Великое призвание Чичикова было последней и самой хитрой засадой, последней и самой соблазнительной маской, за которой спрятался черт, подлинный хозяин «Мертвых душ», подстерегая Гоголя».

Лишь «когда Гоголь, не умея отделить святое от грешного в своем искусстве, в своей плоти, от *всего* отрекся, проклял *все,* сжег *все,* – тогда вдруг почувствовал, что исполнил волю не Божию, совершил преступление, кощунство, которому нет имени, – похулил в святой плоти Дух Святой: «Вот, что я сделал! хотел было сжечь *некоторые* вещи, а сжег все. Как лукавый силен! – вот он до чего меня довел».

С нечистой силой лучше не связываться, тем более не играть с нею, как сыграл (причем удачно, прибегнув к помощи Божией) один из героев «Вечеров». **Гоголь, пытавшийся смеяться над**

чертом, потерпел крах. Черт вовсю посмеялся над ним.

А завершил Мережковский свое исследование творчества Гоголя вопросом, на который, как я представляю, даже некому ныне отвечать:

«Будьте не мертвые, живые души» – это последний завет Гоголя всем нам, не только русскому обществу, но и русской Церкви.

Что же нам делать, чтобы исполнить этот завет? Одни говорят: нельзя быть живым, не отрекшись от Христа, другие: нельзя быть христианином, не отрекшись от жизни. Или жизнь без Христа, или христианство без жизни. Мы не можем принять ни того, ни другого. Мы хотим, чтобы жизнь была во Христе и Христос в жизни. Как это сделать?

Гоголю на вопрос этот Церковь ничего не ответила. Может быть, тогда еще не исполнились времена и сроки. Но теперь они исполняются.

Пусть же Церковь ответит. Мы спрашиваем».

Ну, и под конец **признание самого Гоголя в том, что «Мертвые души» – это карикатура и его собственные выдумки, не имевшие ничего общего с действительностью.** Известен, например, рассказ Гоголя о том, как он читал Пушкину первые наброски «Мертвых душ», для коих все персонажи прямо слепились из собственных отрицательных свойств автора. Пушкин сначала очень смеялся, но под конец чтения сделался мрачен: «Боже, как грустна наша Россия!» Гоголь продолжает: «Меня это изумило. Пушкин, который так знал Россию, не заметил, что все это карикатура и моя выдумка!» По поводу последней фразы Александр Привалов добавляет: «Ну, что заметил и чего не заметил Пушкин – особь статья (на иной-то взгляд, чтобы написать о Пушкине приведенную фразу, нужна была какая-то совсем уж младенческая наивность), но гоголевские персонажи, кажется, и вправду высмотрены автором внутри себя».

Гоголь, Чичиков и христианский идеал

Гоголь с юности мечтал стать великим человеком (что естественно для романтически настроенного юноши), хотя долго не знал, на каком именно поприще он осуществит свое призвание. Иной раз рисовалась ему карьера чиновника, который принесет великую пользу Отечеству. Не менее привлекательной казалась ему и судьба писателя, но не какого-то сочинителя пошлых и развлекательных романов, а учителя народа или даже всего человечества, которое, как он был убежден, идет неправильным путем, хотя прямой и ясный путь очевиден, но почему-то упорно

не замечается людьми на протяжении тысячелетий. С годами у юношей, столкнувшихся с реальностью, мечты о великих деяниях проходят (вспомним «Обыкновенную историю» Гончарова). Не то у Гоголя. Он приехал в Петербург хотя и молодым, но уже сложившимся человеком (многие современники утверждали, что он, взрослея, внутренне не менялся), и юношеские мечты для него оставались путеводной звездой до конца дней. Он хотел спасти Россию от, казалось ему, страшной опасности, и слова генерал-губернатора и князя, которые я приводил ранее, с призывом к всенародному подвигу спасения Отчизны, выражали и мысли Гоголя. Короткий опыт служения Отечеству в качестве чиновника не только показал, что это поприще не для него, но и породил в Гоголе стойкую неприязнь к чиновничеству. Оставалось поприще писателя.

Как отмечал Александр Привалов, Нежинский лицей, который окончил Гоголь, был, по сути, почти обыкновенной гимназией и не давал таких познаний, как лицей Царскосельский. Но все же у его выпускников было представление о главных героях европейской и только еще становящейся русской художественной литературы, – героях, которые, при всех их слабостях и падениях, несут в себе возвышенные, благородные начала. В лицее была библиотека, в которой находились и книги авторов, не входившие в школьную программу, и любознательные юноши при желании могли их читать.

Когда Гоголь задумал и все более глубоко осмысливал свою поэму, ему, вероятно, казалось, что образ Чичикова достоин встать в один ряд с всесветно известными литературными героями. С теми, которые пробуждают и вечно будут пробуждать лучшие человеческие чувства и воспитывать благороднейшие качества в сердцах читателей.

Конечно, Чичиков – не Гамлет и не Фауст, не Дон-Кихот и не благородные герои Шиллера. Но у него есть и преимущества перед теми героями. По замыслу Гоголя, Чичиков, с детства воспитанный в духе идеи о всепобеждающей силе копейки, запутавшийся в махинациях с «мертвыми душами» и в гораздо более тяжких проступках, подчас на грани уголовного преступления, затем под влиянием встречи с положительным героем, человеком святой жизни, преображается. Он сам становится праведником, а далее и светом для других, начиная «цепную реакцию» добра. Как Чичиков после беседы с Костанжогло уже грезил о праведной жизни помещика, мудро ведущего свое хозяйство и наставляющего своих крепостных уму-разуму, выполняя тем самым обязанности дворянина перед государством и христианина перед Богом, так и Гоголь уже видел

своего героя на пути к преображению. Можно ли было бы тогда, в случае должного воплощения авторского замысла, считать, что образ Чичикова – это один из самых глубоких образов мировой художественной литературы? Не в том качестве, в каком он уже таковым является, как персонаж в основном отрицательный – обходительный, благопристойный мошенник. А в совсем ином – как всеобщий примиритель, самого себя переделавший в христианском духе и помогающий проделать такой же путь от мрака к свету другим? А Гоголь обещал, что он покажет, наконец, миру не только преображенного Чичикова, но и целый сонм других героев, величавые образы русских людей, доблестных мужей, богатырей, исполненных благородных качеств, девицы невиданной душевной и телесной красоты.

Случаи полной переоценки героев литературных произведений не так уж редки. Обломов долго воспринимался просто как лентяй, предпочитавший валяться на диване, а не заниматься делом. Но в давних дневниках Михаила Пришвина, а затем в книге Юрия Лощица «Гончаров» (серии ЖЗЛ) я прочитал, что Обломов – вовсе не лентяй, это натура героическая: если он загорится великой идеей, то пойдет на любой подвиг ради нее и совершит удивительные дела. А если великой идеи нет, то заниматься теми делишками, каким предается большинство обычных людей, ему не интересно, уж лучше тогда на диване поваляться.

К.Леонтьев считал: Обломову противопоставлен в романе Штольц, всегда занятый делом, точнее, приобретательством. Но Штольц – немец, и ему такая деятельность вполне подходит. Чичиков, если хотите, это русский Штольц, тоже занятый приобретательством. Но если Штольца никакая идея с пути приобретательства не повернет, то Чичиков, кажется, и в пылу погони за выгодой будто ждет какого-то дела, более достойного.

Гоголь считал себя прежде всего поэтом, стремившимся создать «идеал прекрасного человека… тот благостный образ, каким должен быть на земле человек…». Однако, считал он, «нельзя устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости…». Если сначала вызвать у читателей чувство ужаса и омерзения от современного ему общества, то можно будет пробудить у общества в целом и в каждом отдельном индивиде желание стать лучше, приблизиться к идеалу. А как Гоголь представлял себе этот идеал? Ведь он хотел представить читателям «русскую Россию». Разумеется, это у него не получилось и не могло получиться по причинам, о которых говорилось выше.

В последние годы жизни Гоголь все чаще задумывается над тем, чтобы уйти в монастырь, стать монахом. Он принял близко к сердцу мысль, широко распространенную тогда среди монашествующих: «монах для мирянина – это как ангел для монаха». Я не богослов, но закрадывается подозрение, что это грубейшее искажение христианского идеала. Можно спасти свою душу, праведно живя в миру, и можно погубить ее, неподобающе проживая в монастыре. Христос не случайно напомнил предупреждение пророка Исайи: «…приближаются ко Мне люди сии устами своими, и чтут Меня языком, сердце же их далеко отстоит от Меня; но тщетно чтут Меня, уча учениям, заповедям человеческим» (Мф 15:7 – 9). Опыт истории свидетельствует: увы, слишком часто место Божественных заповедей в жизни людей занимали доморощенные учения человеческие. И в монастыре подчас многим насельникам, как и мирянам вне монастырских стен, оказывается трудно соблюсти главное условие святости жизни: «если кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною, ибо кто хочет душу (жизнь) свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня, тот обретет ее…» (Мф 16:24—25).. У Бога могут быть Свои критерии святости людей, не совпадающие с нашими представлениями, и в конце света «будут двое на поле: один берется, другой оставляется…» (Мф 24:40). Не будем забывать евангельсую притчу «О неимеющем одеяния брачна» (Мф 22:1 – 14).

В то же время одному из его корреспондентов, «занимающему важное место», который тоже хотел стать иноком, Гоголь рекомендует оставить подобные мысли и продолжать служить государству. Почему? Потому что «наш монастырь – Россия». Вот в этом борении двух устремлений – спасать свою душу в монастыре или спасать Россию от неминуемой беды, и прошел последний период жизни писателя.

С точки зрения той цели, которую ставил перед собой Гоголь, его жизнь прошла бесплодно: того, что он считал главным, ему так и не удалось написать. А то, что во всем цивилизованном мире считают гениальными творениями писателя, Гоголь считал недостойным своего таланта и был готов отречься от них.

Не знаю, в чем секрет нынешнего всплеска внимания к творчеству автора «Мертвых душ» на Западе. То ли в том, что там нутром чувствуют: в поэме Гоголя кроется что-то очень важное для постижения той тайны «славянской души», над которой ломают головы европейские авторитеты вот уже столько веков. То ли, напротив, образы уродов, созданные Гоголем, должны подтвердить убеждения людей Запада, что от России и впредь нельзя ожидать ничего хорошего. Русским же людям новое, более

глубокое понимание образа Чичикова, которым восхитились современники и почитатели Гоголя, думается, не грозит. Если Россия одолевает нынешнюю смуту и готовится сказать то спасительное для человечества слово, которое, как считают многие, лучшие люди мира от нее ждут, то это будет не слово Гоголя. И прозвучит оно не от имени возродившегося к новой жизни Чичикова. Хотя не следует пренебрегать предостережением Гоголя от «страшной, потрясающей тины мелочей, опутавших нашу жизнь», если оно звучит от имени писателя, построившего все свое творчество именно на обыгрывании мелочей. Как и предостережением от пустоты «холодных, раздробленных, повседневных характеров», каковые Гоголь и изображал. Ну, а его призывы устремить души людей к высокому, светлому и прекрасному остались благим пожеланием, не подкрепленным ни художественными образами, ни личными данными писателя.

Почему же эти замыслы писателя остались неосуществленными?

Михаил Саяпин противопоставил Гоголя Есенину. Есенин был величайшим певцом революции: его знаменитая «кабацкая лирика» – это символическое выражение состояния опьяненности подвигом души русского человека, впервые за столетия вышедшего на широкую историческую дорогу (вот почему так люто ненавидели его Бунин с одной стороны и Бухарин с другой). А Гоголь, как уже отмечалось, высмеивал страсть русского человека к подвигу, хотя и заявлял постоянно о своей любви к России. Поэтому я бы назвал его «любящим недоброжелателем России».

Важнейший пробел в русской литературе

Гоголь, как уже отмечалось, не создал ни одного живого, светлого образа русского человека, а человеком более или менее деятельным у него оказывались приобретатели типа Чичикова и Костанжогло. Это было и личной трагедией Гоголя, и следствием некоторых особенностей русской классической литературы XIX – начала XX века.

Эта литература справедливо считается одним из самых существенных вкладов русского народа в сокровищницу мировой культуры. Один западноевропейский мыслитель писал, что писатели Запада напоминают ему детишек, делающих куличики в песочнице у ног двух гигантов – Льва Толстого и Достоевского. Но, конечно, этот перечень русских гигантов далеко не полон. Разве Пушкин, Тургенев и Чехов не под стать той паре? Однако и у этой великой литературы были свои слабые места.

Русских классиков упрекали в том, что они не создали ярких образов творцов, созидателей, и этот упрек во многом справедлив. А не создали они этих образов потому, что не осознавали истинного положения своей страны, того, что Россия практически сразу же после Смуты начала XVII века все более превращалась в криптоколонию (скрытую колонию) Запада, или, как называл ее публицист Борис Кагарлицкий, в «периферийную империю». Уже с царствования Анны Ивановны страна находилась под немецкой крипто-оккупацией (если выражаться в стиле Дмитрия Галковского).. Цари, затем императоры России династии Романовых стремились ввести Россию в ряд «цивилизованных (западноевропейских) стран, европеизировать русский евразийский народ, нередко не останавливаясь перед самыми крутыми мерами, чтобы сломить его сопротивление этому надругательству.

Первые Романовы испытывали сильное польское влияние (передававшееся, в том числе, и через деятелей – выходцев из западных областей и из Малороссии – Симеона Полоцкого и др.), о чем говорилось выше. Петр I подпал под обаяние маленькой, но могущественной тогда морской державы Голландии и вознамерился превратить Россию в большое подобие Голландии. В царствование Анны Ивановны в России хозяйничали немцы. Елизавета Петровна чуть было не вышла замуж за французского короля, Россия воевала на стороне Франции в Семилетней войне, французское влияние в России заметно усилилось. Петр III даровал русскому дворянству «вольность» (то есть разрешение не служить государству), но оставил за ним земли и крепостных крестьян (которые за службу и давались). В беседе с Михаилом Ломоносовым этот мимолетный царь изложил свой взгляд на то, как он собирается превратить русского мужика в цивилизованного европейского бауэра. Екатерина II подтвердила указ о вольности дворянской, а, приняв участие в разделе Польши, переняла из этой разделенной страны самые свирепые формы крепостного права, на что народ ответил крестьянской войной, потрясшей самые основы государства. Екатерина вновь раскрыла двери России перед немцами, в том числе и перед немецкими колонистами, но одновременно вела переписку с французскими энциклопедистами и вообще старалась сделать свой двор космополитическим и самым блестящим в Европе, превзойдя пышность Версаля. Образовались в России и круги англоманов.

Александр I, как победитель Наполеона, взявший Париж, ввел Россию в ряд самых могущественных государств Европы, где господствовали французский язык и французская культура.

Однако засилье немцев в российских верхах было столь сильным, что русский генерал на вопрос царя, как его наградить за подвиги, попросил «произвести его в немцы». Николай I, царствование которого началось с подавления восстания декабристов, среди которых оказались представители наиболее аристократических родов русского дворянства, сделал своей опорой немцев, в особенности остзейских баронов. Эта картина сохранялась до конца правления Романовых. Представительство немцев в рядах высшей бюрократии, в руководстве вооруженными силами и при дворе императора было превосходящим, совершенно непропорциональным доле немцев в населении России.

До конца XIX века русская литература создавалась преимущественно дворянами – представителями наиболее европеизированного сословия русского общества. Пушкин гордился своим 600-летним дворянством, но воспитывался в Царскосельском лицее – этом рассаднике космополитических идей, был камер-юнкером и входил в высший свет. Пушкинистка Кира Викторова доказала, что отношение Пушкина к Романовым, особенно к Петру I, Екатерине II и Александру I, было очень скептическим, но он, опасаясь сурового наказания (вряд ли тут дело ограничилось бы ссылкой в Бессарабию или даже на Соловки), так зашифровал свои суждения, что ей понадобились десятилетия труда на разгадку этих ребусов. (Свою книгу об этом ей удалось опубликовать лишь незадолго до смерти.) Мог ли Пушкин в этих условиях выступить против засилья немецких криптооккупантов в России? И все русские классики, вплоть до Толстого и Достоевского, получали образование и воспитывались на западный манер, и тем из них, кому удалось преодолеть поставленные им в юности рамки, это далось большим трудом.

Вот наглядный пример того, что ожидало тех, кто осмеливался хотя бы намекнуть на немецкое засилье в России. Молодой Юрий Самарин написал брошюру «Письма из Риги», где говорилось о бедственном положении крестьян и всех слоев населения при владычестве немцев в российской Прибалтике и высказывалось негодование по поводу антирусских действий нового начальника края князя Суворова. Брошюра ходила в рукописи. И что же? Самарин был арестован и доставлен в петербургскую тюрьму. Допрашивал его сам Николай I. Он считал, что Самарин гораздо более опасный преступник, чем декабристы, ибо покусился на опору трона – на немцев. Но почему же именно немцы стали опорой императора? Николай пояснил: «Русское дворянство служит России, а немцы служат династии». Правда, после покаяния Самарина он был отпущен,

выслушав отеческое наставление царя. Был арестован и Иван Аксаков за резкие выражения в письмах к родным, вскрытых тайной полицией. Николай и от него потребовал объяснений. Прочитав «ответы» Аксакова, царь удовлетворился этим и приказал выпустить арестанта на свободу. Но до смерти Николая, оба они, как и почти все другие славянофилы, находились под подозрением. Вот и попробовал бы в такой обстановке кто-нибудь из русских классиков, даже если бы он и осознал, что страна оккупирована, выступить против наглых пришельцев!

Ну, а если режим антинародный, то откуда же взяться тогда в России деятельному человеку, творцу истории, созидателю? Путь приобретательства, который избрал Чичиков, был органичен для обрусевшего немца Штольца, но русскому дворянину уподобиться купцу, торгашу? Пушкин был первым поэтом в России, который жил на доходы от своих стихотворений, до того и это считалось дурным тоном. Стихи слагались для души, для преподнесения властвующим особам, для украшения альбомов светских дам, в общем, не корысти ради. Можно было стать чиновником, но ведь это означало быть сотрудником колониальной администрации. И даже если это не осознавалось, все же чиновники в большинстве своем служили не ради укрепления мощи Отечества, а ради карьеры как таковой – ради продвижения по служебной лестнице, окладов, орденов (как в «Анне Карениной» честно служил Каренин).

Это не означает, что в России не было вообще деятельных людей, героев, самоотверженно служивших Родине. Еще «птенцы гнезда Петрова», русские моряки и казаки, преодолевая подчас немыслимые трудности, осваивали моря Северного Ледовитого океана и берега Охотского моря, позднее дошли до Амура и Сахалина. В 1803—1806 годах русские моряки совершили первое для них кругосветное путешествие. Освоение Сибири и Дальнего Востока – это целая эпопея, исполненная героизма. Русские путешественники сделали множество открытий и на южных рубежах России, а позднее и в других странах (как Александр Булатович в Эфиопии или Пржевальский в Монголии и Тибете). Но эти деятели оставались вне поля зрения литераторов (хотя Пушкин писал историю Камчатки). Русские воины проявляли чудеса храбрости на войнах, которыми судьба Россию не обделила, этим повезло больше, особенно героям Отечественной войны 1812 года. Да и нет такой области народной жизни, где русские не проявили бы чудеса героизма. И все же ярких типов героев созидательного направления дореволюционная русская литература не создала.

Западная литература в этом смысле отчасти богаче, там есть

типы созидателей промышленных и банковских империй и т. п., но все это в рамках буржуазного общества, главное там – не собственно герои, а способы их обогащения и достижения общественного признания. И потому советский опыт положил начало новой эпохе в мировой литературе.

Михаил Саяпин считал, что «феномен Обломова абсолютно непонятен советскому человеку. Если бы нам в школе не объясняли, что, как и почему, то мы бы воспринимали это образ как патологию: «Больной, наверное…»

Советская эпоха открыла в русском человеке волю – и столько воли, что ее можно отправлять на экспорт (недаром курдские партизаны зачитываются Николаем Островским, а в Китае с триумфом проходил многосерийный фильм по книге того же Н. Островского «Как закалялась сталь»). Но старая Россия, Россия угнетенная, полуколониальная, бесконечно сетовала на безволие своих подданных. И это, наверное, лучшая иллюстрация к чудовищной деморализации русских людей во времена «Российской империи»». Но снова напомню: еще Михаил Пришвин, а позднее Юрий Лощиц высказывались в том смысле, что Обломов вовсе не лентяй, это натура даже героическая: позови его на великое дело – и он жизни ради него не пожалеет. А если нет великого дела, есть лишь «делишки», то и мараться участием в них не стоит, уж лучше тогда валяться на диване. В колониальной стране, «верхи» которой не осознавали национальных интересов и были чужды духу народа, великих дел не было и не предвиделось. Поэтому Обломов, видимо, был все же для того времени жизненным типом, не случайно возникло понятие «обломовщина», и в литературе и обществе завязалась целая полемика по поводу того, что это такое.

Но ведь были же еще при жизни Гоголя русские писатели, которые создавали образы не просто «лишних людей», но и сверхчеловеков. Михаил Саяпин так характеризует Лермонтова:

«Лермонтов – это предтеча *экзистенциализма* с его известным принципом: «порок столь же абсурден, как и добродетель». Точнее, экзистенциалист-романтик (последнее уже дань времени). В центре его творчества – сверхчеловек, вырывающийся из царства необходимости в царство свободы. Необходимость уютна и жалка, свобода неистова и смертельно опасна. Наиболее отчетливо это проявилось в «Герое нашего времени»: типичный обитатель сферы необходимости – Максим Максимович, а сферы свободы – разумеется, Печорин. Но зачем же нужно прорываться наверх, в царство свободы? **А затем, чтобы понять, что жизнь бессмысленна!** Благо понять это можно только там. Точнее даже, что жизнь *противоосмысленна:* ее тайная цель – посмеяться над

достойнейшими из человеческого рода, вплотную подступившими к разгадке тайны жизни, вырвавшимися из круга обыденных представлений. Служака-обыватель каждой клеточкой мозга ощущает глубокую осмысленность своего жалкого существования, а ирония автора выражает его позицию по отношению к этой примитивной уверенности; только один Печорин оказывается достойным познать, что жизнь – это ничто. Арбенин на голову выше своего пошлого круга – и что же? Только то, что он удостоен осознать игру всесильного *рока* в жизни, воплощенного в Неизвестном. Жизнь создана для того, чтобы губить лучших своих детей – таков пафос и в «Песне про купца Калашникова» и в пр.».

Гоголь тоже давал оценку творчеству Лермонтова. Как поэт, Лермонтов «уже с ранних пор стал выражать то раздирающее сердце равнодушие ко всему, которое не слышалось еще ни у одного у наших поэтов. Безрадостные встречи, беспечальные расставанья, бессмысленные любовные узы, неизвестно зачем заключаемые и неизвестно зачем разрываемые, стали предметом стихов его и подали случай Жуковскому весьма верно определить существо этой поэзии словом: *безочарование*… В его сочинениях прозаических гораздо больше достоинства. Никто еще не писал у нас такой правильной, прекрасной и благоуханной прозой».

Я привел эти строки не для того, чтобы «поссорить век нынешний и век минувший». Мне кажется, что у Лермонтова и Гоголя есть еще одно общее свойство. Лермонтов тоже, как и Гоголь, видел и изображал демонов, а затем утверждал: «И в небесах я вижу Бога», обращался к Божьей Матери как к «теплой заступнице мира холодного». А ровной, теплой, спокойной веры, как и Гоголь, он, кажется, не имел.

Вернусь еще раз к «Мыслям» Михаила Саяпина, который сравнил «Живые мощи» Тургенева и «Сталь» Николая Островского:

«Русскую классическую и советскую литературы трудно сравнивать: советская действительность не знала усадебной жизни, а русская литература – производственных романов.

Но есть одна занятная точка пересечения их (по тематике). Это «Живые мощи» и «Как закалялась сталь».

В сравнении их, как мне представляется, прекрасно видны достоинства и недостатки той и другой.

«Живые мощи» – глубина, философичность, христианский гимн *всепобеждающей слабости* (сквозная тема Тургенева) и любви к жизни.

Казалось бы, «Сталь» не тянет на сравнение с «Мощами». Но

есть и у нее свои «эксклюзивные» достоинства.

«Сталь» – это гимн *деятельному русскому человеку,* творцу истории – типу, которого не знала русская классика. Корчагин за немногие годы прожил жизнь, насыщенную событиями на несколько жизней; он был *хозяином истории,* ее творцом. И вот он тоже превращается в «живые мощи» и, лежа в неподвижности, слушает – не «как растет трава» (Тургенев), а как гудит стронутый с места им, Павкой, вал Истории.

Удивительно, но литература XIX в. не отразила героев, преодолевающих свою немощь. Хотя примеры были: слепой поэт Козлов или тот безрукий-безногий калека, что сумел стать известным богомазом. Но литература предпочитала изображать обломовых и «лишних людей».

А Корчагин – это еще одно подтверждение наблюдения Бердяева о том, что в эпоху индустриализации сам антропологический тип русского человека в очередной раз изменился. (Сомневающимся в этом рекомендую взять фотографию т. Кирова и, перерыв дореволюционные альбомы, найти хоть что-то похожее.)»

И выходит, что советская литература, о которой в среде эстетствующих интеллигентов принято отзываться снисходительно-пренебрежительно, – это великая литература, в отображении человека-творца истории ставшая **вершиной мирового литературного творчества** и имеющая непреходящее всемирно-историческое значение.

Кто и за что ценит Гоголя?

Так почему же в современной России снова больше чтят Гоголя как примирителя и религиозного писателя, проповедника духовно-нравственных ценностей, а не как обличителя язв николаевской России? Потому что сегодня ситуация сложилась во многом схожая с той, что была до Октябрьской революции. Снова в России стали необычайно острыми противоречия между богатыми и бедными, между либералами-западниками у власти и большинством народа. И либералам снова понадобился примиритель, чтобы хотя бы оттянуть момент неизбежного их позорного конца. Они в силу традиции Гоголя продолжают почитать не как художника, а как носителя и проповедника духовно-нравственных ценностей, о которых он в действительности и понятия не имел (он признавался, что пришел к Христу «протестантским путем» и, по сути, так и остался протестантом). Те лирические отступления и публичные признания в любви к людям и к России, которые воспринимаются

как проявления его высокой духовности, в действительности были либо «декларациями о намерениях», либо бледными перепевами ярких высказываний Отцов и Учителей Церкви, современных Гоголю ярких духовных пастырей. С православной точки зрения, насколько я могу судить, это – в большей или меньшей степени дискредитация христианства. Но то понимание России, которое представил Гоголь, востребовано нынешними либералами у власти и потому поддерживается ими. Впрочем, оно по душе и многим служителям Церкви, поскольку Гоголь вел себя как образцовый прихожанин, молился, соблюдал посты, регулярно исповедовался и причащался.

Почитают Гоголя и как проповедника якобы патриотической, на деле ложной идеи единства двух братских славянских народов – русского и украинского. И никакие провалы российской политики в отношении Украины не могут убедить наших либералов в том, что «незалэжная» необратимо сделала свой, исторически и цивилизационно оправданный, выбор в пользу Запада и против (или хотя бы в ущерб) России.

«Демократы» и диссиденты славят Гоголя как обличителя власти чиновничества (номенклатуры) в России и потому как одного из первых «демократов» и диссидентов. К тому же Гоголь отчасти оказался пророком – по крайней мере, в двух отношениях. Во-первых, он предсказал появление Плюшкина – знаменитого коллекционера, в собрании которого было свыше миллиона экспонатов, но в беспорядке – рядом с шедеврами (которые потом стали ценнейшими музейными сокровищами) находились вещи, интереса не представляющие. Многие посетители галереи этого коллекционера как раз и сравнивали ее собрание с кучей всякой всячины в комнате гоголевского Плюшкина.

Во-вторых, Гоголь обратился с призывом: «Где же тот, кто бы на родном языке русской души умел бы сказать нам это всемогущее слово «вперед»? Веки проходят за веками, полмильона сидней, увальней и болванов дремлет непробудно, и редко рождается на Руси муж, умеющий произнести его, это всемогущее слово…» Сегодня Гоголь мог бы порадоваться: в России объявился муж, который произнес: «Вперед, Россия!» И даже написал статью под таким названием.

Пожалуй, в нравственном отношении ценность гоголевского наследия этими двумя моментами и ограничивается, хотя в художественном отношении творения его фантазии, если только не принимать их за изображение России и русского человека,

переживут века.

Но если «Мертвые души» и другие его произведения – не поэма о России и о русском человеке, то что же это такое? Гоголь сам в поэме же и ответил на этот вопрос: это трактат на нравственную тему, наставление, обращенное к каждому из читателей, чтобы русские люди обрели «идеал прекрасного человека… тот благостный образ, каким должен быть на земле человек…» Только трактат этот преподан в художественной форме.

Но почему же трактат-то – коллекция «свиных рыл»? А потому, что Гоголь был убежден: «нельзя устремить общество или даже все поколение к прекрасному, пока не покажешь всю глубину его настоящей мерзости…» В принципе и такой метод допустим (как лекцию о путях воспитания идеально здорового человека могут начать с показа того, к чему привели некоего бедолагу пьянство, курение и развратный образ жизни). Другой вопрос – насколько он эффективен.

Трактат у Гоголя не получился, во всяком случае, никто его так не воспринял. Но художественная форма была столь великолепна, что начнешь читать сочинение с таким странным, даже пугающим названием, – и не можешь оторваться. Гениальный художник, ничего не скажешь. Но не пророк, не мыслитель, не исследователь русской души, даже не проповедник (или неудачный проповедник).

Гоголь исказил образ Пушкина, представив его как заурядного пошляка. И хотя Пушкин смеялся, слушая чтение комедии «Ревизор» автором (на ее премьере он не присутствовал в связи с трауром по случаю смерти матери), вряд ли такой «диалог» с Хлестаковым был ему приятен. Тут Гоголь показал, что он, по пословице, ради красного словца не пожалеет и мать-отца.

Так что же, Гоголь был злоумышленником, который «подсуропил», по выражению Романа Звягина, русским, подсунув вместо героев прохиндея и враля?

Ни в коем случае. Гоголь сознательным врагом России не был. Тут просто проявилась его натура малоросса, «казака», смотревшего свысока на крестьянина, на занимающегося хозяйством барина или на чиновника.

Гоголь и был призван поучать Россию и человечество. И таким всеобщим учителем он останется до конца дней. Из 14 томов академического собрания его сочинений пять составляют письма. И большинство их – это либо поручения заняться его делами (достать денег, хлопотать об издании его сочинений и пр.), либо поучения, наставления, «рацеи». А Гоголь велик тем, что сделал как художник, и приписывать ему несуществующие

заслуги нет никакой необходимости.

Есть и еще один момент, важный для оценки степени актуальности произведений Гоголя для современных россиян.

В обстановке того системного кризиса, который переживает ныне Россия, деморализации ее народа, особенно русского народа, чрезвычайно важно восстановить достоинство русского человека. А его, это чувство достоинства, всячески стремятся подорвать мощные силы как за рубежом, так и внутри страны. Но эта непрекращающаяся кампания началась не сегодня и не вчера, к ней были причастны, подчас неосознанно, и те деятели культуры прошлого, которых продолжают подымать на пьедестал и в наши дни. Среди них не последнее место занимает гениальный русскоязычный писатель из Малороссии Николай Васильевич Гоголь.

Никакие экономические, социальные и политические преобразования в России не увенчаются успехом, если не будет соблюдено главное условие: надо в русском человеке, ныне, как никогда за всю историю нашего народа, униженном и оскорбленном, возродить его честь, совесть и собственное достоинство. Не стану приводить примеров страшного нравственного падения значительного слоя наших соотечественников, они у всех на слуху. Могут ли такие действительно «мертвые души» воспрянуть, стать настоящими людьми и патриотами своей Отчизны? Вот это сегодня, действительно, вопрос вопросов, ибо Россия станет такой, каким будет русский человек. А Гоголь все свое творчество посвятил как раз исследованию человека и, прежде всего, как он сам полагал, исследованию русского человека. Все творчество Гоголя – это восхищение возможным совершенством и величием человека и скорбь о его недостойном бытии.

Розанов сказал о России удивительные слова: «Русская жизнь и грязна, и слаба, но как-то мила… Может быть, народ наш и плох, но он – **наш** народ, и это решает все». А Гоголь этого не понимал и не чувствовал, потому что русский народ не был для него своим народом. И его повествования о чужом ему русском народе вплелись в тот поток, которому суждено было сыграть заметную роль в нашей истории:

«Дьявол вдруг помешал палочкой дно: и со дна пошли токи мути, болотных пузырьков, – писал Розанов… Это пришел Гоголь. За Гоголем все. Тоска. Недоумение. Злоба, много злобы. «Лишние люди». Тоскующие люди. Дурные люди.

Все врозь. «Тащи нашу монархию в разные стороны». – «Эй,

Ванька, ты чего застоялся, тащи! Другой минуты не будет».

Горилка. Трепак. Присядка. Да, это уж не «придворный менуэт», а «Нравы Растеряевой улицы…».

Розанов очень любил свою жену (вторую, мать его детей), с которой он вынужден был жить вне церковного брака, потому что первая жена, Аполлинария Суслова, более известная, как любовница Достоевского, не давала ему развода. Жена, пожалуй, была для Розанова идеалом человечности, и у нее был очень добрый характер. И все же она очень не любила читать Гоголя, ненавидела его за то, что он осмеивал «подлецов» (Чичикова и др.) Если и бывают подлецы, – говорила она, «вы их и не знайте. Если я увижу, тогда и… скажу «подлец». Но зачем же я буду говорить о человеке «подлец», когда я говорю **с вами.** Когда мы здесь, когда мы что-нибудь читаем или о чем-нибудь говорим, и – слово «подлец» на ум не приходит, потому что вокруг себя я не вижу «подлеца», а вижу или обыкновенных людей, или даже приятных».

Мне хотелось бы добавить одно замечание к следующему заключению Михаила Саяпина: «Выполнив отрицательную часть своей работы по «исправлению» Великороссии на украинский манер, Гоголь решил приступить к части положительной: созданию идеала русского человека. Но… во время этой работы он с ужасом понял, что привычка к измельчению стала его второй натурой, что он безнадежно заземлил свой талант… и в страшных мучениях умер».

А мне думается, что **трагедия Гоголя не в том, что он заземлил свой талант привычкой к измельчению создаваемых им образов. Гоголь как человек, естественно, с годами менялся, но как художник оставался таким же, каким впервые приехал в Петербург. У него был именно такой талант, какой он полностью и реализовал, нарисовав полные бесовщины картины жизни украинцев и пытаясь обратить анекдот из русской жизни в высокое художественное произведение. То есть он замахнулся на творения, к которым у него таланта от роду не было, и никакая «работа над собой» с постами и молитвами этого таланта дать ему не могла.**

Андрей Белый так определял **значение Гоголя:**

«Тот, кто осознал себя «великим», был мал, мелок, малокультурен; тот же, кто в Гоголе себя «великим» не сознавал, – тот огненно сотрясал проходящим сквозь него током, взрывавшим все, защищаемое «мещанином во дворянстве»; тот открыл глаза всей России на ее действительность; и тот учил до желания «поучать».

Довгочхунов изобразил Гоголь-художник в их настоящей, мещанской участи; Герцен уже был близок к формуле мирового мещанства. Гоголь же до него в образе дворянина дал образ… мирового мещанина…»

И вот его **понимание образа Чичикова:**

«Чичиков приколот к Наполеону, выразителю господства сословия, передовой фалангой которого оказались приобретатели-спекулянты. Чичиков вынесся во второй том из первого: получить науку жизни у безродного Костанжогло, имеющего миссию: оборвать в провал ту Россию, которую хотел спасать Гоголь; Гоголь не понял для него страшной динамики капиталистического процесса, сметающего помещиков, пролетаризирующего крестьян, перерождающего его генерал-губернатора в куклу, которую за ниточку дергают: Костанжогло и миллионщик Муразов. Гоголь ощупал лишь в Чичикове голодного червя-солитера, метающегося и туда и сюда (между «все» и «ничто») со своей страшной тройкой в поисках за его ожидающим «колдуном», способным научить выгону деньги из рыбьих чешуй» (как это делал Костонжогло)… «бред вмешался в прогноз роли капитализма, который, по Гоголю, спасет-де Россию; от гибнущего и пепельного переднего плана – к фону, воспринимаемому и с ужасом, и с восторгом («поперечивающее себе» «бесовски-сладкое» чувство отщепенцев Гоголя) – полет русской тройки: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа». Дадим ответ мы: от Плюшкина к… Костанжогло; такова диалектика образов независимо от четкого сознания, которого в Гоголе нет… И мечта Гоголя во всей второй половине его жизни – совершенное отречение от мира, монашество».

О Гоголе можно писать всю жизнь и так и не исчерпать этой темы. Ограничусь сказанным, для подтверждения моей главной мысли этого, на мой взгляд, достаточно.

Будем благодарны Гоголю за творения его буйной фантазии, за художественные шедевры, но не станем приписывать ему то, чего у нет и не могло быть: постижение характера русского человека и судеб России.

Не станем также отнимать у Украины ее важную часть национального достояния – ее великого писателя только на том основании, что он писал о России и на русском языке.

Гоголь был и остается гениальным украинским русскоязычным писателем, и спасибо украинскому народу за то, что он взрастил такого гения, принадлежащего к вершинным фигурам художественного наследия человечества.

Уроки Пушкина, или Каким надо стать русскому человеку

Пушкин и наши дни

Великие исторические события и деятели подобны звездам переменной яркости. Они светят ровным светом сквозь века, но вдруг в определенные моменты вспыхивают с небывалой силой, давая целым народам возможность разобраться во мраке окружающей действительности. И когда мы чтим их память, отодвигаются на второй план даже самые «горячие» события текущей политической жизни. Так, День Великой Победы мы каждый год отмечаем как единственный праздник, объединяющий всех нас, независимо от политических взглядов, уровня культуры или вероисповедания. А 6 июня всех нас так же объединяет память о нашей путеводной звезде, Пушкине, о котором давно сказано коротко и ясно: «Пушкин – это наше все».

Ну, а сейчас, когда в стране наступили нелегкие времена, настало самое время всем нам вместе задуматься над тем, кем же стал для нас Пушкин, какое место занял он в нашей жизни в это переломное для России время. Мой ответ на эти вопросы будет кратким: Пушкин – это не только сладкозвучный «небом избранный певец», но и учитель, посланный России судьбой, который порой преподает нам прямые уроки для назидания на примерах воплощений добра и зла, а чаще высказывает лишь «намек, добрым молодцам урок».

Сколько веков ждать русским расцвета?

Напомню всем известные слова Гоголя, написанные еще в 1832 году: «Пушкин есть явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в его развитии, каким он, может быть, явится чрез 200 лет». Но 200-летие со дня рождения Пушкина мы отметили в 1999 году, да и до 200-летия со дня гибели поэта – по большому счету рукой подать. А что-то не похоже на то, что русский человек обрел тот свой гигантский потенциал, о котором говорили все наши великие патриоты, что он продемонстрировал полноту своего развития. Скорее наоборот, вряд ли когда прежде за эти два столетия русский народ – и «верхи», и «низы» – падал так низко, был так унижен и деморализован, как в наши дни. Во власти перевелись великие люди, государственные деятели мирового

масштаба, которых и в стране, и в мире могли любить или ненавидеть, но в их громадном историческом значении отказать им не могли. Народ в значительной своей части превращается в дебилов и люмпенов, интеллигенция, особенно так называемая творческая, все больше подтверждает, что она представляет собой отнюдь не мозг нации…

Сам Пушкин, «по расчисленью философических таблиц», относил перспективы расцвета России, по крайней мере, в отношении развития производительных сил, комфорта и преодоления одной из «двух главных бед России», на сроки более отдаленные: «лет чрез пятьсот…»

Другой пророк русской интеллигенции, Достоевский, в своей знаменитой пушкинской речи, приведя слова Гоголя о том, что Пушкин – явление чрезвычайное, добавил: «и пророческое». И сделал вывод, ошеломивший и приведший в восторг слушавших его интеллигентов:

«…назначение русского человека есть бесспорно всеевропейское и всемирное. Стать настоящим русским, стать вполне русским, может быть, и значит только… стать братом всех людей, всечеловеком, если хотите… Для настоящего русского Европа и удел всего великого арийского племени так же дороги, как и сама Россия, как и удел своей родной земли, потому что наш удел и есть всемирность, и не мечом приобретенная, а силой братства и братского стремления нашего к воссоединению людей… О, народы Европы и не знают, как они нам дороги! И впоследствии, я верю в это, мы, то есть, конечно, не мы, а будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и воссоединяющей, вместить в нее с братскою любовию всех наших братьев, а в конце концов, может быть, и изречь окончательное слово великой, общей гармонии, братского окончательного согласия всех племен по Христову евангельскому закону!»

Десятилетия спустя после речи Достоевского русские стали участниками двух мировых войн, объектом агрессии со стороны Запада, жертвой бесчисленных провокаций с его стороны, и никакого изменения отношения к нам со стороны «цивилизованного мира» как к варварам не наблюдается. Россия превращена в криптоколонию Запада, высасывающему из нее все соки (при посредничестве туземных наших олигархов – как русских, так и не очень). И хотя верящих в то, что Россия скажет миру спасительное для всех слово у нас (среди пишущих) немало,

пока оно, это слово, не произнесено, да при нашем колониальном положении и вряд ли может быть высказано. Сегодня впору бы обратиться к русским людям не с призывом обниматься с европейцами, а, напротив, с предупреждением, что «товарищ волк» (выражаясь словами Владимира Путина) ходит вокруг наших границ едва ли с добрыми намерениями. Да и внутри страны пока еще далеко от гармонии в межнациональных отношениях, и власть принимает закон за законом против экстремизма и ксенофобии, преимущественно защищая другие этносы от агрессии русских, а не наоборот.

С известными ограничениями можно признать правоту предвидения еще одного пророка, много сделавшего для раскрытия величия гения Пушкина (которого он, правда, вряд ли адекватно понимал), – Белинского:

«Завидую внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году, стоящую во главе образованного мира, дающую законы и науке и искусству и принимающую благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества…»

Это предвидение в большой мере сбылось именно к 1940 и особенно к 1945 году, когда советский народ (стержнем которого был русский народ) спас мир от нацистской чумы. Русского советского человека той поры, когда он ощущал себя победителем вселенского зла и верил, что на свете нет препятствий, каких он не мог бы одолеть, по праву можно было бы назвать «джентльменом XX века». Но, разумеется, принимал он «благоговейную дань уважения» не от всего «просвещенного» человечества, а лишь от его «прогрессивной» части. Напротив, ненависть реакционной части к русским росла по мере успехов и роста влияния Советской России. Но Россия сама разрушила советский строй, который давал ей силу и могущество, а гражданам СССР – невиданные в истории социальные блага, и сегодня, при взгляде на современное состояние русских, слова Белинского можно принять едва ли не за насмешку.

К слову сказать, что если Пушкин явил собой редчайший пример всеобъемлющего творческого гения, то в повседневной жизни, в быту, в поведении в обществе он вовсе не подходил на эталон «русского человека в полном его развитии». Но это так, попутное замечание.

Так какие же уроки можем мы извлечь из творческого наследия Пушкина, если иметь в виду задачу формирования характера русского человека начала XXI века?

Русский кодекс чести

Каждый самобытный поэт – это философ, потому что он создает свой, неповторимый образ мира. Пушкин же – философ вдвойне: он раскрыл нам нашу сокровенную внутреннюю природу и оставил предостережения, смысл которых мы только сейчас начинаем осознавать. Мне сегодня в пределах небольшой статьи можно остановиться лишь на современном смысле двух-трех его вершинных произведений.

Прежде всего тут вспоминается его «Капитанская дочка». Андрей Петрович Гринев не захотел, чтобы его сын Петр служил в Петербурге, в лейб-гвардейском Семеновском полку, в который был записан:

«Петруша в Петербург не поедет. Чему научится он, служа в Петербурге? Мотать да повесничать? Нет, пускай послужит он в армии, да потянет лямку, да понюхает пороху, да будет солдат, а не шаматон…» И отправил Петра служить в Оренбургскую губернию, тогдашнюю глухомань, но недалеко от границы России, где возможны были опасные ситуации. И вот какой наказ дал он сыну при расставании:

«Прощай, Петр. Служи верно, кому присягнешь; слушайся начальников; за их лаской не гоняйся; на службу не напрашивайся; от службы не отговаривайся; и помни пословицу: береги платье снову а честь смолоду».

В книге это наставление занимает всего три строчки, а сколько в нем смысла! В нем, таком аскетическом, по сути, изложен целый кодекс чести русского служивого человека. Примечательно, что это не выдумка Пушкина, – подобные наставления встречались не раз в произведениях русских писателей и государственных деятелей XVIII века. Почти в таких же выражениях обращался в поучении сыну российский историк и видный чиновник Василий Татищев. И Петр Гринев, которому всего-то пошел семнадцатый год, хотя и попадал по молодости в неловкие положения, остался верен отцовскому наказу, неписаному закону русской службы Отечеству.

Люди русского характера

Я не собираюсь писать трактат о творчестве Пушкина, а обращу лишь внимание читателей на значение образов его положительных героев для нашего времени. Отец и сын Гриневы, капитан Миронов и его жена, да и сама капитанская дочка – это люди с твердым сознанием долга. Этих людей можно обмануть, объегорить, можно воспользоваться в корыстных целях их простодушием, но ИХ НЕЛЬЗЯ СЛОМИТЬ. Капитан Миронов мог бы купить жизнь, признав (как Швабрин) Пугачева великим

государем, но он, оставаясь верным долгу, и стоя у виселицы, твердо отвечает: «Ты мне не государь, ты вор и самозванец, слышь ты!» Петр Гринев легко мог бы оправдаться перед следственной комиссией, призвав в свидетельницы Марию Миронову, но самая мысль о том, что эта бесконечно дорогая ему девушка может быть втянута в судебное разбирательство, показалась ему настолько ужасной, что он предпочел бы любой приговор такому бесчестью. И можно не сомневаться: если бы Маше не удалось добиться его оправдания (что легко могло бы случиться, не встреть она государыню), Петр и самую казнь смертную принял бы так же мужественно.

Почему это так важно подчеркнуть именно сегодня? Потому что корень всех нынешних бед России – не столько в нынешнем общественном строе и конкретных лицах у кормила власти, даже не столько в распределении собственности и стихии всеохватывающего воровства, сколько в отсутствии у большинства русских людей наших дней ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВОЛИ И НРАВСТВЕННОГО СТЕРЖНЯ В ХАРАКТЕРЕ. Возможно, сегодня достаточно было бы иметь два десятка таких людей, как Петр Гринев, объединенных идеей служения России, чтобы изменить ситуацию без каких-то сверхъестественных усилий и потрясений. Ведь суть нынешнего кризиса в России – не в экономике, не в политике (хотя они тоже способствуют его углублению), а в мировоззренческом, духовном и нравственном провале. Идея социализма скомпрометирована, идея капитализма окончательно дискредитирована самими ее носителями, а идея русской цивилизации едва начинает пробивать себе дорогу. Коммунисты утверждают, что «Россия исчерпала лимит на революции» именно тогда, когда идеологическая и мировоззренческая революция стучится в дверь. И можно представить, что могли бы сделать два десятка Гриневых, объединившихся наподобие французских энциклопедистов XVIII века.

Но их нет, этих Гриневых, или же они есть, но разбросаны, живут в разных местах, не зная друг о друге, и скорбят поодиночке о бедственном положении страны. Вспомним, почему кучка большевиков смогла взять власть в Октябре 1917 года, хотя им противостояла вся государственная машина недавней могущественной империи? Только потому, что она была сплочена единой волей и пониманием единственно возможного пути выхода страны из кризиса, тогда как их политические противники со всей армией и репрессивным аппаратом были безыдейны и деморализованы.

Это – пример урока Пушкина на положительных образах (я говорю о Гриневе). А теперь – пример обратного свойства,

поясняемый на образах «Пиковой дамы», вещи философской, мировоззренческой, глубоко полемической. В чем же ее смысл?

Бог и бессознательные богоборцы

Одним из важнейших откровений христианства (а Пушкин был христианин, хотя и невысоко ставил тогдашнюю Русскую Православную Церковь) является концепция личностного Бога. Бог – это Личность, живая, со своими пристрастиями и предпочтениями (при этом совершенно справедливая и всеблагая). И это Существо повелевает миром. Впрочем, и человек может стать Его соправителем – надо только подружиться с Ним. (Ведь Христос в последний вечер Своей земной жизни, на Тайной вечери, назвал Своих учеников уже не рабами, а друзьями, – Ин 14:14). Но чтобы стать другом Бога, нужно Его полюбить. А это не просто – Бог ревнив и требует любви полной: «Аз есмь Господь Бог твой, да не будут тебе бози инии разве Мене» (кроме Меня). Для христианина Господь и Бог наш Иисус Христос – это высшее воплощение красоты, благородства и святости, и Он принимает только такую всеохватывающую любовь: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, недостоин Меня, и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот не достоин Меня» (Мф 10:37—38). Такая любовь не всякому дана, иногда, чтобы обрести ее, нужен нравственный подвиг. А у человечества всегда есть соблазн добиться своего без таких усилий, например, отыскать «сверхзаконы природы», конечные, «объективные», которым и подчиняется мир. А, следовательно, и Бог. Древние греки, например, поступали просто: они за сверхзакон принимали Рок, которому были вынуждены подчиняться и сами боги вплоть до Зевса (что с такой сверхчеловеческой силой выражено в знаменитом хоре из «Антигоны» Софокла). Но и фетишизация научного, «сциентистского» мировоззрения тоже приводит к такому уклону: для одних ученых мир – это «волновая функция», для других – программа, которую надо прочитать. А в конечном счете получается богоборчество.

Вот чем занимается Германн, задавшись целью отыскать «три карты»! Он внутренне всегда был уверен в том, что есть какой-то магический шифр, который может открыть тайну мироздания. И вроде бы этот шифр он получает. Но проигрывается. Почему?

Несмотря на огромную работу по осмыслению своего провала, проделанную им в «17-м нумере Обуховской больницы», причина этого так и осталась для него непонятной. Куда хуже, что она оказалась непонятной и для пушкинистов (Ходасевич, например, считал, что Германн просто «обдернулся», и все тут – с

кем не бывает!)

А между тем ответ ясен: последнее условие было ловушкой, которую Германн не заметил: «ты должен жениться на Лизавете Ивановне». Жениться? Что ж, ради трех карт можно пойти и на такое! Но ему и на миг не пришло в голову, что для женитьбы нужно согласие двоих.

Но Лизавета Ивановна никогда не даст согласия: ее вынесли без чувств с похорон графини после того, как она окончательно увидела суть души Германна (человек, у которого нет никаких нравственных правил и ничего святого!) и, как в триллере, осознала ту пропасть, у края которой находилась.

Германн не понял, что миром управляет свободная воля – свободная воля людей так же, как и Бога. Нет и не может быть никаких «трех карт»: если бы они были, подлость оставалась бы ненаказанной, а противостоящая рациональности добродетель – не вознагражденной.

«Германны» наших дней

Пушкин предвидел многие коллизии современного мира, корни которых кроются в этом неосознанном богоборчестве ученых, литераторов, политиков, высоколобых интеллектуалов. Это богоборчество проявилось, например, в фетишизации генетики, которая якобы нашла свои «четыре карты» – аминокислоты, из которых состоит ДНК, и вот-вот вроде бы даст ответы на все вопросы. Хотя она не может даже членораздельно объяснить, как это из совершенно одинаковых клеток получаются многоклеточные организмы, в которых клетки строго специализированы. А дальше «евгеника», наука о выведении породы «лучших людей», клонирование человека и другие потуги на переустройство мира по собственному разумению.

Другим проявлением «сциентистского богоборчества» стала гонка вооружений с «урановыми рудниками» и полигонами (и никто из ее устроителей, наверное, не вспомнил пушкинское стихотворение «Анчар»). А что ожидает мир, если его судьбы будут решать «цивилизованные германны», можно видеть на примерах «гуманитарных акций» НАТО в Югославии и в Ираке, в Афганистане и Ливии.

Но, пожалуй, самым ярким проявлением богоборчества в общественных науках и в политической жизни стала позиция российских либералов, которые, исходя из корыстного собственного интереса и желания навязать свою волю мирозданию, решили повернуть ход истории и построить в нашей стране капиталистическое общество по западному образцу. У них

объявились свои «три карты» – «свобода личности», «права человека» и «гражданское общество». И как Германн, не получив от старухи-графини желанный ему ответ о тайне трех карт, направляет на нее пистолет, так и либералы, не встретив сочувствия в народе, показали, что готовы «переломить через колено» не понимающую их страну. Хочу кратко пояснить эту мысль, поскольку идея либералов стала основой политики ельцинской (да во многом и после-ельцинской) России.

Дружба с Богом вообще несовместима с эгоизмом и паразитизмом, а капиталистическое общество, так желанное либералам, – это воплощение того и другого. Коренная ошибка либералов и всех прочих антисоветчиков заключается в непонимании ими того, что 70 лет Советского периода нашей истории – это не какой-то непонятный зигзаг мирового процесса, а всемирно-исторический поворот, происшедший не без воли Бога, хотя осуществлявшие эту революцию русские люди могли считать себя безбожниками. Здесь ярко проявилась жизненность евангельской притчи о двух сыновьях, как рассказал ее Сам Христос:

«А как вам кажется? У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь, и не пошел. Который из двух исполнил волю отца?» (Мф 21:28—31).

Либералы убеждены в том, что «нормально» лишь такое общество, где царит традиция «священной и неприкосновенной частной собственности», и только они поэтому могут быть «хозяевами жизни», хотя им совершенно чужды понятия правды и справедливости. А монархисты, мечтающие о возврате к еще более далекому прошлому, тоже о правде не заботились, но вдобавок еще носили нательные крестики и выстаивали молебны, а потому были уверены в своей «богоизбранности». Словом, и те и другие, как второй сын из притчи, сказали Господу: «иду», – и не пошли. А простые русские люди, осознавшие несправедливость прежних порядков, не поднимая на щит заповедь Божию, восстали против них и водворили правду, как ее понимали, и этого их всемирно-исторического завоевания никому надолго не отнять. Вот почему нынешний либеральный курс обречен, его не спасут никакие комбинации и махинации. Он осужден народом, историей и Богом. Либеральные ценности даже обсуждать нет смысла – они уже труп.

Правда, и противники либералов, назвавшие себя патриотами, – это тоже «германны», только на свой лад. У них

есть свои «три карты»: красное знамя, портрет Сталина и колбаса за два двадцать. Их ошибка – в том, что они считают, будто достаточно вступить в партию патриотов, как человек уже становится патриотом и может направлять развитие страны к «счастливым временам застоя», тогда как подлинный патриотизм непременно требует подвига, деятельного участия в решении тех задач, которые история поставила перед страной. А история требует, чтобы Россия из страны индустриальной эпохи превратилась в страну эпохи информационной (парадокс в том, что нам, из-за гибельного курса либералов, приходится пройти через фазу почти до-индустриальной эпохи). При этом история идет только вперед – и никогда вспять, даже тогда, когда, по-видимому, делает такой зигзаг.

Быть ответственными!

Словом, «германнов» всякого рода у нас ныне хоть пруд пруди, и, увы, они своими манипуляциями с «тремя картами» увлекают очень многих наших легковерных соотечественников. Значит, очередной урок Пушкина очевиден: русским людям нужно перестать быть слишком доверчивыми, надо воспитывать себя в духе ответственности за свои слова и дела и строго спрашивать со своих вождей в случае серьезных поражений. А ныне ведь привычна такая картина: либералы уверяли, что стоит отпустить цены, те возрастут в два – три раза, зато «развернется конкуренция» между товаропроизводителями, товары станут дешеветь, а на каждый ваучер россияне получат по две «Волги». Но цены выросли в 10 000 раз, затем поднялись еще выше, ваучеры обернулись пустыми бумажками. И никто за этот обман не понес ответственности. В свою очередь «народно-патриотические» вожди уверяют, что победа близка, – стоит лишь выиграть президентские выборы. Выборы проиграны – не беда: вот объявим президенту импичмент. Импичмент провалился – и снова словоблудие насчет грядущей победы, а безответственные вожди остаются все те же.

Убивать «германнов» смехом!

Еще важно отметить два качества пушкинского Германна. Первое: «непреклонность его желаний и беспорядок необузданного воображения». Второе: «имея мало истинной веры, он имел множество предрассудков». Чтобы противостоять германнам с такими пороками, надо вырабатывать и воспитывать, широко распространит, ту особенность русского менталитета,

которую Пушкин определил как «веселое лукавство ума, насмешливость и живописный способ выражаться» (или, как говорил В.О.Ключевский, «самый дорогой дар природы веселый, насмешливый и добрый ум»). И тогда новоявленных германнов будут убивать смехом. Мы, к сожалению, знаем «Пиковую даму» скорее по опере Чайковского, которая представляет собой гениальное музыкальное творение, но, по сути, не имеет с повестью Пушкина ничего общего, а потому уроки поэта до нас плохо доходят.

Изучать Пушкина по его творениям, а не по спектаклям

Наконец, два слова о бесконечно дорогом всем нам «Евгении Онегине». Рассказывают, будто раз А.Ахматова и Ф.Раневская решили пофантазировать, как бы выглядел конфликт Ленского и Онегина в наше «неромантичное» время. Раневская разыграла сценку, в которой Ленский порывался набить морду Онегину, затем они мирились и шли выпивать. Считавшаяся солидным исследователем Пушкина Ахматова от души смеялась; ей и не пришло в голову, что пафос пушкинского эпизода ссоры двух друзей как раз в том, что Пушкин был бы рад, даже если бы она разрешилась столь комичным образом. Ведь он рассказал о покалеченной иностранной модой молодежи (да-да, у нас, под влиянием опять-таки оперы Чайковского, Онегина представляют зрелым мужем, тогда как на самом деле он такой же юнец, как и Ленский), об англомане и германофиле, которые, под влиянием модных представлений о чести, начали стреляться по первому пустяковому поводу. И Онегин (само имя которого Евгений означает «благородный») убил своего друга, не замышляя и не имея против того ничего плохого по существу (правда, рискуя быть убитым этим другом).

Дорогу – самоотверженным!

И, главное, Пушкин говорит нам о необходимости избавиться от эгоизма, от взгляда на людей только как на средство для достижения наших целей: «Все предрассудки истребя,/ Мы почитаем всех нулями,/ А единицами – себя./ Мы все глядим в Наполеоны;/ Двуногих тварей миллионы/ Для нас орудие одно…» Но великая цель не может быть достигнута, если в народе не возобладают люди самоотверженного склада.

Но Пушкин – это не поэт философов. Он выявил, показал глубины национального подсознания, неосознанного русского

мировоззрения, которое давно бы уже дало миру свои ответы на многие вопросы нашего времени, если бы оно было не так засорено чужеземным влиянием, если бы оно было проявлено до конца. Как и всякий другой национальный гений, Пушкин явился «магическим кристаллом», в котором в концентрированном виде изобразился породивший его народ. И этот образ оказался родным и узнаваемым. («И долго буду тем любезен я народу…»)

Услышим же призывы Пушкина, усвоим его уроки, в них – залог успехов в нашем служении России. И уроки Пушкина особенно важны сейчас, когда начинает развертываться национально-освободительная борьба русского народа как продолжение Октябрьской революции, а либералы, дрожа от страха перед неминуемым возмездием, предпринимают отчаянные попытки через «десталинизацию» остановить неумолимый ход истории.

Религия, философия

Философия краха, или Крах философии *(Православный взгляд на диалектический материализм и философию вообще)*

Я есмь Лоза, а вы ветви; кто пребывает во Мне, и Я в нем, тот приносит много плода; ибо без Меня не можете делать ничего.

Иоанн 14:5

…философия есть… современная ей эпоха, постигнутая в мышлении…

Г.-Ф. Гегель

От редакции журнала «Эпоха»:

Известный публицист Михаил Федорович Антонов, решительно отвергая немецкую классическую и марксистскую философии, приходит к выводу о ненужности для православного человека философии вообще. Религиозная же философия, по его мнению, – понятие несостоятельное. Такой взгляд может показаться странным. Однако относительно религиозной философии подобный взгляд высказывает, например, Шопенгауэр: надо верить либо философствовать. Правда, Шопенгауэр выступает с позиций защиты прав и возможностей философии. Вопрос о том, нужна ли она вообще, достижимы ли ею поставленные цели, обсуждался не только в пределах христианской теологии, но и в рамках других философских направлений, в частности, позитивизма и марксизма.

В статье А. В. Гулыги «Философия сегодня» проводится мысль о том, что философия ныне уже исчерпала свои возможности, остается лишь изучать ее историю. Словом, вопрос не так прост, как может показаться человеку, для которого сам факт многовековой истории философской мысли уже служит достаточным оправданием ее существования и необходимости.

Текст статьи М.Антонова:

Очевидный для всех крах попыток построения социализма – коммунизма в СССР и странах Восточной Европы поставил нас перед необходимостью осмысления мировоззренческих основ марксизма. Ведь если основы здоровые, а неверны были пути практического их воплощения, – это одно, тогда можно

попытаться достичь поставленных целей, идя другими путями. Если же основа гнилая – это другое дело, тогда ложна сама цель, и новые эксперименты, попытки ее достижения бессмысленны и недопустимы. В становлении учения о социализме – коммунизме важная роль принадлежит немецкой классической философии (от Канта до Гегеля и Фейербаха). Ленин называл ее одним из трех источников марксизма.

Разбору немецкой классической философии посвящено несчетное количество работ марксистов. Думается, сегодня мог бы представить интерес и взгляд на нее с точки зрения православия, изложить который до недавнего времени в советской научной или хотя бы популярной литературе было невозможно.

Основоположник немецкой классической философии Кант попытался охватить своим взором всю Вселенную и во всеоружии этого знания ответить на самые главные вопросы бытия: «что я могу знать? что я должен делать? на что я смею надеяться? и как сумма всего: что такое человек?» Без ложной скромности он излагает основы подлинной, по его мнению, науки, которой он и учил, а именно – «подобающим образом занять указанное человеку место в мире» и из которой «можно научиться тому, каким надо быть, чтобы быть человеком». Человек призван создать сферу безусловной моральности – культуру, которая есть «последняя цель природы», но в этом своем труде ему, по Канту, непозволительно надеяться на помощь сверхъестественных сил. Философ не признает Бога как Зодчего Вселенной, а отводит ему роль лишь творца того хаотического вещества, из которого по законам механики возникло современное мироздание.

Человека Кант считает по природе злым, но с начатками добра, и видит цель морального воспитания в том, чтобы добрые задатки одержали победу над злыми. Для этого необходима революция в образе мыслей и чувств. Но одному человеку совершить ее невозможно, для этого необходима «этическая община» – церковь. Кант противопоставляет христианство как высшую форму религии, требующей от человека быть моральным, иудаизму с его ветхозаветными заповедями, которые по существу являются принудительным законом достижения господства над всеми другими народами. В то же время он отвергает чудеса, божественные тайны, благодать, просвещающую силой божественного авторитета нашу нравственность, необходимость молитвы, церковных обрядов, посещения храма. Человек должен сам определить и создать себя, неуклонно следовать тому, что он считает своим долгом.

Казалось бы, философия Канта должна была удовлетворить

всех. В ней прекрасно говорилось о призвании человека и о его моральном долге, о Боге и о церкви, о науке и об искусстве, о всесилии разума и в то же время – о его ограниченности (ибо разум не может доказательно решить вопросы, есть ли Бог, конечен ли мир в пространстве и времени, – это дело веры), о бессмысленности войн и о благах вечного мира, словом, вряд ли найдется крупная проблема, привлекавшая внимание тех, кто сделал своей целью «любовь к мудрости» (именно так переводится на русский язык слово «философия»), которой бы Кант не коснулся. А на деле удовлетворения не давал и не дает. Почему?

Ленин, как материалист, критиковал философию Канта за уступки идеализму, которые, по его мнению, вели к вере в Бога (См. ПСС, т. 18, с. 206). Вряд ли он здесь прав, ведь главную опасность для религии (по крайней мере, в современных условиях) представляют не материалистические, а именно идеалистические философские учения. Искренне верующий не примет всерьез утверждения материалистов, будто Бога нет, но может заинтересоваться учением идеалистов, что Бог есть, но это не какая-то конкретная Личность (например, Христос), а некое Первоначало всего, Абсолютный Дух и т. п., а отсюда – один шаг до атеизма. Не случайно Маркс отмечал, что философия «сначала вырабатывается в пределах религиозной формы сознания и этим… *уничтожает религию…» (Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. Т. 26. Ч. 1. С 23. Курсив мой. – *М. А.)*.

С иной позиции подвергли критике философию Канта русские мыслители-идеалисты. Вот как охарактеризовал ее П.А. Флоренский: «Нет системы более уклончиво скользкой, более «лицемерной» и более «лукавой», нежели философия Канта: всякое положение ее, всякий термин ее, всякий ход мысли ее есть ни да, ни нет». Такая «лукавая» философская система имеет религиозные корни: истинная религиозность – это воплощенный Логос, или культ. «Но Кант, до мозга костей протестант, не знал культа в его собственном смысле… Единственная осмысленная реальность для него – он сам, и поставление себя в безусловный центр мироздания (а в этом – существо западноевропейского духа нового времени), заранее… побуждало дать такую систему мысли, по которой культ был бы невозможен». Кант придерживался традиционного для западноевропейской мысли понимания культуры как всего, что сотворено человеком, в отличие от данного природой. Но тогда в нее включаются и Евангелие, и сатанинские произведения, и храм, и кабак. «Для расценки ценностей, – продолжал Флоренский, – нужно выйти за пределы культуры и найти критерии, трансцендентные ей». Иначе

придется обожествить культуру в целом и себя в ней, принять идею «человекобога», из которого мгновенно «выглянет и звериная морда». Словом, «не я в Истине, но Истина во мне» – вот ориентировка Кантовой философии» («Богословские труды». Сб. 17. М., 1977. С. 122—128)..

Итак, если прежние идеалистические философские учения, так или иначе, вели к Богу, то протестант Кант в соответствии с догматами своей веры ухитрился создать такую систему, в которой Бог вроде бы есть (этим она неприемлема для материалистов) – это любовь, и в то же время Его как бы нет (что делает ее чуждой искренне верующим). Верить в будущую жизнь необходимо (без этого нет морали), но что это такое – неясно. Церковь нужна, но это не единство Пресвятой Троицы, ангельских чинов, усопших святых и всех ныне живущих верующих, а этическая община. Христианство выше и нравственнее иудаизма, но оно существует как бы без Христа. А раз на искупительную жертву Христа и Его помощь рассчитывать не следует, то человеку в его нравственном совершенствовании приходится полагаться только на себя, на свою волю (мне при этом вспоминается всегда герой рассказа Лескова «Железная воля»). У такого человека есть долг перед своей совестью (следовательно, критерий нравственности у каждого свой), но нет долга перед Богом, мирозданием, природой, обществом. Словом, философия Канта явилась воплощением западноевропейского индивидуализма в сочетании с протестантским жизнепониманием. Дальнейшее развитие немецкой классической философии, при всех ее достижениях в частностях, не только не устранило этих органических пороков системы Канта, но порой и значительно их усугубило. Так, И. Г. Фихте, отбросив Кантову «вещь в себе», построил систему субъективного идеализма, в центре которой – деятельность мистического «Я»; создающего весь мир, в том числе и конкретные индивидуальные «я». Спрашивается, зачем же было уходить от Бога, чтобы заменить Его этим мистическим «Я»? Да и зачем вообще философская система, если вывод ее создателя таков: «Какую философию ты выбираешь, зависит от того, что ты за человек». Развивая некоторые тенденции в сторону объективного идеализма, намеченные И. Г. Фихте, Ф. В. Шеллинг создал философию тождества субъекта и объекта, идеального и реального, а важнейшим фактом познания считал интуицию, присущую лишь немногим избранным. По его мнению, закономерный процесс – единство духа и природы, субъекта и объекта, свободы и необходимости – открывается только вере, а условие исторического и нравственного прогресса заключается в Боге, но

ведь мы уже видели, что такое Бог по понятиям философов-протестантов. Отдав большую дань фатализму, Шеллинг закончил «философией откровения», основанной на религиозном опыте и отвергающей всякую философию, основывающуюся на разуме.

Русский философ С. Н. Булгаков показал, что вершина немецкой идеалистической философии – система Гегеля – это лишь тщетная попытка путем логических умозаключений сотворить, «подобно Богу», а точнее, в противовес Ему, мир из «ничего», и увидел в этой величественной философской системе проявление люциферианской гордости гениального немецкого философа. Еще раньше философию Гегеля подверг суровой критике И. В. Киреевский, показавший, что она есть переложение на язык философских терминов миропонимания так называемого здравомыслящего обывателя *(Киреевский И.* В Критика и эстетика. М. 1979. С. 303—308). Он показал также, что философские системы Гегеля, его западноевропейских предшественников и последователей нисколько не подвигают вперед решение высших вопросов человеческого бытия, а, следовательно, обрекают род людской на тупое прозябание. Даже умнейший человек не может стать выше своего миро– и жизнепонимания, «ибо человек – это его вера» (Там же. С.334).

По понятиям православного человека, системам немецких философов-идеалистов присущи крупнейшие недостатки.

Во-первых в них Бог присутствует лишь номинально, прикрывая самообожение философствующего субъекта, это совсем не тот Бог, каким Он представлен в православном символе веры. Это не Христос (а, следовательно, если не сам Антихрист, то помощник ему).

Во-вторых, в них нет истинно христианского понимания трехсоставной природы человека. Отцы Церкви учат, что природа человека включает тело, душу и дух. Пища, питье, одежда, обувь, жилище, движение, спорт и пр. удовлетворяют потребности тела; музыка и все прочее, что действует на чувства, – потребности души; к духовной же жизни относится лишь то, что связано с **высшими вопросами человеческого бытия,** определяет смысл жизни человека, понимание им своего места в мироздании и своего высокого призвания. Это – область религии, связь с Богом. Выдающийся русский православный подвижник и мыслитель, святитель Тихон Задонский писал, что в норме тело должно получать пищу от души, душа – от духа, а дух – от Бога, и тогда человеку суждено бессмертие. Когда же эта естественная связь нарушается в высшем звене, то есть дух теряет связь с Богом, он начинает поглощать душу, душа – тело, а тело – мертвую

материю, и в итоге человек закономерно обретает смерть. В немецкой философии, на первый взгляд, категория «дух» занимает важнейшее место, однако сами догматы протестантизма свели духовность к душевности. Там, где нет Бога-Промыслителя, нет и Духа, от Него исходящего, а потому «дух» немецкой философии – это, так сказать, «бездуховный дух».

В-третьих, православие не просто говорит о духе, но и различает принципиально разные виды духовности. Есть Святой Дух и исходящая от Него благодать, но есть и нечистый, сатанинский дух, склоняющий человека ко греху. А все, что умаляет Святой Дух, объективно служит духу сатанинскому.

В-четвертых, согласно православию, любые попытки самоусовершенствования, творения добрых дел и пр. без опоры на Христа безблагодатны и успехом увенчаться не могут, часто приносят душе огромный вред. Поэтому, когда вместо единственно верного пути усовершенствования – обожения – предлагается путь чистого умозрения, то этим человек как бы сам себя ставит на место Бога: сатана тем и прельстил Адама и Еву – «будете как боги…». Такие философские системы и служат основой для идеологии покорительства как в отношении природы, так и в отношении других людей, для всевозможных проявлений человекобожия и сатанизма, уже поставивших в наши дни планету на грань катастрофы.

Жизненная бесплодность идеалистических систем заставила, наконец, и мыслителей Германии обратиться к материализму, особенно в учении Фейербаха, оказавшего большое влияние на Маркса и Энгельса и ставшего, по выражению последнего, «концом немецкой классической философии». С.Н. Булгаков в статье «Религия человекобожия у Л.Фейербаха» показал, что это учение представляет собой искусственно сконструированную религию, в которой место Бога занял бог-человечество Она стала философским обоснованием стремления человечества (по словам Достоевского) «устроиться без Бога», причем вполне и окончательно. Но ей присущи еще большие пороки, чем идеалистическим системам. Для верующих Бог есть абсолютное совершенство, а для бого-человечества роковым и неразрешенным остается вопрос: куда же деть всю слабость и порочность падшего рода людского? Из такой ложной религии с неизбежностью вытекают идолопоклонство и человеконенавистнические идеи и устремления тех, кто претендует на господство «избранной расы» или «настоящих людей».

Вообще последовательно проводимый материализм неприемлем хотя бы потому, что неизбежно приводит к мертвой и аморальной системе, не признающей ничего святым и

превращающей мораль в условные правила поведения. Ведь если нет загробной жизни, то мало того, что в этом земном существовании «все дозволено». Напрасны и все наши хлопоты о достойных похоронах, гражданской панихиде с проникновенными словами («спи спокойно, дорогой товарищ!»), обращенными к покойному. Нелепа и установка памятников на могилах и т. п. Материализм в принципе требует прагматического подхода: умер человек, его уже нет, и надо утилизировать его останки: например, кожу – на галантерейные фабрики, мясо на консервы для свиней, кости – на костную муку и пр. В определенные периоды человечество доходило и до этой грани… Но так как подобный подход, проявись он откровенно, отвратил бы людей своей бесчеловечностью, материалистам приходится вводить в свою систему шкалу моральных ценностей. Но вследствие этого материалистические философские системы неизбежно эклектичны, они паразитируют лишь на том, что открывает человечеству идеализм.

Широко распространено понимание философии как некоей «науки наук», высшего знания, имеющего дело с абсолютной истиной и претендующего на исчерпывающее объяснение мира и жизни. Но еще С. Н. Булгаков в своей книге «Философия хозяйства» убедительно показал, что, во-первых, жизнь есть процесс логически-алогичный, тогда как наука (в том числе и философия) – это система логических построений, объясняющая процесс односторонне и неполно; во-вторых, всякая наука (и философия тоже) опирается на некую совокупность аксиом. И как в геометрии сосуществуют системы Евклида и неевклидовы, так и в философии возможно множество не сводимых друг к другу систем, в зависимости от принятых на веру исходных положений.

Разрушительный характер влияния немецкой классической философии на общество отметил Ф. И. Тютчев *(Тютчев Ф. И.* ПСС. СПб. Том 1.1913. С. 298). Свое неприятие исключительно рационалистических теорий, к каким относятся системы немецких философов-идеалистов, высказывал В. И. Вернадский (см. «Прометей». Т. 15. М., 1988. С. 119).

Многие русские мыслители не только критиковали абстрактные философские системы, но и высказывали убеждение в том, что непременным условием правильного понимания является любовь: «Когда человек любит, он проникает в сущность мира» *(Пришвин М. М.* Незабудки. М. 1969. С. 146—147 и 30). Так у русских мыслителей преломилась главная евангельская заповедь: «любите друг друга», и в уклонении от нее они видели признак несостоятельности немецкой классической философии. И сколько бы ни сдувать с нее (и с других, родственных ей, учений)

«идеалистическую шелуху» и ни искали в ней «рациональные зерна», на этой основе нельзя выработать мировоззрение, способное дать людям основу для гармонического строя жизни в согласии с природой и друг с другом. Не смогли сделать этого и Маркс с Энгельсом, учение которых представляет собой во многих отношениях шаг назад в осмыслении жизни по сравнению с гениями немецкой классической философии.

В самом деле, с появлением христианства возникло представление о человеке как о личности, сознательно делающей выбор между святостью и грехом, на основе свободного акта воли. Поскольку протестантизм (во многом как бы христианство без Христа) есть движение назад от христианства к иудаизму, вскормленная протестантизмом классическая философия утратила понимание *личности,* заменив ее абстрактным *индивидом.* Маркс пошел еще дальше и от внеисторического абстрактного индивида перешел к социальным типам людей: пролетарию и буржуа, крепостному и феодалу, рабу и рабовладельцу, тем самым полностью упустив неповторимость внутреннего мира каждого человека.

Если православное христианство видит смысл жизни человека в обожении, в восстановлении богоподобия, утраченного вследствие грехопадения, а протестантизм – в моральном усовершенствовании своими силами, то философия марксизма нацеливает прежде всего на изменение внешнего мира, которое якобы создаст предпосылки для совершенствования внутреннего мира индивида. Следовательно, она, по сути, лишает человека подлинного смысла жизни и потому должна быть определена как бессмысленная.

Маркс по существу вообще отвергает понятие духовности, для него духовное есть материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней. Следовательно, философия марксизма должна быть определена как принципиально бездуховная. По совокупности этих ее недостатков появление философии марксизма и ее торжество на значительной части планеты нельзя рассматривать иначе, как громадный шаг назад в духовном развитии человечества. С чисто духовной точки зрения – это торжество сатанинского начала над божественным, хотя до конца света в мире падшего человека ни то, ни другое начало, очевидно, не может проявиться в чистом виде. Маркс и Энгельс лишь вульгаризировали философию в материалистическом духе. Ленин пошел еще дальше в этом же направлении. Стремясь представить Ленина великим мыслителем, ленинцы опубликовали его не предназначавшиеся для постороннего читателя «Философские тетради» (с заметками при чтении книг

Гегеля, Фейербаха и других), однако тем самым оказали ему медвежью услугу. Заметки Ленина показывают, во-первых, что он читал Гегеля впервые (а других мыслителей, на которых Гегель ссылается, не читал совсем); во-вторых, что и в этот первый раз он читал Гегеля «материалистически», так сказать, выворачивая его «наизнанку», часто приписывая немецкому гению собственные мысли и догадки: «Чушь об абсолюте… Я вообще стараюсь читать Гегеля материалистически: Гегель есть постановленный на голову материализм (по Энгельсу) – т. е. я выкидываю большей частью боженьку, абсолют, чистую идею ets»; в-третьих, что многих мест у Гегеля он не понял, например, из-за незнания высшей математики: «Без изучения высшей математики все сие непонятно»; «здесь изложение какое-то обрывочное и сугубо туманное»; «неясно», «переход количества в качество в абстрактно-теоретическом изложении до того темен, что ничего не поймешь. Вернуться!!»; «Виды рефлективности… развиты очень темно» и т. д (*Ленин В. И.* Философские тетради. Л., 1934. С. 116—117).

Замечу попутно, что темнота гегелевских категорий была прояснена в советское время. Так, таинственный «скачок», «переход количества в качество» означает всего лишь изменение структуры наблюдаемого объекта. И не философы, а естествоиспытатели и практики раскрыли реальную сущность других прежде абстрактных философских категорий.

Апологеты Ленина хотят представить его мыслителем, обращающимся к философии в самые критические моменты («надо же – революция на носу, а вождь углубляется в изучение Гегеля, просит привезти ему в Разлив тетрадки с выписками!»). Но теперь очевидно, что на основе той философии, на которой он строил свою теорию, ничего путного сочинить было просто невозможно, подвел Гегель Ильича!

Единственное крупное произведение Ленина, где он затрагивал проблемы философии, – «Материализм и эмпириокритицизм», написано до знакомства с Гегелем и не поднимается выше тезиса о том, что всякое отступление от последовательного материализма ведет к идеализму, а, следовательно, к «боженьке». Проблемы, в которых философы запутались именно потому, что исключили из своих систем Бога, Ленин решает до примитивности просто, но также без Бога, ругая лишь идеалистов последними словами. А ведь наивно полагать, будто вследствие достижений науки или путем насилия удастся обеспечить полное торжество материализма и отправить идеализм на свалку истории. Материализм и идеализм – это два берега, между которыми в этом мире до самого его конца будет

протекать человеческая, прежде всего, философская мысль, а насильственное ограничение ее материалистическими рамками равнозначно выхолащиванию ее.

Человек – существо двух миров: земного и небесного. Если ему навязывать только материализм (или только идеализм), его внутренняя суть протестует против этого – и вовсе не из духа противоречия, а потому, что при этом ущемляется та или другая сторона его природы. Между тем статья Ленина «О значении воинствующего материализма», в которой он ставит задачу организовать систематическое изучение диалектики Гегеля с «материалистической точки зрения», содержит такие обвинения в адрес ученых, с его точки зрения, недостаточно критически разбирающих христианство, что за судьбу этих профессоров становится страшно…

С православной точки зрения, полный разрыв человека или общества с Богом делает деятельность людей безблагодатной и обрекает ее на неудачи. Если Бог управляет миром (хотя и не прямо, а через людей, причем не насилуя их свободной воли), а человек (или общество) хочет преобразовать этот мир по-своему, не считаясь с Божественными установлениями, то это и есть чистое богоборчество, не имеющее никаких шансов увенчаться успехом. Следовательно, неудачи с решением экономических, социальных, политических и культурных задач в СССР на основе марксистско-ленинского учения, первым из устоев которого является немецкая классическая философия, – это не результат случайных просчетов или недостаточной опытности тех или иных руководителей, а закономерный итог движения по заведомо ложному пути, при всей его для многих внешней привлекательности и кажущемся благородстве намерений. **Диалектический** материализм является основой для любого естествоиспытателя (классики марксизма сами не раз заявляли, что ученый-естественник является стихийным материалистом-диалектиком), как, впрочем, и для любого человека, занятого практическим делом, а не словесными спекуляциями. Но диалектический материализм в марксистско-ленинском толковании **оказался философией краха.**

Однако сегодня, на мой взгляд, такого утверждения уже недостаточно. Настала пора открыто заявить, что провалились планы построения не только коммунизма, но и «постиндустриального общества», «общества всеобщего благоденствия» на Западе. Во-первых, даже там до трети населения с неизбежностью оказалось за гранью нищеты («Литературная газета», 27 июня 1990 г.), пусть по нашим меркам и вовсе не такой уж ужасной (но ведь нищета – понятие

относительное, малосостоятельный человек, и владея автомобилем, все равно чувствует себя отверженным). Во-вторых, именно Запад подвел мир к экологической катастрофе. У всего человечества, по словам С. П. Залыгина, никогда еще не было столь приземленного идеала – «выживания». Кризис переживает вся планета, только в нашей стране он проявляется порой при пустых полках магазинов, а на Западе – при переполненных. Но и у нас, и там специалисты предупреждают, что человечеству, если оно не образумится и не изменит своего **миропонимания и образа жизни,** осталось существовать совсем немного, разница сроков в прогнозах исчисляется всего лишь десятилетиями. Поэтому сегодня можно и нужно говорить не только о крахе марксистской философии, но и о провале мировоззренческой основы всей западноевропейской культуры, **о крахе философии вообще.**

Философия зародилась в недрах языческой, политеистической религии, у которой в объяснении мира и в деле морального совершенствования человека есть непереходимый предел. Множество богов не давало человеку единого нравственного идеала, и философия служила как бы той «прикладной религией», которая удовлетворяла духовно-нравственные потребности язычников, причем в зависимости от различий миропонимания она могла существовать и в форме разнообразных систем, вплоть до учений агностицизма и откровенного атеизма. Христианство дало человечеству все необходимое для спасения души, для обожения личности и одухотворения общественной жизни, а потому в принципе сделало ненужной философию как своего рода «науку наук», хотя христианские богословы и использовали ее методы для разъяснения своего учения язычникам. Прекрасно зная философию, Отцы Церкви в то же время не были философами, ибо Бог неопределим никакими логическими категориями.

Миропонимание и жизнепонимание верующего человека – религиозная вера – есть плод усилий ума, сердца и воли человека, тогда как философия – лишь система понятий, основывающаяся на умственной деятельности.

В Западной Европе в Средние века философия признавалась, но играла роль «служанки богословия» (ведь даже бытие Бога доказывали силлогизмами, составленными по правилам Аристотеля), и, в конце концов, выродилась в бессодержательную схоластику, которую легко опрокинул гуманизм, ставивший в центр мироздания не Бога, а человека. Началась эпоха, которую называют эпохой Возрождения, забывая уточнить: возрождения чего? Это была эпоха возрождения язычества после тысячелетнего

господства христианства в качестве государственной идеологии. Когда человек отделил себя от Бога, а затем и противопоставил себя Ему, на смену христианству пришли либо извращенные, секуляризованные его формы, либо прямые атеистические учения. Тогда в Западной Европе создались условия для возрождения философии как самостоятельной области знания, более того, как «науки наук», своего рода атеистического эквивалента религии.

В православной восточноевропейской культурной области философия как самостоятельная область знания до XVI века практически отсутствовала, несмотря на то, что византийские и русские мыслители (исихасты, Ермолай-Еразм и др.) высказывали глубочайшие мировоззренческие идеи.

Византийские Отцы Церкви, даже те, кто получил прекрасное философское образование, в большинстве своем относились к философии отрицательно как к одному из видов чуждой христианству «эллинской премудрости» и «философским хитросплетениям». Еще святители IV века, например Афанасий Александрийский, не считали диалектику, рассудочные построения средствами познания Бога вследствие их субъективизма: «У нас, христиан, таинство боговедения не в мудрости языческих умствований, но в силе веры, даруемой нам от Бога Иисусом Христом» *(Афанасий Великий.* Творения. Свято-Троицкая Лавра. 1903. Ч. 3. С.238).

Василий Великий писал, что не только Сущность Божественная, но и сущность тварная не могут быть выражены понятиями: анализ никогда не может исчерпать содержание объектов нашего восприятия; всегда остается некий иррациональный «остаток», который от этого анализа ускользает: это – непознаваемая логическим путем основа вещей, то, что составляет их истинную сущность (см: «Богословские труды», Сб. 8. С. 22).

Иначе говоря, все хитроумные философские системы – это лишь блуждания вокруг и около сущности, никогда ее не достигающие. В той или иной форме то же утверждали святители Григорий Нисский, Григорий Богослов, Григорий Палама, преподобные Иоанн Дамаскин, Исаак Сирин, Симеон Новый Богослов и другие авторитеты Восточной Церкви (Там же. С 22—24).

Святитель Иоанн Златоуст считал философию бесполезной – учениями, показывающими духовную немощь, тщеславие, дерзость и детский ум их создателей, не сумевших постичь Бога, а нередко и запятнавших себя различными пороками и недостойными поступками. Эти «внешние» учения лишь забивают

голову и затемняют ум, мешая принять божественные вещания, слова Христа *(Иоанн Златоуст.* Слова и беседы на разные случаи. СПб., 1864. Т.I. С.163, 374—375).

Подводя итог многовековой истории развития православного богословия, выдающийся богослов XX века В. Н. Лосский писал, что Церковь боролась «и всегда будет бороться с учениями, которые, восставая на непознаваемость Бога, подменяют философскими понятиями опытное познание сокровенных глубин Божиих.

Несмотря на всю философскую культуру и естественную наклонность к спекулятивному мышлению, Отцы Восточной Церкви, верные апофатическому началу богословия, сумели удержать свою мысль на пороге тайны и не подменять Бога Его идолами. Поэтому нет философии «более» или «менее» христианской: Платон не более христианин, чем Аристотель» («Богословские труды». Сб. 8. С. 20, 22, 27).

Иными словами, всякая философия – нехристианская. Нельзя познать Бога (а, следовательно, и мир) после сытного обеда с коньячком, усевшись в мягкое кресло с сигарой в руках и пустившись в интеллектуальную игру, в обмен силлогизмами. Познание Бога (и мира) требует громадного духовного труда, обуздания своих страстей, искоренения пороков и эгоизма – это и есть «узкий путь» жизни-подвига.

Русь приняла христианство не от католического Рима, а от православной Византии. Она не только приняла православие и сохранила его в чистоте, но с помощью Бога и Его Пречистой Матери развила его дальше. Русские исихасты – круг выдающихся мыслителей, подвижников, художников и писателей, собравшийся при преподобном Сергии Радонежском, – создали на рубеже XIV—XV веков культ Пресвятой Троицы и совершили прорыв за такие горизонты миро– и жизнепонимания, какие были недоступны и нашим византийским учителям. Это был величайший взлет мировой мысли в сфере миропонимания, и такого уровня она не достигала ни до, ни после, ни на Западе, ни на Востоке. В XVI веке в России возникла грандиозная мировоззренческая система Ермолая-Еразма, основанная не на противоречии (которое позднее займет такое важное место в философских системах Запада), а на гармонии.

И, тем не менее, при всей гениальности русских мыслителей, они также не создали законченных философских систем, таких, как у Канта или Гегеля. В этом многие современные исследователи видят недостаток отечественной мысли, на мой взгляд, безосновательно. Во-первых, законченность философской системы есть признак ее искусственности, а, следовательно,

несостоятельности, свидетельство того, что это – ложное знание, ибо мир (взятый в отрыве от Бога) не замкнут и развивается. Во-вторых, никто из выдающихся русских мыслителей не порывал сознательно с православием, и даже такие эксцентричные учения, как «философия общего дела» Н. Ф. Федорова, рассматривались их создателями как развитие христианства. Лишь общий погром русских народных начал в эпоху Петра I и продолжателей его дела облегчил проникновение в Россию собственно атеистических философских учений, получивших здесь распространение в слегка подправленном виде применительно к условиям нашей страны и национальной психологии. После 1917 года диалектический материализм в марксистско-ленинской версии, насильственно навязанный народу, заполнил вакуум, образовавшийся после фактического запрещения православия.

Как на Западе, так и в неправославной России философия стала играть в Новое время роль секуляризованной религии, богословия для неверующих. Если из картины мира, какой она представлена в православии, исключить Бога, то мироздание рассыпается на части, которые потом и пытается искусственно собрать воедино философия.

Так, если нет Бога, сотворившего мир, то появляются, как разные начала, материя и дух. Если не Бог сотворил материальный мир, то материя, естественно, оказывается первичной, дух как сознание человека – вторичным, а Бог как плод сознания – уже, если можно так выразиться, третичным.

С целью увести мысль от Бога, так называемый основной вопрос философии сформулирован как вопрос о первичности материи или духа. И мы семьдесят с лишним лет, что называется, трясем друг друга за грудки, решая вопрос: «что первично?», тогда как во все времена и у всех народов практически основным вопросом философии, как и религии, был вопрос о том, как правильно и достойно, по-Божески, прожить человеку данную ему Богом жизнь. Но именно это-то высшее знание и было выброшено у нас как ненужный идеалистический хлам.

Если нет Бога как Сущности Всего, то возникает необходимость в категориях «сущность» и «явление». Для Бога нет ничего случайного, как и необходимого, ибо Он сотворил мир не под давлением какой-либо необходимости, а из чувства любви. Он дал миру законы развития, но может в любое время сотворить чудо вопреки им. Но в философии «падшего» человека, уповающего в познании и преобразовании мира лишь на самого себя, неизбежно появление категорий «случайность» и «необходимость». Бог предвечен; до сотворения мира не было времени, не будет его и в Новом Иерусалиме, грядущем Царстве

Божием. Не мир вмещает в себя Бога, но Бог вмещает в Себя мир. Но в атеистической или полуатеистической философии важнейшими категориями должны были стать «время» и «пространство». И в прочих философских категориях возникла необходимость лишь потому, что из картины мира был исключен Бог-Творец и Промыслитель.

Вторая часть так называемого основного вопроса философии связана с возможностью познания мира человеком. В философии этот вопрос ставится абстрактно, не уточняется, каким человеком: ребенком, зрелым мужем или старцем; философом или земледельцем; верующим или атеистом; устремленным к единой цели или духовно «расхристанным». Такая неясность для западноевропейской мысли не случайна. Еще И. В. Киреевский выявил важную особенность сознания западного человека: тот одним чувством познает красивое, другим – моральное, третьим – справедливое и т. д., не сводя этих разрозненных частей в единое целое, а в основе всего у него лежат законы формальной логики. Поэтому на Западе появилась, например, как особая наука, политическая экономия, которую в Древней Руси не могли бы принять не потому, что она слишком сложна и наши предки до таких премудростей не доросли, а потому, что им было непонятно, во-первых, как это можно уповать на выгоду в отрыве от нравственности, а во-вторых, зачем искусственно раздувать материальные потребности человека и потом до изнеможения трудиться ради их удовлетворения, не оставляя времени для размышлений о Боге и о смысле жизни.

Пока человек был связан с Богом, вопрос о познаваемости мира решался путем аскетического подвига. Христианство – не философия, а способ жизни, основанный на смирении, жертвенности, любви и милосердии. Чтобы познать мир, надо познать его источник – Бога. Но Его познают не построением силлогизмов, а нравственным очищением себя, преображением «ветхого» человека в «нового», и тем самым – приближением к Нему. Устранив Бога, философы создали на пустом месте сложнейшую проблему, по которой не могут договориться между собой на протяжении тысячелетий. Рационализм, присущий вообще западному миропониманию, безуспешно пытается при помощи логики, силой одного ума разобраться в том, что постигается только соединением ума, сердца и веры.

Сказанное относится не только к философии как таковой, но и к дочерним философским наукам. На место аскетики – учения о христианском подвижничестве ради стяжания благодати Святого Духа (а именно это учение наши предки считали «наукой наук и художеством художеств», то есть высшим знанием, какое может

быть дано человеку в его земной жизни) пришла этика – наука о нравственности (или морали), достигаемой человеческими усилиями, без помощи Божией. Исходный тезис «все люди – братья и сестры» имеет смысл лишь в том случае, если все они – дети Одного Отца, Бога. Если же этого нет, то все так называемые «общечеловеческие ценности» становятся условными. Безусловными они, как и этика вообще, могут быть лишь при наполнении их религиозным содержанием. Этика без религиозной основы превращается в своего рода науку об общественном договоре по поводу того, что считать нравственным, а что безнравственным. На место учения, соединяющего Добро, Истину и Красоту, пришла эстетика – наука о прекрасном (которое существует как бы независимо от морального) и т. п.

На основании изложенного можно утверждать, что, подобно тому, как дьявола зовут обезьяной Бога, философия лишь паразитировала на богословии, а материализм – на идеализме, впитывая живительные соки от здорового древа и выделяя в его ткани свой трупный яд. О бесплодности философии, особенно марксистской, говорит такой пример: кажется, нет (по крайней мере, не было до последнего времени) в стране вузовского учебника по любой дисциплине, где на первых же страницах не декларировалось бы, что излагаемая наука зиждется на принципах марксистско-ленинской философии. В свою очередь, в курсах этой философии утверждается, что она основана на достижениях науки. И никого это положение (подобное которому высмеивал Ленин: «Иван больше Петра, а Петр больше Ивана») не смущало. Несколько поколений наших соотечественников прошло эту одуряющую школу, хотя вряд ли кто-нибудь может привести пример крупного научного открытия, сделанного на основе сознательного применения законов диалектики, – и это не случайно. Подлинная диалектика – это не превращение воды в пар, а движение человеческой души в ее связи с Духом. А так называемые законы диалектики вроде пресловутого закона борьбы противоположностей использовались больше для обоснования, оправдания политических мер (репрессий в отношении крестьянства, инакомыслящих и пр.), чем для подлинно научного познания мира. Само понятие научного мировоззрения несостоятельно, ибо наука имеет дело лишь с тем, что поддается проверке опытом (так как ее критерий истины – практика), а понимание мира непременно основывается на вере (в Бога или в то, что Бога нет; ведь атеизм – тоже вера, только «с обратным знаком», если угодно – «антивера»). Изложение законов диалектики в курсах марксистской философии всегда эклектично:

один закон иллюстрируется примером из физики, другой – из химии, третий – из общественной практики и т. п. Нет ни одного курса конкретной науки, который был бы выдержан в духе системы диалектического материализма, как нет и ни одного курса диалектического материализма, который строился бы на примерах из одной области науки.

Бесчеловечен также основной принцип так называемой марксистской этики: нравственно все, что способствует победе коммунизма (иными словами – цель оправдывает средства), во многом обусловивший трагический ход нашей послеоктябрьской истории. Система идеологии, в основе которой лежала марксистская философия, стала рассадником безнравственности. В качестве нравственного идеала и героя нашего времени («делать жизнь с кого») преподносились «верные ленинцы» и «несгибаемые борцы за коммунизм», в среде которых – на всех уровнях социальной лестницы – процветали хамство, взяточничество и разврат, тщеславие и прочие пороки. А именами недостойных людей, порой уголовников, называли заводы и колхозы, улицы и города, их груди украшали созвездия высших государственных наград, в местах рождения этих лжесвятых воздвигались их прижизненные монументы или бюсты.

Поскольку статья посвящена вопросам философии, не стану разбирать два других источника и составные части марксизма (на эти темы у меня есть отдельные работы).

А здесь лишь отмечу, что английская политическая экономия – это наука о том, как из человека, превращенного в рабочую лошадь, выжать как можно больше прибыли. Французский утопический социализм – наука о том, как при помощи лишь внешних социальных отношений, без Бога и без подвига, можно достичь нравственное преображение эгоиста в сострадательного человека, создать общество всеобщего счастья и благоденствия. Эти науки первоначально несли в себе все же какие-то нормы протестантской этики и отзвуки евангельских истин, – Маркс все это отбросил, усилил антихристианский заряд прежних учений, создав теорию, полностью оторвавшую человека от Бога и высших вопросов человеческого бытия и нацелившую людей на раздоры между собой. Согласно этому взгляду, вся история есть история борьбы классов (что неверно, ибо кроме борьбы есть и сотрудничество разных органов и систем общественного организма); у пролетариата, который должен стать могильщиком буржуазии, нет отечества и вообще нет ничего, кроме его цепей (абсурдность этого положения очевидна); крестьянство – последний буржуазный класс, рано или поздно неизбежно выступающий против коммунизма (цену этой «ошибочки» мы

теперь знаем – это десятки миллионов жизней наших соотечественников и колоссальная разруха во всех сферах народного бытия). В целом марксистское учение, при всех уточнениях, внесенных Лениным и продолжателями его дела, – это учение о разрушении прежних устоев жизни общества и человека без сколько-нибудь серьезных созидательных начал, о построении новой Вавилонской башни всемирной цивилизации «по потребностям». Такая теория в принципе не могла привести СССР к процветанию, а неизбежно обрекала основанную на ней практику на прогрессирующее разорение страны.

В действительности, слава Богу, в СССР, наряду с разрушением (часто неоправданным), велась и громадная созидательная работа, были достигнуты колоссальные успехи во всех областях жизни – в экономике, науке, художественном творчестве, в образе жизни миллионов людей, получившие всемирное признание. Но это достигнуто не столько благодаря теории марксизма, сколько вопреки ей. Правящая партия решала конкретные задачи построения сильного в экономическом и военном отношении государства, руководствуясь не столько этой теорией, сколько практическими потребностями. Когда решения, необходимые для удовлетворения этих потребностей, уж очень сильно отличались от диктуемых марксистскими догмами, они объявлялись «творческим развитием марксизма-ленинизма». И для полуграмотных масс, для которых «Краткий курс истории ВКП(б)» был вершиной теоретической премудрости, такого объяснения было достаточно. Но и сам Сталин много раз говорил о том, что нам не хватает теории, а если бы она у нас была, наше движение вперед происходило бы намного быстрее и легче. Даже одно из последних высказываний великого вождя звучало совершенно определенно: «Без теории нам смерть, смерть, смерть!» Сама же марксистско-ленинская теория пылилась на полке, и лишь когда надо было очередному докладу, посвященному решению практических задач, придать вид солидного теоретического обоснования, Михаил Андреевич Суслов открывал нужный ящичек с каталожными карточками с цитатами из сочинений Ленина и отыскивал наиболее подходящую. Кроме всего прочего, эта теория была чужда духу наследия наших предков, поэтому народ, особенно русский, не принял ее, если не считать, конечно, словесной шелухи, хотя насаждали теорию марксизма всеми возможными способами столь же чуждые народу «просветители». Но эту сторону проблемы я оставляю в стороне, поскольку моя задача – выявление сущности философии с православной точки зрения, так сказать, «в чистом виде».

Мои критические замечания по поводу теории марксизма не означают, что я, например, против справедливости, в том числе и социальной. Идея справедливости и человечности в общественных отношениях не только не противоречит учению Христа, но и прямо из него вытекает. Однако христианство нацеливает на изменение общества изнутри, через обожение каждой отдельной личности. В отличие от социализма, оно не обещает «золотого века» в будущем, не рисует картин земного рая, где все люди прекрасны, благородны и гармонично развиты. Путь к совершенству с помощью Божией – трудный, «узкий путь», и немногие его находят. Зато те, кто его нашел или ищет, образуют Церковь – братское общество личностей, уже здесь, на земле, достигших в той или иной мере того блаженства, какое уготовано святым в раю. Остальная часть общества, не преображенная светом христианского учения, – это «мир», который «во зле лежит». Достоевский говорил, что православие – это и есть наш русский социализм. Оно исходит из равенства всех людей перед Богом (и царь, и нищий причащаются в Церкви из одной чаши, а после их смерти об их душах возносятся одинаковые молитвы при отпевании), но не насаждает насильственного равенства, которого нет в природе, где не существует даже двух одинаковые капель воды, не говоря уж о личностях. Оно не осуждает праведного богатства, но учит использовать его на благо ближним.

Славянофилы и Достоевский видели идеал общества в Церкви, в соединении людей на основе любви и соборности, а свободу – в таком развитии личности, когда она готова добровольно пожертвовать собой ради общего блага. Задачу Церкви они видели не только в том, чтобы способствовать индивидуальному спасению души, но и в том, чтобы освящать весь строй народной жизни, воцерковлять и культуру, и экономику, и быт, осуществлять социальное служение. Социализм – будь он утопический или «научный» (С. Н. Булгаков убедительно показал, что ничего подлинно научного в нем нет) – есть секуляризованное христианство, сведенное к примитиву и приспособленное к уровню понимания тех, кому недоступен или кого страшит «узкий путь» христианского подвижничества. Чтобы убедиться в этом, достаточно сопоставить еще недавно насаждавшийся в стране «Моральный кодекс строителя коммунизма» с десятью моральными заповедями Ветхого Завета и заповедями блаженства Нового Завета. Примитивизм коммунистического морального кодекса настолько бил в глаза, что в скором времени партия вынуждена была от него отказаться, правда, так и не предложив более достойной замены (видимо,

потому, что на атеистической основе она вообще невозможна), и тем самым оставила своих членов и весь нецерковный народ вообще без каких-либо нравственных идеалов.

Жизнь, однако, не пошла по пути, который отстаивали славянофилы и Достоевский. Общество не только не включилось целиком в Церковь, но и все более отдалялось от нее. Искренне верующих осталось очень мало. Впрочем, пока не так уж много и оголтело-агрессивных атеистов, большинство же наших современников равнодушны к вере и живут как язычники, вспоминая о Боге формально в церковные праздники, а от сердца, всею душою только тогда, когда сталкиваются со смертельной опасностью.

Для верующего человека существуют два мира, находящиеся в тесном взаимодействии: видимый – материальный и невидимый – мир Бога, ангелов и демонов. Миром управляет Бог, но в той части, что касается общества и человека, Он управляет через людей, уважая их свободный выбор. Неверующий признает только видимый, материальный мир и в нем одном ищет объяснение всему происходящему. Точно так же и в преобразовании мира он полагается только на человеческие силы. Но что такое человек, эта песчинка в мироздании, к тому же преходящая, живущая, можно сказать, мгновение? Совокупность же людей (особенно толпа) обычно глупее и пошлее отдельных входящих в нее личностей. Может ли она разумно перестроить мир, если отвергает Божественные установления? А цари, диктаторы, президенты, гении науки или генеральные секретари – это такие же люди, как и все мы, только имеющие доступ к закрытым для других источникам информации и обладающие властью над другими людьми, а потому кажущиеся нам великими. Но в смысле понимания мира и возможностей его разумного преобразования они столь же беспомощны, как и каждый из нас, рядовых граждан.

Итак, в современном мире существуют вместе, не смешиваясь, как белок и желток в яйце, два мира – Церковь и «мир», лежащий во зле. Для члена Церкви, верующего в Бога, закон жизни определяет религия. Для православного человека все, что имеет отношение к идеологии, миро– и жизнепониманию, делится на две религии. Одна – это христианская (православная). Другая – это антихристианская, которая включает искаженное (католицизмом) и ложное (протестантизм) христианство; нехристианские религии (в каждой из них может быть своя доля Божественного откровения), «синтетические религии», появившиеся в XX веке, а также атеистические религии, именуемые философскими системами.

Философия – это именно атеистическая религия, отрицающая Бога (либо конструирующая своих богов, которые не имеют ничего общего с Богом Откровения).

Миро– и жизнепонимание, с точки зрения верующего православного человека, может быть лишь православным или антихристианским, для философии в нем просто нет места. Вот почему я полностью принимаю определение оптинских старцев: «Философия – это наука о человеческих заблуждениях». И если справедливо мнение Гегеля, что философия – это эпоха, схваченная в мысли, то надо признать, что повсеместное распространение в наше время философии, даже среди верующих, свидетельствует о всепланетном духовном кризисе, о господстве безверия, которое, естественно, ни к чему хорошему привести человечество не может.

Прошу понять меня правильно: я не отрицаю философию и ее необходимость для современного человечества, а лишь хочу найти ей должное место. Верующему философия не только не нужна, но и крайне вредна, неверующему она худо-бедно, но все же заменяет веру, и тут можно в какой-то мере различать философии получше и похуже (хотя в сравнении с православием «все они хуже»).

Но если для верующего нет смысла в философии, поскольку она полностью поглощается антихристианской религией, то тем более нет оснований для существования какой-то религиозной философии вроде «русского религиозного философского ренессанса рубежа XIX—XX веков», который значительной части нашей интеллигенции, долго оторванной от всякой духовной пищи и наконец получившей доступ к кое-каким трудам, представляется какой-то вершиной человеческой мысли. Надо считать недоразумением то, что выдающихся русских мыслителей рубежа XIX —

XX веков – Вл. Соловьева, С. Н. Булгакова, II. Л. Бердяева, П. А. Флоренского и др. называют религиозными философами. Это в естественных науках наряду с физикой и химией могут существовать физическая химия и химическая физика, а в области миро– и жизнепонимания есть лишь две названные выше религии. **Никакой религиозной философии нет и быть не может.** Названные мыслители искали обратный путь от культуры и философии, некогда отделившихся от церковного культа, снова к культу. Каждый из них был православен в той мере, в какой преодолел влияние антихристианских религий и философии. На мой взгляд, православному человеку так же неудобно обсуждать с атеистами (с их богоборческой позицией) вопросы о соотношении духа и материи или о сущности пространства и времени, как и

участвовать в богослужении и таинствах католиков, протестантов или кришнаитов (или как взрослому неудобно всерьез играть с детьми в изготовлении песочных пирожков). Если же названные вопросы обсуждать с точки зрения мира, которым управляет Бог, то это будет богословие творения, богословие мироздания, если угодно – прикладное богословие, но только не философия, даже и религиозная. Философия – это эрзац богословия, нужный лишь тем, кому по их безбожию недоступно неподдельное учение об Истине (Христос есть путь и истина и жизнь).

Цель земной жизни верующего – стяжание Духа Святого, соединение с Богом, исполнение Его воли и своего долга, уподобление Ему, достижение спасения после смерти, что требует нравственного усовершенствования в направлении приближения к Божественному идеалу. Мораль верующего основывается на заповедях Божиих, то есть на Абсолюте.

Неверующий, не признающий невидимого мира, в познании и преобразовании материального мира опирается лишь на данные человеческого опыта и объединение их в философские системы по законам логики. Никаких чудес он не признает. Абсолютной основы для цели жизни и морали у него быть не может. Цель жизни у него определяется либо материальными обстоятельствами (жизненные блага, власть, комфорт), либо произвольным образом (слава, наслаждение или, наконец, право на самоубийство, как у Кириллова в «Бесах» Достоевского). Мораль основывается на праве сильного или на своего рода «договоре», заключаемом между людьми в целях выживания.

Прежде чем вести хозяйство, изменять общественные отношения, определять политику и развивать культуру, надо определиться в главном вопросе – о смысле жизни и целях страны, народа, а этот вопрос относится к сфере религии. Вот почему вопрос о путях выхода нашей страны из нынешнего кризиса не может быть решен на экономической, социальной или политической основе, а имеет лишь религиозное решение. Естественно, что оно будет разным для верующих и неверующих. С религиозной точки зрения, провал планов коммунистического строительства был неизбежен не только потому, что при этом руководствовались ложной теорией, но и прежде всего потому, что это строительство было безблагодатным, не освященным благословением Божиим.

Однако бескомпромиссность в вопросе миро– и жизнепонимания вовсе не означает необходимости противостояния верующих и неверующих (по крайней мере, той их части, что руководствуется интересами народа) в повседневной жизни и творчестве. Более того, учение Христа

требует от православных не допускать такого противостояния.

Православный обязан любить всех людей, в каждом видеть образ Божий. Христос учил, что Отец наш Небесный посылает дождь и солнечный свет всем – верующим и неверующим. Ненависть к человеку вообще должна быть изгнана из нашего бытия. Христос пришел в этот мир, чтобы спасти всех, и прежде всего – призвать грешников к покаянию. Апостол Павел призывает христиан, насколько это от них зависит, быть в мире со всеми людьми. Христиане должны доказывать истинность своей веры не в богословских спорах (хотя и они бывают необходимы) и уж тем более не насилием (в чем, видимо, был грех исторической Русской Православной Церкви, совместно со светской властью преследовавшей староверов), а любовью к людям, твердой верой и жизнью в соответствии с ее заповедями, добрыми делами, совершаемыми бескорыстно – ради Христа. Тогда и посторонние нашей вере люди, согласно Евангелию, видя добрую жизнь христиан, прославят Отца нашего Небесного.

Это важно учитывать именно в наши дни. Особенность России в том, что эта страна, культура и вся жизнь которой целую тысячу лет основывались на православии, в XX веке стала авангардом мировой атеистической революции, Как бы ни оценивать степень участия в революции посторонних для русского народа сил, нельзя уйти от того факта, что множество русских людей оставило православие и подчинилось атеистической идеологии, соблазнившись идеей безбожного Земного царства добра, справедливости и изобилия, а миллионы еще и ныне убеждены в правильности учения марксизма-ленинизма. С другой стороны, в России, несмотря на страшные в прошлом репрессии и преследования, всегда сохранялась прослойка твердо верующих православных, для которых коммунистическая идеология была и останется антихристианской. Между этими двумя полюсами можно встретить самые разнообразные оттенки мировоззрения. А страна у всех у нас одна, находится она в труднейшем положении и нуждается в помощи всех ее верных сынов и дочерей, независимо от их мировоззрения и веры. Есть у страны – это надо прямо признать – и внешние враги, зарящиеся на наши пространства и ресурсы. Есть и элементы внутри страны, служащие опорой внешним недоброжелателям, – лобби и агентура транснациональных корпораций и убежденные приверженцы западных капиталистических порядков. Как же могут сосуществовать эти столь разные силы?

Главное сегодня – не допустить в стране братоубийственной войны (которая, если разразится, будет иметь для всех нас

гибельные последствия). А для этого важно избежать открытой конфронтации верующих, с одной стороны, и марксистов-ленинцев, отрицающих капитализм. Да, логически православие и безбожный марксизм несоединимы, но исторически они смешались в жизни одного народа, и надо исходить из этой реальности, о чем сказал П. В. Палиевский в своем докладе на торжественном заседании в Большом театре, посвященном юбилею М. А. Шолохова. Сегодня надо поставить во главу угла цель спасения страны, общую для верующих и неверующих. Православные видят путь к достижению этой цели, прежде всего, в духовном возрождении народа и в преображении, одухотворении на этой основе всей жизни России. Православие дает необходимую для этого мировоззренческую основу. Истиной православия поступиться невозможно, это учение остается неизменным до конца света, лишь раскрывая со временем все новые свои грани. Как говорил большой русский философ Л. Карсавин, «в христианском учении нам дана абсолютная истина. Она дана нам в выражении, которое не может быть ни дополнено, ни улучшено, ни изменено. Мы обладаем знанием последним и законченным, но несовершенны в самом обладании» («Наше наследие». 1990. № 3. С. 76). Что же касается атеистической философии, то ей, очевидно, придется искать новые подходы, чтобы учесть, как говорил советский философ Г. С. Батищев, «объективную диалектику Вселенной». Как она решит эту задачу – покажет ближайшее будущее.

Однако в условиях, когда большинство населения страны, а тем более – всей планеты, не обращается к Христу, безблагодатное экономическое развитие ведет к самоубийственному расхищению природных ресурсов и обострению экологической обстановки.

Власти и средства массовой информации стремятся внушить нам, будто в стране есть только две общественные и политические силы, противостоящие одна другой, – так называемая командно-административная система, идеологией которой свыше 70 лет был марксизм-ленинизм, и радикалы-демократы, призывающие установить у нас капиталистический строй по образцу Запада. Однако в действительности обе эти силы – лишь два крыла одного лагеря западной техноцентрической цивилизации, абсолютно чуждой нашему народу, которые руководствуются двумя разновидностями западной идеологии. Они борются между собой, но только за больший кусок общественного пирога, а отнюдь не за счастье (и даже не за выживание) народа, и как только народ начинает проявлять самостоятельность, немедленно объединяются ради

сохранения своих привилегий. Однако неправда, будто выбор возможен только между двумя этими силами.

Есть третья сила, выражающая подлинные, глубинные интересы народа, – это патриотическое движение, отстаивающее самобытный путь развития России на основе духовно-нравственных ценностей и отечественных традиций. Эта сила отвергает навязанные нам западные философские системы и возвращается к миро– и жизнепониманию, которое было присуще России на протяжении тысячелетия. И эта третья сила, подлинно народная, призвана стать первой по величине и значению.

1991 г.

Эту работу, написанную более 20 лет назад, я сегодня изложил бы несколько по-другому. В частности, уделил бы больше внимания современному пониманию православия и христианства вообще, а также таким категориям, как свобода, равенство, правда, справедливость, призвание человека. Но главный вывод о том, что человечество, руководствующееся бездуховной идеологией покорения природы и людей, целых народов, зашло в тупик, не только оставил бы в силе, но и усилил бы. Трагедия Чернобыля и особенно Фукусимы ведут к такому радиоактивному заражению планеты, которое, возможно, уже сделало уничтожение жизни на Земле только вопросом времени. А на дне Балтийского моря со времен Второй мировой войны лежат контейнеры с тысячами тонн сильнейших боевых отравляющих веществ, и никому до этого нет дела. И правительства всех великих держав, не сознавая степени хотя бы только этих двух проявлений опасности для человечества, готовятся к новой войне, хотя, возможно, род людской до нее и не доживет. «Человек разумный» оказался неразумным, слишком эгоистичным и самонадеянным, не достойным своего космического призвания.

Обновленчество в Русской Православной Церкви

Огневые двадцатые

В истории России XX века немного найдется таких насыщенных творческими исканиями периодов, как в 20-е годы. Если же иметь в виду и известное (причем отнюдь не поверхностное) сходство в положении страны тогда и сейчас, то я вряд ли ошибусь, если скажу, что именно изучение опыта тех лет может дать немало ценного для выявления путей ее дальнейшего развития и для выработки той общенациональной идеи, о которой сейчас так много говорят и пишут. Нам сейчас трудно даже представить обстановку необыкновенного духовного и творческого подъема того времени. Но можно попытаться понять ее: старый мир разрушен, как казалось (и как пелось в революционном гимне), до основания, попытки внутренней контрреволюции и иностранных интервентов вернуть страну в прошлое отбиты; контуры нового, желаемого мира четко еще не определены. Так что, действительно, «твори, выдумывай, пробуй», а творить, выдумывать и пробовать вышли те слои народа, которые от высот культуры и творчества были отстранены веками. Энергия их хлестала через край, и она устремилась на полный, глобальный и даже космический пересмотр всех сторон отвергнутого строя жизни и его идеологии. Конечно, при этом не обошлось без перехлестов, без полета мысли в отрыве от реальности. Да и время было суровое, за смелость поиска могло достаться и критических оплеух (и не только). Но в целом тогда было выдвинуто великое множество идей, от фантастических до гениально-созидательных. И большинство их в силу исторических обстоятельств оказались впоследствии не просто забытыми, но и, можно сказать, «репрессированными», и до наших дней более не востребованными, хотя и то, что стало известно миру, послужило мощным толчком для развития мировой (в основном, увы, зарубежной) культуры XX века. Мне по роду прежних профессиональных занятий (а затем уже – в силу пробудившегося интереса) довелось просмотреть журналы по ряду специальностей со времени их возобновления (или основания) после Октябрьской революции и до конца 20-х годов. Пришлось проштудировать также и иные периодические издания общественно-политического характера за то же время. И я был поражен широтой прошедших тогда дискуссий по проблемам экономики, транспорта,

архитектуры, градостроительства, расселения населения, культуры, даже естественных наук и пр., а главное – разнообразием высказывавшихся тогда идей. Поэтому я всерьез воспринимаю высказанное несколько лет назад мнение одного авторитетного японского специалиста, что если бы японцам можно было соединить свои технические достижения с богатством идей, выдвинутых в РСФСР (СССР) в 20-е годы, они сделали бы свою страну безусловным мировым лидером. Но мы, русские, ленивы и нелюбопытны, как отмечал еще Пушкин, причем лень и отсутствие любопытства проявляются у нас прежде всего именно в отношении к собственному культурному наследию.

Ну, это так, к слову. А совсем недавно я узнал, что весьма широкие и содержательные дискуссии в 20-е годы прошли также и в Православной Российской Церкви (как она официально тогда называлась), причем обсуждению и пересмотру подверглись самые глубинные основы церковной жизни. Наиболее заметными явлениями в этой области стали эволюция взглядов Святейшего Патриарха Московского и Всея России Тихона и сменившего его Местоблюстителя патриаршего престола митрополита Сергия, с одной стороны, и движения «обновленцев» – с другой, причем это движение не было единым, в нем выделялись несколько групп, по-разному представлявших себе пути преобразования Церкви. Наиболее громко заявили о себе группы «Живая Церковь» и «Церковное возрождение», а также «Древле-апостольский союз» и «Свободная трудовая Церковь», не считая более мелких образований вроде «Кружка ревнителей церковного обновления» и пр.

О положении и взглядах Патриарха Тихона и митрополита Сергия я поговорю позднее, тем более, что на этот счет сказано и написано уже немало, причем подчас с прямо противоположных позиций. А вот обновленцы оказались впоследствии настолько скомпрометированы, что об их идеях или не вспоминают вовсе, или же преподносят их в столь окарикатуренном виде, что заранее отбивают всякую охоту познакомиться с ними поближе. Даже в одной совсем недавно появившейся газетной статье на церковную тему их упрямо именуют «обнагленцами», как их «припечатали» некоторые верующие в те крутые времена. В наши дни новый повод вспомнить о них в самом отрицательном смысле представился в связи с обсуждением попыток установить новые порядки в церковной общине московского священника Георгия Кочеткова и ряда других священнослужителей, которых консервативно настроенная часть духовенства называет «неообновленцами».

Для большинства пишущих и читающих наших соотечественников единственным приобретением после 1985 года стала возможность относительно свободно хотя бы устно высказывать свои взгляды. (Обратиться к общественности через средства массовой информации могут по-прежнему немногие.) И, пожалуй, пока и эта возможность снова не отпала, есть смысл непредвзято посмотреть на деятельность обновленцев и попытаться отделить в них идеи, правильно отразившие нужды реформирования Церкви, от того, что действительно заслуживало осуждения. Начну с некоторых выступлений деятелей группы «Живая Церковь».

Ультиматум

В самом начале процитирую малоизвестный документ, отразивший один из самых драматических моментов в жизни Церкви в первые послеоктябрьские годы (дело происходит в 1922 году).

Временное самоустранение св. Патриарха Тихона от управления

«12 мая группа духовенства в составе протоиерея Введенского, священников Красницкого, Калиновского, Белкова и псаломщика Стадника направилась в Троицкое подворье к св. патриарху Тихону и имела с ним продолжительную беседу. Указав на только что закончившийся процесс Московского Губревтрибунала, коим по делу о сопротивлении изъятию ценностей вынесены 11 смертных приговоров, группа духовенства моральную ответственность за эту кровь возложила на патриарха, распространившего по церквам свое послание-прокламацию от 28 февраля. По мнению группы духовенства, это послание на местах явилось сигналом для новой вспышки руководимой церковной иерархией гражданской войны Церкви против Советской власти.

Священником Красницким в беседе было указано, что с именем патриарха вообще связано вовлечение Церкви в контрреволюционную политику, конкретно выразившееся, между прочим:

а) в демонстративном анафематствовании патриархом большевиков 19 января 1918 г.;

б) выпуске патриархом послания от 15 (28) февраля, призывавшего к сокрытию в потайных местах церковного имущества, к набатным звонам и организации мирян в целях сопротивления Советской власти (это послание, по словам

священника Красницкого, на местах вызвало 1414 кровавых процессов);

в) в посылке патриархом Николаю Романову в Екатеринбург через епископа Гермогена благословения и просфоры;

г) рукоположении в священный сан и в приближении к высшим иерархическим должностям целого ряда лиц, определенно выявивших себя в качестве приверженцев старого, монархического строя;

д) в превращении Церкви вообще в политическую организацию, прикрывающую своей ризой и впустившую в свои приходские советы те безответственные элементы, кои хотят именем Церкви и под флагом Церкви свергнуть Советскую власть.

Указав на то, что под водительством патриарха Тихона Церковь переживает состояние полнейшей анархии, что всей своей контрреволюционной политикой и, в частности, борьбой против изъятия ценностей она подорвала свой авторитет и всякое влияние на широкие массы, группа духовенства требовала от патриарха немедленного созыва, для устроения Церкви, поместного собора и полного отстранения до соборного решения от управления Церковью.

В результате беседы, после некоторого раздумья, патриарх написал резолюцию о передаче своей власти до поместного собора одному из высших иерархов».

Чего же добивались обновленцы?

Чтобы понять сущность обновленческого движения, лучше всего начать с их собственных программных документов, один из которых так и назывался: «Что нужно Церкви?» В нем говорилось:

«Церковное море взволновано. Корабль церковный готов опрокинуться. Это заставило матросов подойти к капитану и указать ему крайнюю опасность положения. Патриарх, по личному своему усмотрению, отказался, до собора, от власти и решил передать ее одному из высших иерархов, который, стоя во главе Высшего Временного Церковного Управления, должен подвести Церковь к тому собору, который разрешит назревшие мучительные противоречия.

Это будет второй Всероссийский церковный собор. Напомним читателям обстоятельства, при которых собирался и протекал первый собор.

Во времена самодержавия структура Церкви была явно устроена антиканонически… «Добрый офицер», говоря словами петровского регламента, обер-прокурор часто вел себя так, что его шпоры цеплялись за края ряс епископов – апостольских

преемников. Цезарепапизм характеризовал дореволюционный строй Церкви. В Церкви всегда находились ее члены, указывавшие на ненормальность такого положения.

Известна деятельность 32 священников, открыто высказывавшихся за необходимость собора и за замену антиканонического синодального строя более каноническим. Но до революции 1917 года все эти мечты оказывались только прекрасными мечтами, а некоторые «мечтатели» жестоко пострадали за свою смелость (епископ Антонин, священник Григорий Петров и др.).

Февральская революция 1917 года дала Церкви возможности начать осуществлять свои мечты. Усиленная предсоборная деятельность. В мае – в Москве Всероссийский съезд духовенства и мирян. На этом съезде еще сильны обновительные тенденции. На нем присутствовали, между прочим, представители «Союза демократического духовенства и мирян».

Дело в том, что только после низвержения самодержавия оппозиционные элементы в Церкви могли сплотиться и представить некоторое органическое единство… Однако сторонников таких течений было сравнительно немного, вот почему и на открывшемся в августе 1917 года первом соборе церковная оппозиция оказалась в меньшинстве.

Собор занялся разрешением множества вопросов. Некоторые он решил, а иные только наметил. Остановимся на двух из них, наиболее злободневных и в наши дни: это вопрос о церковном управлении и вопрос об отношении к государству. Первый вопрос разрешили в смысле восстановления патриаршества. Избран патриарх Тихон (одиннадцатый русский патриарх)… Вопрос о восстановлении патриаршества был весьма спорным. Уже на предсоборном совещании вопрос этот разрешался отрицательно. И на самом соборе была немалая группа – против восстановления патриаршества, как института эпохи, уже отдаленной от подлинного христианства – первохристианства… Патриаршество есть тот же папизм, столь далекий от самого существа православия, папизм, логически не продуманный и не проведенный до конца.

Далеко неизвестно, как прошло бы на соборе дело о восстановлении церковного самодержавия (патриаршества), если бы не подоспели громы октябрьского переворота. Под рев пушек в Москве наскоро избрали патриарха – и на этом собор фактически кончает свою работу…

На соборе признается необходимость союза Церкви и государства, намечаются грани их взаимоотношений. Это отражается на всех постановлениях собора, касающихся внешнего

мира. На них (в частности на приходском уставе) отражается бывший во время собора политический и социально-экономический строй дооктябрьского периода.

Уже по одному этому само собой назревает необходимость полного пересмотра указанных соборных решений. Собор наметил такие важные вопросы, как вопросы богослужебного порядка. Но эти вопросы, как и многие другие, на соборе были только поставлены, намечены, но не разрешены. Эти вопросы с особой остротой встают только теперь перед грядущим собором. Сейчас у нас два церковных кризиса.

1. Кризис власти. Патриарх Тихон сложил с себя власть…

Сейчас появилась возможность ликвидации самого института патриаршества, носящего на себе влияние государственного монархизма, института, едва ли принесшего, в целом, благо для развития и упрочения в жизни подлинно христианских начал.

Мыслимо создание коллегиального аппарата (малый собор), который, соответствуя новозаветному духу соборности, с гораздо большим успехом проведет в жизнь то, что берется проводить единолично патриарший институт. Впрочем, не предрешаем.

Мыслим и такой патриарший строй, при котором возможно избежать тех тягостных ошибок, наличие которых и подвело нас ко второму собору.

2. Отношение к существующему политико-экономическому строю.

Церковь пребывает на земле. Члены Церкви в то же самое время являются и членами государства. Поэтому вопрос о взаимоотношениях Церкви и государства является одним из важнейших вопросов церковности. В наши дни, дни напряженной политико-экономической борьбы распавшегося на два лагеря человечества, это вопрос совершенно исключительной важности.

Церковь отделена в России от государства. Церковь принципиально до сих пор не признавала в существе своем столь благого Церкви положения. Отделение Церкви от государства должно быть Церковью признано определенно и безоговорочно. Раз и навсегда. В непризнании Церковью этого факта кроется источник тех политических (контрреволюционных фактически) настроений, уклонов, а иногда – как это в вопросе с изъятием ценностей – и дел. Если Церковь признает для себя за величайшее благо раздельное существование с государством, ей будет безразличен тот или иной политический строй.

Долгий союз с монархией наложил неизгладимый отпечаток на психику и идеологию церковных людей. Должен быть приложен максимум усилий к тому, чтобы это вредное с чисто церковной и опасное с государственной точек зрения положение

было уничтожено в корне. Церковь должна совершенно ясно и до конца осознать: «Церковь Моя не от мира сего». Во имя высочайших принципов Церковь отрекается от земного политиканства. Это не значит, что она отрекается от земли и превращается в паразитическую организацию. Церковь есть союз людей, верующих в Божественность своего Учителя и по этой вере осуществляющих деятельную любовь ко всеми миру ко всем людям, близким и далеким, своим и чужим, друзьям и врагам. Именно поэтому Церковь не может остаться равнодушной зрительницей происходящей борьбы с социально-экономической неправдой, с социально-экономическим неравенством, с фактом существования в христианском мире капитализма. Если сама Церковь, оставаясь Церковью, не может применять методов насилия для устранения нравственного зла (каковые функции берет на себя государство, принудительно проводящее в жизнь те или иные нравственные принципы), то она должна религиозно-морально осудить принцип неравенства и в социально-экономическом вопросе, осудить до конца и бесповоротно эксплуатацию человека человеком. Это делали до сих пор, по голосу своей совести, отдельные члены Церкви, но еще никогда, во всей мировой истории, этого Церковь не сделала, как таковая.

Собор, если он примет, санкционирует и возвестит миру указанное выше слово нравственной правды, будет иметь воистину вселенское, мировое значение. Впервые ясно и определенно от имени христианства будет брошено миру, в эпоху мировой экономической борьбы, подлинное и авторитетное слово правды по этому мучительнейшему и острейшему вопросу современности.

Стоит перед собором и великое множество других задач. Одно несомненно: грядущий канонический (вопреки всем уже раздающимся голосам) собор должен сыграть совершенно исключительную роль не только в истории русского христианства, но и христианства всемирного. Более того, крах собора (идейный – неприятие вышеизложенных положений) будет страшным подрывом самой ценности христианства… во всех уголках земного шара. Здесь могут сыграть свою негативную роль консерватизм, присущий вообще церковности, политическое озлобление некоторых церковных кругов.

Но Владыка жизни – Христос, во имя Которого совершается великое дело обновления Церкви, Его невесты, даст те благодатные силы, при наличии которых трудное становится легким, неразрешимое – разрешимым, а греза о чистом христианстве, христианстве без примесей человеческих наслоений, станет очевидным для каждого фактом».

Решение о созыве Поместного Собора

Вскоре страна узнала, что Поместный Собор Православной Российской Церкви созывается в Москве, в храме Христа Спасителя, в Фомино Воскресенье, 15 апреля (нового стиля) 1923 года. Собор имеет своей основной задачей преобразование ПРЦ соответственно новым условиям жизни России. Он должен освободить ПРЦ от материальной и идейной зависимости от объединения мирового капитала и его представителей в России и обеспечить ей действительную возможность служить нравственному пробуждению русского общества. На нем должен быть проведен принцип: руководить Церковью должны те ее члены, которые живут от своего производительного труда. Собор призван пересмотреть все стороны жизни Церкви – ее веро– и нравоучение, богослужение, церковно-приходское управление с целью устранения тех наслоений, которые внесены в жизнь церковную периодом подчинения и союза Церкви с капиталистическим государством и выявления сохраненных ею сокровищ Апостольского преемства в жизни церковной. На соборе будут представлены священнослужители и миряне, причем монахи станут участвовать в его работе на равных с другими основаниях, без каких-либо из прежних их привилегий.

Решение о созыве собора было принято Высшим Церковным Управлением под председательством митрополита Антонина (главы группы «Церковное Возрождение»). Подписали решение также члены ВЦУ митрополит Киевский Тихон, архиепископ Нижегородский Иоанн, епископ Курский Никон, священники В. Красницкий, А. Введенский и др.

Группа «Живая Церковь» откликнулась на это решение призывом: «Пора собираться». В нем говорилось: группа зовет верующих вместе с нею идти вослед за Вифлеемской звездой к осуществлению в жизни братства, равенства, свободы, правды и любви, возвещенных нам Христом.

«Теперь, когда Его Божественный Лик, светящийся в Евангелии, сильно затемнен, принижен и искажен в обыденном, грубом сознании носителей Его имени, как и светлый образ Его Церкви, души, стремящиеся ко Христу и житию по Его заветам, с чистым сердцем углубляясь в Евангелие, по внутреннему голосу совести должны искать путей Христовых в жизни, чтобы не блуждать без света и дороги среди гробов поваленных… В одиночку они не могут с успехом идти к достижению своей цели – к воплощению в жизни великих заветов Христовых. Поэтому первой и неотложной задачей в этом деле является собирание живых религиозных сил, «да все едино будут». Все наличные

религиозные силы, раскиданные всюду, должны войти во взаимодействие и взаимообщение, должны почувствовать себя участниками единого общего дела Христова. Выражением такого единения и должен быть собор русской Церкви, цель которого – уврачевание язв нашей религиозной жизни. И никто не может сказать: «Это не наше дело». Дело Церкви – общее дело всех ее членов. Мы должны принять в нем самое живое участие; равнодушие к нему – тяжкий грех против Христова Тела – Церкви, против Главы ее – Христа…

В древней Церкви, когда соборы были обычным явлением и нормой церковной жизни, предсоборные периоды ознаменовывались чрезвычайным подъемом духа, горением сердец о деле Божием. От крупных церковно-административных центров это настроение расходилось «по местам», к периферии; там, на маленьких съездах, определялись богословские и церковно-бытовые нормы, намечался круг соборных вопросов, выдвигались духовно одаренные люди, которые затем оказывались энергичными деятелями на соборе. До Первого Вселенского Собора состоялись в 318 и 321 годах соборы в Александрии. То же было в Кесарии и Никомидии. Поэтому в 325 году в Никее члены собора, за исключением немногих единиц, оказались единодушно сплоченной массой, с определенным направлением. Предсоборная подготовка выдвинула и такого борца за православие, как александрийский архидиакон Афанасий. Такая же подготовка наблюдается и в истории других вселенских и поместных соборов. Богословские мнения и решения вырабатывались на «местах», приобретали здесь устойчивость, находили своих выразителей и защитников.

В подобной подготовке к собору лежит залог пробуждения религиозной жизни в переживаемое Церковью тяжелое время. Пусть же пастыри на «местах»… зовут на подвиг христианского делания, к строительству христианской общественности… Должны быть вскрыты гнойники нашей церковной действительности, обдуманы меры к нашему религиозному оживлению и обновлению…»

Провинция отвечает столице

Группа «Живая Церковь» и другие обновленческие организации действовали не только в Москве и Петрограде, но и в провинции. Мне кажется интересным опыт обновленцев в Казанской епархии, несколько документов которых я процитирую. Вот их декларация начала 1922 года:

«Религия есть часть жизни, у одних людей более

существенная, у других незначительная. У нас религия всегда находилась в жалком положении. В народе была набожность, но не религия. Все отношения к Богу ограничивались выполнением обрядов и обычаев, но душа человеческая оставалась в стороне.

Та самая черта иудейства, которую обличил Господь Иисус Христос, остается в силе и среди православных христиан. Дух рабства и наемничества заглушает в них сыновство. Православные христиане или боятся Бога, как грозного царя, или стараются войти с Ним в сделку, как с купцом, но не спешат к Нему с любовью и радостью, как к нежному любящему Отцу.

Вследствие такого понимания отношений к Божеству совершенно пренебрегается и основа наших отношений к людям – любовь.

Наше веропонимание и вероучение отражаются на нашем мироощущении и на всем жизненном строе. Поэтому необходимо освещение вопросов веры на основании Священного Писания в церковно-исторической и современной перспективе…

Задача – не только в разрушении существующих непорядков, но и в созидании обновленного строя церковной жизни в духе евангельского и апостольского учения. Мы не отвергаем в принципе и канонических постановлений, но будем применять к ним правило: суббота для человека, а не человек для субботы.

Основной взгляд на христианство как на Богосыновство людей дает окраску всему христианскому мироощущению как религии постоянной радости, мира и любви, пасхальности а не страстного настроения.

Христос победил мир, и потому христианин может быть всегда бодр, смел и радостен, несмотря ни на какие невзгоды и бедствия.

Как летнее солнце греет и светит, так Христос обвевает Своей любовью каждого верующего…»

Новое епархиальное управление

Казанская группа «Живой Церкви» так понимала смысл проводившейся в Церкви реформы управления:

«В недавнем прошлом Российская Церковь управлялась коллегиально вверху и единолично в епархиях. Всей Церковью правил Синод, а епархиями распоряжались единолично архиереи, которые действовали через единоличных же начальников-благочинных. Консистория врезывалась в систему управления каким-то придатком, очень тяжелым, но не органическим.

С начавшимися веяниями демократизации вообще струя коллегиальности проникла и в духовное ведомство, сначала в

виде выборных благочиннических советов, а потом даже самих духовных консисторий. Но в ту же пору созрела мысль об организации единоличного главы Церкви; коллегиальность выплывала из низов, от низшего клира и мирян, а единоличность от верхов, от первосвященников и некоторых книжников, последнее течение на соборе 1917 года пересилило, благодаря некоторым мерам правящего класса иерархии, то есть монашества, с архиереями в главе. Внутри Церкви в продолжение двух последних столетий боролись непрерывно два течения – монашеское и мирское, а белое духовенство колотилось, словно чурбашка в мельничном каузе.

Монашество было нужно правительству, но его аппетиты ширились чрезмерно, и потому правители-монахи сдерживались светскими чиновниками. Белое же духовенство держалось в черном теле.

В административном отношении согласованности не было: каузная чурбашка временами стукалась о края досок и шумела.

В настоящее время сделана попытка проведения коллегиальности сверху донизу во всем церковном управлении.

В религиозно-нравственном отношении архиерей остается владыкой, и упрямцы напрасно силятся обвинять обновленцев в нарушении канонов, только от мирского командования епископы избавляются.

Во главе каждой епархии стоит епархиальное управление, состоящее из председателя-епископа, четырех членов в сане священника, одного представителя низшего клира и одного от мирян. Количество членов управления может быть по надобности увеличено. В качестве непременного члена сюда входит уполномоченный Высшего Церковного управления в сане священника. Уполномоченный отвечает за все поступки епархиального духовенства, а потому он имеет право входить во все дела епархиального управления не только с решающим голосом, но и с правом приостановки решений епархиального управления в случаях необходимости.

В каждом уездном городе формируется управление по образцу епархиального, в составе двух членов-священников и одного мирянина или низшего клирика. Для уезда назначается епархиальным управлением уездный уполномоченный священник.

Епархиальное управление находится в подчинении Высшему Церковному Управлению, состоящему из председателя в сане епископа, пресвитеров, клириков и мирян.

Из представленной схемы видно, что новое церковное управление сходно с прежним управлением церковных школ, во

главе которого стоял синодальный училищный совет, его органами были епархиальные училищные советы, а исполнителями решений последних были уездные отделения советов. Уполномоченными по школьному делу были имперский, епархиальный и уездные наблюдатели школ.

Система коллегиальности как там, так и теперь проведена всецело, и новая организация не представляет собой ломки церковного управления, а лишь его упорядочение, и потому страшиться его излишне.

В приходе священник, по новому положению, должен быть пастырем и руководителем, а не наймитом, которого прихожане по своему желанию могли выгнать, но не желали кормить».

Между двух огней

Группа «Живая Церковь» и другие обновленческие организации оказались в оппозиции к избранному на соборе 1917 года руководству Церкви, но отнюдь не пользовалась поддержкой атеистической пропаганды, о чем наглядно свидетельствует документ группы, озаглавленный «Живая Церковь» и богоборческий атеизм». В нем говорилось:

«Виновник тяжелого положения нашей Церкви – правившая партия ученых монахов. Со всей силой русского революционного темперамента наша группа ударила по долголетним угнетателям церковного народа – монахам, архиереям и поддерживавшей их городской и сельской буржуазии. Мы брали церковную власть в свои руки».

Но обновленцев огорчали антицерковные шествия комсомольцев, не делавших различия между старой и новой церковной организацией.

«…богоборцы и отступники, которых мы, наши отцы и деды оттолкнули от Церкви, не сумели разбудить религиозного чувства как у них, так и у их отцов и матерей», – вот как понимали новый мир обновленцы. Участники шествий считали обновленцев эгоистами, видели в деятельности «Живой Церкви» не церковное обновление, до которого атеистам не было никакого дела, а поповский бунт. Эти богоборцы, требовавшие от живоцерковников идеальной высоты пастырского подвига и самопожертвования, пастырской доблести и геройства, – они нанесли обновленцам удар. Как же относиться к этому атеистическому миру?

«Тяжелая болезнь народной души – антирелигиозные процессии. И мы должны откликнуться на этот отчаянный призыв. Мы должны пойти к нашим тяжело, смертельно больным детям, мы должны показать им, что мы сердцем действительно

чувствуем справедливость Великой Социальной Революции – этого отчаянного вопля о правде, о лучшей доле человека-труженика на земле» (как Христос обратился к Фоме).

«Не в выражении советской верноподданности, а в революционном преобразовании пастырских сердец, в героическом преобразовании самого духовенства, во внутреннем перевороте его взглядов и настроений – вот в чем спасение Церкви и ее дела в человечестве».

Чуть-чуть об итогах

Каковы же итоги деятельности обновленцев в 20-е годы? Здесь можно отметить несколько важных положений.

Во-первых, обновленческое движение не следует рассматривать, как это пока часто случается, целиком как порождение Советской власти и ее карательных органов. Его корни уходят далеко в прошлое. Призывы к обновлению Церкви раздавались еще до революции, в этом направлении работали и священнослужители, и русская православная интеллигенция. Просто в обстановке общего революционного подъема и в церковной среде не могли не проявиться давно уже наметившиеся тенденции к обновлению, причем теперь они заявили о себе громко и открыто. Это, конечно, не исключает сотрудничества тех или иных обновленцев с новой властью, их участия в разыгрывании церковной карты. Есть документы, свидетельствующие о финансовой поддержке властью обновленческого движения и пр., но в то же время надо отметить, что издания «живоцерковников» выходили крайне нерегулярно, как объяснялось, из-за отсутствия средств, и прекращались по той же причине.

Во-вторых, хотя официальное руководство ПРЦ всячески отмежевывалось от деятельности обновленцев, их критика строя жизни Церкви, сложившегося в дореволюционной России и сохранявшегося в первые послеоктябрьские годы, оказала влияние на эволюцию взглядов своего рода «советской церкви».

В-третьих, обновленцы испытывали давление как со стороны консервативно настроенной части Церкви, так и со стороны атеистической пропаганды, поддерживаемой государством, и не нашли того пути между Сциллой обрядоверия и Харибдой атеизма, а такой «третий путь» так нужен был в то трудное для Церкви время.

В-четвертых, первые документы обновленческого движения свидетельствуют о том, что оно слабо представляло себе глубину необходимых преобразований в Церкви и сосредоточило главное

свое внимание на захвате церковной власти; оказавшись на высоте в части критики отжившего, оно не смогло столь же действенно поработать в направлении созидания. Устарелому, но по-своему цельному миропониманию консерваторов нужно было противопоставить новое, но тоже цельное миропонимание, основанное на более глубоком понимании сущности христианства. Этого обновленцам сделать не удалось.

В-пятых, правильно взяв курс на признание Советской власти как власти от Бога, обновленцы сделали чрезмерный упор на социальной стороне христианства, которое в их представлении стало выглядеть чуть ли не как одно из ответвлений учения о социалистической революции, что было серьезной теоретической и богословской ошибкой.

Сила обновленцев была в том, что они признавали справедливость народного порыва к ликвидации эксплуатации человека человеком и к устранению вопиющего социального, имущественного и правового неравенства, бывшего в царской России. А их слабость заключалась в отходе от ряда норм церковной жизни, которые в итоге многовекового опыта уже вошли в ум и сердце церковного народа. Патриарх Тихон вследствие своего отрицательного отношения к социальным переменам давал обновленцам шанс овладеть умонастроением массы верующих, которые приняли Советскую власть, но зато на его стороне было каноническое церковное право.

Спор этих двух противостоящих лагерей закончился, когда патриарх Тихон заявил, что он Советской власти не враг, и пояснил, почему пришел к такому выводу: он убедился, что «Советская власть действительно народная, рабочая, крестьянская, а потому прочная и непоколебимая». Прежние же его выступления против этой власти он объяснял как воздействием среды, в которой был воспитан, так и влиянием тех лиц в его окружении, которые были врагами Советской власти. Патриарх покаялся в этих своих поступках и выразил свою скорбь о жертвах, получившихся в результате этой антисоветской политики. А в своем завещании, подписанном в день кончины, патриарх определил свою позицию совершенно однозначно:

«Мы призываем всех возлюбленных чад богохранимой Церкви Российской в сие ответственное время строительства общего благосостояния народа, слиться с нами в горячей молитве Всевышнему о ниспослании помощи Рабоче-Крестьянской власти, в ее трудах для общенародного блага» (цит. по: *Трощкий СВ.* О неправде карловацкого раскола. Париж, 1960. С. 17—18, 22).

После этого обновленцы лишились главного своего козыря. Когда же патриарший местоблюститель митрополит Сергий в

1927 году подписал декларацию, в которой говорилось, что радости и горести Родины – это радости и горести Церкви (там же, с. 41), обновленческое движение лишилось последних своих оснований и бесславно сошло с исторической арены.

2000 лет христианской революции

Не только в России, но и в мире широко было отмечено наступление 2000 года от Рождества Христова, однако, на мой взгляд, не получила должного освещения тема «Христианство и революция». Наверное, многих даже бы удивила такая постановка вопроса. Ведь в течение многих десятилетий и даже веков считалось, что религия и Церковь – это нечто не только несовместимое с революцией, но и полная ее противоположность, залог стабильности и первая охрана существующего строя в классовом обществе. Однако в действительности такой взгляд есть всего лишь закоренелый предрассудок. Возникновение христианства было величайшей революцией, какую когда-либо знала история человечества, и оно остается по сей день и будет оставаться революционной силой всегда. Не случайно наш универсальный гений – Пушкин писал: «Величайший духовный и политический переворот нашей планеты есть христианство. В сей-то священной стихии исчез и обновился мир. История древняя есть история Египта, Персии, Греции, Рима. История новейшая есть история христианства». *(Пушкин А.С.* Полн. собр. соч. в десяти томах. Т. VII. М., 1964. С. 143).

Конечно, в полной мере значение этого переворота могут оценить лишь христиане, для которых факт воскресения Христа в третий день после смерти на кресте (после того, как Он еще при жизни воскрешал умерших) есть очевиднейшее доказательство справедливости Его обещания, что и все верующие в Него и живущие по Его заповедям воскреснут и обретут жизнь вечную. Многовековые смутные предположения, гадания и надежды людей на бессмертие обрели твердую почву. А поскольку более важной победы для человечества, чем преодоление смерти, невозможно представить даже теоретически (в чем был прав Н.Ф.Федоров), то, надеюсь, понятно, почему возникновение христианства есть такой революционный переворот, рядом с которым по его значению нельзя поставить никакое другое историческое событие.

Но если даже отвлечься от этого принципиальнейшего обстоятельства, неочевидного, например, для атеистов, то все равно надо признать Христа величайшим революционером всех времен и народов.

В мире, где господствовали национализм и расизм, где господствующий или богоизбранный народ (как, собственно говоря, и почти все другие народы) считал всех остальных людей чем-то низшим, Он провозгласил, что все люди – братья, потому

что они – дети единого Отца нашего Небесного. И потому для христианина, как говорили впоследствии некоторые Его последователи, нет «ни эллина, ни иудея». Именно отсюда ведут свое начало принцип равенства людей, независимо от их расовой или национальной принадлежности, и подлинный интернационализм, принятый (хотя и по-своему понятый) впоследствии на вооружение революционерами-социалистами.

В мире, где за величайшее благо почиталось богатство, деньги, где считалось естественным, что богатый – хозяин жизни, а бедный должен мириться со своей рабской участью, Он провозгласил, что есть высшие ценности, и призвал людей: «не собирайте себе сокровищ на земле, где моль и ржа истребляют и где воры подкапывают и крадут, но собирайте себе сокровища на небе… ибо где сокровище ваше, там будет и сердце ваше» (Мф 6:19—21). «Берегитесь любостяжания, ибо жизнь человека не зависит от изобилия его имения» (Лк 12:15). «Какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит? или какой выкуп даст человек за душу (жизнь) свою?» (Мф 16:26). Более того, Он осудил богатство и погоню за ним, и даже предупредил: «… горе вам, богатые! ибо вы уже получили свое утешение». (Лк 6:24). Богатым трудно рассчитывать и на жизнь вечную: «удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в Царство Божие» (Мф 19:24). Тем самым неприятие погони за богатством и утверждение достоинства человека труда, лежащие в основе всех социалистических учений, получили Божественное обоснование. Великой надеждой для угнетенных служили слова Господа: «Так будут последние первыми, и первые последними, ибо много званых, а мало избранных» (Мф 20:16). Как это перекликается со всем известными словами пролетарского гимна: «Кто был ничем, тот станет всем!»!

В мире, где царили эгоизм и своекорыстие, Он провозгласил высшей ценностью любовь к людям: «Заповедь новую даю вам, да любите друг друга… По тому узнают все, что вы Мои ученики, если будете иметь любовь между собою». (Ин 13:34—35). Только таких людей Он зовет не рабами Божьими, а Своими друзьями (Ин 15:15). Сама любовь к Богу невозможна без любви к людям. (1 Ин 4:20). А вершиной такой любви стала способность отдать жизнь свою за счастье других: «Нет больше той любви, как если кто положит душу (жизнь) свою за друзей своих» (Ин 15:13). И потому подлинные революционеры и патриоты, отдававшие свою жизнь за счастье народа, объективно исполняли эту заповедь Христа, даже если субъективно считали себя Его противниками.

В мире, где одной из главных движущих сил было

властолюбие, Он провозгласил для тех, кто у власти или на первых местах в обществе, необходимость служения ближним: «… князья народов господствуют над ними… но между вами да не будет так: а кто хочет между вами быть большим, да будет вам слугою», и Сам Он «не для того пришел, чтобы Ему служили, но чтобы послужить и отдать душу Свою для искупления многих» (Мф 20:25—28). Для настоящего революционера, когда он приходит во власть, не сама власть и не связанные с нею блага, а именно служение народу и возвышение родного народа и государства становятся долгом и смыслом жизни.

В мире, где процветали тщеславие и честолюбие, Он дал заповедь скромности: «… когда зван будешь, придя, садись на последнее место, чтобы звавший тебя, подойдя, сказал: «друг! пересядь выше»… ибо всякий возвышающий сам себя унижен будет, а унижающий себя возвысится» (Лк 14:10—11). Ему принадлежит «золотое правило нравственности»: «… во всем, как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними…» (Мф 7:12). Христианин – это «новый человек», одолевающий в себе «ветхого человека» и стремящийся к совершенству по заповеди Христа: «… будьте совершенны, как совершен Отец ваш Небесный» (Мф 5:48).

В мире, где ложь, обман и преступление стали не только нормой жизни, но и признаком таланта, ума и мудрости (прославляют, например, полководца, сумевшего обмануть противника), Он провозгласил необходимость всегда и при всех обстоятельствах придерживаться правды: «… да будет слово ваше: да, да; нет, нет, а что сверх этого, то от лукавого» (Мф 5:37). А ложь – от диавола, «ибо он лжец и отец лжи» (Ин 8:44).

Словом, в мире, где царили неправда и несправедливость, Он вменил в обязанность Своим ученикам отстаивать правду до конца, не страшась никаких преследований, и обещал за это вечное блаженство: «Блаженны алчущие и жаждущие правды… Блаженны изгнанные за правду, ибо их есть Царство Небесное» (Мф 5:6,10). Не случайно (и это не раз отмечали основоположники марксизма) многие революционные и освободительные движения в прошлом проходили под христианскими лозунгами.

Но дело не только в истории. Христианская революция продолжается и в наши дни, и мы стоим накануне новых великих открытий и переворота в духовной жизни человечества, вытекающих из современного прочтения Евангелия. И вообще **христианство принципиально** (или, как сказали бы философы, онтологически) **революционно.** Лишь те общественные силы, которым было комфортно в мире эксплуатации человека

человеком, то есть правящим кругам классового общества, выгодно было представить христианство и Церковь поставленными охранять существующий порядок и «богоустановленную власть» от смутьянов и бунтовщиков, этакими консервативнейшими из всех консервативных сил. Вот и иудейские законники были убеждены в том, что предписание о ничегонеделании в Субботу сохраняется на вечные времена. А Христос сказал им: «…Отец Мой доныне делает, и Я делаю» (Ин 5:17). А чтобы ни у кого не оставалось сомнений, в каких формах будет воплощаться это «делание» человеческой истории, Он говорил: «не мир пришел Я принести, но меч». И пояснил, что это за «меч»: «Я пришел разделить человека с отцом его, и дочь с матерью ее, и невестку со свекровью ее». И заключение: «И враги человеку – домашние его» (Мф 10:34—36). Иными словами, когда вы посвятите жизнь служению истине, домашние ваши могут стать вашими врагами. И тут преданность делу, служение высшей цели должны стать более важными, чем родственные отношения: «Кто любит отца или мать более, нежели Меня, не достоин Меня… и кто не берет креста своего и следует за Мною, тот недостоин Меня» (Мф 10:37—38). И Сам показал пример такой преданности делу жизни: когда Ему сказали, что у дома, где он говорил к народу, Его ожидали Мать и братья Его, Он сказал в ответ: «кто Матерь Моя? и кто братья Мои? И, указав рукою Своею на учеников Своих, сказал: вот Матерь Моя и братья Мои…» (Мф 12:48—50). И мы знаем из истории, как часто революционеры ради служения народу порывали с семьями, уходили из родительского гнезда в полную опасностей жизнь борца за справедливость.

Так, наряду с традиционно проповедуемой христианской «всемирной» любовью вдруг встает решительно заявленный образ чуть ли не «войны всех против всех»! И это христианская заповедь? Да!

Здесь Христос обрисовал развитие общества по пути воплощения правды через духовную «перманентную революцию»! И пусть нас не смущает, что термин «перманентная революция» часто употреблял Троцкий: партия разгромила его концепцию не за ее «перманентность», ибо с идеей непрерывности революции были согласны все, а за ее реакционность и авантюристичность. Важно то, что «перманентная революция» не выдумана на пустом месте, тяготение к такой вечно продолжающейся революции живет в человечестве всегда и, оказывается, благословлено Самим Иисусом Христом! А между тем многочисленные проповедники Евангелия стараются изо всех сил доказать, что христианская педагогика построена в первую очередь на «строжайшем

почитании родителей». Нет, это иудейская педагогика была на этом построена. Впрочем, и Сам Христос не отрицал заповедь «почитай отца своего и мать свою», только разъяснял, как должно осуществляться истинное почитание: дело служения Богу и людям, борьбу за торжество правды в мире надо ставить выше любви к родителям.

Лукавый человеческий ум быстро нашел возражение: дескать, то была заповедь для иудеев и язычников, а в христианской семье она, разумеется, подлежит упразднению. Нет! Господь Иисус Христос воистину «вечно живой», и Он сказал: «Я пришел разделить…» И образцы христианского служения правде жизни можно почерпнуть не из брошюрок «О христианском воспитании девочек», а из картины художника Ярошенко «Курсистка», где молоденькая девушка, «остриженная по последней нигилистической (народнической) моде», зажав под мышкой книжки, спешит по темной улице к знанию, просвещению, и через них – к служению людям.

Еще апостолом Павлом был найден необычайно удачный образ для характеристики христианского мироощущения: «Я распят для мира…» Не буду тревожить нервы читателя разъяснением, что это была за ужасная такая казнь – неизвестное нам распятие на кресте; скажу только, что образ Павла можно воспринимать через состояние тяжело больного, который и в мягкой постели не может найти себе удобного места. Вот без этого чувства вечной неудовлетворенности в нашем несовершенном мире не может быть того христианского искания правды, о котором Спаситель сказал как об условии блаженства.

Итак, христианство – это не одно лишь «тихое и безмолвное житие во всяком благочестии и чистоте», но и бунт. Вечный бунт. И где нет бунта, там не может быть и христианства. Он может быть незаметен, но настоящий последователь Христа всегда поймет (даже если не примет) Че Гевару, который, триумфально придя к власти на Кубе, не мог успокоиться, пока на земле существует эксплуатация, и погиб в джунглях среди партизан другой страны, еще борющейся за свое освобождение. Поймет настоящий христианин и так старательно оклеветанного Павлика Морозова, который почти буквально выполнил заповедь Христа: если папенька – вор, то это значит, что он вор, а не папенька. Все это полезно помнить, когда обсуждается вопрос: исчерпала ли Россия свой лимит на революцию?

Увы, и «теории бунта» в христианском богословии, разумеется, нет, как и теории борьбы за правду и справедливость, теории участия человека в деле Домостроительства Божьего на земле. А значит, там, по сути, нет ни богословия, ни христианства

(хотя в предперестроечные годы и в Русской Православной Церкви, судя по публикациям в «Журнале Московской Патриархии» и других церковных изданиях, стали пробивать себе дорогу идеи «коммунистического христианства», «богословия революции и развития», «богословия освобождения» и т. п.). И, вспомнив, что двадцатый век вошел в историю как век гигантских потрясений и грандиозных, непрерывно длящихся преобразований, мы опять можем предположить, что наконец-то в двадцать первом столетии, которое, без сомнения, ждут еще большие перемены, человечество с удовлетворением осознает, что Евангелие – это все более и более современная книга. И вовсе не в тех ее частях, где говорится о деградации человечества и конце света.

Не хотелось бы, чтобы меня поняли так, будто революционеры, в частности, большевики, и были настоящими христианами (порой даже можно услышать: «Христос был первый коммунист»). Нет, они христианами не были, потому что отрицали Божественность Христа, само существование Бога. К тому же Христос не призывал к политической революции, к насильственному захвату власти, к пролитию крови, ибо знал, что сама по себе смена власти, без преображения душ человеческих не приведет к установлению общественной гармонии. Однако Он Сам гневно обличал общественную неправду и ее носителей и никогда не мирился с несправедливостью. А потому безосновательны попытки представить Его неким «христосиком», смиренно переносящим все обиды и унижения и всех призывающим поступать так же. Евангелие повествует о том, что Он часто гневался, страстно обличал фарисеев, законников и книжников, их неправедные дела. По-моему, Ему гораздо ближе революционер, отдающий жизнь за торжество правого дела, даже если тот считает себя воинствующим атеистом, чем благоразумный обыватель, соблюдающий все церковные обряды, но проходящий мимо общественной неправды, и уж тем более чем закоренелый буржуй-эксплуататор, откупающийся от греха неправедной жизни щедрыми дарами храму.

Мне лично кажется очень подходящей иллюстрацией отношения Христа к «красным» и к «белым» рассказанная Им в Евангелии притча о двух сыновьях.

«А как вам кажется? У одного человека было два сына; и он, подойдя к первому, сказал: сын! пойди сегодня работай в винограднике моем. Но он сказал в ответ: не хочу; а после, раскаявшись, пошел. И подойдя к другому, он сказал то же. Этот сказал в ответ: иду, государь, и не пошел. Который из двух исполнил волю отца? Говорят Ему: первый» (Мф 21:28—31).

В предреволюционной царской России «верхи» всячески демонстрировали свою верность учению Христа, но не исполняли Его заветы и жили эгоистической жизнью, мирились с несправедливостью, поскольку она приносила им, хозяевам этой жизни, выгоды. А вожди «низов», показывая себя противниками Христа, тем не менее, шли на лишения и смерть ради восстановления справедливости, как они ее понимали. Их помыслы были чисты, и даже если из их дела получилось не совсем то, к чему они стремились в своих мечтах и в своей борьбе (а у людей часто получается в итоге движений больших масс не то, что было задумано, ибо они не боги), они все же больше похожи на первого сына из притчи, тогда как «верхи» сказали Христу, что пойдут трудиться на ниве Его, и не пошли, за что и были наказаны Историей.

И сегодня, когда в мире идет яростная борьба сил добра и света против тьмы людоедского «нового мирового порядка», место истинных христиан – рядом с революционерами, отстаивающими правду, справедливость и человеческое достоинство. А те (к сожалению, довольно многочисленные) священнослужители и миряне, которые продолжают стоять на позициях антисоветизма и антикоммунизма, объективно служат делу мракобесия и реакции, новому рабовладельческому строю. Более того, они противятся ходу Истории, которая направляется Богом, хотя и через свободную деятельность людей.

Я – русский человек и потому приверженец социализма, ибо наш народ исторически сложился на общинно-артельном строе и служении государству, и ему чужды европейский буржуазный индивидуализм и лицемерная западная демократия с ее выморочными «правами человека».

Я – православный христианин, и для меня учение Христа о любви как основе жизни, опыт первохристианской общины, где никто ничего из имущества не называл своим, но было все общее, служат дополнительным доводом в пользу социализма.

Я – советский человек, убежденный в том, что советский период нашей истории, при всех ошибках и несправедливостях, был временем высшего взлета Российского государства и расцвета творческих сил русского народа, и выше социализма человечество строя еще не придумало.

Пока еще христианские Церкви не смогли показать миру всю глубину, красоту и истинность христианства (это, к сожалению, относится и к Православным Церквам). Они открестились от революционного духа христианства и идут по пути сотрудничества с властями (хотя на словах и признают, что Церковь Христова будет гонима при любой власти, только одна

власть будет ее открыто преследовать и гнать, а другая может задушить в своих объятиях). Но я убежден, что учение Христа в скором времени будет осмыслено гораздо более полно, чем это было во времена господства формализма и обрядоверия в церковной жизни, и это будет новым этапом христианской революции. Вот почему мне хотелось бы закончить эту статью двумя призывами:

Да здравствует вечная христианская революция!

Да здравствует социализм!

История

Руси – 1150 лет, а России – 850!

К вопросу о юбилее российской государственности

В текущем 2012 году российская власть намечает торжественно отметить 1150-летие российской государственности. Как бы власти и всем нам не попасть впросак, ибо в действительности в 862 году **началась оккупация Руси германцами – варягами. Они** до того неоднократно вторгались на Русь, пытаясь завоевать ее силой оружия и уж во всяком случае основательно пограбить, но встречали достойный отпор и были изгоняемы. Но в 862 году сложилась обстановка, когда варяг Рюрик (правильнее – Рерих, но у славян той поры не было обозначения для звука Е, этот звук легче было передать с помощью Ю) был приглашен на княжение в Новгород, после чего началась колонизация династией славянских земель, названных Русью. России, понятное дело, тогда не существовало и в помине, и ее государственности тоже. Стоит ли, следуя за Романовыми, которые в 1862 году торжественно отметили 1000-летие этой даты как 1000-летие России, гордиться таким событием, скорее позорным, чем славным?

Историки опираются на «Повесть временных лет», которую рассматривают как летопись, написанную Нестором. Нестору воздается хвала, считают, что он стал прообразом летописца Пимена в «Борисе Годунове» Пушкина. Нестор причислен к лику святых, вероятно, заслуженно. Однако сочинение Нестора не есть летопись. Это компиляция (и даже переработка более ранней компиляции Моисея). Нестор не был свидетелем призвания варягов, его сочинение написано примерно через 250 лет после этого события. Как это ни прискорбно, в научном обороте не существует донесторовой истории. А к самому названному сочинению следует отнестись, по меньшей мере, с разумной долей скептицизма.

Давайте взглянем непредвзято на то, что произошло тогда, и освободимся от многовековых заблуждений на этот счет. **Но прежде разберемся в том, что такое Россия, кто такие русские и кто такие варяги.**

История России – это история русских

Самое главное недоразумение как раз и заключается в том, что никому из историков почему-то не пришла в голову простая

мысль: **история России – это история русского народа (великороссов) и созданного им великого государства, а значит, она не могла начинаться до возникновения этого народа** (первоначальную стадию этого процесса в науке называют формированием великорусской народности). По-видимому, первым эту мысль выразил профессор Андрей Фурсов, хотя она у него была изложена неточно:

«Нам не хватает русской истории, как особой дисциплины (не путать с историей России). Это должна быть «системная теория и история русского мира, русского уклада (русских способа производства и формации), русского мироустроя – дисциплина со своими методологией, понятийным аппаратом, субдисциплинами…» («Литературная газета», 2007, № 22—23). На мой взгляд, нужно говорить не столько о русской истории вне истории России (не об истории русских отдельно от истории мордвы или чувашей), сколько об истории России, отдельной от истории славянских государственных образований, существовавших до возникновения России.

Ведь до сих пор историю России принято изучать, начиная с догосударственных объединений восточных славян (в сочинении Нестора есть даже фрагмент, где их история начинается от сотворения мира и далее – со времен Адама и Евы). Некоторые историки опираются на «Влесову книгу», полагая, что в ней описаны события истории славян за несколько веков до призвания варягов. Писатель Ю.Д.Петухов издал «Историю русов», якобы живших в VII тысячелетии до н. э. В еще более давнюю древность уводит нас профессор Валерий Чудинов, доказывающий, что едва ли не в каменном веке уже существовали и русский язык, и русский алфавит. И вот полагается сначала изучать эти полумифологические события, затем переходить к истории Киевской Руси. И уж только после этого добираться до момента становления собственно России как государства, отпочковавшегося от общей прародины русских, украинцев и белорусов. Но **эта исходная позиция ложна в самой своей основе, она не учитывает всемирно-исторического значения такого явления, как образование русского народа, специфических особенностей его национального характера, менталитета и понимания государственности. А между тем именно эти обстоятельства обусловили и особенный характер России как государства, и великий вклад русских в общечеловеческую культуру.**

Кто такие варяги?

Варяги, или норманны, принадлежали к германским племенам. Римские авторы, в особенности Тацит, много писали о германцах. В дальнейшем наука накопила много данных об этом народе. Вот какую характеристику (которую в краткой статье я вынужден привести в сокращении) на рубеже XIX—XX веков дал древним германцам в очень популярной тогда «Истории цивилизации от древнейшего до нашего времени» Г.Дюкудре (М., перевод с французского, 1900):

«Германцы занимались земледелием ради необходимости и предпочитали ему войну и грабеж. (Выделено мной. – *МЛ.)*. – Простые, грубоватые германцы на первых порах не нуждались в толпе рабов; поэтому последних отправляли в деревни, и на них возлагались обработка земли, жатва и все тяжелые работы, тогда как свободные люди охотились или воевали… Боги германцев – это «боги войны и насилия». В диком замке Валгаллы «вечные битвы сменяются вечными пирами. Это неистовые борцы…»

(Замечу попутно, что Ф.Энгельс, сам немец, тоже писал о германцах, что они варвары и предпочитали войну и грабеж всем остальным занятиям.)

Установившийся в Европе феодальный строй был «полным торжеством германских идей. Рим и Древний мир всего более укрепили понятие о государстве; в Средние века это понятие исчезло. Новое общество Средних веков, противоположное древнему, признавало только личные законы, интерес отдельного лица и волю этого лица, повиновавшегося лишь вождю, избранному им самим, и даже чаще противившегося, чем повиновавшегося ему».

Установившееся в науке понятие «феодализм», которое использовал и Г.Дюкудре, есть всего лишь «формационный предрассудок», как и то, будто этот строй был преодолением рабства. Это в римском обществе на поздней стадии его существования рабство (с развитием колоната, увеличением числа вольноотпущенников, предоставлением римского гражданства всем жителям империи, распространением христианства и пр.), по сути, было ликвидировано. А германская система правления была тем же рабством, только ограниченным примитивными возможностями германцев (на Руси – их малочисленностью и пр.). Г.Дюкудре считает, что само понятие о государстве исчезло, каждый рыцарь или барон, граф или герцог, сидя в своем замке, полагал, что он – полновластный властелин своей земли и обитающих на ней людей. Вассальные его отношения к сюзерену были ограничены договором (служба – 30 дней в году и т. д.). На самом деле, понятие о государстве не исчезло, оно постоянно толкало германских властителей на

авантюры, порождало претензии на мировое господство. Отчасти этим объясняется и тот авторитет, каким пользовался Римский престол – он был осколком великого Рима. Но возможностей установить государственные отношения не было в силу опять же первобытного сознания германцев.

Продолжу цитирование труда Г.Дюкудре. Господствующим классом средневекового общества в Европе было рыцарство. Рыцари, «гордые своими земельными владениями, своей силой и мужеством, составляли класс более надменный, чем древняя аристократия. Владеющие землей и людьми, вооруженные правами войны, суда и финансов, не считая множества других прав насильственного или своеобразного характера, **они представляются нам как будто людьми другой расы…** Обладая королевским правом объявления войны, сеньоры считали войну благороднейшим из занятий и, во время перерывов ее, доставляли себе только удовольствия охоты. Работа, промышленность и торговля считались презренным делом, которому нельзя отдаваться, не нарушая и не теряя своего царственного достоинства…

Свободные привычки германского воина обнаруживались и в феодальном сеньоре, который не мог выносить никакого господства над собой». Вот такие рыцари и были приглашены в Новгород.

Зачем новгородцы пригласили Рюрика? Многочисленные объяснения, которые я встречал у историков до сих пор, меня не удовлетворяли. На мой взгляд, Новгороду был нужен посредник для того, чтобы внедриться в германизированное европейское общество с его строгой родовой иерархией и прорваться на рынки, до того для него закрытые. Рюрик же принял приглашение, видимо, потому, что находился в весьма стесненных обстоятельствах. Ну, а раз он стал князем, то европейские рыцари, не находящие для себя куска хлеба в Европе, могли поступить к нему на службу, так сказать, без риска испортить трудовую книжку.

Принято считать, что Рюрик был скандинавом. Еще раз тщательно просмотрев источники, я по зрелом размышлении пришел к выводу, что это, думаю, ложное направление, вызванное к жизни тем, что антропологи причисляют скандинавов к германцам, поскольку они говорят на германских языках. Но местечковый психотип скандинавов сильно отличается от колонизаторского психотипа немцев, поэтому можно предположить, что скандинавы просто перешли на германский язык (как азербайджанцы-албанцы стали говорить по-турецки). Русские как этнос не имели никогда серьезных проблем со

скандинавами, если не считать обычных стычек оседлого населения с шайками грабителей, осуществлявших на них набеги. То, что викинги любили пограбить и позверствовать, так они, надо полагать, лишь слегка в этом отношении превосходили славян и прочую «мордву». Новгородские ушкуйники точно так же резвились на Волге, во времена Золотой Орды нападали даже на ее столицу Сарай и сжигали ее. А вот немцы с их жаждой (и навыками) колонизаторства были просто исчадиями ада. И главный пафос моей трактовки истории – именно антиколонизаторский.

Викингами были не только скандинавы. Занимались морским разбоем и фризы. Но они, как и даны – датские викинги – скоро перешли к более мирным занятиям: торговле, рыболовству и земледелию.

Несколько лет назад я прочитал, что в 862 году племя русов во главе с Хродриком Хафдарнсоном, сыном фрисляндского маркграфа, объявилось в Новгороде. Хродрик (в древнерусских хрониках – князь Рюрик) стал его правителем. Пираты быстро одержали верх над ослабленными междоусобиями соседними княжествами, и их территория стала стремительно расширяться.

Маркграфство Фрисляндия было небольшим государством на побережье Северного моря (ныне эта территория поделена между Германией и Нидерландами). Викинг, ставший маркграфом, – это уже вполне респектабельная персона, хотя его сынок еще продолжал участвовать в пиратских акциях. Но у пиратов не было родовой аристократии, поэтому на них и смотрели как на шайки, на «братву». Другое дело, если разбоем занимался благородный маркграф: у него и пиратство будет восприниматься как война феодалов, благороднейшее занятие. Фризы были германцами, гораздо более близкими к немцам, чем к скандинавам (которые имели предками готов – восточногерманские племена).

Если же подлинное имя Рюрика – Рерих, то, скорее всего, он был чистокровным германцем (немцем) – вспомним немецкие имена Фридрих, Аларих и др. Таким образом, речь должна идти о начале именно германской (немецкой) оккупации нашей страны, независимо от того, был ли Рюрик немцем или фризом.

О том, что это означало для древних русичей, рассказывается в статье Михаила Саяпина «Германский вопрос в истории Европы и России». Приведу лишь несколько положений этой работы.

В Новгороде, этой мужицкой республике, Рюрику и его дружине было неуютно. Новгородцы, призвав варягов, обставили их власть и само пребывание там весьма строгими ограничениями. И после смерти Рюрика его родственник Олег (Хельг или Хельги – в разных источниках это имя пишется по-

разному), прихватив с собой малолетнего Игоря (Ингвара), сына умершего князя, пошел вниз по Днепру и овладел Киевом, сделав его столицей своего государства. Так германцы стали правителями государства, вошедшего в историю под названием «Киевская Русь».

Послеримская Европа – продукт германских завоеваний

Государства современной Западной Европы сложились на основе тех государственных образований, которые возникли в результате завоевания этого ареала различными германскими племенами. Это были франки, англы, тюринги, тевтоны, готы и др. Вестготы дошли до нынешних Испании и Португалии, а вандалы даже переправились через Гибралтарский пролив и основали королевство в Северной Африке. (Оттуда они совершали столь разрушительные набеги на Рим, в ходе которых уничтожили величайшие культурные ценности, что само имя этого германского племени стало символом разбоя и невежества.) Упершись в берега Атлантического океана, германцы в процессе своей экспансии повернули обратно и стали покорять славянские племена. Так начался пресловутый «Drang nach Osten» («Натиск на Восток»), продолжающийся уже более 1200 лет. Мы часто говорим, что жертвами этого натиска стали полабские славяне, пруссы, ливы, но я ни разу не слышал, что самой-то большой его жертвой оказались славяне Руси.

«В результате германские завоевания, – пишет М.Саяпин, – сформировали в послеримской Европе германский по происхождению кодекс благородства, зиждившийся на двух столпах:

1) господин не происходит из числа подвластного ему населения, его род – пришлый в этих краях;

2) господин является полновластным хозяином своих людей, а не просто правителем данной местности.

Германская система землевладения фактически восстановила рабство».

По М. Саяпину, германцы установили в Европе понятие благородного человека – господина, кто имеет рабов. И если он по происхождению не имеет со своими подданными ничего общего, то и **воспринимается как представитель принципиально иной, высшей расы,** лишь в какой-то степени внешне схожий с породой зависимых людей. Вот и на Киево-Новгородских землях утвердилась княжеская династия германского происхождения, отношения которой с туземцами

отличали невероятный апломб, огромная родовая и расовая спесь, чувство природного превосходства благородного рода над местным беспородным населением – одним словом, вполне конкретный апартеид. Даже летописи, проходившие строжайшую цензуру князей, сохранили множество эпизодов, свидетельствующих о надменности германских властителей Руси. Вот один из них.

Князья Святополк и Владимир Мономах призвали Олега, много раз нарушавшего мир: «Иди в Киев, да заключим договор о Русской земле перед епископами, и перед игуменами, и перед мужами отцов наших, и перед людьми городскими, чтобы оборонили мы Русскую землю от поганых». Олег же, исполнившись дерзких намерений и высокомерных слов, сказал так: «Непристойно судить меня епископу или игуменам, или смердам». («Смерды» – это боярство с духовенством. Тут важно понимать, что и Владимир, и Святополк думали, разумеется, так же, только не всегда это высказывали открыто.) Германцы разделили население Руси на князей и смердов, среди которых была своя градация.

Рюриковичи стали замкнутой кастой, культивировавшей при своих дворах особую культуру, слабо связанную с культурой местного, в большинстве славянского, населения. Они демонстративно заключали династические браки исключительно с представителями знатных королевских родов не только Запада, но и Востока, пренебрегая местными. Князья могли иметь (и часто имели) любовниц из славянок, но представитель касты благородных князей связать себя брачными узами с унтерменшами (недочеловеками) мог только, лишившись рассудка (немногие случаи такого рода и рассматривались, как умопомешательство, и такой князь лишался княжества и всего остального, что было связано с принадлежностью к клану Рюриковичей).

Строго говоря, варяги не были в этом оригиналами, германские завоеватели всюду вели себя точно так же. Это отмечали еще славянофилы (странно только, что они не увидели подтверждения своих тезисов в истории собственной страны). Об этой особенности европейских государств, возникших из германских завоеваний, писал И.В. Киреевский:

«…общественный быт Европы, по какой-то странной исторической случайности, почти везде возник насильственно, из борьбы на смерть двух враждебных племен: из угнетения завоевателей, из противодействия завоеванных и, наконец, из тех случайных условий, которыми наружно кончались споры враждующих несоразмерных сил» *(Киреевский ИЗ.* Критика и

эстетика. М., 1979. С. 258).

И далее И.В.Киреевский не только проследил все последствия, вытекающие из этого фундаментального факта образования европейских государств из германского завоевания, но и предсказал неизбежный крах самих их устоев, но эти его выводы я оставляю в стороне.

Особенности завоевания Руси германцами

Когда историки говорят о мирном приходе варягов на Русь, они лукавят. Призвали Рюрика лишь в Новгород. А империя Олега создавалась разными способами, в том числе и огнем и мечом. Киевом он овладел, обманом заманив к себе и убив княживших там до него варяжских же завоевателей Аскольда и Дира. А потом начались настоящие военные походы для покорения славянских племен и принуждения их к уплате дани. Приведу лишь несколько строк из «Повести временных лет…»: «Начал Олег воевать против древлян и, покорив их, брал дань с них по черной кунице… Отправился Олег на северян, и победил их…» Воевал Олег с уличами и тиверцами и т. д. (особенно упорно сопротивлялись варягам вятичи).

Но надо отдать варягам должное. Они действительно показали себя прирожденными организаторами эксплуатации покоренного населения и обладали не только колонизаторской хваткой, но и стратегическим мышлением. Можно сказать, что отношения между князьями и славянским населением напоминали отношения Андрея Штольца и Ильи Обломова. Штольц непрерывно оценивает обстановку, чтобы из любой ситуации извлечь для себя выгоду. Образ Обломова российские критики трактуют по-разному. Для одних (еще от Добролюбова) это – воплощение лени и нежелания вообще что-нибудь делать, продукт уродливой социальной действительности России того времени. Для других (Михаил Пришвин, Юрий Лощиц) Обломов – натура героическая; он готов на подвиг, если его захватит великое дело. А если великого дела нет, то заниматься мелкими делишками и не стоит, лучше уж на диване поваляться. Когда к нам пришли варяги, это было нашествие Штольцев. А застали они на этой территории, по их мнению, Обломовых (хотя до написания романа Гончарова оставалось что-то около тысячи лет).

Варяги очень скоро подтвердили свою репутацию людей высшего типа. Олег предложил славянским племенам присоединиться к его грандиозному проекту: походу на Царь-град. Славяне и раньше совершали набеги на пограничные

провинции Византии, но это были именно набеги, хотя иногда славяне и оседали на землях империи. Варяги Аскольд и Дир тоже пытались совершить нечто подобное, но неудачно. А поход Олега оказался победоносным и показал, что князь-варяг мыслит не местечковыми, а вселенскими масштабами.

Но и после завоевания земель славянских племен считать это население покоренным было бы легкомыслием. Сбор налогов (то есть дани) тоже проходил как военная операция. «Пошел Игорь на древлян и, победив их, возложил на них дань больше Олеговой». Страна стала покрываться сетью княжеских форпостов, княжеских городов, призванных противостоять исконным, автохтонным славянским городам типа Ростова или Мурома. Население этих форпостов переселялось из разных мест, оказываясь оторванным от почвы и становясь опорой князей. Княжеские города-форпосты часто опознаются по названиям от княжеских имен: Владимир, Ярославль, Львов…

Хотя и при завоевании Руси варяги (и в целом, и в отношении к покоренному населению) остались германцами, все же им пришлось приспосабливаться к местным условиям прежде всего в силу очевидных объективных причин: их было крайне мало, а приглашать соплеменников (а значит, делиться покоренным) они (к счастью) не хотели. Говорить они быстро стали, видимо, по-славянски, да и имена их, начиная со Святослава, стали славянскими. Конечно, выбирали себе и детям своим не простонародные славянские имена вроде Добрыни или Вышаты, а аристократические: Святослав, Ярослав, Брячислав, Святополк и т. п. Возможно, на польский манер, где были короли Болеславы. Возможно, особенно полюбились им имена на *—слав;* можно предположить, что такое окончание было сродни германскому — *рих* (Рерих, Аларих и др.)

Князья стали именоваться не только по владению, но и по имени-отчеству. Старательно внедряя родовое, аристократическое начало и противопоставляя его местной «беспородной» общинной традиции, владение самой Русской землей Рюриковичи были вынуждены организовать на началах именно… территориальной общины: Киевская Русь до самого своего конца осталась совместным владением рода князей Рюриковичей. Среди них не было сюзеренов и вассалов, они все были соправителями Руси, и многие из них в принципе могли стать великими князьями, который считался лишь «первым среди равных». После смерти великого князя киевского великокняжеский стол переходил не к его старшему сыну, а к князю – старшему в роде, затем начиналось перемещение остальных удельных князей. Например, князь черниговский становился князем киевским, переяславский

– черниговским и т. д. То есть князь-Рюрикович не был органически связан с землей, которой владел, и зорко следил лишь за тем, чтобы при смене властителя в Киеве он не был ущемлен в своих правах. (Неоднократные попытки утвердить принцип «каждый владеет отчиною своею» ни к чему не привели.) При этом часто возникали споры из-за власти, но империя держалась именно на единстве династии. Князья сознавали себя «юберменшами» (сверхчеловеками), а славянское население – это были мужики (и, естественно, бабы).

Однако это не означает, что этот порядок всегда строго соблюдался. Стремление германцев решать все спорные вопросы силой и в Киевской Руси никуда не делось. Вот пример:

Великий князь Ярослав Владимирович, умирая, завещал трем своим сыновьям жить в мире друг с другом. Киевский престол он завещал старшему сыну – Изяславу черниговский стол – среднему сыну Святославу, переяславский – младшему сыну Всеволоду. Прошло совсем немного времени, и «воздвиг дьявол распрю в братии этой». Святослав был виновником изгнания старшего брата, так как стремился к еще большей власти. Всеволода же он прельстил, говоря: «Изяслав сговорился со Всеславом, замышляя против нас; и если его не опередим, то нас прогонит». И так восстановил Всеволода на Изяслава. Изяслав же ушел в Польшу со многим богатством, говоря, что «этим найду воинов». Все это поляки отняли у него и выгнали его.

Убийства, ослепление братьев, измены, нарушение клятвы, подтвержденной целованием креста, – это поступки, часто совершавшиеся членами одной семьи Рюриковичей. Словом, все как у людей. Рюриковичи вмешивались и во внутренние дела соседних государств. «Ходил Владимир, сын Всеволода, и Олег, сын Святослава, в помощь полякам против чехов». А другие Рюриковичи разоряли землю поляков и болгар, бились с венграми за пределами Руси.

От усобиц, споров, которые князьям приходилось разрешать военной силой, страдало мирное население. Опустошать землю князя-противника и уводить его людей в полон, «грабить и продавать людей» было обычным делом. В лучшем случае плененных жителей селили на землях захватчика, в худшем – продавали в рабство: «много христиан загублено было, а другие в плен взяты и рассеяны по разным землям». Страшно читать в летописях, как сотнями убивали мирных жителей, жгли города и села и даже святыни: «Олег, подступив к городу, пожег вокруг города и монастыри пожег… повелел зажечь Суздаль город…» Как князья приводили на Русь в качестве союзников в междоусобных войнах половцев и других чужеземцев, и те

грабили ее: «Половцы же стали воевать около Чернигова, а Олег не препятствовал им, ибо сам повелел им воевать. Это уже в третий раз навел он поганых на землю Русскую…» А уж забирать провиант у местных жителей считалось нормой. И в летописях появляются сетования: «наша земля оскудела от войны и от продаж».

Появились князья-изгои, которым не нашлось места на этом пиру жизни, и они тоже пытались устроить свое счастье – отнять уделы у тех князей, которые оказывались недостаточно сильными, чтобы удержать свои владения. В споры князей вовлекались их родственники – владетели соседних государств, которые тоже были не прочь поживиться за счет мирного населения Руси. Даже во время совместных военных походов у князей не было верховного главнокомандующего, а каждый из них действовал самостоятельно (пример – битва на Калке, закончившаяся столь печально). Княжеские семьи расплодились, князей стало, как звезд на небе. На Западе старший сын после смерти отца получал его землю, второй сын, вероятно, – деньги, на которые он мог обзавестись своим имением, а третьего и последующих сыновей снабжали конем и рыцарскими доспехами и отправляли «на ловлю счастья и чинов». А Рюриковичи всем сыновьям давали города, княжества все больше дробились на уделы, центры которых превращались в «гнилые местечки». Как тут не вступить в драку за сносные условия своего существования? Прав был академик Рыбаков, писавший, что **самым большим бедствием и проклятием Киевской Руси были ее князья.**

Сами князья, летописцы, а затем дореволюционные историки и публицисты много сделали для того, чтобы облагородить облик варягов-князей. Бывало, при жизни князь совершал страшные преступления, но после смерти летописец посвящал ему некролог-панегирик. Тут можно провести аналогию с известным высказыванием русского историка В.О.Ключевского: жития святых так же похожи на биографию, как икона на портрет. Не отрицая значения побед над внешними врагами и иных заслуг киевских князей, все же надо сказать, что коренные свойства германских колонизаторов они сохранили в полной мере, особенно надменность в отношениях с туземцами, алчность и неуемную жажду славы.

Желая укрепить свою социальную базу, впоследствии Рюриковичи предводителей славянских общин сделали боярами, своего рода местной квазиаристократией, а фактически коллаборационистами. Но настоящей аристократией бояре так никогда и не стали: Рюриковский клан строго следил за

сохранением непреодолимой границы между собой и туземцами. Князь – это был как бы прирожденный офицер, тогда как боярин – в лучшем случае вахмистр. Когда большое войско, под предводительством боярина, потерпело поражение от менее многочисленного противника, объясняли это просто: «Так князя-то там не было!»

До Смутного времени князем нельзя было стать (например, за заслуги), им можно было только родиться, то есть это была исключительная привилегия клана Рюриковичей; первым в князья (великие!) сумел прыгнуть из бояр Годунов, дальше титул князя получили от Лжедмитрия II Трубецкие… Петр I вообще решил приравнять князей к графам и баронам, но до самого конца монархии пожалование в князья было редчайшим исключением; самые заслуженные боярские роды типа Вельяминовых так и оставались нетитулованными. При этом, отметим, кавказские князьки сразу же стали полноценными российскими князьями. Салтыков-Щедрин с сарказмом описывал цель приезда в Петербург двух братьев-кавказцев, бывших карточными шулерами. Они требовали подтверждения их княжеского достоинства на основании того, что у них на родине были сакля и две козы.

Вот такой была Киевская Русь, которой владели князья – потомки германцев. При том анархическом и разбойническом строе, который в ней утвердился, остается лишь удивляться тому, что она просуществовала так долго – до XIII века.

Появление русского народа

Русский народ образовался на рубеже XI—XII веков на северо-восточной окраине Киевской Руси, в Залеской Руси или в Ростово-Суздальской (позднее названной Владимиро-Суздальской) земле. Туда в то время устремился мощный поток славян из терявших свое значение Киева и других южных княжеств (прежде пионерами освоения этого края были новгородцы). Причина проста: эксплуатация местного населения князьями Киевской Руси и ростовщиками, находившими княжеское покровительство, была очень жестокой, что неоднократно приводило к народным бунтам и вызвало массовое бегство населения из южных княжеств в Суздальскую землю. К тому же юг Руси в то время был изрядно измучен набегами половцев, истощен княжескими усобицами. При этом в числе переселенцев оказывались наиболее энергичные люди, не боявшиеся неизвестности. На новом месте, в отличие от южных княжеств, располагавшихся на черноземах, преобладали бедные подзолистые почвы. Это обрекало переселенцев на

занятия подсечным земледелием: расчистив от леса и удобрив участок золой от сожженной растительности, они снимали три-четыре урожая и затем переходили на новый участок, который нужно было отыскать среди болот, расчистить и удобрить. Это воспитывало у новых жителей Суздальской земли характер первопроходцев и «земледельцев-кочевников». Вот почему они впоследствии довольно быстро нашли общий язык с восточными кочевниками (крестьяне южных княжеств надобности в таком полукочевом образе жизни и «охоты к перемене мест» не имели, их к бегству могли подвигнуть только гнет «верхов» или опасения набегов кочевников (половцев и др.)). Среди этих переселенцев преобладали мужчины цветущего возраста. Они вынуждены были смешиваться, сочетаться брачными узами с местным населением – угро-финскими племенами (мурома, мещора, весь и пр.), что давало киевлянам основание свысока посматривать на представителей нарождавшейся великорусской народности.

Значение нового очага восточнославянской цивилизации первым осознал Владимир Всеволодович Мономах, которого отец еще юношей поставил первым князем в Ростове. Он основал в 1108 году в Суздальской земле и назвал своим именем будущую новую столицу Руси – город Владимир-на-Клязьме. В 1113 году Мономах стал великим князем киевским. А Суздальская земля была уделом его сына Юрия (Георгия). После смерти отца Юрий еще пытался из своего «захолустья» (с точки зрения надменных киевлян) вмешиваться в дела Киевской Руси, за что и получил прозвище Долгие Руки. Он трижды, вопреки действовавшему порядку престолонаследия, занимал киевский престол, причем брал Киев штурмом, и умер в Киеве (до сих пор так и не решен вопрос о переносе в Россию его останков, лежащих где-то завернутыми в газету в запасниках киевского музея). А уже его сын Андрей не пожелал оставаться в Киеве. Он, вопреки воле отца (согласно летописи, по указанию Богородицы), отправился в Суздальскую землю. При этом он взял с собой чудотворную икону Божьей Матери (позднее прозванную Владимирской). Как сказано в одной из повестей о его жизни, Андрей вовсе не намеревался везти обожаемую икону в Суздаль или Ростов. Он страстно мечтал о своем городе. Ему очень нравился Владимир, в ту пору местечко более чем захолустное. Впрочем, Андрей не сомневался, что способен любое захолустье сделать центром вселенной. Кроме того, он хотел абсолютной, непререкаемой власти, а в Ростове и Суздале добиться ее было бы невозможно. Там существовали свои вечевые традиции, причем очень сильные: князя непременно избирало вече, и во всех своих поступках он тому вече был подотчетен. Во Владимире же, который Андрей намеревался

сделать полноценным городом, он был бы сам себе господин. Себе – и всем прочим. И вот, вняв чудесному указанию свыше, недалеко от Владимира он устроил свою резиденцию Боголюбово. **Государственный переворот, который устроил Андрей Боголюбский и привел к установлению единодержавия во Владимиро-Суздальской земле, резко отделил ее от прежней Киевской Руси.**

«Но как же так, – задают мне недоуменные вопросы, – разве жители Киевской Руси, древние русичи, не были нашими предками, предками русских?» Вопросы эти наивны, но и на них придется ответить.

Во-первых, констатируем фундаментальный факт: **Русь – это германцы, норманны, варяги.** Вчитаемся в то место сочинения Нестора, где говорится как раз о событиях 862 года. «Изгнали варяг за море, и не дали им дани, и начали сами собою владеть, и не было среди них правды, и встал род на род, и была у них усобица, и стали воевать друг с другом. И сказали себе: «Поищем себе князя, который бы владел нами и судил по праву». И пошли за море к варягам, к руси. Те варяги назывались русью, как другие называются шведы, а иные норманны и англы, а еще иные готландцы, – вот так и эти прозывались. Сказали руси чудь, славяне, кривичи и весь: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами». И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собою всю русь, и пришли, и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, – на Белоозере, а третий, Трувор, – в Изборске. **И от тех варягов прозвалась Русская земля».** Естественно, варяги и у себя дома были русью, и доставшуюся им землю назвали Русью. А раз столицей этой земли стал Киев, то и государство получило название Киевская Русь.

И через 20 лет, в 882 году «выступил в поход Олег, взяв с собою много воинов: варягов, чудь, славян, мерю, весь, кривичей, и пришел к Смоленску..». И установил Олег «дани и славянам, и кривичам, и мери, и для варягов давать дань от Новгорода…». Наконец, в 907 году «пошел Олег на греков… взял же с собою множество варягов, и славян, и чуди, и мерю, и древлян, и радимичей, и полян, и северян, и вятичей, и хорватов, и дулебов, и тиверцев…». И вот все это воинство двунадесяти языков греки называли **русскими по названию германского племени,** составлявшего основу нового государства. Вот ведь Франция называется не по галлам – исконному своему населению, от которых и осталось только выражение «галльский петух», а по завоевателям-франкам. На переговоры с греками, запросившими мира, Олег послал Карла, Фарлафа, Вермуда, Рулава и Стемида –

сплошь германцев. По условиям мира Олег повелел на правах победителя: «Сшейте для руси паруса из паволок (то есть из особо драгоценных тканей), а славянам копринные», похуже. Для заключения письменного договора с греками Олег назначил внушительную делегацию – и опять целиком из германцев.

Вряд ли нужно доказывать, что еще долгое время простые обитатели этого государства не называли себя русскими, это было официальное название населения германского государства Русь. Люди по-прежнему осознавали себя полянами и кривичами, северянами и вятичами. Общим же их (кроме чуди и других неславянских этносов) полуофициальным названием было «славяне», поскольку говорили они на разных диалектах единого словенского языка. (Как в эпоху Возрождения практически не было в ходу название «итальянец», люди ощущали себя, прежде всего, флорентийцами или веронцами, пизанцами или венецианцами.)

И никаких «древних русичей» тогда не существовало. Люди жили, воевали, трудились, воспитывали детей, и им и в голову не могло прийти, что они какие-то древние. Всякое ныне живущее поколение – живое, не древнее, древним оно станет века спустя, и это название даст им наука. Точно так же мы говорим о древних греках или римлянах, но Перикл и Фидий, Цицерон и Цезарь вовсе себя древними не считали. Вдобавок слово «древний» принято использовать в отношении чего-то досредневекового. И только средневековая Русь оказывается Древней, чуть ли не первобытно-неолитической какой-то.

Осознание некоторого единства «русских» было, но важно понимать, что оно было на средневековом уровне – через признание власти династии. После крещения Руси, в ходе укрепления единства государства, слово «русский» постепенно начинает пробивать себе дорогу сначала в просвещенной прослойке, среди грамотных, но, возможно, до конца существования Киевской Руси так и не стало общепринятым, общенародным, о чем ниже еще будет сказано.

Постепенно роль местного населения, славян, в жизни государства повышалась. В летописях не раз встречаются эпизоды двоякого рода. «Олег вошел в город (Муром), и приняли его горожане». Или, напротив: «Пришел Мстислав из Тмуторокани в Киев, и не приняли его киевляне». В 1113 году после смерти великого князя в городе разгорелся сильный мятеж, вызванный чрезмерной жадностью ростовщиков. Может быть, смута затянулась бы надолго, но киевляне потребовали, чтобы великим князем стал, вопреки порядку престолонаследия, Владимир Мономах. И добились своего. Владимир укоротил алчность

ростовщиков и в последний раз объединил всю Киевскую Русь. После смерти его и его сына Мстислава Русь стала дробиться на отдельные, почти не зависящие от великого князя, княжества, а те – на уделы. В этом раздробленном и ослабленном состоянии она и подошла к своему концу.

Народы, как и люди, рождаются, развиваются (если не исчезают вследствие уничтожения посторонней военной силой), стареют и умирают. Вот и русский народ, великороссы, родился, впитав в себя наследие разных предков. Но наличие этого наследия не отменяет факта рождения русского народа в определенный исторический момент, рассмотренный выше.

Андрей Боголюбский – основатель Русского государства

Я здесь не скажу ничего особенно нового. Русские историки давно уже отметили выдающиеся качества и деяния Андрея Боголюбского и показали, что именно с его правления начинается новая эпоха в истории, а именно – появление зачатка Российского государства. Это впоследствии грань в истории страны (до Андрея Боголюбского и после него») была заболтана и, по сути, стерта.

В наши дни наиболее обстоятельно княжение Андрея исследовал Дмитрий Зенин. Но те моменты жизни и деятельности князя Андрея, которые интересны мне, более подробно изложены в исследовании Андрея Синельникова. Он не без основания заметил, что «о великом князе Андрее современники наши ничего не знают или почти ничего не знают. И это несмотря на то, что именно этот князь за годы своей деятельности изменил существующий жизненный уклад Руси того времени и направил его в новое русло государственного строительства». Но еще **историк С. М. Соловьев именно Андрея Боголюбского считал основоположником обустроенной русской государственности, именно с ним он связывал зарождение, становление и развитие великорусской нации. Н. П. Павлов-Сильванский начинает от Андрея Боголюбского отсчет времени, завершившийся в XVI веке созданием могучего централизованного русского государства.** В Германии этого князя называли Andrej von Rostov, der Grosse Koenig Rossia («Андрей Ростовский, великий король России»), что не удивительно. Его княжество было не только самым могущественным на Руси, но и одним из сильнейших государств Европы, и он находился в тесных сношениях с наиболее влиятельными светскими и духовными властителями Европы

своего времени. В их числе были императоры Византии и Священной Римской империи германской нации, патриархи Константинополя и Иерусалима, папа Александр III, а также епископ Кирилл Туровский, выдающийся русский литератор того времени.

А.Синельников уточняет основной принцип государственного устройства Киевской Руси: «Все Рюриковичи по рождению были природными государями, поэтому вассальные отношения ни на одного из них не распространялись. Каждый Рюрикович был потенциальным государем всея Руси и был сопрестольником ныне правящего великого князя. Князья русские находились между собою в родственных отношениях, а все остальное народонаселение всех званий, сословий и разрядов пребывало в служебных отношениях между собой и по отношению к Рюриковичам. Кроме того, Рюриковичи были в родственных отношениях с правящими династиями двух империй – Германской и Византийской.

В то время, о котором здесь идет речь, от Англии до Центральной Монголии существовал закон, по которому, если кто из детей монарха умирал, не успев короноваться, и у него оставалось потомство, то эти дети теряли право короноваться и, оставаясь членами правящего рода, выбывали из коронационной лествицы.

Такие люди относились к изгоям».

И далее: «…в начале последней четверти XI века Европа, несмотря на якобы имеющиеся трения между православным и римским духовенством, была общим домом для народов и знати. С общим социальным укладом, аналогичными законами… Вроде бы жить-поживать в этом большом семейном доме, да добра наживать, но…

Стержнем всего Средневековья, вокруг которого разворачивались трагические события на Руси, во Франции, Византии, Чехии, Дании, Германии… был конфликт между дядями и племянниками… Потомство Рюрика, распространившееся по всей Европе, было действительно благословенным. Следствием этой плодовитости стало ослабление и дробление высшей власти. Поскольку знать по своей природе была воинственной – прямо скажем, исключительно военной, – то если знатный человек снимал рыцарский пояс, это означало или крайнюю физическую немощь, или уход в монастырь. Война была основной формой существования средневековой знати, поэтому общий дом все время бурлил…» Более того: «В христианской Европе знать имела право служить любому государю, независимо от того, на чьей

территории находились ее владения. Барон-боярин мог без ущерба для своих владений воевать против того государя, в пределах власти которого была его вотчина (сеньория). Изменой считался переход на сторону противника во время боевых действий или без объявления причины отъезда. Поэтому все опоясанные мечом имели право свободного перехода…

От не прекращавшихся частных войн наибольшие потери несло мирное население и Церковь. Поэтому христианские пастыри в середине XI века выступили с инициативой Божьего мира».

По призыву папы Урбана II многие рыцари и простолюдины Европы отправились в крестовый поход и на короткое время отвоевали Святую Землю у мусульман. Но на этой земле, крошечном островке христианского воинства посреди бушующего мусульманского мира, нельзя было выжить, не положив конец бесконечным внутренним войнам. Там впервые было построено централизованное феодальное государство с соборным управлением. «В Европе же внутридинастийная чехарда продолжалась. Авторитет высшей власти упал до последней крайности… Император, король и наш великий князь киевский обладали в то время самой номинальной властью…»

Андрей Боголюбский проложил путь к новой государственности, по которому пошли также король Франции Людовик VII, император Германии Фридрих II Барбаросса, король Англии Генрих II и император Византии – Мануил I (кстати сказать, все они были в той или иной степени родственники). Путь этот заключался в обуздании вечно воевавших между собой вассалов и установлении единоличного наследственного правления великого князя (короля, императора). И вот что произошло на Руси.

«Соборное решение упразднило уделы в Ростово-Суздальской земле и объявило всех владельцев – под рукою Андрея. Иными словами, для всех социальных звеньев населения, включая Рюриковичей, в объединенном княжестве вассально-служебные отношения устанавливались как обязательные. Самое замечательное, что всеобщий вассалитет был установлен не единоличным решением святого князя, а приговором всей земли. Началась централизация государства». Бесповоротным этот процесс стал **в 1162 году, когда Андрей лишил уделов** и послал в Константинополь братьев, сына Мстислава и отцовских бояр (видимо, учиться уму-разуму, вернулись они через семь лет). **Здесь и пролегла принципиальная граница между Киевской Русью и созданным Андреем Боголюбским Великоросским государством. Киевская Русь оставалась очагом анархии и**

княжеских междоусобиц, а Владимиро-Суздальская земля была основана на единодержавии. И возникло это Великоросское государство ровно через триста лет после призвания варягов.

«Как отголосок этой победы приходят Андрею Боголюбскому поздравления от императоров Византии и Священной Римской империи германской нации, патриархов Константинополя и Иерусалима, папы Александра III и епископа Кирилла Туровского, выдающегося русского литератора того времени, – продолжает А.Синельников. – Поздравления и просьба взять под свою Державу Русь и другие земли…

В 1157 году умер (вероятно, был отравлен на пиру у киевского боярина) Юрий Долгорукий. Со всех сторон Руси к Андрею обращались с призывом взять всю Русь под Державу свою. Но только в 1169 году час Андрея пробил. К нему прибыла депутация из четырех князей и представителей 50 городов с просьбой защитить их от произвола киевского и других хищников. Андрей созвал собор во Владимире, который приговорил, что надо спасти Русь от пленения и разорения, для чего своих хищников укротить. Сам князь, признанный депутацией истинно Великим, в поход не пошел. Во главе войск он поставил своего сына Мстислава».

Мстислав штурмом взял Киев, «мать городов Русских». Киев был отдан на три дня войску победителей на разграбление. Но все священные реликвии (чудотворные иконы, мощи святых, ризы, книги, колокола и пр.) были тщательно собраны и вывезены во Владимирскую землю.

С тех пор Киев навсегда утратил право называться столицею Руси. Его князья, лишенные прежнего материального могущества и покровительства чудотворных икон и мощей, уже зависели от воли Владимирских держателей и утратили самостоятельность. Андрей, сохранив за собой титул великого князя, не переехал в Киев и не стал удерживать его за собой лично, а посадил в нем брата Глеба, поцеловавшего ему крест на всей его воле. А вскоре он объединил под своей властью почти все княжества Киевской Руси, но столицей этой империи оставил Владимир.

Особое значение имеет тот факт, что Андрей подчеркнул исключительность своего государства и нововведениями в сфере религии. В то время, как центральные храмы Киева, Новгорода и многих других городов Киевской Руси посвящались Софии – Премудрости Божией, Андрей ввел на Руси культ Покрова Богородицы, что было отмечено постройкой прекрасного храма Покрова Богородицы на Нерли. Смелость нововведений Андрея можно оценить, если учесть, что праздник Покрова Богородицы

был установлен в Византии в память о чудесном заступничестве Матери Божией за Константинополь, который был тогда осажден… воинством киевских князей. И в дальнейшем в землях Андрея храмы посвящались преимущественно Богородице.

Замечу, что Андрей был женат не на княжне или принцессе, а на славянке, дочери казненного Юрием Долгоруким боярина Кучки Улите. Такой брак, по тогдашним меркам, считался явным мезальянсом.

Андрей Боголюбский, видимо, сознавал принципиальное отличие его великого княжества от других княжеств Киевской Руси, понимал, что оно представляет собой более высокий тип государственного устройства, отвечающий новым требованиям времени, и делал все, чтобы подчеркнуть это обстоятельство.

И вот, по А.Синельникову, финал:

«Наконец, наступил долгожданный момент истины. В начале 1174 года противники и союзники пришли просить у Великого Князя защиты, суда и Правды. Предлагали провести во Владимире или Боголюбове общий съезд (собор). Андрей несколько месяцев молчал, наконец, отпраздновав Светлое Воскресение Господне, ответил: «Подождите немного, пошлю по братию свою на Русь».

Но 28 июня 1174 года святой благоверный Великий Князь Киевский и Владимирский Андрей Георгиевич был убит заговорщиками в своем замке Боголюбово.

В чем величие князя Андрея Боголюбского? Он вырвался из мира княжеских усобиц и первым начал строительство Владимиро-Суздальской земли **как общенародного государства.** Тут была опробована «модель единства партии и народа». Православие стало религией всего народа – и элиты, и «низов». Стало престижным служить православному государю. Андрей в своей земле покончил с национальным унижением и иноземным порабощением. Все это впоследствии было подхвачено Московским государством. Это нашло отражение и в литературе того периода.

В Киевской Руси туземное население было отключено от политики и очень редко заявляло о себе. Летописи повествуют почти исключительно о деяниях князей, да и то далеко не всех. Как только князь выбывал из борьбы за киевский стол, так он и исчезал со страниц летописи. А об удельных князьях часто вообще не упоминается, кроме констатации того факта, что у такого-то князя родился сын, и о его судьбе ничего больше не известно.

После короткого периода смуты на великокняжеский престол во Владимире вступил младший (сводный) брат Андрея Всеволод

Георгиевич Большое Гнездо (прозванный так за многочисленность его потомства). Но наступала новая эпоха в истории Руси. К ее границам приближалась Орда.

Всеволоду наследовал его сын Юрий Всеволодович. Он пытался противостоять ордынскому нашествию, но его войско было разбито, и сам князь погиб в битве. Владимирская Русь стала частью улуса Джучи империи Чингизидов. Брату Юрия Ярославу Всеволодовичу пришлось получать ярлык на великое княжение у хана Батыя. Ярослав настолько понравился Батыю, что они стали побратимами. Ярослав даже представлял интересы Батыя на Всемонгольском курултае в Каракоруме, где выбирали нового великого хана на место умершего.

Надо представить себе, что значило для русских князей съездить в Каракорум, за тысячи километров. Они не просто повидали многие страны, но и знакомились с достижениями великой восточной империи – дорогами со станциями смены лошадей, с ямской почтой и пр. Это чрезвычайно расширяло кругозор князей, давало им возможность ознакомиться со строем восточной демократии (выборность великого хана, единое законодательство, веротерпимость и т. д.) и, в конечном счете, предопределило смену ориентации с Киева на Каракорум. Евразийцы были правы, когда утверждали, что Московская Русь была созданием не только киевских князей, но и монгольских ханов.

Но наиболее выдающимся государственным деятелем становящегося Русского государства, умело использовавшим союз с Батыем (сыну которого Сартаку он стал побратимом), был сын Ярослава, великий князь Владимирский Александр, получивший название Невский за свою победу над шведскими интервентами на реке Неве. Как показал Дмитрий Зенин, знаменитое «Ледовое побоище» было вовсе не сражением русских с немецкими псами-рыцарями, а битвой Александра с русскими князьями – противниками единодержавия, которых поддержали новгородцы и небольшое количество немецких рыцарей, изгнанных из своего ордена.

Русь Северо-Восточная – антипод Руси Южной

Владимирская (а позднее Московская) Русь не только не была преемницей, тем более клоном Киевской Руси, но и представляла собой полнейшее ее отрицание.

Вообще Киевская Русь была европейским государством, изначально ориентированным на Запад.

В Северо-Восточной Руси складывается совершенно иной

общественный и государственный строй, чем был в Киевской Руси, основанный на самодержавии, на правлении великого князя (впоследствии царя) без веча и дружины, что характерно для русского менталитета. Совершенно иными стали и ее торгово-экономические и культурные связи с зарубежьем.

Складывавшемуся русскому народу не пришлось выбирать веру, терзаться сомнениями, посылать послов для ознакомления с разными вероисповеданиями. Но все же в Киевской Руси православие оставалось в значительной мере верованием элиты. А с укреплением нового строя государства параллельно шло распространение православной веры вширь, в массы. Новые черты православию придало именно укрепление культа Богородицы в землях Андрея Боголюбского и установление нового религиозного праздника Ее Покрова, что, как уже отмечалось, стало открытым вызовом Киеву. На такой поступок способен лишь истинный реформатор, даже революционер. Новшества Андрея в религиозной области можно сравнить только с реформами Петра I. Со времени Андрея в русском православии еще более важное место занял именно культ Богородицы.

Жители Суздальской земли уже не называют свой край «Русью». Для них, как и «для суздальского летописца «Русь» – Юг, Приднепровье, Киев. А он сам – житель земли Суздальской» *(Мавродин В.В.* Происхождение русского народа. Л., 1978. С.163)

Окончательную точку в противостоянии Киева и Владимира поставило ордынское нашествие. В результате его Киевская Русь пала и более не возобновлялась. Сам Киев был разрушен до основания, и на протяжении десятилетий это место оставалось безлюдным. Опустошены были и другие срединные земли Киевской Руси. Западные ее земли постигла иная участь. Князь Даниил Романович получил титул короля от римского папы, под покровительство которого отдал галицкие и волынские земли. Позднее Киев и большая часть Правобережной и частично Левобережной Украины, а также земли нынешней Белоруссии попали под власть Великого княжества Литовского, которое образовало унию с Польшей. Южные области подвергались систематическим набегам со стороны образовавшегося в XV веке Крымского ханства, и после каждого налета длинные вереницы пленных украинцев тянулись на юг, чтобы пополнить невольничьи рынки в разных концах Европы и Азии. В XVI веке возникла Запорожская Сечь – центр украинского казачества, жившего не столько хозяйственной деятельностью, сколько военной добычей. Эта казацкая военная демократия вела почти непрерывные войны с Польшей, Крымским ханством, Турцией и Россией. В этой обстановке формировалась украинская нация. В

землях литовских образовался белорусский народ (государственным языком Литовского государства был белорусский).

Но только младшему сыну Александра Невского Даниилу, которому достался в удел город Москва, пришлось сыграть роль основателя нового Великорусского государства. На протяжении нескольких столетий произошло «Собирание русских земель вокруг Москвы», что привело к образованию **империи Даниловичей.** В ней и выработалась у русских «служилая» система ценностей с обостренным чувством долга (в противовес западному акценту на чести), почитанием личных, а не родовых заслуг, подчинением частной и семейной жизни «общему делу» и т. д.; словом, тот комплекс, какой отличает патриота и защитника Родины от обывателя. Именно в империи Даниловичей сложился **тот тип государственности, который определил на века облик России и русского человека – Православное Самодержавие.** В правление Великого князя Московского **Василия II** утвердилась идея строя Православного Самодержавия – **«один народ, одно государство, одна вера».** «Выше этих высот и шире этих широт русское национально-религиозное и религиозно-национальное самосознание по существу никогда не подымалось» *(Карташов А.В.* Воссоздание Святой Руси. Париж, 1956; М., 1991. С.32.) Столица мирового православия перешла из павшего Второго Рима в Москву, Василий II получил свыше посвящение в **«подлинного вселенского царя всего православия».** А в правление **Ивана III** Европа увидела возникшую на своих восточных окраинах «огромную империю» московитов. В это время произошла смена вектора европейской политики России с северного (Германия, Франция) на южный (Италия), и этот поворот оказал большое влияние на развитие русской культуры. Идея «Москвы – Третьего Рима» становится основой официальной государственной идеологии. Заканчивается эта эпоха грандиозной утопией христианского государства **Ивана Грозного.** Учреждается опричнина как духовно-рыцарский орден. ***Самодержавная революция*** окончательно утверждает основной принцип русской государственности. **Православие было в тот период лишь иным выражением принципа идеократии, а самодержавие – формой проявления принципа нераздельности власти. И оба эти принципа и в дальнейшем соединялись в русском мессианизме: Россия должна быть мировым лидером,** будь то страна с единственно правильной верой (как при Василии II) или с наиболее совершенным общественным устройством (как в СССР), и открыть путь в светлое будущее всему человечеству. Отсюда и *стремление русских сбиться в тоталитарный монолит,*

и поиск сверхмиссии.

А вечной оппозицией носителям этой идеологии – московским князьям-царям – было боярство, точнее, бывшие князья-Рюриковичи, которые оказались боярами на службе у великого князя Владимиро-Суздальского, а впоследствии – у великого князя Московского и царя русского. Не боярство как сословие, а вот это именитое боярство бывшие князья-Рюриковичи, имевшее (и стремившееся навязать обществу) противоположные взгляды на смысл жизни человека и его достоинство, традиционные для европейцев (и для Киевской Руси). То есть оно в России было объективно прозападной партией. (Ныне преемником боярства выступает, по самоназванию, «креативный класс» – в основном творческая интеллигенция средней руки и офисный планктон.)

Однако не надо забывать, что Московия существовала не в безвоздушном пространстве; к XVI веку Европа стала стремительно, по нарастающей нестись вперед по пути культурного и технологического могущества. После попытки Ивана Грозного «поставить на место» иноземных монархов своей родовитостью и фактом мистического помазания на царство (чего не было у европейских императоров, просто получавших корону от папы), перед российскими правителями встал вопрос догоняющей модернизации. Насколько Россия должна быть собой (т. е. тоталитарной, с единой и неделимой властью), а насколько – Европой (т. е. кланово-корпоративной), решалось на разных этапах русской государственности по-разному.

Попытка «модернизатора» (даже отправившего нескольких юношей учиться за границу) Годунова кончилась полным крахом и гражданской войной (подпитывавшейся, видимо, тем, что верхи выдвигали одного просвещенного правителя за другим, а «низы» в них не видели привычных государей, или, как принято было в то время, считали их «подмененными»). Так шло до избрания царями Романовых.

Романовы не были Рюриковичами, а всего лишь боярами. (Но доводом для их избрания на царство было то, что они находились в самой близкой связи с прекратившейся царской династией, но… по женской линии.) И с точки зрения князей, оказавшихся подданными царя, Романовы представляли собой выскочек, не имевших законного права на трон. (Это тонко уловил Пушкин, у которого в «Борисе Годунове» оппозиционеры толкуют между собой: «Шуйские, Воротынские – природные князья».) Поэтому отношение первых Романовых на троне к князьям-Рюриковичам было двойственное.

С одной стороны, они чувствовали свою чужеродность в среде

этих «природных князей», ощущали нечто вроде зависти к ним и долго опасались заговоров с их стороны.

С другой – им хотелось подчеркнуть, что они – продолжатели дела Рюрика и его потомства, властители созданного Рюриковичами государства. И эта двойственность стала визитной карточкой русских царей до самого конца их существования: они были вынуждены видеть в себе и европейских государей, «первых рыцарей» элиты, и московских православных самодержцев. Каждый из царей решал этот выбор по-своему, склоняясь больше туда или сюда, но в целом Российская империя стояла враскоряку между позицией подчинения цивилизованному миру и охранительным национализмом. А короче такое состояние называется полуколониальным.

А в целом политика Романовых на втягивание России в Европу кончилась грандиозным крахом. Это показала Гражданская война в России, во время которой народ (а это были не столько большевики, сколько крестьяне, матросы и анархисты) с невероятным наслаждением расправлялись со всем, что несло на себе унизительную для них печать старого мира, прежде всего с офицерством и чиновничеством.

Октябрьская революция 1917 года положила конец этой западнической России и открыла новую, советскую эпоху в истории нашей страны.

Советский период по историческим меркам был короткий (всего 74 года). Но кто сказал, что он однозначно кончился навсегда? (Особенно в свете последних президентских выборов.) Он оказал огромное влияние не только на жизнь народов нашей страны, но и на судьбы всего человечества. Уверен, что изучение его опыта, причин успехов и провалов будет служить основой для выработки путей развития России в ближайшие десятилетия. И этот опыт еще послужит не только России, но и всему человечеству.

Мы живем в переходный период, когда советский строй рухнул, попытки построения общества западного типа в современной России окончились крахом, а форма правления, государственный строй и общественные отношения, которые придут на смену нынешним, еще не ясны (хотя можно об их сути и догадываться).

Так сколько же лет российской государственности?

И вот в этой обстановке полной неясности в отношении будущего России в стране намечено торжественно отпраздновать 1150-летие российской государственности. Дескать, в 862 году

новгородцы призвали варяжского князя Рюрика править их великой и обильной землей, в которой, однако, нет «наряда», должного управления.

А когда Олег захватил Киев, возникла Киевская Русь, с порядками которой решительно порвал Андрей Боголюбский.

Значит, Россия намерена торжественно отметить 1150-летие мирного захвата Новгорода отрядом варягов-разбойников, которые потом огнем и мечом распространили свою власть на всю тогдашнюю Русь и угнетали ее народ? И в то же время она не намерена отпраздновать случившееся ровно триста лет спустя становление единодержавия в зачатке Русского государства – в великом княжестве Владимирском, в котором были заложены основы именно русской государственности?

Не покажется ли такой юбилей странным тем, кто хотя бы немного в ладах с историей?

И не будет ли стыдно за него организаторам перед потомками?

Россия – без исторической науки

Вряд ли кто станет отрицать, что история России сознательно фальсифицировалась. Скажем, «киевское» летописание – фактически княжеско-придворное, когда деяния одних князей фиксировались, а другие, не интересные «общественности», исчезали из истории. Да и до Владимира Мономаха, строго говоря, летописания у нас не было, потому что главные летописи опираются на сочинение монаха Нестора, переработавшего труд другого монаха, Моисея, историческая ценность которого без его поверки параллельными источниками сомнительна.

Но это так, кстати, потому что мы, широкая общественность, читаем не летописи, а труды историков – от знаменитых до авторов школьных учебников. А отечественная классическая история старательно фальсифицировалась казенными историками в русле проводимого властью курса на необходимость понимания русских как народа безусловно европейского, что приводило к чудовищным искажениям в исторической картине. Не были свободны от идеологических шор и субъективизма и классики исторической науки – Н.М. Карамзин, С.М. Соловьев, Д.И. Иловайский или Н.И. Костомаров, не говоря уж о В.О. Ключевском. Как справедливо замечает новосибирский историк, философ и культуролог Виктор Дорошенко, «все русские историки – Карамзин, Соловьев, Ключевский – европеизированные, а не собственно русские. Это истории, написанные в европейских понятиях о русских событиях.

Собственной истории России мы до сих пор не имеем». Еще Ф.И.Тютчев замечал: «Вся история России в допетровский период – сплошная панихида, а после Петра – одно уголовное дело» (с первым положением можно согласиться, заменив лишь панихиду на свалку или помойку).

В советский период история преподносилась сначала на основе схем, построенных на принципах марксистского экономического детерминизма («школой Покровского», все же имевшей ряд достижений по сравнению с дореволюционными историками). Затем ее перекраивали так, чтобы ярче выступили «доблестные образы наших великих предков», также далекие от объективности. И… в результате советская историография фактически оказалась клоном дореволюционной с той лишь разницей, что царей принято стало не воспевать, а ругать, а Божественный Промысел заменили классовой борьбой. В итоге, как заметил писатель Михаил Веллер, вместо историю мы имеем мифологию.

Конечно, труды по истории непременно несут на себе печать субъективного ее понимания автором, поскольку история, увы, наверное, из всех гуманитарных дисциплин меньше других стала наукой, т. е. занимается не сравнением (что лежит в основе научного знания вообще), а фактоизложением. К тому же мы подчас не знаем достоверно ничего даже о больших событиях, свидетелями которых были сами. Например, люди моего поколения, которые в 1950-е годы были уже взрослыми, не знают доподлинно (как не знают этого и все ныне живущие россияне), при каких обстоятельствах умер Иосиф Сталин или кончил свою жизнь Лаврентий Берия. Можно ли считать достоверными свидетельства летописцев, относящихся к временам «на заре туманной юности» Руси? Но есть и такой важный момент, как общественные ожидания. В жизни народов периоды подъема обычно чередуются с временами спада. «Есть время разбрасывать камни и время собирать камни». В 90-е годы был сильный спрос на негативное толкование истории, и «ученые», осознавшие этот спрос, нашлись. Были среди них и просто болтуны, но основным мотивом было все же четкое желание любой ценой возвести «имя славное россов» к «благородным князьям киевским». Ныне идет, нарастая, процесс подъема страны, и появляется спрос на историю, концептуально альтернативной либеральной (навязывавшейся нам не десятилетия, а столетия) Конечно, не будем обольщаться ее чрезмерной объективностью, но, по крайней мере, есть надежда, что она наконец-то вымоет из сознания откровенную клеветническую ложь либеральной историософии. А исторических трудов, отвечающих этому спросу,

освещающих события минувшего так, чтобы из них можно было извлечь полезные уроки для наших дней, пока не создано. Так время ли сейчас ломать копья вокруг фигур полумифического Рюрика или Олега, больше известного по легендам, чем по реальным источникам? Особенно если учесть, что совершенно не разработаны важнейшие вопросы истории становления именно Русского государства, началом которого стало Владимиро-Суздальское княжество Андрея Боголюбского. Ведь этот-то период не нуждается ни в каких мифах и легендах, исторические свидетельства о нем, причем подлинные, в изобилии. Так что дело лишь за тем, чтобы преодолеть косность академической исторической науки, избавиться от стереотипов и взглянуть на историю России без шор на глазах.

Не норманнская теория, а русская историософия

– Ну, вот, – скажет рассерженный читатель, – объявился еще один глашатай норманнской теории, ложность и идейную порочность которой показали выдающиеся отечественные ученые, начиная с нашего величайшего гения Михаила Ломоносова.

И этот читатель будет неправ. Моя версия нашей истории не имеет к норманнской ее теории ни малейшего отношения.

Сторонники норманнской теории считали, что варяги (норманны) создали государственность на пространстве от Новгорода до Киева, а в дальнейшем на всей территории, впоследствии получившей название Киевской Руси. Но как раз против этого их тезиса я решительно возражаю.

У населения на означенной территории уже была государственность до прихода варягов в Новгород. Сам Новгород, который имел обширные связи с Западной Европой и стоял у начала одной из важнейших транспортных артерий Европы того времени – водного пути «из варяг в греки», – был республикой с весьма сложным государственным устройством. Тот факт, что Новгород не раз давал отпор варягам и другим захватчикам, свидетельствует об этом. Скандинавы называли Русь Гардарикой – «страной городов». Вещий Олег по пути к Киеву овладел уже существовавшим городом Смоленском. Существовали тогда, кроме упомянутых у Нестора Белоозера и Изборска, такие города, как Ростов, Муром и, вероятно, другие. И, конечно, это были не какие-то бесформенные образования, а достаточно прочно стоявшие на ногах города. В некоторых отношениях они, видимо, были похожи на древнегреческие государства-полисы.

Была своя государственность у древлян. Были у них князья, были города, была столица Искоростень. А, надо думать,

древляне не были наиболее развитым этносом среди восточноевропейских славян.

Но эти небольшие государства не были объединены. Возможно, они со временем образовали бы единое государство по мере развития товарно-денежных отношений. Возможно, одно племя или княжество, возвысившись, подчинило бы себе остальные. Или явная угроза иноземного порабощения заставила бы все княжества сплотиться. Так или иначе, объединение произошло бы, но в итоге образовалось бы суверенное славянское государство. Но этот процесс был прерван нашествием варягов. **Германцы не создали государственность на нашей земле, а разрушили ее, чтобы навязать свою, колониальную, основанную на иерархии родовой аристократии.** Гитлер был не прав, когда восхвалял роль германского элемента в становлении русского государства.

Варяги не завоевывали Русь так, как германцы завоевали Западную Европу, а постепенно, хотя часто и силой оружия, прибирали ее к рукам. Они пришли в ореоле существ высшего порядка, пусть и не так, как впоследствии кучка конкистадоров в Южной Америке являлась к туземцам посланцами бога солнца и «окультурила» огромные территории.

Германцы, как отмечал еще Г.Дюкудре, были анархистами, немецкие порядок и дисциплина воцарились у них много позднее, с появлением духовно-рыцарских орденов, на базе которых затем возникла Пруссия. Во времена Рюрика государственность у германцев еще была очень слабой. Карл Великий стал императором в 800 году, но после его смерти в 814 году его империя вскоре распалась на три части, а затем стала дробиться – уже на десятки и сотни частей. Священная Римская империя германской нации была создана Оттоном Великим в 962 году – ровно через сто лет после появления Рюрика в Новгороде. Оттоновское Возрождение, этот золотой век немецкой культуры, – явление еще более позднее, чем явление Рюрика Новгороду. Но германская династия представляла собой высококультурных колонизаторов с достаточно развитым социальным сознанием. Это и было важным фактором их утверждения в Руси.

Если бы иначе сложились исторические обстоятельства, то, возможно, славянам новгородско-киевских земель грозила бы участь пруссов. Их бы онемечили, и они исчезли бы с исторической арены как субъекты истории. И германцы поступали бы со славянами, как обры (авары) с дулебами. Аварец возлежал в повозке, которую везли запряженные вместо лошадей славянские девушки. Так что нам следует не только знать свою историю, но не забывать и о предыстории – более чем

тысячелетнем периоде немецкого господства (в разных формах) на Руси.

Актуальная публицистика

Новый Путин: многие вздрогнут…

В 2012 году новому нэпу могут так же свернуть шею, как ее свернули и тому нэпу, а покушение на доходы чиновников в сотни миллионов рублей может стать новым раскулачиванием…

Речь у меня пойдет о классовой борьбе в современной России. Вторично сбывается предсказание Владимира Ульянова-Ленина: мировой центр революции как высшей точки классовой борьбы переместился в Россию. И никогда еще за всю многовековую историю нашей страны классовая борьба не достигала такой остроты, никогда еще от исхода ее в такой мере не зависели будущее, само существование России, как в наступившем 2012 году. Быть или не быть России – зависит от того, устоят ли революционные силы – большинство народа, возглавляемое Владимиром Путиным, под напором крикливого меньшинства из российской мелкой буржуазии, финансируемого крупным туземным и международным финансовым капиталом и опирающегося на всестороннюю поддержку всех сил мировой реакции.

Самое поразительное заключается в том, что именно в России-то никто и не оценивает нынешнюю ситуацию в стране в категориях классовой борьбы. Похоже, российская общественность, давно уже «забившая последний гвоздь в крышку гроба коммунизма и марксизма-ленинизма», вместе с ушедшим 2011 годом распрощались и вообще с классовым подходом к явлениям общественной жизни. По словам профессора Николая Скатова, «мы от абсолютизации классовой борьбы рванулись к ее отрицанию, то есть либо по-ястребиному высматривали ее там, где она отродясь не водилась, либо по-страусиному прячем голову, по которой она уже лупит» («ЛГ», № 52, 2011). В СМИ давно уже почти не употребляется даже само слово «класс», если не считать причитаний о скорбной доле так называемого «городского среднего класса», который не выдержал долгого пренебрежения его властью и вышел на митинги протеста. Между тем этот класс можно уподобить приснопамятному подпоручику Киже, который, как известно, был «секретным» и «фигуры не имел». Вот и авторитетные социологи признали, что в современной России подлинный средний класс отсутствует, да и в странах Запада он усиленно размывается и находится в преддверии полного исчезновения. Лидеры России как огня боятся определения нашей страны как буржуазной или капиталистической, а уж о советском нашем прошлом и о социализме вообще стараются не вспоминать, видимо, полагая,

что это нечто постыдное. Н.Скатов объясняет это нынешнее отрицание классового подхода полярностью русской жизни, ее тяготением к противоположностям. В действительности замалчивание, отрицание классовых интересов интенсивно насаждалось в обществе – именно в интересах господствующего класса, которому пробуждение классового сознания у «низов» не сулит ничего хорошего.

Но не рановато ли отказываться от классового подхода? Классы, классовые интересы, очевидно, живы и умирать не собираются, давая о себе знать не только в традиционных формах забастовок и демонстраций, но и в движении антиглобалистов, радикальных экологов или в акции «Оккупируй Уолл-стрит»… Да и в родных палестинах к их поиску привлекать детективов не потребуется, достаточно с классовой точки зрения посмотреть на деяния борцов «за честные выборы!».

Я, конечно же, сторонник стабильности и категорический противник всего, что может послужить разжиганию межнациональной, межконфессиональной и социальной розни в стране. Однако как человек, не чуждый науке, убежден, что все, существующее объективно, подлежит беспристрастному исследованию. Не составляет исключения из этого правила и классовая проблематика. Не пора ли взглянуть с классовой точки зрения и на нынешнюю Россию, а на этом фоне – и на антипутинскую кампанию, принявшую в последнее время форму настоящей массовой истерии? При этом я сознаю, что в стране разные люди по-разному относятся к Владимиру Путину, это нормально. Исследованию подлежат не классы или слои, не приемлющие Путина, а именно те, кто пребывает в истерии по этому поводу или же инициирует антипутинские акции, используя заведомо лживые доводы, и не останавливается перед настоящими преступлениями ради достижения своих корыстных целей.

Невидимая война

Но почему же российская общественность не видит в происходящем в стране проявлений острейшей классовой борьбы, фактической интервенции Запада на новом этапе никогда не прекращавшейся его войны против нашей страны? Тут причин несколько.

Во-первых, это война пока еще не с использованием вооруженных сил, а преимущественно информационно-психологическая и идеологическая. Россия к таким войнам никогда не была готова и, как правило, терпела в них поражение,

особенно на первых этапах. Каждый раз враг успевал настроить мировое общественное мнение против России (к чему оно, особенно в странах Запада, было склонно изначально), прежде чем раскачавшиеся российские органы пропаганды донесут до всего мира правду, что обычно напоминало махание кулаками после драки. Достаточно вспомнить российско-грузинскую войну в августе 2008 года.

Во-вторых, выступление российской буржуазии против власти становящейся на ноги России либералы представляют как акции протеста молодежи из среднего класса как самой передовой и прогрессивной части общества, уже достигшей материального благополучия и теперь требующей свободы и демократии в соответствии с непреложным законом общественного развития. Но в действительности картина совсем не такая, как это убедительно показала социолог из Пензы, кандидат философских наук Анна Очкина. Она вспоминает, как смеялись студенты в конце 90-х – начале 2000-х годов, когда она рассказывала им о Советском Союзе, о социальных гарантиях, социальной защищенности и пр. Они были уверены в том, что каждый должен строить свою карьеру сам, как и в том, что им принадлежит будущее, а взгляды их преподавательницы устарели. Теперь картина совсем иная. Пришли студенты, родившиеся в 1991 году и позднее. Они не знают не только СССР, но и ельцинской России. Однако они, еще не понимая, уже хорошо прочувствовали, что такое эксплуатация, что такое социальные права и их отсутствие. Им понятно, что при том направлении, в каком ведется реформа образования, они и их дети достойного места в жизни не займут. И они чувствуют, что в одиночку тут ничего изменить нельзя, тут нужно нечто общее, общественное, и рассказ про опыт СССР слушают очень внимательно.

Вот и в Москве на митингах «За честные выборы!», как любят говорить сами организаторы, основу митингующих составляли сытые, благополучные, состоявшиеся, то есть отнюдь не студенты-первокурсники. Свое состояние они заработали не трудом раба на галерах, это было время приватизации по блату и разных спекуляций. Многие начинали как челноки, а это приучает к вольной, анархической по характеру жизни. От них можно было услышать рассказы о том, какая это прелесть – в любое время, когда захочется, погрузиться в воды моря под тропиками, пожить то на Багамах, то в Сингапуре. Мне самому доводилось слышать от некогда первоклассного, от Бога, инженера, который вступил на стезю частного предпринимательства: «Никогда и ни при каких обстоятельствах на работу в государственном учреждении не вернусь!» (Сейчас он, постаревший, с тоской вспоминает, как

его конструкторское бюро работало над созданием новой ракеты для подводных лодок, какая была атмосфера в коллективе, а главное – какой могучей была страна, для которой они эти ракеты создавали!) Поэтому в столице паразитическая прослойка особенно велика. Самыми умными и перспективными они назвали себя сами, не имея на то никаких объективных оснований. В действительности они примитивные, мало образованные и некультурные, зато эгоистичные и агрессивные (см. ниже их характеристику, данную социологом Леонтием Бызовым). Но на смену им и здесь приходит молодежь, которую словами о свободе и демократии не очаруешь, они ими уже сыты по горло и потому требуют чего-то более существенного: реального права на труд и социальной защищенности как минимум. Поэтому нынешние «протестанты» – не цвет нашего общества, а «прокладка» между двумя поколениями, равно удаленными от либеральных ценностей. Они – беспочвенные, космополитически устремленные, а на смену им идут русские патриоты (я говорю о русских, не касаясь других народов России, о которых нужен особый разговор).

В-третьих, война эта сетевая, ее ведут не на одном фронте, а по всей территории страны, в том числе и в глубоком тылу, где давно уже обосновались тысячи неправительственных и некоммерческих организаций, получающих обильные гранты из-за границы. «Протестанты» широко используют социальные сети в Интернете, что позволяет им, меньшинству, быстро мобилизоваться и создать численное превосходство на решающем в данный момент направлении.

Лидеры «протестантов» утверждают, что Путин ориентируется на старшее поколение, воспитанное телевидением и не ладящее с Интернетом. Но это не так. Да, такая прослойка в обществе есть, ей нужна прежде всего стабильность, чтобы не лишиться гарантированного получения зарплаты или пенсии. Однако еще больше россиян хотят не только стабильности, но и развития, даже реванша, чтобы Россия вновь стала великой державой, к голосу которой будет прислушиваться мир. Как говорил Александр III, без согласия России ни одна пушка в Европе не могла стрелять. Без учета позиции СССР не решалась ни одна мировая проблема. Тем более важно, чтобы голос России был услышан сейчас, когда Запад, оказавшись в безысходном тупике, толкает человечество в бездну, в огонь, в котором могут сгореть все, в том числе и сами толкающие. В постиндустриальную эру Россия, в силу уникальной творческой одаренности русского народа, достойна занять место мирового лидера, а на смену «американской мечте» может прийти «русская

мечта» об обществе равенства и социальной справедливости».

В-четвертых, российское общество все более явно раскалывается на силы стабильности и развития, возглавляемые Путиным, и «протестантов», у которых нет никакой положительной программы и которых объединят единственная цель – свергнуть власть Путина. Это еще Ленин говорил: главное – «передвижка власти». Главным было для «протестантов» тех лет – свергнуть власть большевиков, а там уже найдутся те, кто ее подхватит, и движение вправо будет продолжаться до полного падения в бездну хаоса, до превращения России в колонию Запада. Но еще миллионы россиян не определились со своим выбором, и усилия «протестантов» направлены на то, чтобы увлечь за собой эту пока еще молчащую массу.

Чтобы выявить и другие причины непонимания россиянами характера ведущейся против России войны, надо взглянуть на проблему с исторической точки зрения.

Становление буржуазной России

Начать придется с 25 декабря 1991 года, когда Верховный Совет РСФСР утвердил закон о переименовании Российской Советской Федеративной Социалистической Республики в Российскую Федерацию. Тогда уже и юридически перестала существовать Россия Советская и Социалистическая и начала отсчет своего (надеюсь, недолгого) существования Россия Буржуазная (прилагаемое к ней иногда определение «капиталистическая» не выдерживает никакой критики). В политике это выразилось в приходе к власти клики продажных политиканов и либеральной шушеры (вроде завлабов и мэнээсов), а также кучки воров, бросившихся грабить достояние, созданное трудом советских людей. В экономике началась блатная приватизация, когда мощные производственные комплексы (вроде уникальной, не имевшей аналогов в мире Единой энергетической системы страны) дробились, наиболее рентабельные их звенья переходили в собственность приближенных к власти отечественных (лучше сказать – туземных) новоявленных бизнесменов и иностранного капитала. (Но и туземные бизнесмены старались увести доставшуюся им собственность под иностранную юрисдикцию, в офшоры, где и оказались почти все рычаги управления российской экономикой.) А обглоданные останки этих комплексов, приносящие лишь убытки, вешались на шею (и на бюджет) государства. В моде оказался малый и средний бизнес, то есть мелкая буржуазия, в которой идеологи нового строя видели его социальную опору и

залог стабильности в стране.

Разбуженная стихия воровства охватила и «низы». В одном совхозе, например, закрыли молочную ферму, скот порезали на мясо, а из здания фермы каждый тащил, что мог. А кому ничего не досталось из оборудования, крушил стены на кирпичи для себя. Даже бетонные плиты, которыми покрыты стенки силосных траншей, были употреблены на устройство дорожек от калитки до крыльца дома.

Регионам Ельцин предложил забирать столько суверенитета, сколько они смогут проглотить, и местные князьки взяли курс на сепаратизм, обзаводясь своими конституциями и гербами, даже собственной валютой. На международной арене ельцинская Россия утратила всякое влияние, она предала всех своих союзников и превратилась в послушного исполнителя воли США. К тому же она продолжала пагубный курс на одностороннее разоружение, начатый Горбачевым.

Так образовалась буржуазная Россия, в которой рядовым бывшим советским людям, не участвовавшим во всеобщем воровстве, не досталось даже дырки от бублика. Для них все это обернулось обнищанием, угнетением, деморализацией, утратой социальных завоеваний. Ни в одной развитой капиталистической стране рядовые труженики не подвергаются такой жестокой и унизительной эксплуатации, как в нынешней России. Здесь особенно явственно проявляется деление общества на класс буржуазии (в котором тон задают компрадоры) и класс наемных работников, однако вследствие всеобщей деморализации этот угнетенный класс не осознает себя и своих классовых интересов, а потому забастовки и иные акции самозащиты с его стороны редки, непоследовательны и, как правило, остаются неизвестными стране.

К концу правления Ельцина РФ превратилась в президентско-олигархическую республику. Формально президент обладал почти неограниченной властью, на деле же он целиком зависел от «семибанкирщины», которая обеспечила его избрание на второй срок, финансировала по минимуму государственные расходы и определяла всю политику страны. А политика эта была такова, что к моменту прихода к власти Владимира Путина государства Российского, по его словам, фактически не существовало.

Путин, «новый нэп», двоевластие

Восемь лет Путин собирал Россию заново, еще четыре года приводил в порядок собранное. Об итогах этой его работы я здесь говорить не буду, желающие могут посмотреть, например, на

редкость объективные материалы на сайте депутата Государственной думы Евгения Федорова. Его данным вполне можно доверять, это суждения профессионала, который возглавлял думский Комитет по экономической политике и предпринимательству. Кратко отмечу лишь два момента, о которых у него подробно рассказано.

Путин добился отмены соглашений о разделе продукции, по которым компании Запада получили право эксплуатировать природные ресурсы России навечно и бесплатно (а порой Россия даже оставалась должником этих компаний за то, что они расхищали наши природные богатства). Если раньше бюджет России не получал ни копейки от экспорта нефти, добытой на наших месторождениях иностранными компаниями, то после отмены названных соглашений именно доходы от экспорта нефти (и газа) стали одной из главных статей доходной части бюджета РФ. А собираемость налогов от нефтяных компаний выросла в десятки раз. (Удивительно, что ни окружение Путина, ни «Единая Россия» не говорят ни о десятках новых предприятий, возведенных в стране за время правления Путина, ни о спасенных им от разрухи городах, зато вопли о продолжающейся разрухе – а она действительно во многих местах продолжается – заполняют СМИ.)

Но нужно иметь в виду и другой, надо полагать, непредвиденный, итог деятельности Путина: это радикальное изменение характера российского общества и российского человека. На этой стороне проблемы необходимо остановиться подробнее, потому что от нее зависит расстановка классовых сил и исход текущих и в особенности предстоящих общественных процессов.

Хотя в России еще велика бедность, все же жизненный уровень значительных слоев российского населения (не только самых богатых) за время правления Путина существенно повысился. Россияне обзавелись миллионами автомобилей (их число выросло вдвое), в том числе самых престижных иномарок. (Отсюда, между прочим, и пробки на дорогах, с которыми неизвестно как бороться.) В стране построены тысячи вилл, особняков, коттеджей и просто уютных частных жилых домов, не считая сотен тысяч домов и квартир, построенных государством для офицеров, военных пенсионеров, ветеранов войны, погорельцев и пр. Стоимость накопленного домашнего имущества выросла в десять раз. Миллионы россиян ежегодно выезжают на отдых за границу. Все это говорит о том, что россияне стали активными потребителями материальных благ, что не могло не отразиться на облике страны и ее рядового человека. Об этом

довольно убедительно писал, например, социолог Леонтий Вызов, который увидел признаки формирования в стране новорусской нации. Вот как он представляет себе нынешнюю Россию:

«Перед нами современное городское общество массового потребления, не желающее нести бремя ответственности за судьбу русской цивилизации, за наследие русского суперэтноса, за иные нации и народы, долгое время составлявшие часть этого суперэтноса и Российской империи… Дитя этой социокультурной катастрофы – современный массовый горожанин, средний класс, агрессивный, бескультурный и примитивный… А сегодняшние реалии – это жесткое социальное и материальное расслоение, предполагающее разные возможности на успех для выходцев из разных регионов и социальных групп. И эти реалии отнюдь не способствуют объединению вокруг каких-либо общих идей и целей. Тем более не вызывают стремления жертвовать ради этих целей своей карьерой, материальным достатком, жизнью. Таков портрет молодого человека современной России. Он ориентирован на индивидуальный успех, для него «общие цели» не идут в сравнение с личным. Он энергичен и предприимчив в том, что касается его личного успеха, и является пассивным «потребителем» во всем остальном. Он ждет перемен, но готов соблюдать «правила игры», если они не противоречат его личным целям и устремлениям… Именно эта новая генерация россиян будет в предстоящую эпоху «заказывать музыку» и политикам, и государству» («ЛГ», № 43, 2011).

Несколько иной аспект той же темы затронул философ Валерий Соловей в своей книге «Русская история: новое прочтение», где он на примере «холодной войны» показал, как изменения характера народа влияют на судьбы страны:

«СССР был непобедим на поле военной конкуренции, что было совершенно очевидно. Но когда мы стали себя сравнивать по потребительским стандартам, то тут мы проигрывали безусловно. Такое влияние Запада (можно его назвать культурным, потребительским) сыграло колоссальную роль в социально-политической динамике рубежа 80– 90-х годов… Изменилось само советское общество, ставшее частью глобального общества с ориентацией на комфорт и потребительские ценности (цит. по: «ЛГ», № 44, 2007. Выделено мной. – *М.А.)*.

Ну, если советские люди превратились в потребителей, то уж в 2000-е годы эта тенденция набрала еще большую силу:

«Сейчас русские не отличаются в этом отношении от европейцев, более того, мы в гораздо большей степени индивидуалисты. Сравнительная социология показывает, что

наше общество сейчас самое индивидуалистическое, по крайней мере, в христианском мире» (там же).

Вот еще несколько цитат из других работ Валерия Соловья:

«Власть сама подогрела массовые ожидания национальными проектами и потребительским бумом. Наше общество потребляет сегодня так неистово, будто живет последний день. Покупают все, кто может и не может (эти за счет кредитов), и все, что можно (кстати, потребительские кредиты – отдельная проблема, которая может стать бомбой замедленного действия). И здесь опасен не народ, который терпит, терпит, терпит и может терпеть еще долго. Опасно общество, когда оно стало жить лучше, которое вдруг оказывается перед перспективой резкого ухудшения… Это классический феномен, описанный во многих книгах, – «революция ожиданий», которая предшествует каким-то серьезным социоэкономическим потрясениям. И нынешнее общество не призовешь затянуть пояса и снижать уровень потребления (который, впрочем, для большинства не такой уж и высокий)…» («ЛГ», № 5, 2008).

Кроме бума потребления, для современной России характерны: «резко растущая невротизация, психотизация и агрессивность общества, что можно заметить, зайдя в метро или автобус. Это подтверждает и очень удручающая динамика тяжких преступлений (Россия – рекордсмен по числу официально зарегистрированных убийств на 100 тысяч человек…)… И общество фактически находится в состоянии той самой гражданской войны, но война эта не с властью, а между собой». Добавьте к этому алкоголизм и повальное пьянство, и вы получите далеко не вдохновляющую картину современной России. «Впрочем, все это может быть перенаправлено и против власти» («ЛГ», № 5, 2008). Более подробно об этом можно прочитать в другой книге Валерия Соловья «Кровь и почва русской истории».

Власть не может здесь что-то изменить, поскольку российская элита остается антинародной. «Речь может и должна идти только о решительных социальных действиях. Говоря без обиняков, угроза уничтожения – вот единственное, что способно заставить элиту образумиться и начать заботиться об общественном благе… сегодня самый страшный кошмар властей – это массовый социальный протест, особенно если он соединится с русским национальным. Ведь русские ощущают себя социально и национально униженным большинством» («ЛГ», № 5, 2009).

Политолог Глеб Павловский также отмечает: «Люди хотят развития, но не намерены приносить свое благосостояние в жертву будущему. Они хотят модернизации, но без

мобилизации».

Очень наглядные примеры, подтверждающие тезис о том, что ныне русские (и богатые, и среднего достатка) – это потребители, которые хотят «иметь собственность и свободно ею распоряжаться», то есть «быть нормальными буржуа», и для них «главное – деньги, удобства жизни», приводит Татьяна Воеводина («ЛГ», № 49, 2011), жаль даже эти свидетельства опускать. «Так что какое уж там взыскание града! Горнему наш народ давно предпочел самый разнузданный «консумеризм»… то, что в Интернете называется «потреблядство». И этот буржуазный разгул потребительства сочетается с… нежеланием по-буржуазному работать». Цитату из статьи Т.Воеводиной, касающуюся отношения к труду, я приведу позже.

О том, что и власть насаждает культ потребления во всех сферах жизни, свидетельствует, например, такая установка министра образования и науки РФ Андрея Фурсенко:

«Недостатком советской системы образования была попытка формировать человека-творца, а сейчас задача заключается в том, чтобы взрастить квалифицированного потребителя, способного квалифицированно пользоваться результатами творчества других» (цит. по: «Завтра», № 11, 2011).

Все это стало возможным потому, что сегодня в России еще догнивает буржуазное общество и царит новый нэп. Это не просто возрождение нэпа 1920-х годов, а совершенно новое общественное явление, дальнейшая стадия упадка и разложения. Намеченная Лениным тенденция к переводу всего общественного производства на капиталистические начала ныне возобладала полностью. Предприятие, объективно являющееся лишь звеном в системе народного хозяйства, в условиях рыночной экономики поставлено в положение самодовлеющей единицы, стремящейся только к максимуму собственной прибыли, часто в ущерб смежным звеньям хозяйственного организма. Энергоэлектрическая компания, например, может за долг в 100 тысяч рублей отключить подачу электроэнергии птицефабрике, зная, что от этого там погибнет миллион цыплят (такие случаи бывали неоднократно), и фабрика понесет миллионные убытки. Это – типичная картина «созидания методом разрушения», когда страна идет вразнос. И все это будет оправдано, признано законным, так что и сам Ленин, вероятно, в таком случае воскликнул бы: «формально правильно, а по существу издевательство!» Только в наши дни нужно было бы говорить не об издевательстве, а о вредительстве, о преднамеренном уничтожении части национального достояния.

Нэпманы разного масштаба управляют экономикой,

укоренились в структурах власти всех уровней, превратив государственную службу в источник незаконно получаемых доходов, владеют средствами массовой информации, во многом превратившимися в рекламные агентства, также приносящие немалые средства, преимущественно в долларах и евро. Нажива превратилась в высшую цель, культ денег никем не оспаривается, убеждение в том, что «деньги могут все», всем строем жизни навязывается молодежи. Но со времени прихода Путина к власти понемногу набирает силу и государство, стремящееся сконцентрировать в своих руках производственные и иные ресурсы и использовать их для восстановления мощи России. Так что главная борьба предстоит не на митингах, не на улицах и площадях, а в тиши кабинетов, куда не заглянуть непосвященным.

Поэтому сегодня можно говорить, что в России установилось двоевластие. Формально власть находится в руках тандема президент – премьер. Но фактически они мало что могут сделать, потому что экономика (как и СМИ) находится в собственности частников, нэпманов и управляется из-за границы. Вот чем вызваны усилия власти обуздать всесилие частников. Но это уже предполагает конфликт интересов, противостояние гибнущей буржуазной России с властью, стремящейся к спасению страны. Конфликт этот может быть разрешен относительно мирно, а может принять и острые формы.

Ныне в итоге усилий власти настала долгожданная пора, когда от собирания сил надо переходить к восстановлению всесторонней независимости России. Но как можно восстанавливать суверенитет страны, не управляя экономикой, имея ослабленные Вооруженные силы, держащиеся только на остатках советского ракетно-ядерного потенциала, и не занимая высшего поста в стране? Путин заявляет о своих планах восстановления мощи российской армии и флота, для чего нужно провести новую индустриализацию страны. Но для этого надо обуздать частников, вернуть управление предприятиями из офшоров в Россию, прекратить продолжающееся разграбление страны. Значит, Путину нужно вернуться на пост президента РФ. И он согласился на выдвижение своей кандидатуры на высший государственный пост. Такова была ситуация в РФ на 27 ноября 2011 года, когда съезд партии «Единая Россия» принял такое решение.

Новый «Год великого перелома», и снова «раскулачивание»?

Прежде чем правившая верхушка России остановилась на фигуре Путина в качестве ельцинского преемника, его долго и тщательно проверяли, устраивали смотрины на разных уровнях и инстанциях. Сам Ельцин до конца так и не смог понять Путина и оставался во власти сомнений, в чем потом публично признавался.

При Ельцине немало деятелей успели походить в ранге кандидата в преемники. Тут были и Немцов, и Аксененко, и многие другие, еще более мимолетные. Наконец, вроде бы сердце успокоилось на кандидатуре Степашина, который в качестве премьер-министра съездил в США, где его принимали уже как будущего президента РФ. Но и он допустил роковую ошибку. И Ельцин вернулся к кандидатуре Путина, которую то выдвигал было, то отставлял. Чем же озадачивал Путин Ельцина?

В то время как другие претенденты рвались в преемники, Путин, когда Ельцин впервые открыл перед ним такую перспективу, ответил, что он не готов к этому. Путин был лоялен к правившей Россией «семье», но не изъявлял ни малейшего желания войти в ее состав. Являясь с докладом к президенту, излагал суть дело коротко и ясно, на вопросы отвечал четко, показывая знание дела во всех деталях, не прибегая ни к каким справкам, и никогда ничего не просил для себя. Это и радовало Ельцина, и тревожило, ибо другого такого чиновника он не встречал за всю свою жизнь. В то же время было ясно, что, во-первых, Путину можно поручить любое, самое на первый взгляд невыполнимое задание, и он его выполнит, а во-вторых, если Путин что-то обещает, то он свое слово сдержит. А так как Ельцину важнее всего в тот момент было заручиться гарантией от судебного преследования за совершенные им за время президентства деяния, и времени на дальнейшие раздумья не оставалось, Ельцин назначил Путина премьер-министром и в обращении к нации просил рассматривать Путина как его преемника.

Путин свое обещание сдержал и гарантии неподсудности Ельцину обеспечил, хотя для его собственной репутации это было отнюдь не плюсом. Но в остальном преемник скоро Ельцина разочаровал. Когда Путин, став президентом, делал что-то не так, как хотелось бы Ельцину, и экс-президент пытался наставить молодого правителя, тот вежливо отвечал: я вас уважаю, но отныне ответственность за судьбы страны лежит на мне, и я поступаю так, как мне подсказывают моя совесть и мое понимание обстановки. В дальнейшем Ельцин позволял себе высказывать недовольство действиями Путина только в кругу своих близких.

Никогда Путин не поступал так, будто он принимает решение под чьим-то давлением, и никому не удавалось предугадать его реакцию на тот или иной поворот событий. Этим он часто ставил в тупик и своих оппонентов внутри страны, и лидеров зарубежных государств, с кем ему приходилось встречаться и кто рассчитывал поживиться за счет России.

Вот и ныне Путин не ограничился словесными призывами к восстановлению мощи России. Десятки триллионов рублей выделены на переоснащение в течение 5 – 10 лет российской армии и флота, на развитие промышленности. Значительно повышено денежное довольствие военнослужащих, решается проблема обеспечения их жильем. Начата системная борьба с коррупцией, и в сети правоохранительных органов попадает не только мелкая рыбешка, как это бывало в прошлом. Но настоящим объявлением войны всем паразитам стало выступление Путина на Саяно-Шушенской ГЭС 19 декабря 2011 года.

Путин знал, что российская экономика долгие годы остается офшорной. Зарегистрированным за границей юридическим лицам принадлежит значительная доля частных российских компаний в ключевых отраслях: металлургии, горнодобывающей промышленности, энергетике и телекоммуникациях. Государственные контролирующие органы не могли не знать о том, что через офшорные компании отмываются деньги. И наворованные деньги потом поступают в Россию под видом иностранных инвестиций. Откуда?

С Кипра, где зарегистрированы владельцы большинства российских промышленных холдингов и компаний: на конец сентября инвестиции составили 69,1 миллиарда долларов. Это что же, крохотный Кипр способен на такие инвестиции в российскую экономику? На втором и третьем месте тоже такие гиганты, как Нидерланды и Люксембург – 46,3 миллиарда долларов и 35,1 миллиарда долларов соответственно. В сумме они дают больше половины всех накопленных иностранных инвестиций в Россию.

На офшоры приходится и львиная доля оттока капитала из России. Например, в Швейцарию, где зарегистрированы дочерние компании «Русала», «Башнефти», «Русснефти», «Уралкалия», «Фосагро», «Мечела», в первом полугодии из России было перечислено 24,6 миллиарда долларов. Всего же, по данным Минфина, чистый отток капитала из России в 2011 году превысил 80 миллиардов долларов.

С момента прихода Путина к власти государство держит курс на перевод из иностранных офшоров под юрисдикцию России

компаний, владеющих российской собственностью, подозревая их в уклонении от уплаты налогов. В ответ предприниматели пеняют правительству на несовершенство российской судебной системы, высокие налоги и проблемы с защитой прав собственности.

И вот теперь российская экономика и в первую очередь ее стратегические отрасли должны быть выведены из «офшорной тени». Путин запретил всем инфраструктурным компаниям с государственным участием иметь дело с офшорами и потребовал от них отчета о выполнении этого требования до президентских выборов.

Путин начал свое наступление с энергетики как с социально важной отрасли, в которой, по мнению экспертов, воровство достигает 70 процентов всех доходов. Путин сам отметил: «Куда ни приедешь, везде на территории страны все, с кем ни разговариваю, обращают внимание на проблемы в сфере энергетики и в электроэнергетике в том числе. Стон стоит по всей Руси великой, и как видно из результатов предварительной проверки, не напрасно этот стон стоит – есть основания».

Что же показала эта проверка?

Реальные акционеры сбытовых организаций неизвестны, все спрятано в офшорах. За 2008—2010 годы прибыль от продаж электроэнергетики выросла на 279 процентов, а дивидендные выплаты – на 312 процентов! А ведь суть деятельности этих компаний – это только сбор оплаты за электроэнергию.

Путин также затронул фундаментальный вопрос, который касается не только электроэнергетики, но и всей российской экономики:

«…с офшорным наследием эпохи дикой приватизации нужно заканчивать… Вывод национальной экономики, ее стратегических отраслей из офшорной тени – наша приоритетная задача на предстоящий период».

Ну, а персонально?

«Из проверенных 352 человек руководящего состава энергетического комплекса у 169 должностных лиц – практически у каждого второго – выявлена аффилированность с 385 коммерческими организациями, кроме, конечно, тех, где они и так работают». То есть руководитель компании, например, создает «дружественную» фирму, которую возглавляют его родственники, и дает ей заказы на выполнение работ для компании по баснословным ценам. А прибыль от этого, скажем, делится пополам. И Путин привел ряд примеров такого рода.

А ведь Путин давно предупреждал чиновников о недопустимости сочетания государственной службы с коммерческой деятельностью. Он четко сформулировал принцип:

«чиновник должен жить на зарплату; хочешь иметь больше денег – иди в бизнес». И вот настала пора привести действительность в соответствие с этим принципом.

Далее, проверка показала: «Установлены далеко не единичные случаи, когда энергетические комплексы целых регионов Российской Федерации оказываются подконтрольны просто семейным кланам. Так, энергетическая система Северо-Кавказского региона в значительной мере контролируется одной семьей – семьей господина Каитова. Потребители проводят оплату за поставленную энергетику на счета аффилированных компаний, которые выступают агентом энергетических сбытовых компаний. Далее часть полученных средств обналичивается через фирмы-однодневки или присваивается членами семьи». Аналогичные ситуации имеют место в Западной Сибири и в других регионах.

Приведенные Путиным примеры показывают, что доходы некоторых излишне предприимчивых руководителей в сотни раз превышали заработок президента и премьер-министра страны. Неужели труд по сбору платы за электроэнергию настолько больше по количеству и выше по качеству, чем руководство государством? А тут даже выплаты увольняющимся менеджерам исчислялись сотнями миллионов рублей. Так, некие В.А.Соловьев и М.М.Соков вышли из руководства компании и теперь требуют себе выплаты… 324 миллиона рублей на двух человек, лично им! «За что? Ну совсем оборзели уже! – возмутился Путин. – Это же все в тариф ложится в конечном итоге».

Путин поручил в течение двух месяцев проверить компании, с государственным участием («Газпром», «Транснефть», РАО РЖД, «Совкомфлот», Внешэкономбанк, «Внешторгбанк, госкорпорацию «Росатом», Сбербанк), и нужно делать это вместе с правоохранительными органами.

Кроме того, от топ-менеджеров энергетических компаний с государственным участием Путин потребовал декларировать сведения о своих доходах и о доходах их ближайших родственников.

Но что все это означает? Это же покушение на святая святых коррумпированных чиновников, на побочные заработки, составляющие основу их благосостояния! А это не только сокращение личных доходов, это и потеря финансовой мощи и влияния в обществе. Так что, если план Путина будет реализован, 2012 год станет новым «Годом великого перелома», современным изданием 1929 года, когда началось наступление на кулачество. Новому нэпу так же свернут шею, как тогда свернули ее тому нэпу. А покушение на доходы чиновников в сотни миллионов

рублей в год – это новое раскулачивание, лишение важнейшего средства производства – административного ресурса.

Конечно, сегодня никто не станет выселять новых раскулаченных кулаков в края отдаленные, даже уголовное наказание грозит не всем им, ибо, как отмечают эксперты, Путину нужны лояльные чиновники. И все же новое раскулачивание встретит такое же яростное сопротивление, какое оказало коллективизации сельского хозяйства кулачество рубежа 1920—1930-х годов, вопрос лишь в формах этого противодействия.

Нэп был отнюдь не идиллией мирного возрождения экономики страны, как это часто рисуют апологеты буржуазии и лидеры КПРФ. Это была классовая борьба, борьба не на жизнь, а на смерть, по принципу «кто – кого». И новое раскулачивание также будет классовой борьбой, непримиримой и беспощадной, и степень ее остроты будет определяться силой противодействия новых собственников действиям власти. Но по существу это будет борьба путинского большинства народа против российских западников, а в классовом смысле – против кулаков и компрадоров, поддерживаемых мировой закулисой. Это будет также борьба за изгнание из России идеологии либерализма. (Как было сказано в одном блоге: «или мы покончим с либерализмом, или он покончит с нами».) Будет покончено и с мошенничеством, принявшим в России невиданный размах и охватившим все сферы жизни, от изготовления фальшивых лекарств и торговли вредоносными продуктами питания до создания целых империй по присвоению средств государства и граждан.

Вашингтонский обком отдал приказ

Правящая элита США в 2000 году вынужденно приняла приход Путина во власть, но он и ее удивил так же, как и Ельцина. И уже скоро она стала желать ухода Путина из политики. Видный американский политик и политолог Майкл Макфол еще в 2000 году заявил, что «Путин может стать русским Милошевичем». И позднее он утверждал, что «…Путин или те, кто действует от его имени, сделали много, чтобы подточить уже и без того хрупкие демократические институты России». Ну, а когда Путин заявил претензию на возвращение России роли мировой державы, терпение Вашингтона лопнуло. Российским либералам был недвусмысленно дан соответствующий приказ.

Впрочем, и сами власти США не остались в стороне. О своем нежелании вновь видеть Путина на посту президента РФ заявляли в той или иной форме и президент США Обама, и вице-президент Байден, и государственный секретарь Клинтон, и влиятельный

сенатор Маккейн. Последний даже открыто пригрозил, что в случае избрания Путина в России разразится революция по типу тех, что прошли в странах Северной Африки и Ближнего Востока. А уже упомянутого Макфола Обама не зря назначил послом в России. Макфол неоднократно бывал (и стажировался) в России – сам он говорил, что посещает ее минимум дважды в год. Он владеет русским языком, но важнее то, что считает себя «специалистом по антидиктаторским движениям, демократии и революции». Он уже создал в России широкую сеть агентов влияния, работающих на США в ущерб России, и намерен еще более расширить ее и использовать для достижения американских целей – превращения нашей страны в послушного сателлита США.

Естественно, мнение Льва, мирового жандарма, подхватили шакалы и шавки во всем западном мире. На Западе началась дикая травля Путина в СМИ, принимающая часто формы личного оскорбления нашего премьера. Это должно соответственно настроить общественное мнение в этих странах, которое и без того было негативным в отношении России на протяжении ряда столетий.

Наконец, из влиятельных структур стран Запада пошли в Россию инструкции российским западникам, подкрепленные надлежащими денежными потоками (при условии высылки отчетов о содеянном). Об этом есть прямые свидетельства в Интернете (и, надо думать, несравненно более полные данные и убедительные доказательства у российских спецслужб), об этом открыто говорил Генеральный прокурор РФ Юрий Чайка.

Либералы приняли приказ к исполнению

Вот тут у российских западников, в дополнение к моральной, появилась и материальная заинтересованность в развертывании антипутинской кампании. Началось давление на власть, и она впервые разрешила проведение в Москве митинга против Путина. Эта активность нарастала, но для вовлечения в акцию значительных масс требовался убедительный повод. И такой повод нашелся. Это – якобы имевшие место случаи фальсификации итогов голосования на выборах в Государственную думу 4 декабря 2011 года.

Я вовсе не уверен в том, что случаев фальсификации не было. Но явно фальсифицированы были и итоги президентских выборов 1996 года, когда только что перенесший инфаркт миокарда Ельцин с его почти нулевым рейтингом вышел победителем. И тогда никто из западников этим не возмутился. И потом ясно же,

что и не будь подтасовок, «Единая Россия» в 2011 году все равно выиграла бы выборы, пусть и набрав меньший, чем объявлено, процент голосов. Но намерение оспорить итоги выборов стало лишь поводом для массовых акций протеста, в которых системная и несистемная оппозиция выступили единым фронтом против Путина.

Но почему против Путина? Разве Путин осуществлял или хотя бы организовывал подтасовки итогов выборов? Ведь подтасовки, как уверяет оппозиция, были в пользу «ЕР» (хотя есть данные, что не менее активно действовали фальсификаторы и в пользу КПРФ). Но список «ЕР» возглавлял не Путин, а Медведев. Путин же, как отмечали и некоторые видные либералы, отнюдь не был заинтересован в триумфальной победе единороссов, ибо ему предстоит «чистить» эту партию, и чем меньше будет сорняков, подлежащих зачистке (до известных пределов), тем легче ему будет справиться с этой непростой задачей. Ведь не зря же он создавал Общероссийский народный фронт и сделал именно его, а не «ЕР» своей опорой на президентских выборах. И все-таки митинги протеста были не против «ЕР», не против Медведева, а против Путина. На новых выборах в Думу никто уже не настаивает, значит, цель протестующих – не дать Путину стать президентом. Потому что именно Путин – главная угроза как крупному капиталу и коррупционерам внутри страны, так и возможностям Запада и дальше грабить Россию. Поэтому цель оппозиции одна – государственный переворот, свержение власти Путина и возвращение к власти тех, кто грабил страну в 90-е годы.

Начались митинги оппозиции, собирающие десятки тысяч участников. Главная мысль всех значимых выступлений там – это обличения Путина. При этом наиболее отвязанные ораторы не стеснялись лично оскорблять премьера (и в меньшей степени – президента), даже касались подробностей семейной жизни Путина, рисуя их черной краской.

Митинг на проспекте Сахарова собрал самую разношерстную толпу. Как же разобраться в том, кто с кем схлестнулся в ходе протестных акций оппозиции? Остроумно ответил на этот вопрос в своем блоге криминолог Владимир Овчинский:

«24 декабря на проспекте Сахарова Вашингтонские, Лондонские и Рублевские выступили против Кремлевских».

Эта формула нуждается в двух уточнениях. Во-первых, Рублевских поддержала часть московской мелкой буржуазии, в основном ее молодой поросли («подлеска», как выражался Горбачев), которая не знала не только советского прошлого, но и происходившего в России в 1990-е годы. Во-вторых, выступление

было не вообще против кремлевских (видимо, часть кремлевских была на стороне оппозиции), а против путинских. Вот теперь картина стала полной: речь идет о первых открытых схватках буржуазной России и ее зарубежных покровителей с путинской Россией, которая начинает ликвидировать «новый нэп» и «раскулачивать» паразитов. Классовый характер этой силы я здесь раскрывать не буду, но твердо заявляю: она будет антибуржуазной. В классическом понимании эта сила – «левая». А значит, все оппозиционные силы – это правые, реакционные. И антипутинская кампания («движение за честные выборы») с самого начала носила международный характер.

Участники акций протеста обижаются на то, что их обвиняют в выступлениях против Путина за деньги. Но ведь эти обвинения высказываются в адрес не всех митингующих (для подкупа всех никаких денег не хватило бы), а организаторов и активистов акций.

А уж такие персоны, как Немцов, Касьянов, Каспаров, Навальный и др. не станут отрицать, что они бывали в США, общались там с теми деятелями, которым не нравится Путин в роли президента РФ, а многие из них проходили там инструктаж, практику и пр. Ясно, что если из США в Россию идет поток денег на дестабилизацию обстановки в нашей стране, то он вряд ли пройдет мимо этих персон. (Наблюдатели отмечают, что нарастающая грызня между деятелями оппозиции связана как раз с борьбой за долю этих денежных поступлений.)

Ну а если от этого потока кое-что перепадет и части рядовых участников акций, то об этом не следует жалеть, пусть и мелочь немного подзаработает, что и сказал Путин. Это не исключает бескорыстного участия в митингах нашей мелкой буржуазии, она может даже составлять там большинство, но задает тон там руководящее меньшинство, прошедшее специальную подготовку за рубежом. Как говорится еще в одном блоге: развернулась борьба западного капитала против русской государственности.

Новый этап митинговой борьбы наступил 4 февраля, когда наряду с массовым митингом оппозиции на Болотной площади произошел еще более массовый митинг сторонников Путина под лозунгом «Нет оранжевой чуме!». На 6 мая намечен очередной марш оппозиции. Противостояние продолжается, и чем оно закончится – неизвестно.

Нэпманы мобилизуют силы

Но не одна закулиса финансирует протесты российской мелкой буржуазии. Ведь начинающееся «раскулачивание» так или

иначе затронет интересы значительной части российской правящей элиты – высокопоставленного чиновничества, олигархов, паразитов рангом поменьше – словом, тысяч и тысяч персон, обладающих в совокупности колоссальными капиталами, весомыми связями, большим влиянием, всесторонней поддержкой из-за рубежа. И в самой России в атаку на Путина пошел крупный капитал. Цитирую еще один блог: «На сегодня все уличные акции прочно контролируются представителями крупного капитала, за которыми, в отсутствие трудящихся, как организованной политической силы, послушно идут средние слои». Страшно даже представить, что ожидает человека, бросившего перчатку этой могущественной силе.

Но она, эта сила, должна не только действовать подпольно, ей необходимо выступить и с открытым забралом, публично, а для этого нужен известный деятель. Еще не успевший, как известные лидеры оппозиции, намозолить глаза избирателям, быть уличенным в коррупции или заработать репутацию предателя.

По этой части у класса нэпманов был острый дефицит, ибо нэпманы – народ жадный и корыстолюбивый, там «чистых» приходится днем с огнем искать, да и то, как правило, безуспешно.

Но, кажется, на этот раз поиски увенчались успехом: вероятно, фигурой, которая должна была стать главным противником Путина на президентских выборах, был лидер «Справедливой России» Сергей Миронов.

Сам по себе этот противник Путину не был бы страшен, ибо Миронов ничем заметным за всю свою политическую деятельность себя не зарекомендовал. Кажется, самым заметным его политическим актом стала кампания в защиту почти экзотического зверька – выхухоли. Но это-то и хорошо: человека, не сделавшего ничего хорошего, но и не успевшего ничем позорным себя замарать, легко раскрутить, бросив на это солидные деньги. А в деньгах, думается, у его спонсоров недостатка не будет.

Миронов сразу же после регистрации его кандидатом в президенты заявил: «4 марта я планирую победить Владимира Путина, и вопрос с его отставкой будет решен». Но в действительности он на выборах набрал жалкие 4 процента голосов.

Новый «Манифест 17 октября»

Сам Путин отнесся к выпадам оппозиции в его адрес

довольно миролюбиво. Однако часть окружения тандема дрогнула (или сделала вид, что дрогнула). По словам политолога Игоря Бунина, «Сурков, который был архитектором «суверенной демократии», в последнее время стал говорить, что у нас появился новый класс, с которым надо считаться, что нужно открывать шлюзы. То есть фактически отказался от концепции своей многолетней работы, потому что изменилась ситуация. Понятно, что у сменщика Суркова должна быть совершенно другая функция – не ощущать себя диктатором, манипулятором, а искать в людях с Болотной и Сахарова собеседников, чтобы избежать масштабной катастрофы. Помочь этим людям организоваться и сесть за «круглый стол».

Трудно представить, чтобы Путин сел за «круглый стол» с либеральными разрушителями и грабителями страны типа Немцова или Касьянова, или с хулиганами вроде Навального или Троицкого. Но в послании Федеральному Собранию Медведев выдвинул ряд предложений по совершенствованию российской политической системы, которые можно истолковать и как стремление власти к дальнейшей либерализации общественной жизни в стране, и как шаг в направлении учета требований оппозиции. Мне сразу же пришло в голову сравнение этой части Послания с царским «Манифестом» от 17 октября 1905 года, где Николай II обещал дать гражданам России широкие демократические свободы.

Как и тот, царский, манифест, Послание должно будет расколоть лагерь протестующих: умеренные удовлетворятся тем, чего добились (прямые выборы губернаторов, облегчение порядка создания новых партий и пр.), а радикалы, почувствовав, что власть уступает давлению, постарается усилить его. Этим и объясняется решение назначить на 6 мая новый митинг оппозиции. Посмотрим, насколько оправдался расчет составителей нового Манифеста.

Есть ли перспективы у либеральной контрреволюции в России?

Когда зарождается какое-нибудь политическое движение, не всегда можно однозначно оценить его перспективы. Создание РСДРП провозгласила небольшая группка, которая сразу же была арестована. Ее наследница – группа «Освобождение труда» во время прогулки по Женевскому озеру умещалась в одной лодке. На момент приезда Ленина в Россию большевиков в громадной стране насчитывалось всего 30 тысяч человек. И они стали зародышем партии, которая потом свыше 70 лет управляла

великой державой, оказывавшей влияние на судьбы всей планеты. «К чему ваше открытие?» – спросили знаменитого ученого. «К чему новорожденный ребенок?» – ответил он.

Но есть два признака, позволяющие отличить перспективную силу от бесперспективной.

Первый – это соответствие устремлений лидеров партии или движения чаяниям народа страны. Второй – это понимание ими направления исторического процесса.

Относительно первого признака у движения российских либералов хорошо сказал Владимир Меньшов, который так и назвал свою статью: «Нужно понять, чего хочет народ». Причем пришел он к его пониманию не через философские рассуждения, а через реакцию народа, с одной стороны, и элиты интеллигенции – с другой, на его картину «Москва слезам не верит». Тогда как миллионы россиян выстраивались в длиннющие очереди, чтобы попасть на этот фильм, и многие смотрели его многократно, «властители дум» его не принимали. «Тогда мне была непонятна истовая ненависть к «Москве слезам не верит» со стороны элитной интеллигенции. Люди просто не могли подобрать слов, чтобы выразить степень своего презрения к картине и быдлу, которое ее смотрит. Для меня природа этой ненависти открылась значительно позже. Она была абсолютно социальной. Сидя на кухнях, интеллигенция договорилась между собой, что здесь, «в этой стране», жить нельзя… Читаешь сейчас мемуары апологетов перестройки, тех, кого можно считать нынешними победителями, и удивляешься: они просто тряслись от ненависти к стране. Они уверяют, что не принимали систему, но сквозь строки явственно проглядывает: они не принимали Россию, не принимали нацию, которая смирилась с безобразным социальным строем и с монстром Сталиным. Конечно, они не могли согласиться с картиной, которая доказывала: здесь можно жить, можно сделать карьеру, можно просто быть счастливым».

Истоки этой неизлечимой болезни российских либералов – в антисоветизме:

«С годами мне стало совершенно ясно: вступая на путь антисоветизма, ты непременно придешь к откровенной русофобии. Человек, последовательно занимающий антисоветские позиции, неизбежно понимает, что эти взгляды народом не разделяются, и тогда он вынужден констатировать – народ не тот. С этим народом вообще ничего невозможно создать, это ошибка природы. Далее – чистый расизм: выкорчевать нужно этот народ, и только тогда человечество сможет двигаться семимильными шагами к счастью».

Почитайте статью Николая Сванидзе «Что после Сахарова» в

«МК» – вы увидите в чистом виде идеи, с которыми боролся В.Меньшов. И у В. Меньшова сложилось убеждение, что либералов ничто уже в их антисоветизме-антирусизме не поколеблет: «…либералы свой выбор сделали, их не сдвинуть с места».

Как признают сами либералы, ныне их главный лозунг – «валить из этой Рашки!».

Если вообще российские либералы не приемлют Россию такой, какой она исторически сложилась, то московские либералы – тем более. Один известный политтехнолог сказал, что московский средний класс отвернулся от России. Убежден, что Россия ответит этому классу тем же.

Теперь кратко о втором признаке. Либералы не понимают, какое время на дворе. В Послании президента говорилось не только о совершенствовании нашей политической системы. Он также высказал важную мысль (на которую публика, сразу ввязавшаяся в обсуждение внутриполитических новостей, не обратила, судя по откликам политиков и аналитиков, должного внимания):

«Глобальная депрессия может продлиться несколько лет. А конкуренция за умы, за идеи, за ресурсы будет только обостряться. И мы – в эпицентре этой конкуренции».

А ведь речь идет о том, что глобальная депрессия – это мировой кризис, приводящий к банкротствам тысяч предприятий, безработице, обнищанию десятков миллионов и другим бедствиям. И выход из него почти всегда правящие круги обанкротившегося Запада ищут в развязывании новой войны, в том числе и за ресурсы. А «непомерно много», по мнению некоторых деятелей на Западе (да и на Востоке) ресурсов оказалось у России, почему она и находится в эпицентре конкуренции. Не раз уже за рубежом раздавались требования «интернационализации» наших ресурсов, созданных Богом якобы для всех землян, а оказавшихся почему-то в распоряжении россиян. И нам нужно держать ухо востро.

Не надо доказывать, что в смысле пользования нашими ресурсами разные слои российского общества ныне находятся в неодинаковом положении. Таково следствие нечестной приватизации, прошедшей в 90-е годы. По-разному эти слои относятся и к идее интернационализации ресурсов. Многие из тех, кто ныне снимает с них сливки, не прочь поделиться ими с зарубежными претендентами в обмен на вхождение этих наших бизнесменов в мировую финансовую элиту. Но большинство народа такую возможность с яростью отвергает. И здесь дело не в чьих-то индивидуальных предпочтениях, а в очевидном

классовом интересе.

Одни высокопоставленные российские генералы предупреждают: в воздухе пахнет грозой, не исключено, что война стучится к нам в дверь. В частности, «велика вероятность возникновения в ближайшем будущем войны на Ближнем Востоке, как и того, что она станет ядерной. И, поскольку она заполыхает вблизи наших границ, очень вероятно, что и Россия так или иначе будет в нее вовлечена». Другие (например, Леонид Ивашов) убеждены: «Третья мировая война уже идет давно, принимаемые средства, цели и способы иные. И главным оружием являются сегодня информация и финансы…». А как только США завершат создание своей ПРО в Европе, у них появится возможность обезвредить наш ракетно-ядерный потенциал, а значит, возникнет и соблазн безнаказанно первыми нанести удар по важнейшим центрам мощи России.

Сравнительно недавно Россия выражала озабоченность в связи с проводившимися сначала в Латвии, а затем в Германии маневрами армий стран-членов НАТО, на которых отрабатывались планы нанесения мощных ударов на восточном направлении. А затем уже НАТО обеспокоилась «невиданной концентрацией войск и военной техники» в Ленинградской области на границе с тремя прибалтийскими государствами, то есть «ответом» России на размещение элементов ПРО в Польше.

Но даже если речь не идет о попытках непосредственного покушения на Россию, все равно нам надо быть бдительными. А война не время процветания для населения, как и для движений за расширение гражданских свобод. Скорее приходится затягивать пояса, увеличивать расходы на оборону, мобилизовать все ресурсы, консолидировать нацию вокруг Верховного Главнокомандующего.

Оппозиция этого не понимает. Все ее мысли – о сегодняшнем. Она думает лишь о том, что у нее под носом, не показывая ни малейшего желания и умения заглянуть в завтрашний день.

Но проблема гораздо шире, речь должна идти о трендах планетарного развития. Говорят: непродуктивно плевать против ветра. Не следует также пытаться остановить несущийся с большой скоростью тяжелый локомотив, встав на его пути и попытавшись упереться в него руками. Точно так же опасно выступать против тенденции мирового развития. А она заключается в том, что полоса господства либерализма и монетаризма, начавшаяся после Второй мировой войны, закончилась. И закончилась крахом, грандиозным кризисом, масштабы и степень тяжести которого миру еще предстоит

прочувствовать. Наступает новая эпоха, в которой либералам нет места. А они этого не чувствуют.

Конечно, исторический процесе – это не прямолинейное движение по восходящей, здесь возможны зигзаги и даже откаты назад на десятилетия, но не навсегда. Но в данном случае, реванш либерализма практически невозможен. И потому к перспективам либерализма, особенно в России, где его банкротство было слишком наглядно, следует относиться, руководствуясь перефразированным лозунгом Мао Цзэдуна: «в стратегическом плане следует либерализм презирать, а в тактическом – относиться к нему серьезно и попыток его реванша не допускать».

О том, как будет действовать Путин после победы на выборах и укрощения оппозиции, можно судить по опубликованным тезисам его предвыборной программы. Хотя оппозиционеры кричат, что в этой программе нет ничего нового, все те же слова о модернизации и борьбе с коррупцией, это неправда. Во-первых, в старые выражения может быть влито совершенно новое содержание, чему в истории примеров тьма. Во-вторых, в программе есть и совсем новые положения, которые обещают многое изменить в нашей жизни. Например, сейчас чиновники нередко не реагируют на законные требования граждан, да вдобавок еще подчас и хамят. А гражданин сваливает вину чиновника на государство, винит в этом безобразии верховную власть, которая не в состоянии привести государственный аппарат в должный порядок. А Путин предложил учредить административные суды, в которые гражданин может в подобных случаях обратиться с иском к государству в лице конкретного чиновника. В случае, если суд установит, что гражданин в своем обращении к чиновнику был прав, его требование было вполне законным, чиновнику, скажем, будет объявлен выговор, его заставят извиниться перед истцом, да еще и заплатить штраф. А если подобные нарушения законности чиновником будут повторяться, по представлению административного суда его могут отрешить от занимаемой должности с запрещением поступать впредь на государственную службу. Тем самым не только будет в корне пресечена возможность беззакония, но и отпадет необходимость в репрессиях, нерадивые чиновники «выпадут в осадок» и мешать нормальной работе государственного аппарата не будут. И таких новшеств в программе порядочно.

Если же, паче чаяния, победа останется за оппозицией, страну ждет кровавая чистка. Лидеры оппозиции не раз заявляли, что они произведут «зачистку силовиков». Но силовиками дело,

конечно, не ограничится. За ними пойдут и другие категории граждан, либо замеченных в симпатиях к Путину, либо просто выступающих против курса на превращение России в колонию Запада. Задача либералов – не только захватить власть в России, но и сменить культурный код русских, то есть выкорчевать русское начало народа с корнем. Тогда зачистке будут подлежать миллионы, даже десятки миллионов наших сограждан, и пресловутые «сталинские репрессии» перед этой кровавой вакханалией покажутся детской игрушкой. Чему удивляться, если официальные представители властей США откровенно заявляют, что американцы будут убивать ученых-ядерщиков и создателей новейших видов оружия в тех странах, которые могут стать противниками Штатов. А чем другие противники США лучше таких ученых? Будем надеяться, Бог милует, и страна избежит такой напасти.

Обуздание нэпманов или перевоспитание нации?

Итак, Путин победил на выборах и, надо думать, приступит к осуществлению своей программы возрождения мощи России, развернув новую индустриализацию. Это задача неимоверной трудности, потому что в стране такая обстановка, что, казалось бы, условия для нового взлета практически отсутствуют. О развале экономики, о низкой боеспособности Вооруженных сил сказано-пересказано. Но главная разруха оказалась в сфере человеческого капитала. Катастрофически снизился уровень образованности и даже простой грамотности молодого поколения, которому предстоит стать главной производительной силой в ближайшем будущем. На всех уровнях управления экономикой место специалистов, знающих технику и технологию производства, заняли «эффективные менеджеры» – умельцы направлять денежные потоки таким образом, чтобы немалая доля средств оказалась в их карманах. В этом, между прочим, и главная причина тяжелейших технологических катастроф в России в последние годы. Вот когда оказался бы вполне уместным лозунг Сталина: «Кадры, овладевшие техникой, в период реконструкции решают все!» А таких кадров ныне почти нет.

Вот свежий пример: Дмитрий Рогозин, назначенный вице-премьером по вопросам оборонного комплекса, столкнулся с удручающей картиной состояния отечественной космической индустрии. Серия позорных провалов с запусками ракет и спутников показала, что на многих предприятиях отрасли нет ответственных и квалифицированных кадров. И Рогозин вынужден был обратиться к пенсионерам – специалистам в

области космических исследований с призывом вернуться на работу. Но это разве те кадры, в расчете на которых можно строить техническую политику на десятилетия? Они могут лишь на короткое время «заткнуть дыру», да и то не вполне полноценно. Многие из них за время простоя частично утратили знания и умение, отстали от достижений мировой науки и техники последних лет, да и те, кто знает и умеет на прежнем уровне, вряд ли могут успешно двигать науку и практику вперед, для этого нужны молодые силы, а их в отрасли нет. Вот этот стон старшего поколения – «за нами молодой смены нет» – слышится почти повсеместно. Чему же удивляться, если четверть века (а это – продолжительность активной деятельности целого поколения) молодежь устремлялась в основном туда, где работа легче, а денег больше. Востребованы были юристы, менеджеры, специалисты по рекламе, по продажам и пр., но не инженеры, не техники, не технологи, не конструкторы… И этот крен в подготовке кадров только начали выправлять.

А главное – изменилось отношение значительной части россиян к труду.

Продолжу цитирование статьи Т.Воеводиной в части отношения современных россиян к труду:

«Работать – долго, трудно, напряженно, и главное – повседневно – народ не готов и не стремится. Ну, как-то недолго поупираться и срубить бабла – это еще ладно, а, как говорится, долго и упорно – это увольте… Найти человека на какие-то незатейливые работы по дому и саду не так-то просто. Все няньки и домработницы в нашем поселке – приезжие из бывших союзных республик… Наши люди легко ловятся на приманку быстрого легкого заработка. Исступленно вкалывать в течение небольшого срока – это да, это можно. Но толковая, длительная, планомерная работа – это не наше, это увольте».

О сходных настроениях современных россиян говорит и В. Меньшов:

«Но я понимаю: обратного хода нет. Пусть много недовольных людей, но в СССР они уже не хотят. За право поехать на отдых в Турцию или Египет человек многим готов пожертвовать… времена СССР очень много обязанностей накладывали на человека… Произошло развращение – какого черта вставать и идти на работу, если хочется быть хозяином своей судьбы, никуда не идти, а остаться дома и полежать. Новая власть продекларировала: живите как заблагорассудится, хотите на помойке питаться – питайтесь, хотите пробиваться – работайте. Но в массе своей люди вообще разучились работать. За нас работают гастарбайтеры».

Подобных свидетельств можно привести бесчисленное множество. Но они – именно свидетельства, дополняющие очевидное:

Из своих наблюдений Воеводина делает вывод принципиального значения:

«Именно по этой причине, вероятно, капитализм у нас никогда не удавался. Все наши модернизации – хоть при Петре, хоть при красном монархе Сталине – происходили сверху. Попросту говоря, из-под палки…

Большевики, пришедшие когда-то к власти, ощущали это дело как проблему. Недаром были всякие драконовские законы вроде уголовной ответственности за двадцатиминутное опоздание на работу или за так называемое тунеядство. Сегодня не смей никого тронуть – заклюют. Тунеядство и безделье – неотъемлемое право человека… Но, разумеется, закон о тунеядстве, вернее об обязательности труда, должен быть обеспечен широким развертыванием социальных работ. А сегодня винтики государственной машины нацелены на распил и ничего масштабного организовать не в силах».

Цитируемые авторы упустили из виду, что легкое отношение работников к труду обычно наблюдается в России во времена ее упадка, когда русский человек, государственник на генетическом уровне, не ощущает своей причастности к государственному делу, а частное дело он не считает серьезным. В ответственное время, например, во время Великой Отечественной войны, люди могли сутками не выходить из цехов, там же съедали свой скромный обед, спали по три – четыре часа и затем снова становились за станок. Правда, у русских, людей творческих, бывали сложности с технологической дисциплиной, им проще что-то усовершенствовать, чем выполнять одну и ту же нудную операцию на конвейере. Но и эта трудность преодолима.

Т.Воеводина права в том, что модернизация в России проводилась обычно «сверху», но не совсем права, когда расшифровывала это как «из-под палки». Скажем, сталинская модернизация, безусловно, диктовалась «сверху», но задача «догнать и перегнать развитые капиталистические страны!», лозунг «нет таких крепостей, которых большевики не могли бы взять!» вдохновили тысячи рядовых партийцев и беспартийных, истосковавшихся по великому делу, по могущественной России, которая могла бы, как тогда считалось, указать путь всему прогрессивному человечеству. Но это все же были тысячи, а в дело строительства могущественной социалистической России надо было вовлечь миллионы, десятки миллионов. И вот тут сыграло свою роль такое извечное явление общественной жизни,

как мода. В СССР стало модным быть передовым, носить значки «ДИП» и «ЗОТ» («Догнать и перегнать!» и «За овладение техникой!»). Мне, в 30-е годы подростку, хотелось не отставать от старших товарищей, которые имели значки «БГТО» и «Ворошиловский стрелок», и я сдал соответствующие нормативы и тоже получил эти дешевенькие, но красивые знаки отличия. Ну, а тех, кто никак не желал занимать свое место в строю строителей могущественной державы, конечно, реже оставляли в покое, предоставляя им кормиться, как сумеют, а чаще вовлекали в общую работу суровыми методами. В такие моменты истории особенно справедливыми становятся слова поэта Максимилиана Волошина: «чем добрее царь, тем больше льется кровь».

Порой усилия власти по повышению образовательного и культурного уровня нации оказывались даже чрезмерными. Сталин говорил: «Мы хотим сделать всех рабочих и крестьян культурными и образованными», не спрашивая, хотят ли этого подлежащие окультуриванию. Часто даже тех, кто явно не хотел учиться в школе, заставляли продолжать образование, «тащили за уши», переводя их из класса в класс. В подготовке кадров интеллигенции также было проявлено излишнее усердие, что привело к девальвации ряда профессий (инженер по снабжению или по технике безопасности – это профессии?).

Все вожди, проводившие модернизацию, сталкивались в той или иной степени с необходимостью перевоспитания нации. Разве легко было десяткам миллионов вчерашних крестьян, переселившихся в города в годы коллективизации и индустриализации, стать достойным пополнением рядов рабочего класса? Им нужно было уже работать не рывками, как это диктовали сезоны сельскохозяйственного года (напряженный труд в период сева, сенокоса или уборки урожая и относительное расслабление в межсезонье), а систематически, идти на работу по гудку, осваивать станки, на которых надо было вытачивать детали с точностью до микрона. Поломка такого станка, стоившего тысячи золотых рублей, могла быть расценена как вредительство. Сколько трагедий разыгрывалось на этой почве! О том, как непросто крестьяне становились горожанами и рабочими, я хорошо прочувствовал на судьбе своих родителей. А как непросто было подготовить интеллигенцию из рабочих и крестьянских парней и девушек! И нация, которая вступила в Великую Отечественную войну, была уже во многом перевоспитана и разительно отличалась от той, какую принял Сталин, начиная коллективизацию и индустриализацию.

В более позднее время задачу перевоспитания нации ставил перед собой выдающийся государственный деятель

современности, лидер Малайзии Махатхир бин Мохаммад. Малайцы были приветливы, скромны, не гнались за большими деньгами, удовлетворяясь самым минимальным достатком, и потому легко становились жертвами эксплуатации со стороны иных этнических групп даже у себя на родине. Не изъявляли они и особенного желания овладевать знаниями, чтобы стать достойными членами человеческого сообщества конца XX – начала XXI века. Махатхир поставил перед малайской молодежью задачу стать строителями новой Малайзии, быть в авангарде этого движения. И Малайзия добилась потрясающих успехов. За время жизни одного поколения она превратилась из отсталой и нищей колонии в одно из процветающих государств, где используется ряд самых современных технологий. Все это – результат перевоспитания малайской нации.

Курс Путина на новую индустриализацию страны ясен, ради иной цели он не стал бы работать столько лет «как раб на галерах». Но этот курс несовместим с нынешним господствующим настроением в основной массе россиян, со стремлением к потреблению и комфорту, без готовности к ответственному, систематическому и упорному труду. Нация вновь нуждается в перевоспитании.

Речь не идет о каких-то репрессивных мерах в отношении рядовых граждан. Как хаотически разбросанные железные опилки образуют четкую структуру, попав в магнитное поле, так и современный российский хаос должен преобразоваться в стройный народнохозяйственный организм под влиянием великой идеи, грандиозной задачи.

Какие слова, какие подходы найдет Путин к нынешним россиянам, развращенным, по мнению цитированных публицистов, легкими заработками, возможностью отдыха за рубежом и пр., чтобы поднять их на упорный и тяжелый труд, на великое дело, это мы скоро узнаем. Но что это будет великое дело – в этом у меня нет сомнения.

Здесь путинская Россия столкнется с общемировой тенденцией к распаду, который многолик. В частности, эта тенденция выражается и в нежелании европейцев заниматься непрестижными, тяжелыми и грязными работами, на которые приглашают гастарбайтеров из мусульманских стран (в США примерно так же складываются отношения белых американцев с «цветными» соотечественниками). Россия окажется барьером на пути управляемой хаотизации мира, что еще более обострит противоречия между нею и нынешними «гегемонами» и распространителями демократии. Это будет тоже классовая борьба, но уже выходящая на планетарный уровень и

переходящая в конфликт между умирающей западной и восходящей русской цивилизацией (что предсказал еще в начале XX века Освальд Шпенглер). России придется, даже если она того не желает, стать центром негэнтропийных сил в мире, отстаивающих свет и жизнь перед наступлением носителей мрака и смерти.

Руководитель Института опережающих исследований им. Е.Л.Шифферса Юрий Громыко и председатель Движения развития Юрий Крупнов выступили с совместным комментарием по итогам протестных акций, состоявшихся 24 декабря, который опубликован в блоге «Класс развития». В числе основных положений их труда есть справедливый тезис: «Без большого планетарного Дела русский человек жить не может». Согласен с этим на все сто процентов, но только маститые политологи не заметили, что «большое планетарное Дело» в России уже началось, и начал его Путин.

Путину, избранному президентом, нужно выглядеть легитимным руководителем России в глазах мирового сообщества, поэтому именно он больше всех заинтересован в честных выборах. Движение «За честные выборы!» могло бы успокоиться, избрав своим лидером Путина. Более подходящей кандидатуры на это место в принципе быть не может. Антипутинская кампания, ныне представляющая собой бунт олигархов, компрадоров и мелкой буржуазии против курса на возрождение мощи России, тогда потеряла бы всякий смысл.

И в заключение – немного о мелочах

Мне хотелось завершить эту статью несколькими мелкими зарисовками из разных сфер нашей жизни, показывающими, как проявляется классовый подход в частностях. Но это сделало бы текст слишком большим, и я решил эти заметки опустить. Но от одной подробности мне жаль отказываться, уж больно она актуальна.

Речь пойдет о начале работы Государственной думы нового состава. Ее депутаты радовались уходу с поста спикера Бориса Грызлова, прославившегося якобы сказанной им знаменитой фразой: «Парламент – не место для дискуссий».

В действительности Грызлов сказал совсем не то и по существу правильно, но лично я полагаю, что даже и в широко обсуждаемом усеченном виде эта фраза имеет право на существование. Все дело в том, о каком парламенте идет речь. И когда новые депутаты по-детски радуются тому, что Дума превратится в место для реальных дискуссий, они не учитывают

именно этот момент. А без этого – как бы нам не заболеть болезнью демократических (то есть буржуазных) стран, где парламенты стали местом для дискуссий, точнее, для сведения счетов конкурирующими партиями, которые борются за больший кусок общественного пирога, за влияние, а в конечном итоге за власть. И в этой борьбе не останавливаются перед скандалами и грязными разоблачениями конкурентов, а то и прилюдными потасовками. А наиболее сладкоголосые краснобаи становятся народными кумирами и успешными политиками.

Но бывают парламенты иного рода. Таким был, например, Верховный Совет СССР. Он принимал законы единогласно, и многие, не знакомые с его повседневной работой, считали, что это – бутафорский орган. Но мне приходилось общаться со многими депутатами советского парламента, и я знаю, какие жаркие споры шли в его комитетах. Ведь Верховный Совет избирался (или, лучше сказать, составлялся) таким образом, чтобы в нем были представлены, причем достойнейшими личностями, все слои общества. Перед сессией каждый депутат получал наказы от избирателей, в том числе от руководства представляемого им района или отрасли, соображения о нуждах данной местности или конкретных предприятий, как и о том, что мешает осуществлению реализуемых или намечаемых проектов. Депутаты, которым доводилось выступить на сессии, красноречием не блистали. Произнеся ритуальные фразы об успехах страны и мудром руководстве со стороны партии, они деловито излагали свои просьбы и критиковали отдельных руководителей. Но и те, кому на сессии выступить не удалось, обращались со своими просьбами и предложениями в комиссию, готовившую окончательный текст, например, закона о бюджете страны на будущий год, и эти соображения также учитывались по мере возможности и наличию ресурсов. Ресурсы, например, предполагаемые доходы бюджета, были известны, на все проекты и просьбы их не хватало, но приоритеты также не скрывались. Поэтому те, чьи просьбы не были учтены, могли испытывать досаду, но не злость. Не повезло сегодня – наши пожелания учтут в бюджете следующего года. А на сессию выносился уже согласованный проект закона. Поэтому на ней дискуссий не было, а дела делались, и страна шла вперед.

Порой происходили на сессии и курьезные случаи. В начале 1960-х годов довелось мне работать в Институте градостроительства, где директором был Вячеслав Шквариков, ранее бывший председателем комитета по строительству и архитектуре. Лишился он своей прежней высокой должности при следующих обстоятельствах.

Шел обычный день сессии Верховного Совета, на этом заседании не предполагалось присутствия высших руководителей страны (они обычно появлялись на открытии и закрытии сессии). Но вдруг в президиуме появился всего на несколько минут Сталин. И вошел он тогда, когда очередной оратор критиковал позицию комитета, возглавляемого Шквариковым. Сталин вышел так же внезапно, как и вошел. А на следующий день в газетах был напечатан указ о снятии Шкварикова с работы. Не думаю, чтобы сняли его по капризу Сталина или потому, что прозвучала критика на сессии. Возможно, претензии к нему копились давно, но «спусковым крючком» оказалась именно фраза, случайно услышанная Сталиным на сессии. Но это так, к слову. А из сказанного, думаю, ясно, какова разница между буржуазным и советским парламентом в части дискуссий. Если не забывать о классовом и цивилизационном подходах, то в любой частности может открыться глубокий смысл, не явный на первый взгляд.

СССР был народным государством, конечно же, несовершенным, в том числе и потому, что всякий народ, как целое, многомиллионная масса, состоящая из личностей самого разного достоинства, не достигает совершенства. Так было, так есть, и так будет всегда. Никакое общественное устройство не отменяет тех свойств человеческой природы, которые достались нам от животного мира. Но СССР, при всем его несовершенстве, при всех ошибках и сложностях, порожденных трудной исторической обстановкой, был наибольшим из известных истории приближением к справедливому государству. Это проявляется как в больших делах, так и в мелких частностях. И если бы Путин, возрождая мощь России, использовал лучшие стороны советского опыта, это значительно облегчило бы ему решение поставленной задачи.

Работа над этой статьей была закончена за две недели до вступления Путина в должность президента России. Когда книга придет к читателю, он сам сможет решить, прав ли я был в своем прогнозе развития страны при «новом старом президенте».

Вместо автобиографии

Михаил Антонов – современный русский почвенник

По материалам Большой энциклопедии русского народа «Святая Русь», томов «Русский патриотизм» и «Русское хозяйство».

Род.1927. Экономист, публицист и общественный деятель. В нескольких исследованиях показал несостоятельность важнейших постулатов принятой тогда экономической теории.

В частности, когда о технологическом отставании СССР от наиболее развитых стран Запада не принято было говорить, он вскрыл причины этого отставания, неизбежно вытекающие из марксистского понимания эффективности капиталовложений и новой техники. За эту работу он получил первое предупреждение.

Проделанный Антоновым анализ работы морских и речных портов показал, что движение судов происходит крайне неравномерно. При этом, например, суда с одной категорией грузов поступают в порт пачкой, выстраиваются у соответствующего причала в очередь и подолгу простаивают в ожидании разгрузки. А в это время причал для другой категории грузов не имеет работы. Если же с помощью простейших средств (дополнительные транспортерные линии и пр.) обеспечить возможность их взаимопомощи (в пределах, допускаемых физико-химическими свойствами грузов), то непроизводительные простои судов можно свести к минимуму. На основе анализа большого числа таких примеров Антонов выработал общий принцип создания несравненно более экономичных технических систем за счет обеспечения взаимозаменяемости их элементов. Хотя народное хозяйство от такого решения получило бы большой выигрыш, представители ведомств единодушно выступили против этого предложения, поскольку опасались, что в итоге им урежут капиталовложения.

Изучая причины неконтролируемого роста больших городов и запустения периферии страны, Антонов показал ошибочность принятой методологии обоснования размещения новых предприятий. При сравнении вариантов размещения нового предприятия в большом городе и на необжитом месте неизменно оказывается выгодным первое решение. В большом городе уже есть сети энерго– и водоснабжения, канализации, магистрального и городского транспорта и т. п., а на пустом месте все это надо создавать заново. Стремясь сэкономить на затратах, обычно принимается решение разместить предприятие в большом городе.

Однако выгодность такого решения – самообман. Когда не одно, а два, три таких предприятия начинают действовать и наращивать свою мощность, возможности имеющихся сетей городской инфраструктуры оказываются недостаточными. Инфраструктуру приходится реконструировать в сложных городских условиях, со сносом имеющихся строений и пр., что требует несравненно больших затрат, чем при размещении предприятий на необжитом месте. В итоге таких решений вместо ожидавшейся и фигурирующей в отчетах суммы экономий при размещении каждого отдельного предприятия от концентрации их в большом городе вырастает огромный перерасход. А сам город живет в обстановке непрекращающейся реконструкции, отравляющей быт его жителей. При этом возникающие дополнительные расходы всякий раз оказываются неожиданными, и, чтобы найти необходимые средства, приходится перекраивать утвержденные бюджеты, планы строительства и пр. Это существенно снижало эффективность планового ведения хозяйства.

Антонов, проведя анализ большого числа таких решений, предложил ввести в формулы расчетов по технико-экономическому обоснованию размещения предприятий коэффициенты, выведенные на основании анализа ранее осуществленных проектов и учитывающие будущее удорожание развития предприятий при размещении их в большом городе. Это позволило бы устранить практику, приводящую к чрезмерной концентрации промышленности в крупных городах и к громадным излишним затратам. Но это никак не устраивало проектные организации, поставившие обоснование размещения предприятий на поток и не желающие вникать в суть развития экономики, учитывать не ведомственные, а народнохозяйственные интересы.

В 1950 – 60-е годы ученые прозападной ориентации в области общественных наук стали внедрять у нас к месту и не к месту так называемые «экономико-математические методы». На этом были защищены сотни докторских и тысячи кандидатских диссертаций, Антонов, не отрицая необходимости количественных оценок принимаемых решений, выступил с критикой огульного формального подхода к этому важному вопросу. Он очертил сферы, в которых применение математических методов в экономике вполне оправдано и необходимо, и отметил области, в которые эти методы привнесены из спекулятивных соображений. Пузырь со «всеобщей математизацией науки» лопнул со временем сам собой, но тысячи свежеиспеченных лжеученых продолжали свою пустопорожнюю деятельность, отравляя атмосферу в науке и

мешая внедрению идей подлинных ученых.

Неприятие властью его предложений, народнохозяйственная эффективность которых казалась очевидной, привело Антонова к выводу об устарелости экономической теории, основанной на марксистских догматах.

За публичные выступления против марксизма Антонов был уволен с работы. Зарабатывал на жизнь, работая почтальоном. В мае 1968 был арестован за участие в «национал-большевистской группе» Александра Фетисова. В отличие от «демократических» диссидентов, ратовавших за «права человека», и от правых диссидентов – русских националистов – группа Фетисова – Антонова, как ее называли тогда зарубежные радиоголоса, критиковала советскую власть не за то, что она советская, а за то, что она была недостаточно советской и пошла на поводу у агентов влияния Запада. Вместе с тем группа Фетисова поднимала вопрос о бедственном положении Русского Народа. За свои убеждения Антонову пришлось испытать все прелести любимой им советской власти. Его посадили в Лефортовскую тюрьму, потом три года держали в «психушке». После заочного суда он прошел по этапам нескольких тюрем: Бутырка – Матросская Тишина – Пресня – Кресты. Находясь в заключении, он подготовил и сумел передать на волю «Программу Партии Русского Народа», оставшуюся, по его словам, невостребованной.

Вышел Антонов на свободу в мае 1971 с удостоверением инвалида, психически больного. Не мог получить постоянную работу в течение 6 лет.

В 1977 в связи со срочной и острой потребностью в специалисте экономического профиля был принят в Институт мировой экономики и международных отношений (ИМЭМО) АН СССР, где проработал до 1987.

В 1981 в журнале «Наш современник» была опубликована статья М.Антонова «Нравственность экономики», где впервые в советской печати был поднят вопрос о необходимости нравственных начал в ведении народного хозяйства. В 80-е Антонов был постоянным автором журналов «Наш современник», «Москва», «Молодая гвардия» и др.

Антонов – автор книг «Нравственность экономики», «Нравственные устои экономики», «НТР: роль человеческого фактора», «Ложные маяки и вечные истины», «Провидец», «Капитализму в России не бывать!», «От лжекапитализма – к тоталитаризму!», «Экономическое учение славянофилов», «Цель номер один. План оккупации России».

В 1989 Антонов был избран председателем основанного несколькими патриотическими организациями Союза духовного

возрождения Отечества, редактировал газету Союза «Русский путь», выступал с программными документами острой антиельцинской направленности.

По его мировоззрению Антонова до ареста относили к так называемым национал-большевикам – утопической струе русского патриотического движения, последователи которого пытаются объединить Нила Сорского и Ленина. Получивший обычное советское воспитание, он пытался объяснить происходящее в стране с позиций марксистской теории. Однако после ознакомления с работами Маркса и Энгельса резко антирусского и антирелигиозного характера осознал односторонность и во многом ошибочность их учения и искал новую основу своих взглядов в трудах отечественных мыслителей – от славянофилов до народников и большевиков. Как считал тогда Антонов, высшим взлетом народного самосознания в России в «доленинский период» было «славянофильство», «ленинский период» соответственным образом был значительнее и положительнее, чем вся предыдущая история страны.

За время пребывания в заключении и позднее, под влиянием прочитанного (ранее недоступного) и встреч с верующими православными людьми в мировоззрении Антонова произошел перелом. Если раньше он рассматривал Православие как мощную идеологическую и политическую силу, то теперь ему открылась его духовная и мировоззренческая сторона. Решающим моментом явилась его воцерковление в результате встречи со схииеромонахом Сампсоном (в миру граф Эдуард Сиверс), ставшим для него вплоть до своей смерти духовным отцом.

В 90-е и начале 2000-х Антонов изучал наследие выдающихся деятелей русской экономической и общественной мысли, открыв в нем многое, мимо чего проходили другие исследователи. В частности, он стал первооткрывателем М.В.Ломоносова как «направителя Русского государства», С.Ф.Шарапова как создателя русского национального направления в экономической науке, Ю.Г.Жуковского как крупнейшего национально ориентированного теоретика банковского дела и блестящего русского публициста и др. Но Антонов считает советский период отечественной истории очень важным как в экономическом и культурном, так и в религиозном отношении. (За всю историю христианства не было такого количества святых, как в советское время, а русские богословы и религиозные мыслители в XX веке развили многие стороны христианского учения, чего не наблюдалось ни в какой другой стране христианского мира.) Антонов продолжал и собственные теоретические исследования в области экономики и в мировоззренческих вопросах.

В статье «Время устраивать дом» Антонов показал устарелость понимания «трех источников и трех составных частей марксизма.

В частности, Марксова формулировка основного вопроса философии («что первично – дух или материя» и «познаваем ли мир человеком») в современных условиях – разновидность схоластики. Отбросив религиозные заповеди, марксизм должен был выработать им замену, ибо люди не могут жить в этической пустоте. Однако это не было сделано – и не могло быть сделано в принятой у нас системе философии. Сегодня необходимо нацелить науку на решение вопроса о том, что такое человек, каково его место в мироздании, каков смысл его жизни и в чем его призвание. В итоге надо получить ответ на вопрос, как правильно жить и что делать, чтобы спасти человечество и все живое на Земле от экологической катастрофы и других бесчеловечных деяний заблудившегося рода людского.

Понимание экономики как науки о производственных отношениях, как бы внешних по отношению к человеку, также устарело. Закон стоимости не был навязан властью, он отразил сущность человека-эгоиста, конкурирующего с другими людьми. Экономика должна стать наукой о человеке, о путях его становления как личности, осознающей свое призвание и живущей в соответствии с ним.

Социализм научный, как и его предшественник – французский утопический социализм, – это в основном учение о том, как надо изменять обстоятельства, общественный строй, чтобы через это воспитать совершенного человека. Но он не разрабатывал путей воспитания совершенного человека, а несовершенным людям не под силу создать совершенное общество.

«Словом, какой бы из трех источников марксизма мы ни взяли, он оказывается не квинтэссенцией всей культуры человечества, каким их представляли марксистские идеологи и ученые, а преимущественно плодом западноевропейской культурной традиции, даже, точнее говоря, одной ее атеистическо-рационалистической ветви». Нужно расширить круг источников общественной науки, прежде всего за счет ценностей русской культуры, в том числе духовной ее составляющей, ввести в науку человека, выработать понимание того, что жизнь – явление не только земное, но и космическое, а потому каждый должен относиться к жизни с сознанием ответственности за все происходящее на планете.

В статье «Перестройка и мировоззрение» Антонов показал, что учебники по марксистско-ленинской философии способны

воспитать лишь дельцов и диких покорителей природы, разрушителей, а не созидателей, потому что в этой философии нет нравственной основы, высшей идеи, побуждающей к чистоте жизни. Если философия – это эпоха, схваченная в мыслях, то нам за нашу эпоху должно быть стыдно.

В статье «На переломе» Антонов показал, что в советской общественной науке царит «экономизм», который был раскритикован еще на заре XX века выдающимся русским мыслителем С.Н.Булгаковым. Наука следит за ростом производства материальных благ, но совершенно не задумывается над тем, счастливы ли люди, становятся ли они более человечными. Торгашество, воспитываемое экономизмом, ведет к нравственной деградации людей, в этом причина и застоя, и отсутствия реального ускорения.

Когда Горбачев выдвинул лозунг интенсификации производства, Антонов разоблачил его демагогический характер. В статье «Какая интенсификация нам нужна?» он показал, что предлагаемая интенсификация предусматривает ускоренное развитие лишь отдельных звеньев технологической цепочки, а это может иметь лишь одно последствие – развал производства, и без того уже доведенного до предкризисного состояния.

В условиях, когда усилиями «пятой колонны» перед страной был поставлен якобы неизбежный выбор между принятием западных ценностей и возвратом к прошлому, Антонов выступил со статьей «Выход есть!», в которой показал тупиковый характер обоих предлагавшихся путей и призвал поставить во главу угла традиционные духовно-нравственные ценности Русского Народа, нашедшие выражение в трудах наших религиозных подвижников и патриотически настроенных деятелей отечественной культуры. Попутно он обличил ведущих ученых-экономистов (А.Аганбегяна, Т.Заславскую, Л.Абалкина и др.) и других «темных людей с высшим образованием», растлевающих народ. На примере «закона Шмелева» («что экономически эффективно, то и нравственно») он раскрыл типичные методы подмены ценностей, практиковавшиеся идеологами либеральных реформ.

В 1988 министр путей сообщения Н.Конарев пообещал, что советский железнодорожный транспорт перегонит железные дороги США по основным показателям, в том числе по производительности труда. Антонов в статье «Несуществующие люди» показал демагогический характер таких заявлений, основанных на учете одних лишь количественных показателей и уводящих от понимания качественного отставания советского транспорта, которое недопустимо в условиях наступающей постиндустриальной эпохи. Он обличал чиновников, поставивших

свое ведомство в положение «извозчика» и проявляющих равнодушие к судьбам страны, и подверг резкой критике планы министерства, предусматривавшие значительное сокращение персонала и усиление эксплуатации остающихся работников.

Большой общественный резонанс получила статья Антонова «Так что же с нами происходит?». В ней он разобрал концепции двух наиболее важных боровшихся тогда между собой направлений общественной мысли и практики, получивших названия «купцов» (сторонников рыночных отношений) и «кавалеристов» (готовых с шашкой наголо внедрять административные методы управления экономикой), и показал, к каким плачевным результатам приведет победа любого из них. К сожалению, этот прогноз оправдался, и даже с превышением.

Критическому анализу советского периода (от Ленина до Путина) посвящена работа Антонова «Капитализму в России не бывать!», публиковавшаяся в 2003—2005 в журнале «Молодая гвардия» и затем вышедшая отдельной книгой.

Он продолжил линию русских почвенников, отказывавших политической экономии в праве на существование в качестве науки о богатстве, оторванной от других областей существования и деятельности человека. Вероятно, впервые в послесталинское время им было заявлено, что никакой политической экономии социализма не существует и не может существовать, что вызвало переполох в стане советских политико-экономов.

Антонов пришел к пониманию экономики как науки и практики ведения народного хозяйства, нацеленных на то, чтобы страна хорошела, государство богатело, а люди развивались физически и духовно, жили дольше и становились человечнее. В реальных условиях, на определенном историческом этапе, государству подчас приходится отступать от этого идеала целостности, однако после преодоления чрезвычайных обстоятельств необходимо возвращаться к пониманию гармонического развития всех сторон жизни страны. С этих позиций он критикует всю современную экономику, которая построена в соответствии с идеалами «общества потребления» и оценивает состояние страны лишь с точки зрения роста производства товаров и услуг. Антонов рассматривает ее как «недоэкономику» или «предэкономику», которая, если не преодолеть ее ограниченность, заведет человечество в безысходный тупик.

Строго говоря, Антонов предлагает вернуть экономике ее первоначальный смысл (разумеется, на более высоком уровне, отвечающем условиям нового исторического витка). Как известно, само это название возникло в Древней Греции (по названию

книги Ксенофонта «Экономикос») и означало «умение вести дом». Под этим понималось такое ведение хозяйства свободного гражданина Афин, которое обеспечивало бы ему достойную во всех отношениях жизнь, а отнюдь не наибольший денежный доход. В Древнем Риме также оценивали разные способы ведения хозяйства не с точки зрения наибольшей прибыльности, а по тому, способствуют ли они воспитанию лучших граждан. Однако наряду с этим существовала другая наука о богатстве, нацеливавшая на обогащение любым путем. Аристотель назвал ее «хрематистикой» (от слова «хрема» – имущество). И хотя в Новое время в Западной Европе вновь утвердилось название «экономия» и даже с прибавлением «политическая» (с претензией на управление хозяйством в масштабе всей страны), в действительности эта наука оставалась хрематистикой, ставящей задачей обогащение государства и особенно его правящего класса, но оставляющей за пределами своего внимания условия жизни большинства людей. Пора вернуть ей более широкое понимание существа общественной жизни.

Формула производства, предложенная Марксом для рыночной, торгашеской экономики (и некритически принятая советскими экономистами) – «товар – деньги – товар», не отвечает условиям подлинно человеческого общества, где производство должно служить не только удовлетворению потребности людей, но и возвышению их духовного и нравственного уровня. Настоящая формула такой человечной экономики должна быть иной: «человек – производство – более совершенный человек».

Чтобы сделать такое понимание экономики орудием практического инструмента для гармоничного развития народного хозяйства, Антонов предложил изменить критерии оценки состояния экономики страны. Показатель валового внутреннего продукта (ВВП) не может служить таким критерием. В погоне за ростом производства часто приносятся в жертву жизнь и здоровье людей, природная среда. Поэтому, – писал Антонов еще в начале 80-х, – в дополнение к ВВП надо принять систему других показателей. Это – численность населения и средняя продолжительность жизни граждан, уровень их здоровья и образования, плодородие почв и экологическая обстановка и др. Разработаны и методы приведения разнородных показателей к общей количественной оценке. Итоговый показатель – не скалярная величина, а вектор. Сопоставление вектора-идеала и вектора – действительного положения позволяет оценить степень отклонения от желаемой цели и обеспечить оптимальное движение по пути к «идеалу».

По мнению Антонова, использование новых подходов к

экономике, включающих духовную составляющую, позволит России стать мировым лидером в XXI веке.

Антонов принимал участие в нескольких богословских конференциях. В частности, на конференции, проходившей в Почаевской Лавре, он выступил с докладом, в котором показал, что переход экономики страны на рыночные рельсы с неизбежностью приведет к усилению атак на Православие в России со стороны различных, в особенности протестантских, церквей и сект. Он разоблачал деятельность западных проповедников в России и критиковал власть, широко открывшую им двери в нашу страну.

Заметки недовольного

Эти заметки – сокращенный текст статьи, которую я написал по просьбе редакции «Литературной России». Коллеги попросили меня поделиться своими воспоминаниями о сотрудничестве с газетой, и я решил воспользоваться возможностью бросить взгляд на свой путь публициста в 1980 – 90-е годы. Поскольку в «Избранном» моей биографии (или автобиографии) нет, я счел целесообразным поместить здесь эту статью.

Чем же я недоволен?

Свою статью я назвал «Заметками недовольного», отчасти подражая Юрию Полякову с его «Заметками несогласного» в «Литературной газете». Юрию Михайловичу не нравилась политика российских либералов во власти. Он не собирается бороться с ней, но с ней не согласен, о чем и заявил urbi et orbi. Но, что позволено Юпитеру, не позволено быку. Юрию Михайловичу, при его всесветной известности, можно так определять свою позицию. А если бы то же самое сказал я, то, могу предположить, иные критики немедленно уподобили бы меня щедринским глуповцам, которые говорили: «а мы несогласные» и упорно стояли на коленях. Чем приводили начальство в замешательство: бунта нет, но и настоящей покорности тоже нет.

А вот в том, что я недоволен нынешней ситуацией в стране (и в мире), я могу признаться совершенно откровенно, и никто меня за это не упрекнет. Ведь недовольных сегодня (впрочем, видимо, так и всегда было) великое множество. Но в большинстве своем они недовольны чем-то конкретным. Мое же недовольство, можно сказать, всеобъемлющее.

Я убежден в том, что человечество не понимает своего истинного призвания, живет, руководствуясь больше импульсами звериной стороны людской природы, чем заветами великих учителей нравственности. Но разве этим кого удивишь, если о том же говорили писатели, мудрецы и мыслители – от Гераклита Эфесского до Льва Толстого, а в наши дни – до Валентина Распутина и священнослужителей разных ступеней церковной иерархии? Я полагаю, что общественность в России и за ее пределами живет давно отжившими представлениями о мире и человеке, бродит в дебрях мировоззренческих фантомов, а соответственно, и политика государств и блоков строится на ложных или устаревших основаниях. Я считаю (если быть ближе к

предмету нынешнего обсуждения), что и литературоведение осталось далеко в прошлом веке, что не раскрыта глубинная сущность творчества Пушкина, Гоголя, Достоевского, Льва Толстого, Чехова, не говоря уж о более близких к нам по времени непонятых Аркадии Гайдаре или Василии Шукшине. Никто из литературоведов даже близко не подошел **к пониманию русской классической литературы как народнической, предвосхищающей национально-освободительную борьбу русского народа против положения России как криптоколонии Запада,** в которое страну завели европеизаторы Романовы. Поэтому меня раздражают и поражают своим примитивизмом все ведущиеся ныне в СМИ дискуссии, которые в лучшем случае можно определить как «спор вчерашнего с позавчерашним». Меня поражает слепота наших политиков и аналитиков, которые никак не поймут истинной причины враждебных действий Украины по отношению к России и продолжают сваливать все на украинскую прозападную элиту, которая якобы не выражает мнения «братского» нам украинского народа. Я исследовал историю нашей страны со времен начала Киевской Руси и установил, что непримиримые противоречия, нашедшие выражение даже в религиозной сфере, существовали еще между Русью Южной (Киевской) и Русью Северо-Восточной (Владимиро-Суздальской), где и зародилась великорусская народность. Со временем они переросли в ярую враждебность со стороны Юга при снисходительном взгляде на украинцев со стороны Севера. И в дальнейшем враждебность Украины к России будет только нарастать. И она будет использована врагами России, которые не остановятся даже перед использованием Украины для развязывания военного конфликта между нашими странами. Они готовы разжечь и Третью мировую войну, лишь бы не допустить нашего подъема.

Но особенно недоволен я тем, что наши ученые и политики не понимают сути исторического процесса. А она заключается в том, что в мире ныне сосуществуют разные цивилизации, но большинство их либо уже завершили свое развитие и оставили после себя нации прагматиков, не способных к подлинному творчеству, либо еще не вступили в фазу развития. Единственная сегодня (по крайней мере, в пределах белой расы) живая (творческая) цивилизация – это Русская православная цивилизация, которая как раз сейчас выходит на первый план мировой истории именно в силу этого своего качества (оговорюсь: я не касаюсь мусульманской цивилизации, состояние и судьба которой вызывает у ученых диаметрально противоположные оценки). Но о судьбах русской цивилизации

нужен особый разговор. Здесь же лишь отмечу: вместо того, чтобы использовать этот главный стратегический ресурс России, власть упрямо старается его уничтожить. Министр образования и науки Андрей Фурсенко даже главной претензией, предъявляемой им к нашей школе, назвал то, что она готовит слишком много творцов и созидателей и слишком мало исполнителей и потребителей. Нам упорно навязывают философию прагматизма – самую гнусную и бесчеловечную. Впрочем, чтобы перечислить все то, чем я недоволен, понадобилось бы написать другую статью. А так как от меня тогда потребовали бы и изложения позитивного решения названных проблем, то мне пришлось бы его предъявить, что чревато опасностью занять почетное место среди пожизненных обитателей психиатрической больницы. (Хотя свое понимание глубинного смысла творчества «Солнца русской поэзии» я все-таки рискнул высказать в очерке «Уроки Пушкина».)

Вот с таких позиций всем недовольного я и попытался изложить историю моих взаимоотношений с «ЛР».

Немного предыстории

В 1952 году я, новоиспеченный кандидат наук, был направлен в систему Академии наук СССР и привлечен к исследованиям проблем экономики сначала Дальнего Востока, затем Красноярского края и, наконец, Центра России. То, что я увидел и узнал во время экспедиций по этим регионам, просто потрясло меня. С одной стороны, гигантский размах строительства, в том числе уникальнейших сооружений. Достаточно назвать хотя бы туннель под Татарским проливом для соединения железной дороги Сахалина с общей железнодорожной сетью страны или Приполярную железную дорогу Салехард – Игарка. С другой стороны, это нищета и заброшенность громадных территорий в удалении от Москвы. Поражали и контрасты иного рода: огромные природные богатства и расточительность в их освоении: затопление или выжигание при строительстве ГЭС громадных лесных массивов, которых иной приличного размера стране хватило бы на десятилетия безбедного существования, сооружение объектов одними ведомствами и разрушение их другими – и все это «на законном основании». Стройки начинались и консервировались, снова возобновлялись и опять закрывались, и на всем этом грели руки оборотистые дельцы.

В 1960 году я перешел на работу в систему Академии строительства и архитектуры СССР. И там я увидел впечатляющие картины расточительства вследствие стихийного (при

декларируемой плановой системе) развития городов и регионов.

Мне, кажется, удалось выявить причины такого хаоса в плановой экономике. Например, как решался обычно вопрос, где разместить новое крупное промышленное предприятие – в существующем городе или в чистом поле? В городе уже есть водопровод и канализация, энергоснабжение и какая-то социальная инфраструктура, в чистом же поле это все надо создавать заново, а это деньги – и немалые. В сталинские времена эти соображения не играли решающей роди: нужно было создать конструкторское бюро Макеева по разработке новых типов ракет для подводных лодок, – поезжай, конструктор, на Урал и выбирай место для нового города (и то все-таки это новое поселение краешком зацепилось за город Миасс). А позднее денег на все объекты всегда не хватало, и экономия средств приветствовалась. Поэтому в большинстве случаев решали разместить новое предприятие в существующем городе. И одно предприятие, и другое, и десятое – на размещении каждого добивались экономии. Но когда эти предприятия заработали на полную мощность, оказывалось, что все городское хозяйство на это не было рассчитано, и надо его реконструировать, на что требовались средства, несоизмеримо большие, чем достигавшаяся ранее экономия. И, главное, все эти расходы оказывались непредвиденными и для самого города, и для плановых органов, сваливались как снег на голову, и эти дыры нужно было срочно затыкать, урезая средства на развитие других объектов. Так и рождался этот хаос, города погружались в процесс перманентной реконструкции, государственный бюджет все время лихорадило. При этом большие города росли, несмотря на все запреты, устанавливаемые высшими инстанциями, а остальная страна теряла свои производительные силы, вплоть до того, что отдельные регионы уподоблялись пустыне.

Ну, а раз промышленность концентрировалась в городах, то и ведущие к ним железные дороги приходилось перманентно реконструировать, и сил и средств на строительство новых линий, могущих вдохнуть жизнь в обезлюдевшие регионы, не оставалось.

А я предложил заранее в расчеты по сравнению вариантов размещения предприятий расходы для варианта размещения в большом городе принимать более высокими, с учетом неизбежных в будущем затрат на реконструкцию городского хозяйства. Величину этих повышения затрат можно было установить, проанализировав процесс развития ряда крупных городов. Специалисты соглашались со мной, но на деле ничто не менялось.

Но особенно меня удивляло то, что все эти безобразия, поражавшие новичка, воспринимались опытными специалистами почти как норма. Мне же, воспитанному в советском патриотическом духе, они казались, по меньшей мере, проявлениями головотяпства, если не вредительства. И эти новые знания и чувства требовали выхода.

Я стал писать статьи в газеты и записки в правительственные органы. С трудом, в урезанном и смягченном виде, кое-что удалось опубликовать в «Строительной газете» и некоторых других ведомственных изданиях. Но мне хотелось поведать о своих впечатлениях и открытиях широкой общественности.

Я не искал славы, хотя знаки признания общественной значимости моей работы мне бы не помешали. Не рассчитывал я и на высокие гонорары или иные блага, хотя до 80-х годов остро нуждался и в деньгах, и в жилье. Двигало мною желание помочь стране, народу лучше распорядиться теми богатствами, какими наделил нас Бог.

Вот почему я начал свое наступление на издания, особенно популярные среди русской интеллигенции. Несколько моих попыток совершить прорыв в этом направлении были успешно отбиты редакциями.

Я продолжал совершенствовать свой научный инструментарий. Около десяти лет мне довелось прожить в Перове, и на работу я ездил на электричке. Вагоны в часы пик были переполнены, но я ухитрялся в дороге штудировать Маркса – первый том «Капитала», а потом и другие работы. Конечно, это совершенно разные вещи – изучать «Капитал», читая лишь те странички, которые полагалось по методичке для аспирантов, или прочитав весь том подряд. Поэтому, когда мне по службе было дано поручение разобраться, почему в нашем самом совершенном социалистическом хозяйстве плохо внедряется новая техника, я сразу же нашел ответ: оказалось, что в СССР, как и при капитализме, учитывается только оплачиваемый труд, а прибавочный труд остается вне учета. Естественно, что и границы применения машин у нас столь же узки, как и отмеченные Марксом для капитализма.

Отдавая должное гениальности Маркса, я все же должен отметить, что кумиром для меня он не стал. Скоро я дошел до статей Маркса и Энгельса о панславизме, а затем и до их откровенно русофобских работ, и это навсегда отвратило меня от немецких гениев. Я обратился к трудам Ленина, которые в вузе тоже изучались поверхностно. Но одновременно я изучал и труды славянофилов, которые первыми в XIX веке заявили о том, что Россия – самобытная цивилизация. Она не только не отстает от

Европы (как полагали тогда и правящая элита, и российские «западники»), но и располагает в мировоззренческом плане таким богатством, какого Запад либо никогда не имел, либо растерял в ходе своего исторического развития. А потому спасение мира, в том числе и Запада, придет из России. Особенно запомнился мне девиз князя Владимира Одоевского: «Девятнадцатый век принадлежит России!» Без моего ведома в журнале Владимира Осипова была напечатана моя статья «Учение славянофилов – высший взлет русской мысли в доленинский период». Она вызвала много критических откликов (особенно яростно выступал по этому поводу Анатолий Иванов). С Лениным мне пришлось разбираться много позднее.

В свободное время я принимал участие в работе Научного совета АН СССР по кибернетике, который возглавлял академик Аксель Берг (правда, он на заседаниях не столько высказывал новые идеи, сколько ругал Советскую власть и высмеивал тупоумных бюрократов). В составе Совета была секция организации, возглавляемая адмиралом Боголеповым, а я руководил в ней подсекцией теории систем. Сначала мы изучали теоретические работы австро-американского биолога-теоретика Людвига фон Берталанфи, который пытался выработать математический аппарат для описания различных типов систем. Но скоро Александр Фетисов выполнил работу «Речное пароходство как объект теории систем», которая сразу же перевела наши исследования в практическую (в том числе и в политическую) плоскость. Александр Александрович был на 12 лет старше меня, участвовал в войне, был ранен, занимал большие командные должности на Тихоокеанском флоте. Более десяти лет мы работали с ним рука об руку. Но в 1968 году я, как и Фетисов и еще два наших товарища, был арестован по обвинению в «клеветнических измышлениях, порочащих советский общественный и государственный строй», и провел несколько лет «далеко от Москвы». Самое смешное здесь заключалось в том, что эта статья Уголовного кодекса применялась обычно к диссидентам, каковым я не был, и если критиковал Советскую власть, то не с антисоветских позиций, а за то, что она была недостаточно Советской. Мне также хотелось, чтобы власть совместно с Церковью занялась нравственным воспитанием народа, что тогда тоже не поощрялось. Но под категорию антисоветчика я не подходил. Это не помешало властям поместить меня в следственный изолятор «Лефортово» (могу засвидетельствовать, что там обращение следователей КГБ и охраны с заключенными в то время было вполне корректным), а оттуда направить на судебно-психиатрическую экспертизу в

Институт судебной психиатрии имени Сербского. Не знаю, было ли это личным изобретением Юрия Андропова или же уже отработанной практикой, ясно одно – тогда тех, кого считали противниками режима, но кого судить открытым судом было нежелательно, признавали психически больными и держали в соответствующих «больницах специального назначения». Так мне, стороннику советского строя, хотя и настаивавшему лишь на его совершенствовании, пришлось, пройдя через цепочку тюрем, провести три года в таких заведениях.

Мне много раз предлагали написать воспоминания о тех годах, но я всякий раз отказывался, и сейчас этого делать не буду. Отмечу лишь одну особенность этого вида наказания. В любом другом исправительном учреждении вы, разговаривая или даже просто пребывая рядом с человеком, более или менее знаете, чего от него можно ждать. Здесь же вы этого не знаете, потому что он может вдруг выкинуть нечто невероятное и для вас небезопасное. На кровати, соседней с моей, некоторое время спал детина, по слухам, людоед. Когда он совершал побег из места заключения, то брал с собой товарища, который потом служил ему пищей. Что может быть на уме у такого соседа?

Больницы эти были специфические. За пациентами (а это все уголовники, совершившие особо тяжкие преступления, в большинстве – убийцы и насильники, но признанные судом невменяемыми) наблюдали врачи-психиатры. Раздавали таблетки и делали уколы медицинские сестры. Санитарами, непосредственными над нами начальниками, были уголовники, отбывавшие здесь срок своего наказания. А уже снаружи заведение охраняли солдаты внутренних войск.

В больнице, как и в тюрьме, в камерах, именуемых палатами, всю ночь горел яркий свет, что многими очень трудно переносится.

И в этом состоянии вам приходится находиться не день, не два, не неделю, даже не год…

Но должен признать, что и среди врачей были люди весьма приличные. Мои «лечащие врачи», возможно, не считали меня больным (я их об этом не спрашивал). Но относились ко мне, как к человеку здоровому и вменяемому. Благодаря им, мне, например, удалось пройти весь срок, не приняв ни одной таблетки и не испытав ни единого укола, которые у многих вызывали нежелательные побочные действия. Меня «лечили» методами «стенотерапии».

Годы размышления не прошли для меня даром. И я вернулся с пониманием того, что борьбу надо продолжать иными средствами и на новом, более высоком уровне.

В 70-е годы в моей жизни произошли два важных события. Во-первых, мне посчастливилось стать духовным сыном схииеромонаха Сампсона (в миру графа Эдуарда Сиверса), который открыл мне глаза на многое, происходящее вокруг. В частности, он объяснил разницу между Православием и тем обрядоверием, которым пронизана была тогда вся жизнь Церкви. Вспоминаю здесь данный факт потому, что это в еще большей степени относится к дням сегодняшним, когда присутствие в храме на праздничных богослужениях стало чуть ли не обязательным для политиков, общественных деятелей и всех желающих засветиться, публично продемонстрировать свою приверженность духовным ценностям. Во-вторых, наконец-то была снята угроза выдворения меня из столицы. Дело в том, что после освобождения из заключения я оказался в сложном положении. На работу по специальности меня не брали. Устроиться на «простую» работу (истопником или почтальоном) – значило попасть в число тех, кто «социально деградировал», а это грозило новыми крупными неприятностями. А нигде не работать (рассчитывая, например, на заработки переводами) значило подпасть под подозрение как тунеядец, что также могло повлечь за собой кары. Как я выходил их этой ловушки в течение шести лет – это особая история, но ясно, что в это время мне было не до публикаций. И вот в 1977 году меня наконец-то приняли на постоянную работу, и не в какую-нибудь контору по заготовке рогов и копыт, а в Институт мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР, то есть в учреждение, готовившее материалы для ЦК партии и правительства СССР. И даже в закрытый его отдел, занимавшийся особо важными исследованиями. Как могло случиться такое чудо, что туда приняли человека, исключенного из партии (предварительно заявившего о добровольном выходе из ее рядов) как противника Советского строя, прошедшего через тюрьмы и психушки и признанного ненормальным, это тоже целая эпопея, о которой здесь не место рассказывать.

Недолгая карьера публициста

В 1981 году началась моя карьера публициста: в «Нашем современнике» была напечатана моя статья «Нравственность экономики», сразу же сделавшая меня известным достаточно широкому кругу читателей (тираж журнала был тогда вполне приличным). Поскольку многие молодые писатели, а тем более – читатели, плохо представляют себе обстановку, в которой приходилось тогда жить журналам, расскажу об этом эпизоде.

В редакции знали, что прохождение этой статьи через Главлит, то есть через просмотр цензора, будет трудным. Заместитель главного редактора журнала поэт Валентин Устинов (он, слава Богу, жив и здоров и может подтвердить мною рассказанное) повез верстку номера, а я остался в редакции ждать своей участи: на следующее утро мы с женой собирались отправиться на теплоходе в «кругосветку» по маршруту Москва – Рязань – Нижний Новгород – Ярославль – Москва. Вернулся Устинов удрученный: цензор, сам экономист, статью по ее содержанию оценил высоко, но сказал, что пропустить ее в печать не может. И те места, которые вызывают возражение, он подчеркнул красным карандашом.

Когда Устинов развернул верстку, мне показалось, что она сплошь исчеркана красным. Откладывать переделку статьи, чтобы поставить ее в следующий номер, нам не хотелось, и я предложил, чтобы мы еще посидели и поставили «подпорки» – цитаты из сочинений Брежнева, благо несколько томов их находились на книжной полке в редакции.

Идеология КПСС во многом держалась на социальной демагогии, это иногда помогало партии, но часто давало возможность воспользоваться тем же оружием, чтобы обойти партийные запреты. И вот в те места текста, которые казались цензору неприемлемыми, мы вставляли: «как говорил товарищ Л.И.Брежнев», и далее помещали подходящую цитату из сочинений генсека. Закончив эту работу очень поздно, мы с Валентином все же решили отметить эту победу: он заехал за своей женой и за гитарой, и в крохотной моей комнатке (я до 55 лет жил либо в общежитиях, либо в бараках, либо в коммуналках) состоялся пир. Но сомнения в том, что статья увидит свет, еще оставались. Утром мы с женой уехали на теплоходе, так и не зная, чем дело кончится.

Позднее мне рассказали еще об одной хитрости, к которой прибегали редакторы журналов. В один номер ставили, скажем, как в моем случае, три «непроходных» статьи. Кроме моей, в номере стояли: очередная глава из повести Михаила Алексеева «Драчуны» – о голоде в Поволжье в 30-е годы и статья Петра Дудочкина «Трезвость – норма жизни», которую можно было истолковать так, будто власть умышленно спаивает народ. И когда цензор заявил, что эти статьи не пойдут, редактор отвечал, что он не может заменить сразу три статьи, и выпуск очередного номера журнала будет сорван, а это непозволительный скандал (с намеком: и цензора за это не похвалят). А с Михаилом Николаевичем, милейшим человеком, договориться о переносе публикации его главы было нетрудно: он был уже любимым

писателем миллионов, лауреатом и депутатом, и уж его-то произведение непременно будет напечатано. Так и прошла моя статья благодаря такой жертве со стороны маститого автора.

Первая остановка теплохода, откуда можно было позвонить в редакцию, была через несколько дней пути, в Рязани. С замиранием сердца набрал я номер телефона и спросил, какова судьба статьи. А мне ответили, что уже были сотни звонков благодарных читателей, идут потоком и письменные отклики.

Сейчас, если перечитать эту статью, покажется странным, что она тогда произвела такое впечатление. Но, видно, сама мысль (впервые высказанная в советское время) о том, что экономика должна быть основана на нравственных принципах, без чего она превращается в теорию и практику разорения страны, настолько уже созрела в общественном сознании, что даже провозглашение этой идеи было воспринято как революционный шаг. О том же свидетельствует то обстоятельство, что буквально в следующем месяце в «Новом мире» тоже появилась статья об экономике и нравственности.

С появлением упомянутой моей статьи мне стали поступать лестные предложения от разных газет и журналов. А издательство «Молодая гвардия» предложило мне переделать статью в книгу. У нее, кстати говоря, тоже была пресмешная судьба. Я сдал рукопись и ждал выхода книги в свет. Наконец, прочитал в «Книжном обозрении», что она вышла. А буквально через несколько дней сообщается, что умер Брежнев. И издательство отказалось выпускать книгу в таком виде: ведь все те «подпорки», – цитаты из Брежнева, какие были в статье, перешли и в книгу, а в Кремль пришел новый хозяин, который, как предполагали, будет проводить иную политику. Издатели решили подстраховаться и предложили мне отыскать другие «подпорки», благо новый генсек ранее успел произнести немало речей. Пришлось перерабатывать текст. Наконец, когда все было готово, умер Андропов. Если бы не терпение и упорство моего редактора, так и была бы моя книга похоронена вместе с покойным генсеком. Но, по счастью, Черненко протянул год на высоком посту, и почти одновременно с его смертью книга поступила в магазины.

А скоро подоспела и горбачевская «перестройка». Я давно осознал необходимость преобразований в стране и саму идею совершенствования нашего строя поддерживал. Но курс, проводившийся Горбачевым, рано стал вызывать у меня сомнения. Особенно меня встревожило сообщение о встрече Горбачева с Рокфеллером и другими руководителями Трехсторонней комиссии – этой важной структуры «мировой

закулисы» (или, как утверждают некоторые исследователи, невидимого мирового правительства). На встрече было решено, что советская экономика будет встроена в мировую экономику. Это была ложь, потому что экономика СССР давно была встроена в экономику мира. Наша страна экспортировала сначала зерно, меха и произведения искусства, чтобы закупить оборудование, а затем продавала нефть и газ, чтобы купить хлеб и разное оборудование. Значит, на встрече шла речь о сдаче нашей экономики на разграбление иностранным капиталом. И я выступил с рядом статей по ключевым проблемам «перестройки» с показом ошибочности их официального толкования. Например, Горбачев провозгласил линию на интенсификацию производства. Казалось бы, совершенно правильную, эффективность нашего производства в рамках **отдельного предприятия** была крайне низкой по сравнению с лучшими предприятиями Запада. (Но эффективность общественного производства **в масштабах страны** была у нас неизмеримо выше, о чем горбачевцы умалчивали.) И я опубликовал статью «Какая интенсификация нам нужна?», в которой проводил простую мысль: если в организме человека заставить сердце, печень и другие органы работать с предельной интенсивностью, то его сразу же кондрашка хватит. Нужно интенсифицировать работу не отдельных звеньев народнохозяйственного организма, а целых технологических цепочек. В противном случае массовыми станут явления, с которыми мы сталкивались и раньше: работники предприятия, выпускающего полуфабрикат, перевыполняли свои планы, а другое предприятие, на которое поступала их продукция, не знали, что делать с этим «подарком». Их мощности не позволяли его реализовать, у них не было достаточного количества комплектующих и пр. В итоге «перевыполнение плана», а в новых условиях – «интенсификация» выливались в излишнюю трату ресурсов на изготовление ненужной продукции. Несколько таких моих статей, показывавших, по меньшей мере, непродуманность ряда конкретных направлений «перестройки», думаю, внесли свой вклад в выработку правильной оценки разрушительной стратегии горбачевцев.

Но «ЛР» так и оставалась для меня, выражаясь языком альпинистов, непокоренной вершиной. Правда, она упоминала обо мне в связи с тем, что я стал принимать некоторое участие в мероприятиях Союза писателей России. Так, в июне 1987 года проходили Дни советской литературы на Курской земле и выездной пленум Совета по очерку и публицистике. В Курск приехала большая группа писателей во главе с главным редактором «Литературной России» Михаилом Колосовым. Мне

было поручено выступить на Совете с сообщением о современном состоянии российской публицистики. За этим последовали Овечкинские чтения (в память об известном, но уже покойном, публицисте). После завершения официальной части участники разъехались по градам и весям области для выступлений перед тружениками заводов и полей. У меня было довольно много выступлений в разных местах, но особенно запомнилось мне приглашение прочитать лекции по древнерусской иконописи в санатории ЦК КПСС Марьино (я был лектором общества «Знание» и коробочки со слайдами захватил с собой). Располагался санаторий в бывшем имении князя Барятинского, победителя Шамиля. Приняли меня в санатории с почетом и отвели мне гостевые покои. Только тут я почувствовал обстановку комфорта, в какой жила до революции российская аристократия. Покои были «трехсветные» (то есть высотой то ли в два очень высоких, то ли в три обычных этажа) и состояли из кабинета, спальни, приемной и вспомогательных помещений, с отдельным выходом в сад (а дело было в разгар лета). Роскошью и комфортом я никогда не был избалован, парадные залы видал только в музеях, в зарубежных суперотелях не останавливался. Но, думается, более тщательно продуманного устройства помещений для почетных гостей просто невозможно представить. Русские архитекторы в провинции умели создавать такие шедевры, в которых красота без помпезности сочеталось с предельным вниманием к потребностям заказчика. Кстати сказать, рядовые отдыхающие – партработники на уровне инструктора ЦК – жили в обычных комнатках и, возможно, даже не подозревали о существовании гостевых покоев. Зато все остальное в смысле культуры обслуживания было на высоте и даже, по-моему, с некоторым перехлестом, официантки в столовой всякий раз сами предлагали дополнительно какое-нибудь вкусное блюдо (будто от этого зависела их зарплата). А в целом время, проведенное в Марьине, запомнилось мне как «неделя пребывания в земном раю».

Тема иконописи для партработников ЦК была тогда еще почти запретной, во всяком случае – диковинной. Куда с большим интересом слушали мои лекции партийцы и интеллигенция районных центров вроде славного города Рыльска. Так проездил я по области почти месяц. А по возвращении в Москву мне поступил заказ на новую книгу. Редакция «Нашего современника» предложила несколько командировок в Кировскую область, которые дали мне великолепный материал по состоянию и передовых, и отсталых колхозов. И мои очерки о разных сторонах жизни села были хорошо восприняты читателями. А тут еще Михаил Алексеев предложил мне стать членом редколлегии

возглавляемого им журнала «Москва». Я согласился, а буквально через неделю Сергей Васильевич Викулов, главный редактор «Нашего современника», сделал мне аналогичное предложение, которое я вынужден был отклонить, поскольку уже был связан с другим журналом. Это даже породило некоторый конфликт между двумя «главными»: дескать, «мы вырастили автора, а вы его у нас умыкнули». О работе в «Москве» я не жалею, там были напечатаны мои статьи с критическим обзором состояния советской философии и экономической науки, а также с моими нетривиальными представлениями о главных задачах страны. Обо мне тогда писали, но почему-то никто не отметил, что мой голос был уникальным, ни у какого другого публициста идей, подобных высказывавшимся мною, не было. Мне придется кратко рассказать о некоторых высказанных там идеях, потому что они дополняют то, о чем я писал в «ЛР», и только вместе могут быть поняты.

В статье, которую я назвал «Блеск и нищета философии», но которой редакция, по совету сверху, дала менее вызывающее название «Перестройка и мировоззрение» (1997, № 9), я подверг критике учебник «Основы марксистско-ленинской философии», написанный коллективом авторов – самых известных советских философов во главе с академиком Ф.В.Константиновым. В этом учебнике, по которому обучались все молодые обществоведы страны, социализм представлялся благостным обществом, в котором если и есть противоречия, то они не опасные, неантагонистические. Я определил эти положения учебника как теоретическое обоснование тормоза развития, революционного преобразования общества. Отрицательные последствия научно-технического прогресса, загрязнение окружающей природной среды и пр. авторы видели в мире капитализма и объясняли частной собственностью на средства производства. А чем же, – спрашивал я, – объяснить те же явления (подчас даже более масштабные) при социализме? И я представил ведомственность, эту раковую опухоль, разъедавшую советское народное хозяйство, как разновидность частной собственности. Но главное – в учебнике основным вопросом философии по-прежнему считался вопрос о том, что первично – материя или дух. Но даже не ставились коренные вопросы философии: кто такое человек? Каково его призвание? В чем смысл его жизни? Как жить, чтобы быть достойным своего призвания? Зачем, во имя чего, сколько и как надо трудиться? Как относиться к другим людям? А ведь чем дальше, тем больше люди будут различаться не столько уровнем материальной обеспеченности, сколько пониманием цели и смысла жизни, высотой их духовно-нравственного идеала, степенью благородства и чистоты жизни. Человек, который в

материальных благах уже не нуждается, а потребности в духовном развитии не воспитал, страшен, – это убедительно показали Валентин Распутин в повести «Пожар» и Виктор Астафьев в «Печальном детективе».

Я не могу здесь перечислять все другие мои разногласия с ведущими советскими философами, нашедшие отражение в статье, но общий вывод приведу: у советской философии отсутствует нравственная основа, а значит, это не наука, а переложение обывательских взглядов на язык философских терминов. Позднее я конкретизировал свои взгляды по этим вопросам в статье «Философия краха, или Крах философии», напечатанную в первом (нулевом, пробном) номере философского журнала «Эпоха» и вызвавшую негодование в среде философов-профессионалов. Там я доказывал, что философия, зародившаяся первоначально в недрах религии, со временем выбросила ее, как кукушонок выбрасывает из гнезда птенцов приютившей его птицы. И в современном атеистическом обществе философия играет роль заменителя религии для неверующих.

В следующем году журнал «Москва» (в № 3) напечатал мою статью «На переломе» о нравственном смысле развития экономики и экономической науки. Ведь теперь речь должна идти о несравненно большем, чем увеличение производства, потому что на карту поставлена сама жизнь на планете, и не только в связи с угрозой ядерной войны. Мы можем сами положить конец собственному существованию, если не осознаем критического характера сложившегося положения, когда наша деятельность, выражаясь словами Маркса, подрывает сами основы всякого производства – землю и рабочего. Нам нужна программа оздоровления экономики. Почему же, при наличии целой армии экономистов, в том числе дивизии ученых, такой программы нет? И почему материальное благосостояние людей растет, а радости и дружелюбия в их жизни становится меньше, сами они стали более замкнутыми, эгоистичными, раздражительными? Статистики сообщают о росте добычи угля и выплавки стали, а вот насчет уровня человечности не говорят ничего, таких оценочных показателей не существует. А им и неоткуда взяться, потому что ведущие советские ученые-экономисты рассматривают человека только как рабочую силу. Но еще с глубокой древности известен закон духовной жизни: человек, достигнув определенного (исторически и социально обусловленного) уровня удовлетворения своих первичных материальных потребностей, должен, во избежание саморазрушения, переключать свои устремления на достижение духовных, облагораживающих личность, целей. Нарушение этого закона никогда не проходит

без ущерба ни для отдельного человека, ни для общества, ни для всего человечества. Напомнил я и о том, что еще Аристотель различал экономику, как умение разумно устраивать хозяйство, и хрематистику, как искусство наживать деньги любой ценой. И по всем параметрам выходило, что наши ученые-экономисты вовсе даже и не экономисты, а ярые служители хрематистики.

Ну, а их конкретные рекомендации властям? Академик Абел Аганбегян, профессор Николай Шмелев и другие «товарники» предлагали закрывать нерентабельные предприятия, создавать некоторый пресс безработицы, который должен был заставить работников дорожить своим местом и т. п. При этом они скрывали, что на деле-то речь идет не о каких-то управленческих решениях, а об изменении отношений собственности и передвижке власти, что я и отметил. Ориентация на прибыль в тех условиях разорила бы страну. Когда Аганбегян посетовал на то, что «перестройка в духовной жизни идет опережающими темпами (экономика, к сожалению, отстает)…», стало ясно, что он вообще не представляет себе, что такое духовность. Он же ратовал за такой порядок, при котором всем гражданам гарантируется некий минимум благ, а те, кто побогаче, могут купить любое жилище, лечиться в хороших больницах и т. п. Сегодня мы видим, как этот порядок выглядит на практике, а академик об этом мечтал еще за несколько лет до краха СССР!

Наконец, в 1989 году в «Москве» (в № 3) появилась моя статья «Время устраивать дом», в которой была нарисована картина подлинного нравственного одичания многих наших современников. «Мы уже много десятилетий назад утратили ясное представление о том, что мы хотим построить, во имя чего идем на огромные жертвы и развертываем кипучую деятельность… Мы гораздо более быстрыми темпами, чем это делает человечество всей Земли, губим, разоряем свою страну, причем самая большая трагедия – в том, что считаем при этом, будто созидаем ее. Один регион страны за другим в итоге нашего бездумного хозяйствования превращается в территорию, по сути, непригодную для обитания человека… Надо признать и то, что мы не смогли стать для народов мира примером умной и человечной организации своей жизни, умелого и эффективного хозяйствования». А чтобы преодолеть эти недостатки, надо создать современную теорию, ввести в марксизм человека. Потому что все «три источника и три составные части марксизма» исходили из абстрактного понимания человека. Немецкая классическая философия – это порождение немецкого духа и протестантизма, и распространять ее на все человечество некорректно. Нельзя руководствоваться атеизмом, потому что он

– лишь отрицание. Марксизм отбросил религиозные заповеди нравственности, а полноценной замены им не дал, люди же не могут жить в этической пустоте (то есть, могут, но тогда есть риск, что они превратятся в нелюдей). Учение исторического материализма, понимающее историю как последовательную смену пяти общественно-исторических формаций (а они в полном объеме нигде не существовали) не охватывает реального многообразия общественных укладов. Английская политическая экономия рассматривала рабочего лишь как рабочую лошадь, из которой надо выжать все возможное, а затем отправить ее на живодерню. А политическая экономия социализма, на которой паразитирует тьма ученых, – это вообще их выдумка, ее нет и в принципе быть не может. Ну, а французский утопический социализм разобрал еще Достоевский, и вывод его прост: «Если социализм и возможен где-либо, то только не во Франции». Французский пролетарий – это тот же буржуа, которому при дележе общественного пирога достались крохи, и он претендует на больший кусок. Сегодня нужна универсальная теория спасения человечества, а не догматический марксизм. И при ее создании надо опираться на достижения русской культуры. В общем, время созидателей-разрушителей кончилось, настал час домо– и жизнеустроителей.

Некоторые из этих идей были дополнительно развиты мной в статьях, напечатанных в те же годы в журнале «Молодая гвардия»: «Идти своим путем», «Настало время подвига» и др., а также в ряде газет («Советская Россия», «Социалистическая индустрия» и пр.).

Довелось мне участвовать и в проводившейся Ленинградским университетом научной конференции по Сибири. Ревнителей советской политкорректности покоробило мое выступление, в котором была и такая фраза: «Не было и нет на Земле народа более талантливого, чем наш русский народ». Эта фраза подверглась критике с разных сторон, но в этом отчасти был виноват я сам. Тогда я еще не владел цивилизационным подходом, и потому мое заявление основывалось на интуиции и эмпирике, а не на данных науки.

В 1988 году меня попросил приехать в Ленинград замечательный кинорежиссер-документалист Александр Сидельников. Он задумал снять фильм, и обратился ко мне с просьбой быть консультантом. В фильме были два сюжета:

трагедия «неперспективных» вологодских деревень и экологическая катастрофа в зоне Аральского моря. Мы несколько дней вели неторопливые беседы, а меня снимали и речь записывали. Я был поражен мастерством, с которым Саша

смонтировал потом эти кадры вместе с материалами натурных съемок. Фильм получил потом ряд призов, в том числе первую премию на международном фестивале кинодокументалистов в Германии.

Чтобы не возвращаться более к кинематографу, отмечу еще одну встречу с признанным мастером документалистики – Борисом Карповым. Он был первым, кто создал замечательные документальные фильмы о духовной жизни прошлой и современной России, о нашей истории, о жизни Русской Православной Церкви. Мы с ним никогда не были особенно близки, но, видно, мои выступления в защиту советского строя запали ему в душу. Борис приглашал меня выступить перед студентами ВГИКа, где он преподавал, пригласил и на свой юбилей, который праздновался широко и шумно. Но вот его поразил обширный инфаркт. Благодаря хлопотам жены Татьяны, тоже известного режиссера-документалиста, Борис лежал месяц в больнице один в палате, а потом еще месяц – также в отдельной палате в санатории. И почти все это время он читал и думал. И пришел к выводам, которыми ему вряд ли с кем, кроме меня, можно было поделиться, рассчитывая на понимание. Это и привело его однажды ко мне домой.

В двух словах его выводы сводились к следующему. Советская власть не могла бы удержаться в стране, если бы на то не было воли Божией. И то, что советское ядерное оружие было создано не где-нибудь, а именно в обители преподобного Серафима Саровского, не случайность. Далее он много говорил о том, как по-новому понял истины Евангелия и т. п. После этого Борис стал мне как родной брат. Мы условились еще раз встретиться уже у него дома. Но в назначенный день я был простужен и счел, что могу занести инфекцию в дом и без того ослабленного недугом друга. Созвонились, решили встретиться попозже. Но встретиться уже не удалось. Новый инфаркт оказался для Бориса роковым.

Я на страницах «ЛР»

В июле 1988 года проходили Дни «Литературной России» в Ленинграде, и я был в числе представителей газеты. В «ЛР» (№ 30) я (наряду с другими гостями) был удостоен дружеского шаржа, там же дано краткое изложение моего выступления, вот маленький его фрагмент:

«У нас выработан самый высокий в истории идеал построения нового, совершенного человеческого общества. Но это лишь одна, социальная, сторона нравственного идеала. И у него должна быть и другая сторона, личностная – которая определяет цель

нравственного совершенствования человека, его облагораживания. Но как раз она-то и находилась у нас долгое время в пренебрежении, а нередко и в подозрении, клеймилась как самокопание, доставшееся в наследство от праздных эксплуататоров.

Слишком долго мы, уповая на экономические и прочие «рычаги», пренебрегали теми духовно-нравственными ценностями, которые народ на протяжении веков почитал как святыни. А ведь история цивилизации свидетельствует: народ, не уважающий своих святых, не имеет будущего…

Сейчас надо дать людям положительный идеал. У нас до сих пор как было? Передовик труда – он и герой нашего времени. Но это совершенно неправильный подход. Сплошь и рядом у нас перевыполняют план по выпуску ненужной продукции. И в таком случае чем больше человек – передовик, тем больший вред наносит он общему делу. Сейчас на историческую арену… должен выступить человек благородного, подвижнического склада. И такими героями литература наша еще не богата. Сама жизнь выдвигает ныне людей совершенно иного склада, иной социальный тип, который нами совсем не освоен».

Мне тогда удалось напечатать в «Нашем современнике» несколько очерков о людях бескорыстного склада, которые, преодолевая сопротивление одних и пассивность других, боролись за лучшее будущее родной земли. Особенно удачным был очерк о женщине-агрономе, которая, не щадя себя, вела борьбу за возвращение в хозяйственный оборот «лунного пейзажа», остающегося после торфоразработок. К сожалению, у меня эти очерки не сохранились, а заняться их поиском я не имею возможности.

В 1988 году я, еще не член СП, был приглашен принять участие в работе выездного заседания секретариата Союза писателей в Рязани, где меня попросили как бы со стороны дать оценку состояния российской публицистики в то переломное время. «ЛР» (в № 43) в отчете об этом мероприятии поместила и краткое изложение моего выступления.

Отметив, что осознание кризиса советской экономики пришло не от ученых-экономистов, а от писателей, я все же считал, что наш вклад в созидательную работу народа недостаточен. И дело не могло обстоять иначе, потому что наша общественная мысль после 70 лет Советской власти находится в плену буржуазного понимания богатства как огромного скопления товаров, тогда как главное богатство общества – это благородный человек, одухотворенный человек, осознающий свою ответственность перед народом и миром. До сих пор теория

говорила нам только о том, как изменить общество, чтобы оно обеспечивало всестороннее развитие человека. А нужно показать, как облагородить самого человека, чтобы он стал достойным этой своей высокой миссии. В учение марксизма-ленинизма надо ввести духовно-нравственные ценности и достижения великой русской культуры.

По окончании заседания последовали Дни российской литературы на Рязанской земле, где также были интересные встречи с читателями, в том числе и в есенинском селе Константинове.

Добавили критического накала и мои статьи в «Нашем современнике». Название «Несуществующие люди» (1989, № 2) я взял из рассуждения Достоевского о том, что те, кто безлесят Россию, потеряли духовность и высшую идею свою, может быть, просто не существуют. Вот таких «несуществующих людей» нашел я в руководстве ряда министерств и ведомств, ради красивой цифры в отчетности проводивших губительные для страны решения, и в среде ученых-обществоведов, обосновывавших безумные проекты. Ответил я и радетелям «невинно убиенных» бухаринцев и прочих врагов советского строя. Сторонников и последователей Бухарина тогда не просто пачками реабилитировали, но и пытались возвести в ранг национальных героев, и потому разбор ошибочных их теорий был просто необходим. Позднее я осознал, что название статьи хотя и было хлестким и потому запоминающимся, но по существу ошибочным. Эти люди не только существовали, но и могли причинить немало вреда как общему делу, так и тому, кто его отстаивал. А в статье «Выход есть!» (1989, №№ 8 и 9) я дал последний бой ученым-обществоведам, которые, подобно академику Леониду Абалкину, уже открыто перешли на сторону наших идеологических противников и представили жизнь на Западе как образец для нас. Тогда же был сформулирован и «закон Шмелева»: что экономично (то есть выгодно), то и нравственно. А ведь на Руси испокон веку писатели, священники, проповедники учили народ не гнаться за выгодой, если это идет в ущерб нравственности. Ученые-обществоведы, западники от головы до пят, показали себя в то время не только как противники советского образа жизни, но и как антинародные деятели, «доморощенные компрадоры». А их стремление выдать отживший капиталистический строй за идеал для нас показывает лишь провинциализм их мысли, отставшей от жизни как минимум на столетие.

Но «человек – не свинья, у которой глаза устроены так, что она смотрит только в землю, в корыто с пойлом. Человек – существо не только земное, но и космическое, он может и обязан

хоть изредка поднимать взор вверх, к небу, задумываться над своим призванием, над тем, что он – звено в цепи поколений. У него есть долг перед прошедшим, настоящим и будущим, обязанность оставить родную землю потомкам в лучшем виде, чем принял ее от предков… «Западники», космополиты и «компрадоры» толкают нас на «встраивание в мировую экономику». А нам надо, наконец, заняться собственными делами, приведением в порядок и обихаживанием своего дома, очеловечением и облагораживанием его обитателей. И это будет самый серьезный поворот во внешней и внутренней политике страны за все годы Советской власти». Но «кто просветит наших просветителей?». С позиции этих задач в статье разбиралось состояние патриотического движения и ставились вехи нашей программы.

Я назвал эту статью своим «последним боем», потому что чувствовал: время моих выступлений в журналах подходит к концу.

Мои статьи вызвали возмущение в Академии общественных наук и других почтенных учреждениях этого рода, впрочем, не вылившееся ни во что реальное. Хотя со мной полемизировали в печати академики Леонид Абалкин и Олег Богомолов (ныне академик), Николай Шмелев и профессор Евгений Ясин, тогда еще не ставший знаменитым профессор Руслан Хасбулатов и другие признанные экономические авторитеты, но они выступали больше для проформы, потому что возразить мне по существу ученым-обществоведам было нечего.

Полемика, конечно, велась своеобразно, в полном соответствии с нормами горбачевской «гласности». Академик Богомолов обругал меня в «Известиях», а мой ответ ему газета не напечатала.

Критиковали меня и партийные функционеры, например, А.Егоров (насколько мне известно, ответственный работник ЦК КПСС), усмотревший («ЛГ», 1987, № 43) некоторые неточности в моих статьях «Так что же с нами происходит?» и некоторых других, но делали это аккуратно.

Моим противникам не по душе была и моя общественная деятельность. Я принимал участие во всех сборах патриотических сил России, начиная с «Товарищества русских художников» и кончая «Фронтом национального спасения», хотя по ряду вопросов и занимал особую позицию. На одном из таких форумов я выступил и предупредил бизнесменов Запада, что патриотические силы, когда придут к власти, аннулируют внешние долги, которые нахватал антинародный режим, и не признают права иностранцев на владение захваченной ими нашей

общенародной собственности. Помню, что в отчете о форуме, напечатанном в одном патриотическом издании (по-моему, в «ЛР»), эти слова были набраны в разрядку. Ясно, что такое заявление было крайне неприятно для находившихся у власти российских компрадоров.

В те годы мне много приходилось участвовать в мероприятиях, проводившихся патриотической общественностью совместно с Русской Православной Церковью. Очень интересно было выступать на Всемирных съездах православной молодежи и наблюдать за юными русскими иностранцами. Один из съездов проходил в небольшом городке Западной Сибири (сейчас сразу не могу даже вспомнить его названия, кажется, Колывань). Жили делегаты в общежитии без канализации, удобства были во дворе. Кормили нас какими-то полусъедобными котлетами. А иностранная молодежь вроде бы и не замечала этих неудобств и почти не спала, проводя ночные часы в бесконечных разговорах о России. (Замечу, что взрослые иностранные русские в большинстве своем были куда более практичными, и после патриотических речей осторожно пытались выяснить, нельзя ли им заработать на экспорте-импорте чего-нибудь.) Другой съезд проходил в Иркутске и запомнился мне тем, что его организаторы устроили для нас пешеходную экскурсию по горным склонам Прибайкалья. Мы, в обычной обуви, без веревок и пр. шли по узеньким тропинкам вдоль бездонных пропастей, у нас из-под ног сыпались камни, и подчас казалось, что и люди вот-вот рухнут туда же. Как обошлось дело без жертв – уму непостижимо (видно, Господь сохранил нас, сочтя наше мероприятие благим делом). В ту поездку меня с сыном пригласил провести сутки у него в доме Валентин Распутин. До этого я бывал с лекциями в Вологде и несколько дней провел в квартире Виктора Астафьева.

У меня была опубликована статья, в которой я высказывал мысль о том, что с развитием в России капитализма, на которое взяли курс либеральные реформаторы, в ней должна начаться экспансия протестантских церквей и сект. Писал я и о выступлениях в России Билла Греема и других протестантских проповедников. Видимо, поэтому меня пригласили выступить на богословской конференции в Почаевской Лавре (на Западной Украине). Ехал я в вагоне, в котором был и частый тогда гость из Америки епископ Василий (Родзянко). Возле его купе всегда толпилось множество желающих послушать рассказы о жизни за рубежом, задавали ему и разные вопросы, на которые следовали подчас неожиданные ответы. Вот пример:

– Владыко, а вы и древнегреческий язык знаете?

– А вы какой язык имеете в виду?

– Ну, тот, на котором древние греки говорили.

– Так они говорили на разных языках в разные эпохи. Язык времен Гомера – это один. Язык времен каппадокийцев, отцов Церкви, великих вселенских учителей и святителей Василия Великого, Григория Богослова и Иоанна Златоустого – другой. Греческий времен преподобного Григория Паламы – третий, современный греческий – четвертый…

– И вы все их знаете?

Владыке оставалось только улыбнуться, снисходя к неведению вопрошавшего.

В той поездке я познакомился и с диаконом Андреем Кураевым, который тогда только начинал свою церковно-просветительскую деятельность.

В 1989 году был образован Союз духовного возрождения Отечества, объединивший серьезные патриотические организации Москвы, Новосибирска, Свердловска, Челябинска, Тюмени и ряда других городов, а также небольшие ячейки патриотов в Белоруссии, Казахстане и Армении («ЛР» поместила небольшую информацию об этом событии). Я был избран его председателем (перед этим я вел переговоры с Василием Беловым, Виктором Астафьевым и Валентином Распутиным, предлагая им занять эту должность, но они, очень занятые другими делами, отказались). Я же написал и Манифест этого Союза, резко критический по отношению к политике, проводившейся правящим режимом. У меня его текст не сохранился, но его приводит в своей книге об истории патриотического движения Олег Платонов. Я же сначала редактировал и газету Союза «Русский путь», в которой тоже помещались материалы, вряд ли приятные власти, выступал на наших конференциях в столице и на периферии. Позднее я откликнулся на предложение Юрия Мухина войти в редколлегию его газеты «Дуэль», вел там «Хронику политического театра» и выступал со статьями оппозиционного характера.

Вспоминается и такой эпизод. Александр Ципко, который стал видным деятелем Горбачев-фонда, по старой памяти пригласил меня на одну из конференций Фонда, где я высказался весьма нелицеприятно о деятельности Горбачева и Александра Яковлева. К сожалению, Яковлев вошел в зал только через несколько минут после окончания моего выступления, но суть моих высказываний ему, безусловно, передали. (Более Александр Сергеевич в Фонд меня не приглашал, хотя там обсуждались темы, по которым я мог бы высказать свое оригинальное мнение.)

Видимо, все это было замечено «наверху». Газеты стали осторожнее относиться к моим материалам и часто их отклоняли, а скоро меня прекратили печатать и журналы. Совпало это по

времени и со сменой главных редакторов «толстых» журналов. В «Москве» место Михаила Алексеева занял сначала Владимир Крупин, а затем Леонид Бородин, который меня на дух не принимал. В «Нашем современнике» на место Сергея Викулова пришел Станислав Куняев.

В «Москве» еще более усилился крен в сторону тематики, связанной с Церковью и с критикой Советского строя. «Наш современник» стал печатать статьи и портреты белогвардейских генералов, которые, дескать, тоже были патриотами России. Меня такая неразборчивость новых руководителей журналов возмущала, мое миропонимание определяется чеканной формулой: **я – русский православный советский человек.** Для меня неприемлемы и белогвардеец, осеняющий себя православным крестом, но готовый перевешать крестьян, покусившихся на его имение, и советский патриот, для которого история началась в октябре 1917 года, а до этого на месте России была «черная дыра». И скоро я пришелся не ко двору и у монархистов, и у либералов, и у патриотов. Наступала новая эпоха, в которую наши патриотические лидеры, на мой взгляд, допустили множество ошибок. Если судить по большому счету, то разрушению СССР помогали деятели культуры с двух сторон: «демократы» рисовали черной краской все советское, «патриоты» возвеличивали царскую Россию и белогвардейских героев. Вклад «патриотов» был, пожалуй, более весомым, потому что им по инерции прошлого верили более широкие круги читателей.

Вот тогда и наступил период наиболее активного моего сотрудничества с «ЛР». С Эрнстом Сафоновым, когда он был главным редактором, я мало соприкасался, он рано ушел из жизни. С Михаилом Колосовым общаться было проще, мы вместе бывали в поездках по стране. В основном у меня сложились добрые рабочие отношения с сотрудниками редакции, ведущими отдел публицистики.

С признательностью должен отметить, что в споре с учеными-обществоведами меня поддержали коллеги-писатели и «Литературная Россия». В своем докладе на пленуме Союза писателей России публицист Анатолий Салуцкий сказал:

«Михаил Антонов незаслуженно обделен общественным вниманием. Скромный человек, ступивший на стезю публицистики в предпенсионном возрасте, истинный подвижник перестройки, он мужественно повел полемику с признанными авторитетами, побуждая их приостановиться в стремительном беге к рыночной стихии и задуматься о нравственной стороне жизни. Антонов, читаемый ныне по всей России, даже не член Союза писателей. В чванном самомнении мы забыли, что порой

надо не принимать, а приглашать в Союз писателей. Антонов – именно такой случай» («Литературная Россия», 1988, № 51). (Членом Союза писателей я стал в 1989 году.)

В июле 1987 года в «ЛР» (№ 31) была напечатана моя статья «Кавалеристы», «купцы», «цивилизованные кооператоры»…». В ней я разобрал позиции двух лагерей споривших тогда между собой теоретиков экономики, которых, с легкой руки писателя Анатолия Стреляного, назвали «кавалеристами» и «купцами». Первые, еще в годы военного коммунизма мечтавшие лихой атакой сокрушить капитал, отменить деньги и перейти к новой экономике с прямым распределением продукта, и до наших дней сохранили приверженность к чрезмерной централизации управления. Вторые, в основу всего ставившие выгодность, ратуют за предоставление предприятиям полной свободы хозяйственной деятельности, не останавливаясь даже перед такими ее последствиями, как кризисы перепроизводства, банкротства, безработица и т. д. При этом сам А.Стреляный полагал, что пора «кавалеристов» прошла, и наступило время «купцов». Моя же точка зрения заключалась в том, что устарели и те, и другие, и их жаркая полемика – это типичный «спор вчерашнего с позавчерашним». Вчерашний день – это всесилие бюрократической административно-командной системы, а позавчерашний – это капитализм, к которому зовут нас «купцы», всячески избегающие упоминания о капитализме, а прикрывающие это старье термином «рынок». Кажется, я был тогда единственным публицистом, который видел внутреннее родство этих двух, казалось бы, непримиримых лагерей:

«Кавалеристы» и «купцы», так не жалующие друг друга в публичных дискуссиях, на деле – птицы одного полета, и объединяет их убогое, примитивное понимание рядового человека. Только для «кавалеристов» работник – это винтик хозяйственного механизма, призванный безропотно выполнять предписания сверху, а для «купцов» – «экономический человек», озабоченный лишь собственной выгодой. И те и другие заботятся только о том, как поднять экономику, а ныне надо думать о том, как наладить всю расстроенную народную жизнь, ибо наши экономические трудности – это лишь следствие нежелания рядового человека добросовестно и инициативно, с полной отдачей трудиться в тех условиях, в которые он поставлен….

Вообще в работах публицистов-товарников (Н.Шмелева, А.Стреляного, Ю.Черниченко, Г.Лисичкина и др.) поражает легкое отношение к социальной, политической и духовно-нравственной сторонам экономических проблем. Они, кажется, убеждены в том, что достаточно отладить хозяйственный механизм и поставить

толковых руководителей – и дело пойдет, ибо все остальное сделает его величество рубль. Иногда кажется, что им хочется, чтобы наша страна превратилась во вторую Америку, чтобы и у нас все мысли людей крутились вокруг рубля… в непонимании переломного характера нашей эпохи, смещения акцентов в строительстве социализма с голой экономики на человеческую душу и заключается главная причина кризиса публицистики».

Как «кавалеристам», так и «купцам» я противопоставлял новый социальный тип, который, по моему мнению, должен выступить на историческую арену, – «цивилизованных кооператоров». Это была единственная возможность опереться тогда на еще неоспоримый в то время авторитет Ленина. Конечно, этот мой тезис тоже можно было истолковать в духе «перестройки»: дескать, да, пора и кооператорам вливаться в общую линию «цивилизованного мира» (то есть Запада). К тому же я знал, что еще до того, как Горбачев официально разрешил «кооперативы», в СССР уже появлялись полуподпольные предприятия такого рода. А с принятием нужных законов порой директор предприятия создавал кооператив, им же и возглавляемый. В это фиктивное образование перекачивались реальные активы предприятия, а последнее оставалось голым и нищим. Кооперативы получили право нанимать работников, которые получали лишь скромную заработную плату, а вся прибыль делилась между «членами кооператива», которыми обычно бывали директор, его заместитель по снабжению и сбыту и главный бухгалтер. А когда предприятиям разрешили и внешнеэкономическую деятельность, появились и сверхбогатые «кооператоры» вроде «первого легального советского миллионера» Артема Тарасова, который, заработав в месяц три миллиона рублей, уплатил партийные взносы в сумме 90 тысяч рублей (тогда как рядовой инженер получал 120 рублей в месяц). (О своих – и не только своих – подвигах на ниве разрушения советской экономики Тарасов написал в книге «Миллионер».) Предприятия переставали поставлять свои изделия другим предприятиям или торговым организациям, как это было предусмотрено государственным планом, а продавали их по дешевке за рубеж, получая иностранную валюту. А предприятия, не получившие изделия смежников, вынуждены были закупать их за границей по мировым или спекулятивным ценам. Так советская экономика становилась объектом управления из-за рубежа, а кооперативное движение превратилось в орудие разрушения страны.

В этих условиях мне нужно было, с одной стороны, отстоять правильное понимание кооператива, а с другой – выработать

критерий, отличающий «цивилизованного кооператора» от кооператора дикого.

Я подчеркивал: «в отличие от рабочего или служащего, то есть наемного работника, кооператор есть хозяин средств производства, которого нельзя уволить в порядке рационализации производства или по сокращению штатов. Кооперативное предприятие будет повышать эффективность производства не за счет «самоедства», а посредством расширения сферы своей деятельности, как правило, при сохранении своего численного состава. И в этом заключается одно из решающих преимуществ социализма, ибо весь мировой опыт свидетельствует, что наемный труд (особенно если устранена угроза голодной смерти) в принципе мало эффективен». Следовательно, псевдокооперативы, создаваемые ловкими предпринимателями, обогащающимися за счет эксплуатации наемных работников, по существу никакого отношения к кооперативному движению не имеют.

Мне не раз говорили, что Ленин под цивилизованным кооператором понимал именно «грамотного торгаша», а я показывал, что грамотность еще не делает торгаша цивилизованным. Кстати сказать, сам А.Стреляный в книге «В гостях у матери» показал, что грамотный специалист может быть олицетворением процесса одичания.

А.Стреляный спросил первого секретаря сельского райкома партии, агронома по образованию, почему он дал указание сеять свеклу до того, как взойдут сорняки. Раньше даже неграмотный мужик знал: надо дать сорнякам взойти, их уничтожить, и уж потом сеять свеклу. А теперь из-за грубой ошибки партийного руководителя ему же летом придется тратить массу усилий, чтобы направлять работников из города на прополку свеклы. Публицист настойчиво добивался ответа на вопрос: кто же – обком партии или еще более высокая инстанция вынудили его дать такое безграмотное указание. Но ответ был обескураживающим. Секретарь райкома (и агроном по профессии!) признался, что он об этом просто не подумал! (Наверное, не подумали об этом и десятки агрономов района, которые слепо выполнили безграмотное указание своего местного вождя.) Какой же вывод можно было сделать из этого факта?

«Когда я не знаю того, что должен знать каждый цивилизованный человек, окружающие вправе назвать это дикостью. Когда же я утратил знание, прежде всем доступное, то для обозначения этого процесса в русском языке нет более точного слова, чем одичание. И вот эта полоса культурного одичания, захватившая в конце XX века всю планету, к

сожалению, не миновала и нас». И далее я приводил примеры одичания из разных сфер жизни страны, делая особый упор на то, что мы часто практикуем «созидание методами разрушения». С этим надо кончать, ибо «мы призваны с Октября 1917 года вести мир духовно». О том, почему Ленин выдвинул этот лозунг о «цивилизованных кооператорах» и какие тайные цели он при этом преследовал, я догадался позже, о чем кратко скажу ниже.

В 1989 году «Литературная Россия» поместила мою статью «Спешим – куда и зачем?», в которой мне удалось крепко ответить академикам-обществоведам. Я проанализировал выступления академика Леонида Абалкина, который был тогда не только директором Института экономики АН СССР, но и заместителем председателя Совета Министров СССР, ответственным за разработку программы совершенствования народного хозяйства страны. Академик же дал установку в течение многих лет догонять развитые капиталистические страны, причем большинству народа придется потуже затянуть пояса – рядовым гражданам расплачиваться за промахи бывшего руководства государства. Он заманивал западных предпринимателей в Россию тем, что она представляет для них огромный рынок. Сами мы ничего сделать не можем: наш народ разучился работать, отстал в воспитании и культуре от более цивилизованных на целую эпоху. У нас нет своих мастеров и хозяев. Машины можно купить за рубежом, а народ с высокой культурой труда не купишь. Иначе говоря, уже тогда четко оформилась линия на превращение нашей страны в сырьевой придаток и рынок сбыта, а точнее – в колонию транснациональных корпораций. Во что вылилась эта линия впоследствии, мы теперь хорошо знаем. А ведь и тогда мир поражался многообразию дарований русских людей. Японские предприниматели только на тех крохах, которые наши умельцы публикуют в журнальных рубриках «Сделай сам», наживают миллионы долларов. Советский оборонно-промышленный комплекс создавал оружие, на десятилетия опережая Запад, который нам теперь ставят в образец. Дело не в нашем неумении, а в тех препонах, какие ставят на нашем пути к высшим достижениям.

Академик Георгий Арбатов советует правительству принять срочные (опять спешка!) меры – взять кредиты не на закупку оборудования, которое потом может быть заморожено в долгострое, а на товары широкого потребления (на что премьер Н.И.Рыжков резонно заметил: тогда «через два года будем работать на долги»). Академик Станислав Шаталин напротив, ратовал за займы для приобретения новейших технологий, хотя у нас действительно было множество замороженных строек с

ржавеющим там импортным оборудованием.

Академик Олег Богомолов считал более предпочтительным создание совместных предприятий с иностранным капиталом, работающих на нашей земле, нашем сырье и нашей дешевой рабочей силе. А я спрашивал, почему ученые не рекомендуют создание совместных предприятий на иной основе – чтобы наш вклад заключался в новаторской идее, а США, например, предоставили бы для них территорию, сырье и рабочую силу? (Ведь уже был пример такой транснациональной фирмы микрохирургии глаза Святослава Федорова). Иностранный капитал протягивает нам руку вовсе не с благотворительной целью, он преследует две цели: получить максимум прибыли и ослабить СССР как конкурента.

Академик Абел Аганбегян сетовал на то, что власть не слушает ученых-экономистов. На мой взгляд, плохо то, что она их все-таки часто слушала, ибо сами основы их учений порочны. Ученые никак не могут преодолеть свою ограниченность, свой «экономизм». Они все пытаются решить задачи экономики, не выходя за пределы самой экономики, а это ныне – совершенно ненаучный подход (нарушение условий знаменитой теоремы Геделя). Чисто экономические проблемы существуют в наше время только в воображении ученых-экономистов, а в действительности они являются одновременно и социальными, и экологическими, и национальными, и духовно-нравственными. Нам нужно не просто «новое качество экономического роста», о котором хлопочут ученые-обществоведы, а новое качество самой жизни народа. Заодно я критиковал «и примкнувших к ним» академиков-физиков Евгения Велихова и Виталия Гольданского, также спешивших, несмотря на печальные уроки Чернобыля, с рекомендациями об ускоренном развитии атомной энергетики.

Что удивляет меня больше всего, так это то, что академики, рьяно отстаивавшие перевод экономики России на рыночные рельсы, теперь, когда видны все плоды их разрушительной деятельности, не только не изгнаны из Российской академии наук, но и по-прежнему активно выступают в СМИ. Они критикуют недостатки в развитии страны и в деятельности правительства, учат народ прописным истинам рынка. Думаю, в недалеком будущем, когда будет дана суровая, но справедливая оценка деятельности всех разрушителей, справедливо же было бы Академию разогнать только за то, что она не пожелала очиститься от псевдоученой гнили в ее рядах.

В последнем номере «ЛР» за 1988 год в отчете о работе пленума Союза писателей РСФСР помещено и мое выступление, где я вызвал на публичную полемику редакцию журнала

«Коммунист», удостоившую меня рядом критических выпадов, на мой взгляд, несостоятельных. (О применявшихся тогда горбачевцами методах полемики см. выше.)

С 1990 года прекращается моя деятельность публициста в патриотических журналах, редкими становятся и выступления в газетах. В редакции «ЛР» я еще бывал, помнится один примечательный эпизод. Я написал письмо последнему съезду КПСС, в котором предложил партии прекратить преследования Церкви (и верующих), а совместно с нею усилить работу по духовно-нравственному воспитанию народа. В ответ я получил оскорбительную формальную отписку. Тогда я подал заявление о выходе из КПСС (это было еще за несколько месяцев до того, как такие поступки стали модными среди «демократов»). Копию заявления я принес в редакцию, и было решено его напечатать в газете. Текст был уже набран (жалею, что он у меня не сохранился). Но тут кто-то принес сообщение, что о таком крамольном намерении стало известно вовне, и от него пришлось отказаться. У меня сложилось впечатление, что редакция «ЛР» работала в крайне недружественном окружении, и ей часто приходилось лавировать в сложном переплетении разных течений в общественной жизни страны.

В 1991 году вышла моя книга «Ложные маяки и вечные истины» (написанная тремя годами раньше). В ней я разобрал различные светские учения (в особенности марксизм) как ложные маяки, противопоставив им вечные истины, существовавшие веками и нашедшие воплощение в русской культуре. Профессор Чешев из Томска, выступивший на страницах «ЛР» в защиту социализма, оказался моим единомышленником по многим вопросам. Сколько мне помнится, он прислал мне копию рецензии на мою книгу, якобы отправленной в «ЛР». Само его письмо еще недавно попадалось мне на глаза, но сейчас я найти его не мог. Была ли напечатана эта рецензия, тоже не знаю.

На страницах же «ЛР» мне пришлось обменяться критическими статьями с (профессором?) Беляевым из Сан-Франциско, который почему-то решил, что я, высоко ценивший советский строй и указывавший на отсталость царской России, унижаю нашу Родину. В 1993 году в «ЛР» была напечатана моя статья «Русская карта: кто и зачем ее разыгрывает?», в которой я дал нелицеприятную характеристику ряду патриотических организаций и их проектов (вроде создания Республики Русь в составе РФ). Кажется, это было последнее мое выступление на страницах «ЛР». Саму газету я в последние годы редко читал, когда бывал в библиотеках, где она была в открытом доступе.

В 1993 году я часто бывал в Белом доме – резиденции

Верховного Совета РСФСР, входил в неформальный Совет по культуре, который создал Хасбулатов (наверное, он и забыл, что мы когда-то были идейными противниками). В конце сентября я сильно простудился и лежал с очень высокой температурой, к тому же лишился голоса. 4 октября услышал орудийный гул, это был расстрел Ельциным Верховного Совета. Возле Белого дома был сражен пулей снайпера кинорежиссер-документалист Александр Сидельников, о котором я упоминал выше.

В 90-е годы я, всегда высоко ценивший письма Александра Энгельгардта «Из деревни», перечитал их в свете событий в постсоветской России. Мое открытие заключалось в том, что, оказывается, Александр Николаевич был провидцем, он предвидел и установление Советской власти в России, и коллективизацию деревни. Я написал небольшие очерки по каждому из 12 писем Энгельгардта, они были напечатаны в «Русской провинции». Валерий Ганичев предложил мне эту книжечку очерков, названную «Провидец», отдать в сборник «Русские хозяева». Кроме моей книжечки, там были помещены повести самого Ганичева «Тульский энциклопедист» и Михаила Петрова «Жизнеописание Дмитрия Шелехова». Сборник составил один из выпусков «Роман-газеты» (1996, № 2).

В других газетах и журналах

В те годы, когда я практически не имел выхода в патриотические газеты и журналы, меня пригласили вести в еженедельной газете «Подмосковье» колонку о важнейшем событии недели, а раз в месяц писать статью на полосу на тему, которая кажется мне наиболее важной. В итоге мне удалось напечатать там примерно 60 статей на полосу и несколько сотен коротких заметок. Эти материалы мне впоследствии очень пригодились, о чем я скажу несколько слов позже. Когда эта газета закрылась, меня пригласили в «Крестьянскую Россию» (позднее она была переименована в «Крестьянскую Русь», поскольку на слово «Россия» в названии власть ввела налог).

Не отвернулся от меня и журнал «Молодая гвардия». Заинтересованность в сотрудничестве была тут обоюдная. Журнал не платил гонораров, и многие серьезные авторы поэтому перестали там печататься. Мне же, хотя не располагавшему другими источниками доходов, кроме пенсии и скромного гонорара в «Подмосковье», возможность публиковать свои новые вещи была несравненно важнее каких-то материальных выгод. В итоге в журнальном варианте были напечатаны три мои работы, две из которых впоследствии увидели свет уже как книги. О них я

скажу чуть позже.

Есть ли почва для сотрудничества с «ЛР»?

Мне бы очень хотелось восстановить сотрудничество с «ЛР». Но тут дело не столько за мной, сколько за редакцией. Я должен открыто сказать о моей гражданской позиции по отношению к нынешней власти, а также о своем понимании будущего России. Устроят ли эта позиция и это видение судеб страны редакцию? Позволю себе небольшое объяснение на этот счет.

Приход к власти Владимира Путина я встретил «в режиме ожидания»: как никак – ставленник Ельцина, хотя не из его ближайшего окружения. Я понимал, что его выдвижение на пост президента не могло не быть обставлено определенными условиями и обязательствами перед ельцинской «семьей», а возможно – и перед более могущественными, хотя и тайными силами в России, а то и за ее пределами. Статья Путина «Россия на рубеже тысячелетий», написанная по материалам Центра Грефа, была выдержана в сугубо либеральном ключе и, естественно, не могла вызвать у меня симпатий. Его предвыборное «Открытое письмо» тоже мало вдохновляло, я на него ответил также весьма критическим «Открытым письмом», напечатанным в «Правде». Но когда вышла книга «От первого лица», представлявшая запись бесед Путина с тремя журналистами, она мне очень понравилась. Я тогда не знал, что эта книга – предвыборный ход, что ее лично редактировал Александр Волошин, глава администрации президента, доставшийся Путину от Ельцина. Но, кто бы и как бы ее ни редактировал, невозможно придумать, что Путин, как и я, рос в рабочей семье, в детстве был, как он сам выражается, «шпаной», а в итоге стал «успешным продуктом патриотического воспитания советского человека». Такое признание дорогого стоит.

Симпатии к Путину появились у меня тогда, когда стало известно, что Ельцин попытался было править Россией через преемника, на что тот, сохраняя все внешние признаки уважения к бывшему президенту, твердо ответил, что отныне за судьбы страны отвечает он, Путин. И уверенность в правильности выбора возникла, когда Путин утвердил музыку гимна России, написанную Александровым первоначально для «Гимна партии большевиков» и уже позднее ставшую музыкой Гимна СССР. Общественность не поняла символического значения этого акта и продолжала спорить, уместно ли сочетание этой музыки с двуглавым орлом и «власовским» триколором. А между тем этот акт ознаменовал начало крушения всего ельцинского режима.

Тот режим основывался на полном отрицании советского периода нашей истории, который был представлен как некая «черная дыра», извращение, выпадение из русла развития «цивилизованного мира». Один из ближайших сподвижников Ельцина, Шумейко, даже заявил: «В России возможна любая власть, кроме Советской». Весь смысл либеральных реформ заключался в том, чтобы не только исключить возврат страны к советским порядкам, но и искоренить саму память о них, а для начала всеми средствами их опорочить. И вот – возвращение музыки советского гимна, означавшее, что не все в СССР было плохим… А дальше все антисоветские конструкции стали сыпаться, как карточные домики. Ну, и уж совсем вроде бы стала ясна позиция Путина, когда он заявил о необходимости отделить деньги от власти.

Я поддерживал новые, патриотические аспекты политики Путина, одновременно критикуя меры либералов из назначенного им правительства. В то время, как политологи гадали, какая из сил в правящей элите страны стоит за тем или иным мероприятием власти, я исходил из того, что «наверху» идет борьба не на жизнь, а на смерть между сторонниками сохранения независимости страны, к которым я причислял Путина, и компрадорами, готовыми продать ее за чечевичную похлебку. Но публиковать такие работы было негде. «Правда», например, охотно брала мои статьи с критикой действий либералов во власти, но там нельзя даже заикнуться о чем-то положительном в выступлениях и поступках Путина. Единственным органом, где можно было говорить как о плюсах, так и о минусах в деятельности Путина, оказалась «Литературная газета», и выйти на ее страницы мне удалось благодаря необычному стечению обстоятельств.

Сотрудничество с «Литературной»

В 2005 году вышла в свет моя книга «Капитализму в России не бывать!». О ее содержании я кратко скажу ниже, а пока изложу, как это связано с «Литературной газетой».

Дело в том, что в последние годы появилось довольно много статей, в которых выражалось сожаление по поводу гибели дореволюционной России, а затем и советской цивилизации. (Интересно, что первыми подняли вопрос о необходимости собирания для истории осколков советской цивилизации, почитая ее безвозвратно погибшей, американские интеллектуалы.) Иногда прямо так и писалось, что остается только упасть и рыдать по этому печальному поводу. Я написал ответ этим плакальщикам, что советская цивилизация – не в прошлом, а в будущем. Но нужно было с этой идеей выйти на широкий слой читателей. Я воспользовался встречей редакции «ЛГ» с читателями на книжной ярмарке на ВВЦ и задал Юрию Полякову вопрос, почему газета не помещает статей о советской цивилизации. Он попытался сослаться на помещенную недавно статью «Коммунизм неизбежен», но я ответил, что коммунизм – это одно, а советский строй – это совсем другое, чем окончательно его запутал. И он, чтобы не вступать в теоретический спор, для которого не было времени, да и место было неподходящее, сказал: «Напишите об этом статью, мы ее опубликуем». Статью я послал, она довольно долго вылеживалась в редакции, но все же в конце концов под заголовком «Жизнь после гибели?» появилась. Вот ее краткое изложение.

О советской цивилизации

Советская цивилизация – это своего рода «подпоручик Киже XX века»: все о ней говорят, а она остается секретом и «фигуры не имеет». Причина такого невезения предмету исследования и слепоты исследователей заключалась в том, что идея Советов срослась с идеей коммунизма, и никому даже не приходила в голову мысль о том, чтобы их разделить. А между тем настало время не только разделить эти два понятия, но и осознать их несовместимость в современных условиях. Впрочем, народ-то уже давно это почувствовал, почему не раз выступал под лозунгом «За Советы – без коммунистов!».

Октябрьская революция в России привела к власти партию, которая руководствовалась утопическим учением Маркса о коммунизме. Ее руководство подчинило всю жизнь страны идее

мировой революции, которая (идея) оказалась несостоятельной и привела СССР к громадным человеческим, материальным и финансовым потерям.

Трагедия заключалась в том, что советские люди строили новую, советскую цивилизацию, а считалось, что они строят коммунизм (сначала его первую фазу – социализм). В конце XX века утопический характер идеи коммунизма стал очевидным миллионам наших соотечественников, а КПСС продолжала талдычить о строительстве коммунизма как цели их труда и жизни. Между тем страна все больше отставала от развитых стран Запада и по уровню жизни, и в области новейших технологий. Советские люди ощущали, что ложная цель заводит их в тупик, что они уже не находятся, как в 20-х – начале 30-х годов, в авангарде мирового развития. И когда «демократы», выступив под антикоммунистическими лозунгами, вырвали власть из рук КПСС, они сокрушили (как считали – навсегда) и Советскую власть. Тогда и стали появляться труды о советской цивилизации как о безвозвратно ушедшей эпохе.

Но, вопреки пророчествам и ожиданиям тех, кто хоронил советский строй, оказалось, что советская цивилизация существует, хотя под руинами, и явно намерена снова взять свое. Советский человек – носитель советской цивилизации оказался необычайно живучим и, как сказал бы поэт, «существует – и ни в зуб ногой». И самые разные наблюдатели отмечают не всеми замечаемый, но быстро нарастающий и необратимый процесс новой советизации всех сторон российской жизни.

Советская цивилизация, развивавшаяся всего каких-то 70 лет, изуродованная идеей коммунизма и подрубленная на взлете, тем не менее, оказала громадное влияние на все духовное развитие человечества в XX веке. Но самое великое достижение советской цивилизации – это новый тип человека, ее созидателя. Это люди, готовые «штурмовать небо», считавшие, что нет на свете таких крепостей, каких они, партийные и беспартийные большевики, не могли бы взять. Советский народ считал себя авангардом человечества на пути к светлому будущему, и передового советского человека можно назвать джентльменом XX века.

Советских людей часто представляют врагами религии, хотя на самом деле они были противниками той формы казенного православного христианства, какая господствовала в предреволюционной России (и какую еще до революции критиковали многие деятели русской культуры, в том числе и видные богословы и некоторые церковные иерархи). Но ими двигала своя псевдорелигия, диктовавшая святое самоотречение во имя идеи. Как писал литературный критик Валентин Курбатов,

«…идея эта потому и победила прежде всего и именно в России, что нашла здесь самое готовое христианское сердце и самую отзывчивую идее братства душу..». Поэтому можно понять Владимира Личутина, написавшего: «В советском человеке пребывал Бог». Этот человек хотел сам создать Красный Рай и Нового Адама, безгрешного и прекрасного. Ну, а если этим людям были присущи свои исторические заблуждения, то здесь сказалась их человеческая природа. Человек не Бог, и он в чем-то важном непременно ошибается. Пройдет время, и потомки немало умного скажут и о наших заблуждениях. А пока все живое, что есть в этой России, живет советским культурным наследием. Что может противопоставить этому нынешняя либеральная Россия?

Недалек день, когда советская цивилизация воскреснет и принесет новые плоды, которые снова прославят нашу Родину во всем мире.

В последнее время стало модным говорить о русской цивилизации. Но при этом обычно смазывается то обстоятельство, что именно в советский период русская цивилизация достигла вершины своего развития.

Русский народ исторически сформировался как народ подчеркнуто государственный, «имперский». У русских выработалась «служилая» система ценностей. Ей были присущи обостренное чувство долга (в противовес западному акценту на чести), почитание личных, а не родовых заслуг, подчинение частной и семейной жизни «общему делу» и т. д. Словом, тот комплекс, какой отличает патриота и защитника Родины от обывателя. Тогда и сложился «московит» – тоталитарный русский человек, ощущавший свою кровную связь с государством и причастность к его, государства, судьбам и свершениям. В правление династии Романовых цари (и вся элита) были одержимы идеей включения России в Европу и приобщения ее к «общечеловеческим ценностям». За эти три века, завершившиеся фактическим превращением России в колонию западного капитала, русский человек, задавленный и униженный, во многом растерял ощущение единства с государством. Советская эпоха восстановила его тоталитарное сознание. Можно сказать, что советский человек – это не просто русский, а воскресший московит.

Высочайший взлет России и русского человека приходится на советский период нашей истории. Даже те достижения «золотого века» русской культуры, ставшие достоянием и гордостью человечества, да и шедевры мировой культуры стали доступны не узкой прослойке избранных, а широчайшим массам именно в

советское время.

Советская цивилизация не имела ничего общего с коммунизмом.

В СССР, как и во всякой стране, правил «партийно-хозяйственный актив», или номенклатура. Но эта элита состояла не из банкиров, политиков, адвокатов и генералов (правление «500 семейств»), как на Западе, а из передовых рабочих, крестьян и интеллигентов. Эта власть номенклатуры была народной в максимальной степени. Номенклатура не только ответственна за поражения СССР, она была и организатором всех его достижений. Наш великий вклад в человеческую цивилизацию – в этом умении собрать все ресурсы и мобилизовать весь народ на достижение поставленной цели. И никогда человечество не будет представлять собой сплошную массу равноправных индивидов. Человеческое общество принципиально иерархично, в нем всегда будут лидеры и ведомые. Поэтому учение Маркса о коммунизме как о самоуправляющемся обществе есть, по существу, теория научного анархизма.

Раз русский народ сложился как народ-воин, защитник Отечества, обитатель осажденной врагами крепости, то он и превратил свое жилище в единственно подходящий ему дом – казарму.

Тоталитарному человеку, ощущающему свою кровную причастность к делам и судьбам государства, соответствует только тоталитарный общественный строй. Нам не подходит теория отмирания государства. Наоборот, мы только и радели об одном: «Жила бы страна родная – и нету других забот».

Человечество никогда не превратится в подобие обители из романа Франсуа Рабле – с уставом из одного-единствен-ного пункта: «Делай что хочешь». И чем более сложные задачи будут вставать перед человечеством, тем сильнее будет роль организации (а значит, иерархии, режима и пр.) и тем относительно меньшей будет становиться роль личности.

Советский человек не добивается, чтобы ему, единственному, создали все условия для его свободного развития, что якобы и явится условием свободного развития всех. Напротив, эти герои часто отказываются от вполне вроде бы заслуженных ими привилегий ради других людей, находившихся в более трудном положении.

Разве кто-нибудь из лучших советских людей стремился «получать по потребностям»? Принцип этот вообще крайне сомнителен: если всему человечеству обеспечить хотя бы тот уровень жизни, какой уже достигнут в США, а тем более если равняться на «потребности» Романа Абрамовича или хотя бы

Ксении Собчак, то наша планета вскоре погибнет от экологической катастрофы.

Какую бы область советской цивилизации ни взять, нигде в ней не пропагандировались ценности коммунизма в понимании Маркса, а, напротив, поднимались на щит традиционные русские ценности (в их советском истолковании), противоположные коммунистическим.

Отсюда и главный вывод: настоящие патриоты новой России – это борцы за возрождение и развитие советской цивилизации, на этот раз освобожденной от всяких химер (насколько это вообще в возможностях человечества), и в первую очередь от химеры коммунизма. А антисоветчики всех мастей, тянущие народ в прошлое, – это сознательные или бессознательные враги новой России. Ну а цепляющиеся за химеру коммунизма – это, по меньшей мере, люди, мешающие борьбе с врагом. Но ни антисоветизм, ни коммунистический утопизм уже не имеют будущего в России. Будущее нашей страны – это возрождение советской цивилизации и развитие ее применительно к условиям XXI века.

К проблемам советской цивилизации мне пришлось обращаться на страницах «ЛГ» еще не раз. Я принял участие в дискуссии по статье А. Леонтьева «Призрак возвращается», в которой говорилось, что мировое коммунистическое движение вовсе не погибло, левая идеология демонстрирует не только удивительную «выживаемость», но и продолжает активно влиять на жизнь многих государств. В статье «Призрак нового типа» (приводится в сокращении) я предложил в качестве новых основ левой идеологии в России – да и в остальном мире – «следующие три положения:

1. Россия – это АнтиЗапад;
2. Все беды СССР происходили от забвения первого положения;
3. Мир спасет русская способность к Общему делу.

Русская цивилизация – это цивилизация равенства, а европейская – цивилизация свободы. Соответственно для русских привычное общество то, где все максимально подчинено государству, стоящему над личным или семейным интересом, идеальная форма правления – бюрократическая квазимонархия, а правящий класс – бюрократия, относящаяся равно ко всем гражданам.

Хозяйственное устройство общества считается тем более справедливым, чем меньшее значение в нем имеет частная собственность, – это главное препятствие на пути осуществления

проектов, направленных на благо всего общества, то есть справедливых. В изначально многонациональной России все народы должны иметь равные возможности. Раз русский народ является государствообразующим, то следует компенсировать другим российским народам их ведомое положение общественными льготами или повышенным уровнем жизни.

В Европе, а позднее и в США восторжествовала приверженность «общечеловеческим ценностям» (с ядром в виде англосаксонского индивидуализма и «священной и неприкосновенной» частной собственности). Участие государства в экономике было сведено к роли «ночного сторожа», установилась «демократия», которую эти страны якобы призваны утвердить по всему миру, за что получили право эксплуатировать отсталые народы.

Из-за этих фундаментальных различий в менталитете русских и европейцев Запад всегда рассматривал Россию как своего потенциального врага и не раз пытался силой навязать ей свое господство, но до 1991 г. все попытки были неудачными. Почему же могучий СССР пал?

Октябрьская революция 1917 г. в России стала самым важным событием мировой истории после возникновения христианства. Однако трагедия России и мирового социализма заключалась в том, что после Октября вожди нашей страны оказались не способны подняться на уровень задач, поставленных перед ней историей.

Ленин, без сомнения, величайший революционер, наложивший неизгладимую печать на всю мировую историю XX века. Но он был российским полуинтеллигентом, воспитанным на ценностях европейской культуры, и победу социализма связывал только с пролетарской революцией в передовых странах Запада, которую в России лишь было легче начать. Но ему и в голову не могла прийти мысль о том, что Россия самостоятельно станет социалистической могучей индустриальной державой.

Ленин был гениальным тактиком, гением разрушительной стадии революции. Но, оказавшись у власти, он не знал, что с ней делать. Его представления о том, как строить социализм, изложенные им в книге «Государство и революция», поражают своей утопичностью.

У нас до сих пор видят суть новой экономической политики (НЭПа) в замене продразверстки продналогом. Продналог нужно было вводить, но для Ленина это стало поводом для того, чтобы перевести всю экономику на хозрасчет, как он сам признавал, на капиталистические начала, на погоню предприятий за максимальной прибылью. Последние месяцы жизни Ленин

посвятил борьбе против нарождающегося стремления к восстановлению сильного государства, в котором он видел лишь господство чиновников, и проповеди «малых дел» под лозунгом «культурной революции».

Довольно скоро четко обозначилась пропасть между ленинской революционной интеллигенцией и народом. Русский народ почувствовал, что революция открывает перед ним возможность осуществить свою мечту об идеальном правлении и создать тоталитарное государство, как раз Левиафана (которым Ленин и Бухарин пугали партию), чтобы он вывез Россию в число держав, с которыми считаются в мире. Сталин, опираясь на эти народные ожидания, провозгласил курс на индустриализацию. Но 10 лет для индустриализации были уже потеряны, из-за чего ее пришлось проводить форсированно, с огромными тяготами для народа, особенно для крестьянства.

Однако, ликвидировав правый уклон Бухарина, Сталин не только не дал политической оценки правому уклону Ленина, но и назвал нэп этапом построения социализма. В дальнейшем противников своей линии он называл троцкистами, то есть приверженцами левого уклона, тогда как главными врагами социализма были правые, сторонники реставрации капитализма. Это внесло невероятную путаницу в умы советских людей, и Зюганов до сих пор упрекает российскую власть в том, что она не в состоянии повторить этот ленинский ход, якобы позволивший «за несколько лет накормить голодную и разоренную страну». Ему и невдомек, что мы сейчас живем как раз в обстановке нэпа, только нынешний кулак именуется олигархом или бизнесменом-компрадором.

Впрочем, и сам Сталин не был свободен от стремления ввести СССР в «семью цивилизованных стран». Но еще больше было заметно его стремление возродить многое из опыта царской России. Это вызвало недовольство уже не правых, а левых. Потеряв поддержку и тех, и других, Сталин, опираясь на аппарат, на технократов и на массу обывателей, хлынувших в правящую партию (а их и можно было привлечь только привилегиями), совершил свой термидор и устранил всех противников. Благодаря сталинской индустриализации СССР оказался в состоянии выдержать страшную войну, хотя в разгроме Красной армии в 1941 г. и в страшных последствиях этого для страны велика вина советского военного и политического руководства.

Сталин и его соратники не осознавали, что нужно созидать свою русскую советскую цивилизацию, национальную, при этом спасительную для многих народов, соединивших свою судьбу с Россией. Социализм в СССР мыслился как первая фаза

коммунизма, этого химерического всемирного строя, мира «без России, без Латвии…». То есть сталинский курс был продолжением курса Ленина и Троцкого на мировую революцию, только с отсрочкой во времени.

В последний год своей жизни Сталин, как полагают многие исследователи, задумал осуществить новый государственный переворот, отстранив партию от власти и оставив за ней только область идеологии и подбора кадров. Это потребовало бы новой зачистки правящей элиты. Тут Сталин уже совсем разошелся с партией, почему и процесс десталинизации после его кончины пошел почти автоматически. Но об опасности правого реванша в КПСС речь уже не шла. Это и создало почву для захвата позже власти в партии «новыми правыми» – сначала Хрущевым, а затем Горбачевым под флагом «возвращения к ленинским нормам партийной жизни»…

Пока ошибки Ленина и Сталина не будут признаны самими левыми, левое движение в России (да и в мире) обречено топтаться на месте.

Сегодня идея о необходимости построения русской цивилизации уже довольно широко распространена. Но то, что эта цивилизация должна быть продолжением и развитием советской цивилизации, еще не осознано, почему данная идея и буксует.

Современное левое движение в России – это те, кто поддерживает курс на могущественную обновленную Россию. Все остальные являются правыми, находящимися в оппозиции к нему. Либо в открытой оппозиции (как КПРФ, СПС и др.), либо скрытой (как большинство в «ЕР», всячески противящееся принятию антикоррупционных законов). Исход борьбы этих сил и определит будущее России.

Ныне, когда США и НАТО под флагом глобализации стремятся установить свой контроль над всей планетой, навязать всем народам свою умершую культуру, задача левых сил – не защита национального суверенитета каждой страны в отдельности, а объединение государств, партий и движений, противостоящих этой тенденции, создание антинатовского Интернационала.

Русский народ должен стать его ядром, потому что в русском миропонимании важное место занимает понятие Общего дела. Это позволяет русским с их традициями общественного устройства занять ведущее место в современном мире. Именно русский менталитет может указать способы решения глобальных проблем, а разработанные русскими социальные технологии – мобилизовать человечество на решение всемирных задач.

От того, будут ли осознаны и приняты три изложенных положения, зависит, останется ли призрак коммунизма призраком или превратится во влиятельнейшую силу современности».

О Брежневе и брежневизме

Я защищал не только советский строй, но и тех руководителей СССР, о которых в среде интеллигенции было принято говорить с усмешкой или пренебрежением. В преддверии 100-летия со дня рождения Л.И.Брежнева редакция «ЛГ» заказала мне статью, которая должна была положить начало дискуссии. В статье «Образцовый советский руководитель» я назвал Брежнева «величайшим деятелем XX века» и «великим организатором».

Брежнев принял от Хрущева разваленное государство – и… устроил «золотой век»! – середнячку такой подвиг не по силам. Он начал свою деятельность в момент наивысшего напряжения в международных отношениях. Тогда опасность нападения НАТО на СССР оставалась большой, а наши Вооруженные силы были ослаблены хрущевскими сокращениями и разоружениями. Брежнев, не прибегая к угрозам «показать кузькину мать», наоборот, успокаивая мировую общественность разговорами о разрядке международной напряженности, тихо и незаметно добился восстановления стратегического паритета с США. А точнее – с блоком держав, чей экономический потенциал был вдесятеро (!) выше нашего. На Западе считали: если бы Брежнев ушел со своего поста по завершении первой половины его правления, он вошел бы в историю как один из самых великих политических деятелей мира (по словам Р. Никсона, как «Леонид Великий», достойный стоять в одном ряду с Иваном IV и Петром I).

При всех своих слабостях Брежнев был воплощением многих лучших качеств нашего народа. Его отличали доброжелательность, сердечность, верность в дружбе и привязанностях, внимательное отношение к собеседникам и товарищам и забота о них. К тому же он был внешне красив, по-военному подтянут, обаятелен. Брежнев интересы страны отстаивал всегда и везде, стремился улучшить жизнь своего народа, плоть от плоти которого он был. Брежнев прошел всю войну, был ранен и контужен, не раз бывал на грани гибели, восстанавливал разрушенное войной хозяйство, всегда на самых ответственных участках. Он был твердым советским патриотом.

Брежнев, когда его пытались втянуть в обсуждение теоретических вопросов, говорил: «Я не по этой части. Моя

сильная сторона – это организация и психология». Людей он видел насквозь, сразу же определял, кто на что способен. У него был талант лидера. И в политических играх не было ему равных.

При Брежневе шла тихая реабилитация Сталина, в жизнь страны возвращалось многое из тоталитарной системы. И оказалось, что ничего страшного при этом не происходит, никакого террора власть не развязывает. А значит, сталинизм – это вовсе не какой-то абсурд истории и не перманентный террор, он может быть вполне цивилизованным. Сталинская модель советского общества жизнеспособна, а усилия ее очернителей были в основном выполнением социального заказа, в первую очередь из-за рубежа.

Брежнев бывал с визитами за рубежом десятки раз, и мир убедился, что руководитель СССР, будучи вождем Коммунистической партии, может быть равноправным членом клуба лидеров ведущих стран мира. Брежневская модель СССР имеет много общего со сталинской. Можно даже сказать, что брежневизм – это цивилизованный сталинизм. Это придает брежневской эпохе особое значение. Это – венец советской цивилизации.

Ранний СССР был колоритной, бурно прогрессирующей страной, но цивилизацией он стал именно во времена застоя (если так можно назвать время гигантских строек и роста промышленного производства). Поэтому Брежнев – это образцовый советский руководитель, точка отсчета и эталон.

Далее, русская социальная традиция есть традиция равенства и братства. Поэтому она стремится к балансу бюрократической системы управления (максимально обеспечивающей именно равенство) и идеократической (дающей вариант братства). Ленин был ярым идеократом, основу нового социума он видел в братстве «тончайшего слоя большевистской партийной гвардии» – своего рода круглого стола «странствующих рыцарей революции». Русской бюрократической традиции он боялся и ненавидел ее. Сталин сыграл на тяге народа к державности, но практически забыл об идейном братстве, так что послевоенный СССР стал чисто бюрократическим образованием с исполнителями-винтиками. Хрущеву державность была глубоко чужда. Поэтому он вновь поднял на щит Партию, сильно опущенную в сталинское время. И лишь в брежневское время появился зачаток некоего синтеза двух противоречивых составляющих русского политического сознания.

Брежнев – это несостоявшийся Сталин. Великий руководитель в СССР был, но страна стала уже не та.

Брежнев был не идеолог, а практик. Он усвоил набор догм

марксистско-ленинской теории в объеме «Краткого курса истории ВКП(б)», за их пределы не выходил, но к тем, кто их отрицал, относился как к «швали». Страна давно нуждалась в теоретическом прорыве, в осмыслении начавшейся постиндустриальной, информационной эпохи, но в руководстве СССР не нашлось деятеля, способного на такой научный подвиг. Для этого нужен был разрыв с ошибочной теорией марксизма-ленинизма. Но это и в голову не могло прийти ни Суслову, ни Брежневу. Партия вела народ к ложной цели и вслепую.

Брежнев выполнил свою историческую миссию – оттянул конец СССР, но обеспечить прорыв страны к новым вершинам был не в состоянии. Как и его предшественники во главе страны, он пережил свое время. Не будем судить Леонида Ильича с высоты идеальных требований, а воздадим должное тому, что он реально сделал для страны.

Мне же пришлось и подводить итоги дискуссии в статье «Уроки ушедшей эпохи». Вот ее главные положения:

Нынешняя Россия пережила невиданное за всю ее историю разорение – и материальной базы, и человеческого материала. Нам предстоит отстраивать Россию заново и притом в короткие сроки, иначе вскоре нечего будет и отстраивать. И тут не обойтись без уроков эпохи Брежнева. Нужно бросить системный взгляд на это время как на некий эталон советской цивилизации и решить, какое общество мы будем строить на месте либерального пожарища и какие «кирпичики» из прошлого нам пригодятся. А дискуссия показала, что наша общественная мысль пребывает в печальном состоянии. Наша интеллигенция находится в плену ложного представления о России, ее месте в мире, да и о судьбах социализма. Ведь все, вспоминая эпоху Брежнева и сравнивая ее с нынешним временем, говорили о крахе социализма и торжестве капитализма вообще и либерализма в частности. В действительности же **капитализм, либеральная модель вчистую проиграли историческое соревнование с социализмом.** В России за 15 лет на основе либерализма не построено ничего значительного, а советское общество было настолько эффективным, что и после 15 лет разворовывания его базы 140-миллионная страна все-таки живет.

Но ведь в итоге крах-то потерпел СССР, а не страны Запада? Да, это так. Такое случается в истории. Через кризисы порой проходит любое общество, и не всякое его успешно преодолевает. Общественное сознание обычно отстает от общественного бытия. В СССР системное мышление было присуще узкой прослойке управленцев, на которую легко натравить толпу, что и было

сделано. Но **поражение социализма временное,** и только слепой может не видеть, что Россия медленно, но неуклонно возвращается к плановому хозяйству и социальному государству, и с этого пути ее уже никто не в состоянии свернуть. Если брежневизм был «цивилизованным сталинизмом», то новый строй России будет «облагороженным и интеллектуальным брежневизмом». Вот в чем смысл изучения эпохи Брежнева.

Некоторые из моих оппоненты уподобляли Советское государство пылесосу, который высасывает из народа ресурсы для решения Великой Государственной Задачи. А нужно, чтобы люди расходовали ресурсы прежде всего на себя… Нет, Россия всегда жила «бытом военного времени», и первейшей Государственной Задачей у нас было спасение страны. А жить для себя – и хорошо бы, да не получалось у нас и, уверен, долго еще не получится. Нам просто такой возможности не дадут…

Оппоненты полагают, что при частной собственности в России душевой ВВП станет таким же высоким, как в Японии. Но частная собственность есть и в Боливии, и в Бангладеш, а почему-то там уровень жизни далек от японского.

В эпоху Брежнева, при общественной собственности, благосостояние советского народа стремительно росло. И руководство страны, и народ чувствовали себя «в одной лодке». Есть ли это сейчас, при частной собственности? Да и пресловутый пылесос по-прежнему выкачивает ресурсы, только теперь они направляются не на решение Государственной Задачи, а за пределы страны. Лучше ли это, чем было при Советах?

Критикуют Брежнева и за всесилие бюрократии, полагая, что брежневская бюрократия – это то же, что нынешнее всевластие чиновников, которые воруют, ни на кого не обращают внимания и ни за что не отвечают. Советское государство было бюрократическим по форме и идеократическим по содержанию. Наша страна вообще может существовать только при сильной централизованной власти, а значит, при развитой бюрократии. Но при Брежневе бюрократия служила идее, правда, ложной – идее коммунизма, но это по форме; практически же ей приходилось работать на укрепление мощи страны и на повышение благосостояния народа. Нынешняя же бюрократия без идеократии выливается в крадократию (клептократию).

Советский строй называют также тоталитаризмом, представляя его как страну-концлагерь. Но тоталитаризм – это строй, при котором народ един, каждый гражданин, во-первых, причастен к делам государства и может оказывать влияние на политику страны (в известных пределах), а во-вторых, является объектом заботы со стороны государства. Поэтому тоталитаризм

– это идеальная, высшая форма демократии, народовластия. Это не власть народа (которая в большом государстве невозможна по определению), не государство, в котором хорошо всем (такого тоже никогда не было и не будет), даже не царство справедливости (оно тоже плод фантазии), а всего лишь в конкретных исторических условиях максимальное приближение к нему. В нем не может быть бездомных и безработных, беспризорных и брошенных на произвол судьбы. Цену многим этим благам мы узнали лишь тогда, когда их лишились.

Странно слышать упреки в том, что при Брежневе старались дать всему юношеству среднее образование. Да, была там чрезмерность – тянули и тех, кто учиться не хотел. Но возможность для любого стать образованным человеком – это величайшее социальное достижение, которым до того не могло бы похвастать ни одно общество в истории.

Упрекают Брежнева в том, что он не осуществил преобразований, в которых страна остро нуждалась. Но СССР направлял все силы на восстановление стратегического паритета с НАТО, а проводить одновременно с гигантским военным строительством широкие преобразования в идеологической, социально-экономической и политической сферах в такой огромной стране было немыслимо.

Досталось Брежневу от критиков и за то, что при нем СССР оказывал, «в ущерб себе», большую помощь странам СЭВ, компартиям в капиталистических странах и национально-освободительным движениям в «третьем мире». Наверное, эта помощь порой бывала чрезмерной, но в целом оправданной. Не Брежнев создавал социалистический лагерь, и ему нельзя было его разрушать. Тем более раз Запад старался подорвать позиции СССР в мире, то ответные шаги того же рода вполне понятны.

Говорят, что ситуация, сложившаяся в стране к концу эпохи Брежнева, уже неминуемо вела к распаду СССР, потому что Брежнев по своей малограмотности не дал ходу концепциям советских ученых-обществоведов. Это не вполне справедливо. Тогда ни у одного из них не было (и нет до сих пор) концепции, отвечающей реальностям времени. Сказать о том, что теория коммунизма ложна, ни один из них не мог, а латать ложную теорию – значило зря тратить время. Из-за этого брежневизм исторически, конечно, был обречен, однако мог бы держаться долго, и Запад готовился бороться с СССР еще десятилетия. Но в стране действовали силы разрушения.

Но главная причина краха СССР была не в этом. Как сказал американский экономист и социолог Джон Гэлбрейт, **«В Советском Союзе создан прообраз общества будущего, к**

которому человечество еще не готово». Поэтому советское общество и первым оказалось перед тем тупиком, которого не минуют и другие социальные системы…

Допустим, мир достигнет всеобщего благосостояния. «А что дальше?» (См. разговор Аркадия и Версилова в «Подростке» Достоевского). Ведь ясно то, что мир капитализма, частной собственности не может быть идеалом. Христианство дает высочайший идеал, но для индивидуального спасения, христианское государство невозможно по определению (хотя такое выражение широко в ходу). Идея коммунизма, вдохновлявшая миллионы людей, оказалась ложной. Где же ныне путеводная звезда для человечества?.. Может быть, прав Пушкин, и виной всему «современный человек… с его безнравственной душой, себялюбивой и сухой, мечтанью преданный безмерно, с его озлобленным умом, кипящим в действии пустом»? Не получится ли так, что вместо светлого будущего его ждет очередной этап общечеловеческой трагедии?..

Идеального общественного строя (как и вообще ничего идеального) в этом мире не существует, не бывает и идеальных политических деятелей. У Брежнева были слабости, бывали и провалы, но главное – его достижения исторической важности. Он спас нашу великую страну, когда ей угрожала страшная опасность. И История, несомненно, его оправдает.

О последнем бое Советов

Редакция «ЛГ» заказала мне и начальную статью для дискуссии о событиях 3—4 октября 1993 года в Москве. Вот краткое изложение моей статьи «Последний бой Советов».

Хотя об этой трагедии сказано и написано много, ее суть и значение для России и мира, на мой взгляд, остались нераскрытыми. Дело в том, что для нашей страны на рубеже XX и XXI веков императивом стал переход от советского коммунистического государства к советскому национальному государству. Этот объективно обусловленный переход проходил через распад СССР и был очень мучительным.

Еще до обретения независимости России в ней утвердилось двоевластие: на роль руководителя страны претендовали и Верховный Совет РСФСР во главе с Русланом Хасбулатовым, и избранный еще в июне 1991 года президентом РСФСР Борис Ельцин. Как и следовало ожидать, между этими двумя ветвями власти разгорелась борьба. И борьба эта была политическая, классовая.

Хотя Ельцин был президентом Российской **Советской**

Федеративной **Социалистической** Республики, он и российские либералы из сформированного им правительства сразу же взяли курс на сокрушение советского строя и социализма и на построение рыночной экономики (капитализма). Но большинство народа еще оставалось по своему менталитету советским. Поэтому для осуществления такого курса нужна была единоличная диктатура Ельцина.

Этот курс Ельцина был продиктован интересами нарождавшейся российской буржуазии, стремившейся захватить власть и собственность. А массовой опорой курса либералов стала интеллигенция, убежденная в том, что ей по сравнению с западной советская власть «недодавала», «недоплачивала». Речь вроде бы шла о смене общественно-политического строя, но эта операция неизбежно привела к превращению России в зависимое образование и, следовательно, к ликвидации ее как субъекта истории.

Верховный Совет противился курсу Ельцина не только потому, что не хотел терять власть, но и потому, что выступал за сохранение независимости страны хотя бы на том уровне, какой Россия еще имела в 1993 году.

Вопрос о Советской власти был центральным вопросом борьбы. Если сохранятся в России Советы, они могли бы со временем найти путь развития страны с сохранением ее независимости. Если же они подлежат искоренению, то страна сможет включиться в «цивилизованный мир» лишь в качестве его бессильного сырьевого придатка. И не социализм вообще приходилось отстаивать (против социализма типа шведского ни Горбачев, ни Ельцин, возможно, не возражали бы), **а именно советский социализм.** Вот это главное остается по сей день незамеченным.

В такой обстановке и развернулись события 3—4 октября. Обстановка была критической. Хасбулатов считал, что на стороне Верховного Совета было большинство народа России. Возможно, так оно и было, но народ никто и не спрашивал. Потому он, как и в 1991 году, остался пассивным.

Политическая погода делается в столице. А в Москве в стратегическом смысле перевес сил был на стороне Ельцина. Однако в тактическом отношении его режим висел на волоске, рассматривалась даже возможность бегства из Кремля на вертолетах. Одна из боевых частей, стоявшая в Подмосковье, ринулась в столицу на помощь защитникам Белого дома, но была остановлена верными правительству войсками. А войди в Москву хотя бы одна такая бригада, события могли бы принять совсем другой оборот.

Верховный Совет битву с президентом проиграл. Либералы, оправившись от испуга, торжествовали победу. Однако власть на их призывы «Раздавить гадину!» отреагировала слабо. И правительство Черномырдина от проведения либеральных реформ оголтелыми темпами перешло к более осторожной тактике. Уже поэтому жертвы, принесенные защитниками Верховного Совета, несмотря на их поражение, не были напрасными.

Но своеобразной жертвой ельцинского государственного переворота стал и сам Ельцин. Стрельба по российским гражданам, по его приказу, сломила президента. Как подлинный политический деятель, он тогда практически перестал существовать, превратившись в орудие своего окружения. Но и у общества главная потребность ныне – не столько в развлечениях (как полагают иные политологи), сколько в наркотике, который заглушил бы голос пробуждающегося разума и совести.

Даже человек, более или менее сносно устроившийся в современной России, втайне осознавал все годы, прошедшие с октября 1993 года, что живет недостойной, уродливой жизнью. Как можно быть довольным своим существованием, если твоя Родина унижена, ограблена, лишена всяких исторических перспектив?

Ныне практически никто в России не дает характеристики общественно-политическому строю, установившемуся в стране. Левая оппозиция клеймит этот строй как капиталистический, правая – как тоталитарный. Однако в действительности в России сложилась уникальная ситуация. Это не капитализм. Во-первых, эра капитализма в мире давно миновала. Во-вторых, капитализм, при всех его недостатках, все-таки строй производительный, а российская буржуазия в массе своей ничего не создает. Она, выжимая все из оставшегося ей от советского периода производственного потенциала, уводит капиталы за рубеж, где предается всем доступным удовольствиям.

На руинах ельцинизма

Теперь ельцинская Россия уничтожена. Однако новая Россия не была создана, а уже заложенные ее основы не были легитимированы. Вопрос «Кто – кого?», как не раз подчеркивал и Владимир Путин, вовсе еще не решен.

Запад тоже проиграл. Ресурсы, вычерпанные Западом из России, отсрочили его смертельный кризис, но по большому счету ему на пользу не пошли. «Общество потребления» таковым и осталось. «Экономика финансовых пузырей» неизбежно лопнет и

погребет под своими обломками весь нынешний миропорядок. Этот процесс начался на наших глазах. Дальше дела могут идти только хуже и хуже.

Сейчас научно-технический прогресс открыл перед человечеством невиданные перспективы благосостояния, но реализовать их невозможно при существующих в мире порядках. И сильные мира сего сделали выбор: «Пусть остановится прогресс, но мы своего господствующего положения не уступим». Глобализация по-американски, сводящаяся к тому, что слабые страны открывают двери перед сильными, – только начало. Строй «Железной пяты» уже маячит на горизонте.

После падения СССР, пример которого заставлял хозяев Запада идти на уступки «низам», реакция там перешла в наступление и всюду урезает ранее завоеванные трудящимися права.

Россия до сих пор бредет во тьме, не имея ясных ориентиров. Ее главным идеологом остается все тот же Черномырдин: «К коммунизму мы не идем, социализма и капитализма не строим».

Россия ныне – это загаженная квартира, в которой жить нельзя. Ее надо чистить, а потом произвести в ней капитальный ремонт. Вот этим и надо заняться России.

Но заняться этим делом сможет лишь хозяин, «невидимая рука рынка» тут не сработает. Этот тяжелый труд за нас никто не исполнит, и без мобилизации всех сил нам не обойтись.

Надо иметь в виду, что все внутренние и внешние рынки, все позиции на мировой арене, что Россия потеряла за время «реформ», уже заняты другими. Если Россия начнет подниматься и попытается вернуть утраченное, она встретит жесткое противодействие со стороны этих «других». Следовательно, неизбежна новая холодная война с попытками время от времени проверять Россию на прочность конфликтами, подобными тому, что случился в 2008 году в Южной Осетии.

А параллельно с ремонтом дома-России надо разрабатывать проект его переустройства: выработать теоретические основы и конкретные меры по построению собственной цивилизации. Этих задач для ныне живущего поколения россиян вполне достаточно, и никакой другой идеи ему искать не следует.

И еще об одной причине краха СССР, о которой я писал в статье «Уроки на будущее».

СССР был не просто конкурентом Запада. Советский Союз показал себя на несколько порядков более эффективным государством, чем страны Запада, и все силы реакции – внешние и внутренние – объединились для его уничтожения. СССР был

разрушен, потому что в нем была накоплена критическая масса новейших, «закрывающих» технологий, делавших ненужными целые отрасли производства, в которые «хозяева мира» вложили триллионы долларов. И на внедрение этих технологий наложен запрет.

О внешних врагах СССР вряд ли нужно распространяться, они и в наши дни требуют «интернационализации» российских природных ресурсов. А чтобы выявить внутренних врагов, надо хотя бы кратко проследить, как красной нитью проходят через всю нашу историю противостояние народа и интеллигенции, борьба «самодержавия» и «боярства».

Как боярин, даже захудав, не теряет барских замашек, так и интеллигент, лишившись реальных привилегий, сохраняет память о своем «высокородстве». Это не означало, что интеллигент – всегда антипатриот. Он мог любить свою страну, но желал, чтобы она стала европейской по своей сути.

В России главное – призвание, в Европе – талант. «Талант» – это «что», «призвание» – это «зачем» («долг»). Главное – не искра Божия, талант, а его направленность. Именно этим чувством ответственности за свой талант и поразила мир русская культура. А в центре интеллигентского сознания, которое тяготеет к вседозволенности и изощренности, как раз талант.

В дореволюционной России еще Столыпин поставил кощунственную с точки зрения русских взглядов цель: вытравить из русских людей идеалы равенства и привить им «чувство хозяина», независимого собственника. Короче, создать-таки в «этой стране» «средний класс» (а попросту говоря, кулаков – вне зависимости от сферы деятельности), который якобы только и может обеспечить жизнь «как у людей».

Итог этого эксперимента страшен. В Гражданскую войну народ с исступлением принялся истреблять всех, кто был просто похож на «барина». Это показало, каким надругательством над народным сознанием был режим последних 150 лет империи – от Петра III до Николая II.

За короткий срок после окончания Гражданской войны страна преобразилась так, будто и не было никогда ни дворян, ни «просвещенных монархов», ни европейски образованных либералов. Русские, воспрянув после векового угнетения, вновь превратили свою страну в единственно возможный дом народа-воина – в казарму, где жизнь протекает по уставу гарнизонной и караульной службы, а не по выставленным в витрине западным социальным образцам.

Но в интеллектуальной сфере большевистские преобразования буксовали. Даже лишенный материальных

средств производства, либерал-индивидуалист нашел прибежище в области свободного художественного или научного творчества. Кавалерийские наскоки на интеллект кончались плохо.

Однако советская интеллигенция не выполнила своей главной задачи – не вооружила народ и власть адекватным пониманием действительности. Впрочем, она принципиально не могла этого сделать. Процессы, которые происходили в стране, не описываются теми понятиями, которые присутствуют в сознании интеллигента. В итоге и руководство страны, и народ, созидая самобытную русскую цивилизацию, считали, что строят коммунистическое общество.

Вот и происходящее сейчас с нашей страной объясняется тем, что в очередной кризис (а они время от времени неизбежны; причем нынешний вызван необходимостью перехода к постиндустриальной формации) либеральная интеллигенция решила взять верх и нанесла подлый удар по больному обществу. Об этой причине краха СССР интеллигенты, естественно, предпочитают умалчивать.

Главная вина за беды, постигшие ныне страну, – именно на этой интеллигенции. Для нее не важно – гибнет страна или нет, главное, что нет тоталитаризма, зато есть «свобода слова», биржи и свобода финансовых спекуляций. Сегодня России надо вырваться из навязанного «демократической» пропагандой гипноза. Сколько можно внимать «деятелям культуры», которые обслуживали горбачевщину-ельцинщину, занятым лишь созданием бандитских сериалов и «искусства постмодерна» с матом на сцене и на экране?

Впрочем, наш народ показал, что он не приемлет жизни, где нет места социальной справедливости и патриотизму. И время «боярства» вновь быстро кончается, наступает эпоха нового «самодержавия». Речь идет, конечно, не о восстановлении монархии, это архаика. Диктатура в наши дни антинародна, авторитаризм, иногда использовавшийся в мире для перехода от доиндустриального общества к индустриальному, для вступления в постиндустриальное общество непригоден. В новой России должно быть коллективное руководство при наличии лидера (президиум во главе с председателем). При этом должен сохраняться принцип неделимости власти.

Но из случившегося нужно обязательно сделать радикальные выводы. К следующему историческому виражу мы должны воспитать поколение образованных людей нового типа – не упивающихся своими талантами и высокоумием, а преданных по-настоящему патриотическим идеалам и готовых служить не просто Отечеству, но еще и режиму (разумеется, патриотическому

и справедливому).

И чтобы больше не возвращаться к истории, надо опровергнуть миф о якобы имевшем место при социализме «разрыве с исторической Россией». История России – это история смены трех «империй». В период «империи Даниловичей» сложились русский национальный характер и идеал тоталитарного государства. За 300 лет империи европеизаторов Романовых русский народ, хотя и ответил на реформы Петра явлением Пушкина и других гениев нашей культуры, все же катастрофически деградировал. СССР возродил тоталитарный строй и русского человека. Советский человек был не просто русским, а как бы воскресшим московитом. Значит, именно СССР, а не романовская Россия был историческим преемником исконной Руси. И чтобы сохранить Российскую Федерацию, надо сначала восстановить все лучшее из советского строя. А потом уже можно двигаться дальше.

О Владимире Путине

О моем отношении к Владимиру Путину в тот период говорили две мои статьи. Первая – «Семь лет одиночества президента»:

«Меня не покидает ощущение, что Путин, много говоривший о достижениях страны, на деле разочарован итогами собственной работы и особенно людьми из своей команды. Да и как можно быть ими довольными? Да, распад страны остановлен, ее политическая система укреплена, выплачен огромный внешний долг. Но Россия, продолжая сидеть на нефтегазовой игле, сильно отстает в деле внедрения новейших технологий. И это в условиях, когда угроза России со стороны Запада только возросла.

Ныне Запад может вести «войну «шестого поколения» – высокоточным оружием, поражающим цели за сотни и тысячи километров, без непосредственного соприкосновения армий. К войне такого рода наша страна не готова. А главное – экономический рост в стране служит в основном обогащению богатых, причем разрыв между верхними и нижними слоями увеличивается. Значит, нам еще далеко до идеала социальной справедливости, без чего Россия – не Россия. Сам Путин признал, что ему «больше не удалось, чем удалось». Прежние предупреждения Путина об угрозах для России, его высказывания о том, что «нам всем объявлена война», что «товарищ волк» кушает и никого не слушает, что многие из-за рубежей нашей страны зарятся на ее природные богатства и готовы урвать куски нашей земли, пока не смогли переломить господствующего у нас

благодушия. В то же время аппарат саботирует многие начинания президента, поэтому большая часть президентских усилий имеет нулевой результат.

Путин объявил войну саботажу и коррупции, заявив, что «деньги и власть должны быть разъединены». Те, кто хочет иметь большие деньги, пусть уходят из власти и занимаются бизнесом. Те, кто хочет служить государству, должны жить на зарплату.

Казалось бы, чекисты и прочие правоохранители должны были встретить эти слова президента овацией. Сколько раз они уверяли: их сейфы ломятся от материалов, по которым можно сразу же возбуждать уголовные дела, но нет соответствующей команды со стороны верховной власти. И вот команда дана. И что же? В зале воцарилась зловещая тишина. «Преторианцам» президента его слова явно пришлись не по душе, многие из них сами не без греха.

Без энтузиазма встречена также инициатива Путина и в правительстве, и в среде законодателей, видимо, по тем же причинам.

О нравах же нынешней бизнес-элиты и говорить нечего.

Вот и выходит, что Путину в начатой им борьбе с главными разрушителями России почти совсем не на кого опереться из нынешней элиты.

Выход из этой на первый взгляд безвыходной ситуации один. Путину нужна мощная поддержка снизу. Но вряд ли народ поднимется на борьбу с коррупционерами и бизнесменами от власти, ему кажется, что это – разборки внутри элиты, его прямо не касающиеся. Тем важнее ныне роль образованной части общества.

Сегодня патриот – не тот, кто служит России: ей может служить и олигарх, понимающий это служение по-своему. Сегодня патриот – тот, кто поддерживает курс Путина на обуздание разрушителей страны.

Вторая моя статья о Путине называлась «Нужен ли Путину третий срок?».

В российских и зарубежных СМИ гадают, как Владимир Путин может остаться руководителем России после истечения второго срока его президентства или хотя бы обеспечить преемственность заданного им политического курса. Обсуждают и возможные кандидатуры его преемника, и варианты его «трудоустройства» после отставки. Но все они исходят из убеждения, что Путин хочет остаться у власти. И, по-моему, допускают здесь главную ошибку. Уверен, что Путин больше не хочет быть президентом. Ему нет смысла оставаться на третий

срок, если он – человек, поставивший себя на службу государству, потому что при нынешней российской правящей элите ему проводить свой курс не удается и не удастся. А оставаться в ее рядах (и даже во главе) – значит дискредитировать себя и свою политику, выступать в роли покровителя преступников, продающих Родину.

Что представляет собой эта элита, видно из характеристик, которые Путин давал ей в своих посланиях Федеральному собранию. Так, он назвал чиновников, на которых сам же должен опираться, «надменной кастой», превратившей государственную службу в высокодоходный вид бизнеса. Путин знает, что олигархи – это воры, бандиты и моты, потерявшие последние остатки ума и совести. Министры, особенно либерального крыла, ненавистны народу почти так же, как Гайдар и Чубайс (исключений, вроде Сергея Шойгу, немного). Да они и сами, судя по проводимой ими политике, ненавидят народ. Можно предположить, что ненавидят они и курс Путина и всячески тормозят его проведение в жизнь. Депутаты Государственной Думы – либо марионетки, послушно голосующие за все, что вносится правительством, либо жалкие оппозиционеры, не имеющие за душой ни одной свежей идеи и лишь скулящие по поводу того, что власть якобы перехватывает их лозунги. Но кто же мешает оппозиционерам выдвинуть такие лозунги, которые власть ни при каких условиях не захотела бы перехватить? Сенаторы и губернаторы – в большинстве своем бизнесмены либо по положению, либо по духу, богачи, не представляющие даже, как живет народ, особенно часть его, находящаяся за чертой бедности…

Везде – от судей и придворных деятелей искусства до прикормленных властью журналистов – одна и та же картина. Что вполне естественно для страны «с рыночной экономикой». Рынок – это место, где все продается и покупается. С того момента, как россиян зомбировали идеей рынка, русскому духу абсолютно противопоказанной, общество стало продажным снизу доверху.

Русский человек может нормально жить только при строгой (не обязательно жестокой) власти. «Строг, но справедлив» – вот его представление об идеальном правителе. Как только власть становится либеральной, у наших людей, в первую очередь у элиты, «едет крыша», и начинается тот маразм, который мы наблюдаем (и жертвами которого становимся) сегодня.

Должен ли Путин своим именем и авторитетом прикрывать эту элиту? Пока он был президентом в силу обстоятельств, как преемник Ельцина, то вынужден был мириться с таким окружением. Но теперь, когда от него самого зависит, быть или не быть среди этих «сливок общества», стать руководителем

государства в третий раз равносильно политическому самоубийству.

Но и удалиться на покой, например, уехать на Запад, Путин не сможет. Покоя ему не дадут, да он и сам заверял сторонников, что свое место в строю найдет. Причем утверждал, что останется в России.

Так чем же ему можно будет заняться? Аналитики пропустили мимо ушей слова Путина о том, что он уйдет в оппозицию, организует партию, будет сидеть дома и критиковать правительство. Думается, зря не приняли это заявление всерьез. Именно такая роль окажется для Путина самой подходящей, более того – жизненно необходимой. Он может уподобиться Ивану Грозному, когда тот, доведенный до предела терпения своеволием и антинародной политикой фактически правивших страной бояр, покинул Москву и обосновался в Александровой слободе. А оттуда он заверил народ, что обиды на него не держит, а гнев его – на изменников-бояр и что вернется в столицу, только когда сможет править по своей царской воле. И создал Грозный духовно-рыцарский орден, правящую партию, названную опричниной, которая и стала орудием его преобразований. Если Путин создает партию, начальная цель которой – выкорчевывание всех, до остатка, проявлений горбачевщины-ельцинщины, она быстро вырастет в многомиллионную и ее руководитель станет силой, с которой вынуждены будут считаться и будущее правительство, и будущий президент. Не партия чиновников, ищущих хлебного места, а партия борьбы за становление России как великой державы, на деле сможет стать партией власти. И Путин станет руководить страной, не находясь в окружении нынешней прогнившей элиты.

Впрочем, в случае обострения отношений с Западом (к чему, кажется, дело неотвратимо идет) элита просто скажет президенту: «Ты заварил кашу, ты ее и расхлебывай!» В такой ситуации Путин просто не сможет оставить свой пост. Но тогда он получит диктаторские полномочия и сможет провести чистку элиты, необходимость в чем давно назрела.

Я не угадал, какое решение примет Путин. Точнее, угадал наполовину. Путин отказался баллотироваться в президенты на третий срок, но и не ушел в оппозицию вороватой элите, а возглавил партию «Единая Россия», гордо именующую себя «партией власти». Путин стал премьер-министром России при президенте Дмитрии Медведеве.

Я не стал бы раньше времени выражать уверенность в прочности этого «тандема». В XX веке в нашей стране был

прочным лишь один «дуумвират»: Брежнев – Суслов. Наблюдатели подмечают всякое проявление несогласия между Путиным и Медведевым, говорят о различиях в их жизненном опыте и в понимании перспектив развития страны. Поживем (кто поживет и доживет) – увидим.

Международное значение инициатив Путина я пытался осветить в статье «Наш газ на весь свет!».

Российская общественность не поняла смысла предложения Путина коллегам по «Большой восьмерке» «сосредоточиться на трех актуальных темах – глобальная энергетическая безопасность, борьба с инфекционными заболеваниями и образование». Не поняли этого и на Западе, однако там почувствовали серьезный вызов со стороны России. В чем тут дело?

Глобализация, предусматривающая открытие границ для якобы свободного перемещение товаров, услуг, капиталов и рабочей силы по всей планете, – это вовсе не осуществление мечты поэта о строе, «когда народы, распри позабыв, в единую семью соединятся». Наоборот, она может обернуться неслыханным доселе угнетением одних народов другими, а всех их – мировой финансовой олигархией.

Все дело в том, кто проводит глобализацию. Сейчас в мире правят элиты наиболее мощных держав мира, а это – англосаксы, германцы и французы. Чтобы понять, на какой закваске взошли эти народы, надо вспомнить кое-что из истории.

В Средние века на народы стран, прилегавших к Атлантическому океану, наводили ужас викинги – морские разбойники, совершавшие опустошительные набеги на прибрежные районы. Они не просто грабили население, но и с бессмысленной жестокостью предавали огню и мечу все, что попадалось на их пути. Англы и саксы, франки и другие германские народы средневековой Европы, также отличавшиеся дикой свирепостью, положили начало нынешним главным европейским государствам, этим духовным наследникам викингов. Европейцы – те же викинги, только располагающие оружием неслыханной ранее мощи. Благодаря этому они сумели в Новое время покорить и превратить в колонии или полуколонии почти всю планету (США тоже первоначально были колонией Англии, словом, детищем Европы). При этом европейцы проявили нечеловеческую жестокость, истребляли целые народы, превратили работорговлю в самую выгодную отрасль бизнеса.

После Второй мировой войны колоний у Европы формально нет. Зато развитые страны Запада господствуют над бывшими колониями, используя финансовые инструменты,

неэквивалентный обмен, то есть покупая у них сырье по дешевке и продавая свою высокотехнологичную продукцию по вздутым ценам. Их цивилизация была и остается эксплуататорской, паразитической, преступной. К тому же, добиваясь для себя открытия границ других стран, сами государства Запада ревниво оберегают свои рынки и защищают себя от нежелательных мигрантов.

Европа помешана на «правах человека», которые ставятся в ней выше прав народа и государства. Безграничная свобода индивида, включая гомосексуальные браки, право ехать в голом виде в лондонском метро или автобусе и т. п., – вот символ веры настоящего европейца наших дней. В наше время, когда перед человечеством встали именно глобальные задачи, для решения которых необходимы коллективные усилия, это качество стало препятствием на пути дальнейшего прогресса. Вот и наступил предсказанный еще Шпенглером «Закат Европы», даже шире – закат Запада. Разве могут эти «мировые лидеры» проводить глобализацию, которая привела бы к братству народов?

Россия многие века проводила свою глобализацию, создав империю, включавшую не только русские земли. Но эта глобализация проводилась совсем на иных основаниях, чем глобализация по-европейски. Русские не истребляли народы присоединяемых территорий, не торговали рабами, а стремились приобщить эти народы к своей культуре. Это служило еще одним поводом для усиления извечной ненависти европейцев к России.

Советский Союз мог гордиться достижениями в разных областях жизни. Но СССР распался. В нынешней России тон в политике пока еще задает группа либералов. Россия все это время не только не выступала в защиту справедливости в мире, но и для себя признала приоритет международных законов. Многим в мире казалось, что голос России умолк навсегда. И вдруг – предложение Путина. В чем же его особенности?

Напомню, о чем спорили прежде, когда заходила речь об обеспечении энергетической безопасности. О том, кому из сильных мира сего достанется наиболее лакомый кусок пирога. Кому, например, пойдут российские энергоресурсы – США, Западной Европе, Китаю?

А Путин подчеркивает: «Энергетический эгоизм» – это тупиковый путь… перераспределение энергии, исходя лишь из приоритетов небольшой группы наиболее развитых государств, не отвечает целям и задачам глобального развития. Мы будем стремиться к формированию такой системы энергетической безопасности, которая учитывала бы интересы всего мирового сообщества».

Подобной постановки вопроса в мировой практике после распада СССР еще не бывало. После долгого перерыва вновь поставлен вопрос о развитии всего человечества, о мире по справедливости. И поставила его именно Россия, никто другой в мире просто не в состоянии так поступить.

Точно так же, учитывая интересы всех людей планеты, Путин ставит и вопросы борьбы с инфекционными заболеваниями, и проблему образования. И теперь благодаря позиции нашей страны мир может убедиться в том, что есть альтернатива людоедской глобализации, проводимой странами Запада. Россия готова вновь выступать от имени всего человечества, руководствуясь принципами справедливости и равенства, и это обеспечит ей широчайшую поддержку в мире.

Теперь ясно, что вызвало на Западе новый приступ злобы в отношении России: Путин припер лидеров Запада к стенке. Они не могут открыто сказать, что не приемлют подхода к глобализации в интересах всего человечества, ибо это было бы равнозначно заявлению: «Мы людоеды и ничем, кроме человечины, питаться не можем». На такое саморазоблачение они никогда не пойдут. Но и принять план в интересах всего человечества, который ущемит их эгоистический интерес, они тоже не в состоянии. И если до сих пор на Западе задавали вопрос, место ли России в «Большой восьмерке», то теперь дело обстоит совершенно иначе. «Место ли «семерке» в «Большой восьмерке»? – вот вопрос, который мировая общественность будет задавать все настойчивее.

Общее понимание обстановки в стране я выразил в статье «Вечные вопросы»:

Речь в ней шла об отечественных новинках, показанных на Московском авиакосмическом салоне. Постановка на боевое дежурство первых, не имеющих аналогов в мире зенитно-ракетных комплексов С-400 и другие подобные события убеждают: толки о полной гибели нашей оборонки оказались несостоятельными. По крохам начинается собирание костяка российской индустрии, разрушенной либеральными реформами 90-х. Растет ощущение того, что Россия поднимается с колен. Все это не может не радовать.

Однако повсеместно растут цены на хлеб и другие продукты питания, тарифы ЖКХ и естественных монополий. В экономической жизни еще господствуют нечистоплотные дельцы. Все это сопровождается массовыми увольнениями работников, обрекаемых на безработицу и нищету. Социальное расслоение не сглаживается, а углубляется. А это означает, что происходит

относительное (а для многих, увы, и абсолютное) обнищание большинства населения. И это не может не печалить.

Что порождает такую двойственность в оценке происходящего в стране? Непонимание того, что **мы живем в обстановке войны, смертельной схватки двух сил, от исхода которой (отнюдь не предрешенного) зависят настоящее и будущее России.**

Одна сторона в этой войне – это президент Владимир Путин и крохотная (по масштабам страны) команда верных ему (пока) помощников. А другая – остальная часть правящей элиты, тесно связанная с криминалом, а в той или иной степени – и с внешними врагами России.

Чего хотят воюющие стороны?

Путин хочет восстановить государство, при Ельцине сведенное на роль «ночного сторожа» (но даже и с этой своей задачей не справлявшееся), достойную роль России в мире. Цели же противоборствующей стороны Путин определил кратко, но исчерпывающе. Они хотят вернуть недавнее прошлое: «Одни для того, чтобы, как раньше, безнаказанно разворовывать общенациональные богатства и грабить людей и государство, другие – чтобы лишить нашу страну экономической и политической самостоятельности».

Примирения между этими сторонами быть не может – им вместе на одной земле не жить. Уступит Путин – его ждет в лучшем случае Гаагский трибунал, которым ему давно грозят в западных СМИ. А паразиты ни за что не согласятся с лишением их возможности паразитировать на народе, присваивать плоды его труда.

Сейчас во многих регионах отправляются в отставку или в тюрьму губернаторы и вице-, мэры и депутаты, проворовавшиеся бизнесмены и криминальные авторитеты. А в ответ – убийства и похищения людей, поджоги предприятий и складов, диверсии и теракты. Владимир Жириновский назвал обстановку в стране гражданской экономической войной. Точнее, война эта – тотальная.

Самое точное определение нынешней ситуации – двоевластие. Формально власть в руках Путина, на деле его начинания саботируются коррумпированным чиновничеством и потому достигают цели лишь в очень ограниченной степени.

А что же общественность, народ? А ничего. Видные общественные деятели спорят по вопросам семнадцатой степени важности, старательно обходя главный вопрос современности. Народ же развлекается, хохочет на концертах «Аншлага» и переживает перипетии звездных шоу. Если ста первым

попавшимся россиянам сказать, что в стране идет война, 99 из них покрутят пальцем у виска. А потому Путин – в масштабах страны – ведет борьбу со всероссийской мафией практически в одиночку. Трудности в нашей жизни, порожденные этой мафией, лидеры оппозиции (а она сейчас причудливо объединила и самых левых, и крайних правых) сваливают на президента и готовятся вывести на улицы в рамках акций протеста миллионные массы. Народ, не знающий истинного положения дел, вполне может клюнуть на эту удочку. И тогда…

Трудно сказать, почему Путин не может или не хочет открыто сказать народу о том, что происходит в стране. Возможно, считает, что для этого еще не настало время (но опоздание здесь может обойтись и ему, и стране очень дорого). Я не занимаю никакого официального положения и потому хочу обратиться к гражданам России, конкретно к каждому из них: в этой борьбе не на жизнь, а на смерть сил государственников и сил разрушителей – ты с кем?

А вот колонка, написанная мной по заказу редакции «ЛГ»: «Новые кадры новой России».

Россия вступает в совершенно новую эпоху своего развития, переходит от виртуальной экономики к реальной. Кончился период рыночного помешательства, лопнул гигантский мыльный пузырь лжеэкономики, в которой почти никто ничего не производил, зато все чем-то торговали. Начинаются реальные дела, по которым истосковалась душа народа, требующая труда, подвижничества и героизма. И эта смена парадигмы развития страны потребовала изменений в кадровой политике.

Виртуальной экономике требовались брокеры и дилеры, менеджеры и специалисты по консалтингу, а также в громадном количестве – экономисты и юристы (по образцу США, где адвокатов насчитывается, кажется, миллиона два, потому что без их участия не заключаются никакие контракты, в том числе и брачные). Считалось престижным для управленца иметь диплом западного университета или колледжа по части финансов или информатики. Реальной экономике вновь понадобятся инженеры (настоящие – не по снабжению и не по технике безопасности) и специалисты по нанотехнологиям, ученые с фундаментальной теоретической подготовкой и конструкторы космических кораблей. И, конечно же, рабочие такой высокой квалификации, что они по производственным вопросам смогут на равных разговаривать с инженерами. Уже одно это выльется в настоящую социальную революцию, которая для многих может обернуться трагедией. Начну с небольшого частного примера.

Дама лет тридцати, провинциалка во всех смыслах, пожила несколько лет в США и вернулась в Россию с дипломом какого-то американского университета по гуманитарному профилю. И ее даже без московской прописки приняли на работу в солидный банк с окладом 2500 долларов (для отечественного специалиста такая карьера немыслима). Зачем она, вряд ли способная отличить дебет от кредита, нужна банку? Видимо, сыграли роль соображения престижа, знание языка, перспективы экспансии на западные рынки финансовых услуг. Недавно мой знакомый в этом банке оформлял плату за обучение в институте, так принимавшие деньги две барышни не могли без ошибок набрать на компьютере слово «киноведческий» факультет. А ведь тоже, наверное, получают тысячи две долларов и считают себя принадлежащими к числу «избранных». Какие перспективы у этих «специалистов» в условиях реальной экономики?

У нас часто говорят о «потерянном поколении», подразумевая под этим беспризорников и детей, не посещающих школу и т. п. **Теперь «потерянное поколение» обретет новое лицо. Появятся миллионы «лишних людей»** (отнюдь не в том смысле, в каком мы проходили их в курсе литературы), **причем именно тех профессий, которые часто еще по сей день числятся весьма престижными.** Миллионы ставших никому не нужными брокеров и риелторов, специалистов по ценным бумагам и по рекламе, выпускников западных школ бизнеса и управления составят массу озлобленных неудачников. О том, как предотвратить или предельно смягчить эту трагедию, надо думать уже сейчас.

В Москве (если говорить о столичных властях) эту новую ситуацию уже почувствовали, об этом свидетельствуют телевизионные программы «Реальная экономика», «Прорыв», «Столичные профессии». А остальная Россия еще спит. Что же касается федеральных органов власти, имеющих отношение к данной проблеме, то они занимают откровенно реакционную позицию и продолжают линию на развал отечественной системы образования. Расширяется сфера применения ЕГЭ, намечается переход на 12-летнее обучение в средней школе, наконец, Государственная дума приняла закон о двухуровневой системе высшего образования, что якобы призвано облегчить нашим гражданам продолжение обучения за рубежом. В действительности все эти новшества направлены на то, чтобы форсировать «утечку мозгов» на Запад, чтобы Россия продавала не только энергоносители и сырье, но и интеллектуальный потенциал.

«Что такое Силиконовая долина в США?» – спрашивает академик Н. Шмелев. И отвечает: «Это 200 тысяч выпускников

российских вузов». И министр А. Фурсенко, очевидно, рассчитывает на продолжение этого процесса.

Но времена изменились, и такой подход отдает явной архаикой. Россия встает на ноги, и самые умные наши специалисты, уехавшие в свое время на Запад, уже возвращаются домой, обрекая себя на жизнь с нищенской по западным меркам зарплатой.

Почему? Потому что, как объяснил один из них, здесь делается ВЕЛИКОЕ.

Запад осознал, что его умы не способны на создание новых культурных ценностей, ему без интеллектуальной подпитки из России уже не обойтись. В России зреет подлинная революция в науке, и сегодня надо думать не о том, чтобы российские дипломы признавались на Западе, а о том, чтобы к нам с Запада не попадали «специалисты» с липовыми дипломами (вроде того, что есть у упомянутой выше дамы).

Скоро западные специалисты будут стремиться попасть на работу в российские научные центры, нам придется открывать для них подготовительные курсы (надеюсь, платные). И дело здесь не в каких-то личных или национальных амбициях, а в том, что перед человечеством встают новые задачи, для решения которых требуется именно русский менталитет (эту мысль можно бы и более пояснить, но, полагаю, читатели знакомы с «Закатом Европы» Шпенглера).

В новых условиях перед людьми труда открываются такие блестящие перспективы, о которых ныне приходится лишь мечтать. Да и страна в целом, перейдя к реальной экономике, получает шанс стать мировым лидером на фоне Запада, все глубже погружающегося в стихию виртуальных отношений и стремящегося затянуть туда и все остальное человечество.

Новой России понадобятся не только новые производственные кадры. Ей нужна будет вообще новая, более высокая культура. Людям, занятым реальным трудом, станут отвратны бандитские сериалы и фильмы «с клубничкой», спектакли, где ругаются матом, книги ни о чем – весь тот духовный яд, которым потчуют нас ныне. Но это – тема особого разговора.

Пять моих последних книг

В книге «Капитализму в России не бывать!», вышедшей в 2005 году, я разобрал десять попыток реставрации капитализма в нашей стране, начиная с ленинского нэпа и кончая реформами Ельцина и их продолжателей. Мне удалось показать, что их

провал был не случайным, а вытекал с неизбежностью из современной обстановки в мире и из особенностей русского национального характера. Там были даны политические портреты (некоторые из них были напечатаны отдельно в газетах и журналах) всех руководителей СССР, ограничусь лишь несколькими строками о двух из них.

Ленин – гениальный разрушитель старого. Без него Октябрьская революция просто бы тогда не состоялась. Но он видел революцию в России лишь как начало мировой революции, без которой собственно русская революция не имела для него смысла. Ленин создал теорию разрушения старого строя. Но, когда он оказался у власти, выяснилось, что его представления о социализме, изложенные в книге «Государство и революция», совершенно не отвечают реальным условиям России. Ненавистник царского государственного строя, он и в нарождающемся советском строе увидел воплощение бюрократизма и повел против него решительную борьбу. Нэп был удобным поводом для перевода складывающейся экономики РСФСР на рыночные (то есть капиталистические, как открыто им признавалось) основы. Словом, Ленин, создатель большевистской партии, в конце жизни стал, по сути, меньшевиком. И «строй цивилизованных кооператоров» и должен был стать противоположностью складывавшемуся советскому строю большевизма.

В то время, когда в России пели дифирамбы «самому образованному премьеру СССР» Алексею Косыгину, я утверждал, что именно реформы Косыгина (в действительности их идеологом был профессор Либерман) подорвали сами устои Советской власти, и Горбачеву оставалось лишь нанести ей завершающий смертельный удар.

В «ЛГ» были напечатаны две рецензии на эту книгу.

А сейчас несколько слов о второй моей книге «От лжекапитализма – к тоталитаризму!». В ней дан ответ на вопрос, сам по себе возникающий после прочтения первой книги.

Допустим, как я утверждал, капитализму в России не бывать. А возврат к советскому социализму невозможен (как вообще невозможно вернуться к ушедшему в прошлое). Так каким же будет строй в России после свержения власти либералов? (В том, что эта власть доживает последние, в историческом масштабе, денечки, они уже и сами не сомневаются.) Я провел исследование, которое позволило установить, что мировая общественная наука прошла мимо главного события XX века. Она рассматривала на разные лады борьбу двух лагерей –

капитализма и социализма, тогда как минувший век был веком корпоративных и тоталитарных государств, которые перестали быть капиталистическими, но не стали социалистическими. Эстафету Октябрьской революции подхватил в Италии Бенито Муссолини, который не принимал ни буржуазного либерализма, ни космополитического (каким он был при Ленине) советского коммунизма. Он создал корпоративное государство, в котором рабочие и предприниматели выступали не как антагонисты, а как соратники в труде на благо государства, являющегося высшей ценностью для нации. Частная собственность не была отменена, но предприниматели должны были согласовывать деятельность своих предприятий с государством. Муссолини первым сформулировал положение о возможности построения социализма в одной, отдельно взятой, стране.

У нас писали о тяжкой доле итальянских трудящихся при фашизме (не нацизме!). А объективные исследователи из разных стран рисовали картину подлинной культурной революции, совершившейся в Италии, писали о невиданных ранее возможностях развития дарований и проведения досуга, о системе охраны материнства и детства, равной которой не было в ту пору нигде в мире. Те итальянцы, кто дожил до конца XX века, вспоминали о первом десятилетии режима Муссолини как о самом счастливом времени их жизни.

Вслед за Муссолини совершил, на свой лад, государственный переворот в США Франклин Рузвельт, которому удалось основательно умерить аппетиты крупных американских бизнесменов. На порочной расистской основе строил тоталитарное государство Гитлер в Германии. По иному оно установилось в Испании при Франко и в Португалии при Салазаре. Корпоративным государством на протяжении полутора тысяч лет была Япония. Впоследствии этот строй в разных вариациях установился в Китае (особенно на Тайване), в Сингапуре, Малайзии, Ливии, на Кубе, а ныне он восторжествовал в Швеции и Норвегии, по этому пути идут и главные страны ЕС. И Россия непременно станет сначала корпоративным государством: сразу частная собственность ныне у нас не может быть отменена, но государственный контроль над ней обязателен.

Книга построена на изучении отечественной и иностранной (на шести западноевропейских языках) литературы, спорить с ее выводами вряд ли кому по силам. Хотя книга была издана небольшим тиражом, ее идеи распространяются. И «ЛГ» поместила на нее положительную рецензию.

Теперь о третьей книге, которая в журнальном варианте

называлась «Россия XXI века: путь к мировому лидерству. Программа развития страны на ближайшие годы». Работ, посвященных будущему России, не счесть, но таких, в которых рассматривались бы конкретно разные пути развития страны и отдельных сторон ее жизни, по сути, нет. Я же, как уже упоминалось выше, на протяжении ряда лет писал на эти темы статьи в газете «Подмосковье», и теперь они мне пригодились. Собрав их вместе и переосмыслив, я и получил данную книгу. По коммерческим соображениям в издательстве «Алгоритм» сочли целесообразным дать книге название «Цель номер один. План оккупации России». Новое название не отражает всего содержания книги, хотя и о враждебных планах Запада в отношении России в ней говорится. Книга вышла в свет в 2011 году.

И о четвертой своей книге нужно сказать хоть несколько слов. Я много лет занимался изучением идей славянофилов (в день ареста я как раз читал в библиотеке труды Шарапова и Константина Аксакова). Когда Олег Платонов приступил к составлению тома «Русское хозяйство» своей энциклопедии «Святая Русь», он предложил мне написать статьи об экономических взглядах примерно 15 русских мыслителей. Из них половина (включая того же Шарапова или Юлия Жуковского) вряд ли известна широкому кругу отечественных читателей, а всем известных (например, полководца Александра Суворова или химика Дмитрия Менделеева, не говоря уж об историке Александре Нечволодове или публицисте Михаиле Меньшикове) мало кто считает за экономистов. Между тем многие идеи этих русских экономистов были бы несравненно полезнее для выработки российской экономической политики, чем идеи Маркса или Кейнса. Опять-таки, собрав эти статьи и просмотрев экономические и общественно политические журналы с середины и до конца XIX века, я написал книгу «Экономические воззрения славянофилов», по которой в «ЛГ» был напечатан дайджест.

Но моя мечта – написать продолжение книги «От лжекапитализма – к тоталитаризму!» – труд под названием «Русский идеал и корпоративное государство», в котором были бы изложены основы будущего государственного и общественного строя в России. Пока из нее закончены только девять глав, – это еще только подступы к главной теме.

Отдельно хочется сказать то ли о небольшой книжечке, то ли о большой статье, посвященной Гоголю и его отношению к России.

У меня были опубликованы две статьи о Николае Васильевиче – «Уроки жизни Павла Чичикова» в скромненьком

журнале «Русская провинция» (не путать с роскошной «Российской провинцией») и «Гоголь и Оптина пустынь» в «Учительской газете». В первой статье я анализировал общий замысел Гоголя («нельзя устремить общество к прекрасному, не показав ему его настоящей мерзости») и попытку, представив Чичикова как образ среднего русского человека (не молодого, но и не старого, не в больших чинах, но и не в малых…), через него создать образ России. Во второй, как мне кажется, удалось раскрыть тайну сожжения писателем второго тома «Мертвых душ», она связана с влияниями отца Матвея Константиновского – духовного отца Гоголя, с одной стороны, и оптинского старца Макария (Иванова), между которыми разрывалась его душа. Но за рамками этих статей осталось вообще понимание Гоголем России, которое было у него совершенно превратным. Гоголь был убежден, что любит Россию всей душой. Но в действительности его идеалом было украинское казачество с его пальбой и гульбой (а в еще больше степени – польская аристократия), русские же представлялись ему либо как Ноздревы и Собакевичи, либо как дядя Митяй и дядя Минай (сравните этих персонажей с Тарасом Бульбой или Кукубенко). И когда Тарас Бульба говорит о грядущем величии Русской земли, то русские читатели «покупаются» на эти громкие фразы, хотя, конечно, Бульба вовсе не имел в виду Москву или Тюмень, «Русской землей» казаки называли Киев и прилегающие к нему области, что давно уже установлено наукой. К Русской земле в нынешнем понимании – Великороссии – они всегда относились как к царству москалей и не упускали ни единой возможности пограбить ее и вообще поживиться за ее счет.

Критическое отношение к Гоголю – не новость в русской литературе, его высказывали разные писатели – от Василия Розанова до Владимира Солоухина и Василия Шукшина. Но показать, что в самой своей основе отношение Гоголя к России было недоброжелательным, до сих пор, кажется, не решался никто. Я нисколько не сомневаюсь в гениальности Гоголя как писателя, в том, что он получил всемирное признание. И все же хотел бы в пору, когда хвала титану отечественной словесности раздается во всех концах земли, опубликовать статью «Гоголь – гениальный украинский русскоязычный писатель», хотя это и было бы, вероятно, воспринято общественностью как ложка дегтя в бочку меда или даже как кощунство. Но истина дороже всего, особенно сейчас, когда отношение украинцев к России приобретает всем известный характер. Найдется ли издание, которое захотело бы напечатать такую скандальную статью? – спрашивал я. И вот настоящая книга открывается именно этой

стьтей.

Мечты, мечты…

Но какие же воспоминания обходятся без взгляда в будущее… В моем возрасте заглядывать далеко в грядущие годы рискованно, но своими мечтами на ближайшее время охотно поделюсь.

Больше всего, конечно, мне хотелось бы иметь возможность поговорить с читателями о судьбах советской цивилизации, которая обязательно возродится и станет основой Новой России. Сегодня, пожалуй, и нет в публицистике темы более важной для судеб страны. Критиковать разные стороны современной нашей действительности, разумеется, нужно, но куда важнее нарисовать контуры желанного и в то же время объективно обусловленного будущего страны. А ведь в моих статьях поставлены лишь общие вопросы. Разработкой же конкретных путей развития в разных сферах народной жизни, по сути, никто не занимается. (Если не считать авторов, единственный довод которых сводится к фразе: «Я так хочу!») Россия и читатели-то могут и подождать, а мне, увы, такой возможности не дано.

Вот что я смог изложить в качестве воспоминаний о сотрудничестве с «ЛР». «Жаль, что лучше не могу…» С того времени поводов для недовольства у меня прибавилось. Возможно, я дополню ими со временем эту статью, а возможно, изложу их отдельно.